

**Психологические
механизмы
регуляции
социального
поведения**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЕДАГОГИКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

**Психологические
механизмы
регуляции
социального
поведения**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1979

Книга посвящена психологическому анализу механизмов социального поведения личности. Рассматриваются особенности нормативной регуляции поведения человека в организации, обусловленность поведения экологическими, этническими и генетическими факторами. Определяются стадии морального развития и формирования высших нравственных свойств личности. Описаны разнообразные виды ритуального и массового поведения, процессы целеполагания, саморегуляции, адаптации и коррекции отклонений.

Книга адресована психологам, социологам, философам, этнографам, а также широкому кругу читателей.

Ответственные редакторы:

М. И. БОБНЕВА, Е. В. ШОРОХОВА

Проблемы изучения психологических механизмов регуляции различных видов социального поведения¹

Многообразные задачи социального развития нашего общества на современном этапе ориентируют представителей общественных наук на решение ряда актуальных проблем, имеющих теоретическое и практическое значение. Для социальной психологии одной из таких проблем является изучение психологических закономерностей и механизмов регуляции социального поведения человека.

При изучении психологических аспектов регуляции социального поведения человек рассматривается в широком контексте социальных связей и отношений. В системе этих отношений советские психологи всегда придавали большое значение не только непосредственным контактам человека, его взаимоотношениям и взаимодействиям со своей непосредственной социальной средой — малой группой, контактными коллективом (что само по себе, разумеется, играет огромную роль в формировании социальных отношений личности и ее социального поведения), но и многообразию общественных отношений, всей общественной практике, которые оказывают решающее влияние на формирование и существование личности в обществе.

Поведение человека, включенного в системы социальных отношений, в различные общности и группы, когда он выступает представителем этих общностей и групп (т. е. как субъект социального поведения в строгом смысле слова) — многомерный процесс. Социальное поведение протекает в сложной социальной среде, определяется действием многочисленных факторов. При определении и изучении социально-психологической специфики и закономерностей социального поведения необходимо учитывать весь диапазон социальных проявлений личности, весь комплекс

¹ В подготовке текста статьи принимала участие И. П. Пушкина.

социальных влияний, оказывающих регулятивное воздействие.

Закономерности и психологические механизмы регуляции различных видов социального поведения человека могут быть выявлены лишь при учете и анализе многообразных социальных, политических, идеологических, производственных, экономических, культурных, экологических, этнографических и прочих общественных отношений, в которые включен человек как член данного общества и социальных групп. Все общественные отношения оказывают формирующее и регулятивное воздействие на его поведение. В совокупности это воздействие представлено в образе жизни, принятом в данном обществе и поддерживаемом с помощью различных средств социальной регуляции. Влияние образа жизни на поведение и психику человека — одна из важнейших проблем, поскольку образ жизни представляет интегральную форму, в которой фокусируются все виды социальных проявлений личности.

1. Образ жизни и регуляция социального поведения человека

Образ жизни — многогранное социально-историческое явление. Он представляет собой совокупность устоявшихся, типичных для определенных социально-экономических отношений форм жизнедеятельности народов, классов, различных социальных групп и индивидов в материальном и духовном производстве, в общественно-политической и бытовой сфере, во взаимных отношениях и личной жизни. Образ жизни отражает то, как живут люди, какими действиями и поступками заполнена их жизнь, каков склад их мышления, какие цели они преследуют.

Изучение образа жизни — комплексная научно-исследовательская и практическая проблема общественных наук²; она включает исследование его природы и сущности, закономерностей возникновения и развития, выявление позитивных и негативных тенденций, разработку принципов научного управления процессами его форми-

² См., например: *Толстых В. И.* Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы. М., 1975; *Парыгин Б. Д.* Советский образ жизни и социально-психологические проблемы формирования личности. Киев, 1975; и др.

рования. Можно выделить социальные, социально-психологические и личностные аспекты проблемы образа жизни.

Образ жизни как категория, отражающая жизнедеятельность как общности в целом, так и индивидов, имеет важнейшее методологическое значение для психологического анализа социальной детерминации поведения индивидов и социальных групп.

Влияние образа жизни на психику и поведение человека выражается в формировании особого типа личности при определенном образе жизни, принятом данным обществом или социальной группой, в специфике свойств, склонностей и потребностей человека, в социальных установках и системах ценностей, соответствующих данному образу жизни и вырабатываемых членами данного общества. Весь комплекс этих проблем должен быть тщательно изучен социальными психологами.

В образе жизни человека проявляется его отношение к труду, обществу и себе. Это отношение отражается в мировоззрении, ценностных ориентациях, жизненных позициях, личностных установках, потребностях и способностях человека.

В конечном итоге утверждение и совершенствование социалистического образа жизни — это формирование нового человека, активного строителя коммунизма³.

Основными чертами социалистического образа жизни являются: морально-политическое единство, сплоченность, интернационализм и патриотизм, демократизм общественных отношений, социальный оптимизм, свободный, основанный на единстве интересов общества и личности труд. Эти черты социалистического образа жизни призваны способствовать повышению трудовой, общественно-политической, культурной активности людей, формированию социалистического коллективизма, коммунистической убежденности, единства убеждений и действий, воплощению в поведении норм коммунистической морали, чувства общественного долга, ответственности перед обществом, коллективом, семьей, проявлению товарищеской взаимопомощи, всемерному развитию способностей и стремлению ставить их на службу общественному благу, формированию чувства человеческого достоинства, духовных потребностей человека.

³ Смирнов Г. Я. Советский человек. М., 1971.

социальных влияний, оказывающих регулятивное воздействие.

Закономерности и психологические механизмы регуляции различных видов социального поведения человека могут быть выявлены лишь при учете и анализе многообразных социальных, политических, идеологических, производственных, экономических, культурных, экологических, этнографических и прочих общественных отношений, в которые включен человек как член данного общества и социальных групп. Все общественные отношения оказывают формирующее и регулятивное воздействие на его поведение. В совокупности это воздействие представлено в образе жизни, принятом в данном обществе и поддерживаемом с помощью различных средств социальной регуляции. Влияние образа жизни на поведение и психику человека — одна из важнейших проблем, поскольку образ жизни представляет интегральную форму, в которой фокусируются все виды социальных проявлений личности.

1. Образ жизни и регуляция социального поведения человека

Образ жизни — многогранное социально-историческое явление. Он представляет собой совокупность устоявшихся, типичных для определенных социально-экономических отношений форм жизнедеятельности народов, классов, различных социальных групп и индивидов в материальном и духовном производстве, в общественно-политической и бытовой сфере, во взаимных отношениях и личной жизни. Образ жизни отражает то, как живут люди, какими действиями и поступками заполнена их жизнь, каков склад их мышления, какие цели они преследуют.

Изучение образа жизни — комплексная научно-исследовательская и практическая проблема общественных наук²; она включает исследование его природы и сущности, закономерностей возникновения и развития, выявление позитивных и негативных тенденций, разработку принципов научного управления процессами его форми-

² См., например: Толстых В. И. Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы. М., 1975; Парыгин Б. Д. Советский образ жизни и социально-психологические проблемы формирования личности. Киев, 1975; и др.

рования. Можно выделить социальные, социально-психологические и личностные аспекты проблемы образа жизни.

Образ жизни как категория, отражающая жизнедеятельность как общности в целом, так и индивидов, имеет важнейшее методологическое значение для психологического анализа социальной детерминации поведения индивидов и социальных групп.

Влияние образа жизни на психику и поведение человека выражается в формировании особого типа личности при определенном образе жизни, принятом данным обществом или социальной группой, в специфике свойств, склонностей и потребностей человека, в социальных установках и системах ценностей, соответствующих данному образу жизни и вырабатываемых членами данного общества. Весь комплекс этих проблем должен быть тщательно изучен социальными психологами.

В образе жизни человека проявляется его отношение к труду, обществу и себе. Это отношение отражается в мировоззрении, ценностных ориентациях, жизненных позициях, личностных установках, потребностях и способностях человека.

В конечном итоге утверждение и совершенствование социалистического образа жизни — это формирование нового человека, активного строителя коммунизма³.

Основными чертами социалистического образа жизни являются: морально-политическое единство, сплоченность, интернационализм и патриотизм, демократизм общественных отношений, социальный оптимизм, свободный, основанный на единстве интересов общества и личности труд. Эти черты социалистического образа жизни призваны способствовать повышению трудовой, общественно-политической, культурной активности людей, формированию социалистического коллективизма, коммунистической убежденности, единства убеждений и действий, воплощению в поведении норм коммунистической морали, чувства общественного долга, ответственности перед обществом, коллективом, семьей, проявлению товарищеской взаимопомощи, всемерному развитию способностей и стремлению ставить их на службу общественному благу, формированию чувства человеческого достоинства, духовных потребностей человека.

³ Смирнов Г. А. Советский человек. М., 1971.

Регулятивное воздействие образа жизни на поведение и психику человека, на формирование необходимого данному обществу типа личности связано с выработкой системы убеждений личности. Психологические закономерности формирования убеждений — высших личностных регуляторов поведения — чрезвычайно сложны и все еще недостаточно изучены психологией.

Выработка коллективистских убеждений и коллективистского образа жизни не может быть сведена к простому усвоению суммы знаний. Необходимо прежде всего привлечь молодежь, находящуюся на стадии социального формирования личности, к активному личному участию в коллективном производительном труде.

Социалистический образ жизни поддерживается всеми средствами экономического, политического, идеологического и психологического воздействия. Основная ячейка его формирования — трудовой коллектив, в котором проявляются социалистическая сознательность, творческая инициатива, взаимопомощь, социалистическое соревнование и сотрудничество, атмосфера взаимной требовательности и высокой ответственности, характерные для социализма. «Развитие индивида, — писал Маркс, — обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении»⁴.

Включение человека в коллектив, и прежде всего в трудовой, производственный коллектив, и эффективность работы последнего во многом зависят от качества управления, эффективности воздействий и методов регуляции поведения членов коллектива. Наименее разработан в психологическом плане и наиболее интересен в плане повышения эффективности руководства коллективом вопрос о косвенных, недирективных, опосредованных методах руководства и регуляции поведения⁵. Перед психологами

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 440.

⁵ В нашей стране на ряде промышленных предприятий в последние годы были разработаны и внедрены весьма эффективные и социально перспективные способы, приемы, методы недирективного, косвенного, опосредованного руководства производственными коллективами. Один из ярких примеров — важный социальный и социально-психологический естественный эксперимент в масштабах большого производственного объединения, осуществляемый коллективом производственного объединения «Курганприбор» (генеральный директор Е. В. Таранов).

стоит задача собрать, проанализировать, обобщить и популяризировать найденные практиками-руководителями и производственными психологами методы такого руководства как одного из важнейших способов социально-психологического регулирования социального организационного, трудового поведения людей. Необходимо выявить возможные психологические механизмы косвенного воздействия на поведение и установки человека, возможности создания таких условий деятельности и общения, которые и обуславливают желаемое поведение, специфику методов воздействия (личного примера, создания «ориентирующей ситуации», использования новых ритуалов и символических форм воздействий, косвенного стимулирования и т. д.).

Укрепляя коллективистские черты человека, социалистический образ жизни поддерживает и развивает сознание достоинства свободной личности, личные качества, интересы, вкусы и потребности людей, их творческую инициативу, способности, самостоятельность и самодеятельность черты, характеризующие индивидуальную неповторимость личности.

По мере развития социалистического общества и усиления его социальной однородности будет происходить все большая индивидуализация образа жизни. Человек социалистического общества, по словам К. Маркса, не индивидуалист, а «истинная индивидуальность». К. Маркс определял социалистический образ жизни как образ жизни богатой индивидуальности, которая одинаково всесторонняя и в своем производстве, и в своем потреблении⁶.

Диалектика социального и индивидуального в образе жизни раскрывается как процесс преобразования среды и ассимиляции наличных социальных условий, отражающихся во внутреннем мире человека. Образ жизни — это взаимосвязь личной и гражданской, общественной сфер человеческого общежития, «внешних» общественных предписаний и социально-психологической сферы сознания, нравственного выбора и ценностной ориентации.

Одна из важных психологических проблем развития социалистического образа жизни — формирование потребностей. При социализме проявляются особенности этого процесса: ускорение действия «закона возвышения пот-

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 28.

ребностей» (Ленин), приоритет коллективных потребностей над индивидуальными, формирование разумных и воспитание высших социальных потребностей, выражающих человеческую сущность⁷.

Типичной формой социального поведения людей в буржуазном обществе является, в частности, так называемое поведение потребителя — человека, вовлеченного в процесс приобретения и использования товаров в капиталистическом обществе. Этот вид социального поведения в последние годы изучается как экономической психологией, психологией потребителя, так и психологией воздействия, в частности психологией рекламы.

Изучение социально-психологических проблем, связанных с образом жизни и регуляцией социального поведения, имеет огромное идеологическое, теоретическое и практическое значение. Постановкой этих проблем авторы настоящего сборника стремились привлечь внимание советских психологов к разработке этого важного направления комплексных исследований.

2. Человек в системе социальных отношений и зависимостей

Социальное поведение — многообразно. Необходимо учитывать форму и характер различных видов социального поведения. Психологи уделяют внимание такому виду социального поведения, как ролевое. К особым видам социального поведения относятся организованное и масовидное поведение. Поведение человека как члена той или иной организации (организационное поведение) своеобразно по сравнению, скажем, с социальным поведением, обусловленным принадлежностью человека к той или иной этнической общности. Социально-экономические факторы оказывают влияние на социальное поведение человека, проживающего в том или ином регионе. Специфичны формы ритуального и так называемого конвенционального поведения, поведения демонстративного, связанного со сложными системами целей. Особыми чертами характеризуются такие виды поведения, как альтруистическое, кооперативное, творческое. Анализ социально-психологиче-

⁷ *Шорохова Е. В.* Ленинские идеи о потребностях людей. — *Вопр. психол.*, 1970, № 2.

ских закономерностей морального, нравственного поведения человека имеет огромное социальное значение.

При изучении психологических закономерностей различных видов социального поведения особое место занимает проблема выявления специфических психологических и социально-психологических механизмов регуляции.

Вопрос о психологических механизмах имеет самостоятельное методологическое значение. Было бы неверным подразумевать под «психологическими механизмами» некие гипотетические «механические устройства», те или иные модели, создаваемые на основе представлений механики и физики. Также представляются неоправданными поиск в каждом специальном случае физиологического коррелята психического процесса (его «механизма» на уровне физиологических процессов в коре головного мозга) или использование этого термина как произвольной метафоры.

Ориентируясь на выявление психологических механизмов регуляции социального поведения, мы стремились найти ответы на вопросы: *как, каким образом* осуществляется тот или иной процесс, как регулируется социальное поведение человека обществом и им самим, *какие* психологические процессы, функции, феномены лежат в основе того или иного социального проявления и отношения человека.

Один из важнейших видов социального поведения — поведение участника той или иной социальной и прежде всего социально-производственной организации⁸.

Формы и механизм включения человека в организацию, его организационного поведения — важное поле исследований социальной психологии. Одной из центральных в этой области является проблема реализации в поведении индивидов норм и правил, принятых в организации. Нормативная регуляция организационного поведения — важнейший аспект поведения людей как членов той или иной организации. Социальные психологи, разрабатывая многие проблемы социальной психологии организаций, все еще мало внимания уделяют этим вопросам. Обычно в поле зрения психологов попадают лишь вопросы о действии норм «неформальной» организации, норм малых

⁸ См., например: *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978.

групп, возникающих в рамках организации, т. е. норм, регулирующих непосредственные отношения и взаимодействия членов малых групп. Но для понимания сути организационного поведения необходимо изучение механизмов действия норм не столько малых групп, сколько самой социальной организации, ее официальной или институциональной нормативной системы.

Проблема нормативной регуляции поведения человека в организации имеет большое социально-философское и мировоззренческое значение и является важнейшей методологической проблемой для социальной психологии, обращающейся к изучению механизмов нормативной регуляции не только организационного, но и любого иного вида социального поведения.

При изучении институциональной нормативной регуляции поведения членов организации особое значение имеет содержательный качественный анализ самих норм и нормативных систем. Только на основе такого анализа можно говорить о социальном значении усвоения тех или иных норм человеком, оценить важность принятия или игнорирования им этих норм.

Одним из видов социального поведения, казалось бы, полностью противоположного организационному, является так называемое массовидное (или массовое) поведение. К этому виду относят, в частности, и уже упоминавшееся «поведение потребителя», особо характерное для современного капиталистического общества. Однако, несмотря на то, что в этом поведении проявляются некоторые черты «массовидного», можно утверждать, что поведение человека как потребителя товаров в капиталистическом обществе в настоящее время лишь на первый взгляд является «массовидным», «спонтанным», «неорганизованным», «неуправляемым» «недетерминированным», «стохастическим» и т. п. В действительности же поведение потребителя весьма эффективно программируется, регулируется с помощью специальных средств социального воздействия, которые, особенно в последнее время, явно становятся средствами идеологического воздействия.

С помощью средств социального и идеологического воздействия, в частности средств массовой коммуникации, рекламы, потребителям как массовой аудитории «преподносятся» нормативно-ценностные образцы, стандарты, идеи, определенным образом ориентирующие, направляю-

щие, регулирующие поведение, взгляды, установки, оценки, реализуемые людьми в этом якобы спонтанном и «массовидном» социальном поведении. Анализ подобных воздействий и механизмов регуляции — одна из важнейших задач социальной психологии.

В реальной общественной жизни человек оказывается неминуемо включенным не только в такие объединения, как организации, но и в различные общности, например в этническую общность.

Круг вопросов, которыми занимается в настоящее время этническая психология как научная дисциплина, чрезвычайно широк. Эти вопросы в современном мире имеют огромное идеологическое, политическое, социальное, практическое значение. Этническая психология оказывается вовлеченной в философско-идеологические дискуссии, охватывающие целый спектр проблем — от соотношения биологического и социального в поведении человека до борьбы с расовыми и национальными предрассудками и обоснования вопросов о национальном определении. Изучение механизмов социального поведения человека как представителя этнической общности или группы — важная задача социальной этнической психологии.

Следует выделить комплекс этнопсихологических проблем: *каким образом* сказывается на поведении человека его этническая принадлежность, *что* делает человека носителем этнических свойств и качеств, *как* его поведение регулируется этническими общностями и т. д. Для решения этих вопросов необходимы данные о специфике этнической общности как социального объединения людей, о социальных функциях этноса, формах и механизмах регулятивных и формирующих воздействий этнической общности на ее отдельных представителей. Особый интерес для социальной психологии имеют специфические формы воздействия на человека как представителя этнической общности, в частности способы морального и правового регулирования поведения членов этнической общности, ритуальных форм поведения в современном обществе, особенно способы управления ритуальным поведением и использования ритуалов в социалистическом обществе. Не случайно в нашей периодике постоянно рассматриваются новые формы советских ритуалов.

Ритуальное поведение — распространенный вид социального поведения, характерный не только для представи-

телей этнических общностей и групп. Хотя по традиции большинство исследователей рассматривают ритуальные формы поведения лишь в контексте культурной антропологии и этнической психологии, тем не менее ритуальные элементы можно выделить во многих видах так называемого конвенционального («условленного») социального поведения, а полноценные формы ритуала — во многих сферах жизни современного общества. Ритуалы и ритуальные формы поведения имеют особую социальную ценность, обусловленную необходимостью целенаправленного их использования для формирования социально важных форм поведения.

Изучение механизмов регуляции ритуального поведения и его особенностей позволяет по-новому осветить традиционный для психологии вопрос о соотношении поведения и цели, на которую направлена деятельность человека. Специфика различных видов социального поведения человека позволяет говорить о неоднозначности указанного соотношения и о наличии особых видов социального поведения, которые характеризуются «косвенным целеполаганием», системой сложно соподчиненных целей. Можно предположить, что механизмы косвенного целеполагания чрезвычайно важны для понимания многих форм и видов социального поведения человека, например демонстративного поведения, поведения, основанного на иносказании, и т. д.

В последнее время и в нашей стране⁹, и за рубежом в центре внимания многих специалистов в различных областях науки оказалась специфика альтруистического поведения. В острых дискуссиях, развернувшихся на страницах зарубежных изданий, многие исследователи выдвигают и пытаются обосновать положение о так называемой генетической обусловленности этого поведения, о его «природном» (в противовес социальному) происхождении и т. д. В этой связи особый интерес представляют работы американского психолога Д. Т. Кэмпбелла. В его статье, помещенной в данном сборнике, выдвигается и научно обосновывается положение о том, что альтруистическое

⁹ Принципиальную постановку и решение этих вопросов находим в работах П. Н. Федосеева, Н. П. Дубинина, Б. М. Кедрова и др. (см., например, в кн.: Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977).

поведение, рассмотренное в свете эволюционной теории, является подлинно социальным, формируется под воздействием ряда социальных факторов и имеет социальную функциональность.

В работе Кэмпбелла возникновение и проявление социальных диспозиций, мотивов и установок рассматриваются как процессы, обусловленные сложными социальными связями и отношениями, в которые включен индивид, и функциональным характером таких диспозиций для общности в целом. Автор стремится показать социальную обусловленность и социальное значение некоторых социально-психологических свойств человека, например честности, доверия, стремления к соучастию, сотрудничеству, взаимопомощи и взаимозащите, солидарности с другими членами группы.

Отмечая большое значение для психологии данных генетики и эволюционной теории, автор показывает, что формирование, отбор и проявление социальных диспозиций, мотивов и установок индивидов осуществляются на основе их социальной значимости и социальной функциональности.

Такой подход к закономерностям и специфике социального поведения позволяет научно обоснованно критиковать получившие широкое распространение за рубежом психологизированные и неофрейдистские теории фрустрации, смещения, агрессии, сторонники которых фактически сводят социальное поведение человека чуть ли не к биологическому, а такие социальные диспозиции, как враждебность, агрессивность, — к врожденным или сугубо индивидуальным особенностям и свойствам человека, усматривая причины социальных конфликтов и даже войн в проявлениях этих индивидуальных свойств или инстинктов.

Существенно, что, отмечая значение эволюционного подхода для понимания закономерностей поведения человека, Кэмпбелл подчеркивает, что нельзя отождествлять эволюционное развитие человека и биологическую эволюцию видов, так как социальное и социально-психологическое развитие человека обусловлено сложными социальными взаимозависимостями и социальными факторами.

Для социальной психологии представляют особый интерес историческое формирование различных видов пове-

дения, средств и способов его регуляции, а также историчность общественного осознания специфики этих процессов и личности.

Как показывают работы в области исторической психологии, личность человека и научные представления о ней формировались исторически, в ходе сложных социальных процессов. И общественное осознание специфичности личности человека, его поведения, его проявления как личности в сфере общественной жизни, и отображение этого знания в формах общественного сознания и в социальных институтах общества также складывались исторически.

Это осознание возникало параллельно с выработкой и использованием в обществе допустимых эффективных средств социальной регуляции поведения. Исторический и генетический подходы к личности и психологическим закономерностям социального поведения позволяют глубже понять их природу.

Специфика объектов и приемов анализа в исторической психологии заставляют исследователей обращать особое внимание на сферы культуры и искусства. Такое положение тем более оправданно, что некоторые виды искусства служили ареной развития как самой личности, так и ее социального поведения, а также и средств его социальной регуляции. С этой точки зрения исторически наиболее важной сферой искусства были античный театр и предшествовавшие ему ритуальные и массовые коллективные действия и празднества в общности. Внимание, которое уделяли и уделяют этим формам отечественные исследователи культуры и философии, их работы в этой области дают психологам большой материал для анализа процессов становления личности и, главное, процессов общественного осознания ее специфики, становления форм социального поведения и выработки общностями и группами средств социальной регуляции. На этом материале удастся проследить, как протекали сложные процессы интериоризации личностных феноменов, процессы отображения в общественном сознании специфики этих феноменов, выработки экстериоризированных средств представления, оценки и регулирования форм поведения членов общности. Детальная разработка этих вопросов необходима для выявления процессов превращения человека естественного в человека общественного.

Анализ сферы искусства как сферы, в которой шел интенсивный процесс формирования личности, социального поведения и средств его регуляции, тем более важен, что он позволяет перейти к постановке ряда существенных вопросов о механизмах нравственного развития и преобразования личности, ее гармонизации, превращения в целостную личность, обладающую высшими формами нравственной регуляции — представлениями о долге, о возвышенном и высоком, системами высших ценностей, совестью.

Психологические закономерности функционирования высших уровней личностной регуляции социального поведения — систем высших ценностей, чувства долга, совести — еще недостаточно полно раскрыты психологами. Ориентация исследователей на изучение этих собственно психологических закономерностей — большая задача социальной психологии.

3. Социально-психологическая адаптация и коррекция дезадаптивных форм поведения

Проблемы социально-психологической адаптации личности имеют огромное теоретическое и прикладное значение. Процессы адаптации и социализации являются важнейшими механизмами включения человека в общество, в социальные группы и коллектив, механизмами овладения человеком социальным опытом, опытом общения и культуры.

При изучении этих проблем важно выявить соотношение процессов адаптации и социализации, определить виды и уровни адаптации, разработать специальные подходы к изучению ее условий и предпосылок.

Одним из важнейших направлений исследований психологических механизмов регуляции социального поведения являются изучение закономерностей возникновения дезадаптивного и отклоняющегося поведения и разработка совместно с практическими работниками приемов коррекции, исправления и ликвидации нежелательных для общества и деструктивных для индивидов форм поведения.

Проблемы дезадаптации и отклоняющегося поведения человека сложны и многоплановы¹⁰. Они привлекают вни-

¹⁰ См., например: *Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений*. М., 1976.

мание многих ученых — представителей разнообразных областей знания.

В последнее время появились первые опыты комплексного макроуровневого анализа неадаптивных форм социального поведения. В некоторых исследованиях делается вывод, что на возникновение и распространение в том или ином экологическом районе определенных видов и форм неадаптированного социального поведения большое влияние оказывают социально-экологические факторы¹¹.

Вопросы социальной экологии приобретают особое значение в связи с процессами технического, экономического и социального развития районов, с перемещениями населения, ускорением темпов научно-технического прогресса и т. д. В ряде случаев эти макропроцессы могут вызвать стрессовые напряжения у людей, проживающих в том или ином районе. Возможны возникновения стрессовых ситуаций и при замедленном развитии социальных институтов воспитания подрастающего поколения. Действие стрессовых факторов сказывается на возникновении неадаптивных форм поведения. Необходима совместная работа социологов, экологов и психологов по изучению закономерностей влияния тех или иных социально-экологических характеристик на поведение индивидов и групп и особенно на возникновение дезадаптивных форм поведения.

Разработка проблем морального развития личности, закономерностей социальной регуляции морального поведения имеет особое практическое значение в связи с коррекцией и перестройкой отклоняющегося поведения. В этой области социальные психологи должны сотрудничать с клиническими психологами и психиатрами. Особый интерес представляет разработка средств и приемов коррекции неадаптивных форм поведения. Как показывают прикладные социально-психологические исследования и психотерапевтическая практика, невротические, астенические, дезадаптивные нарушения поведения могут эффективно корригироваться при помощи специально разработанных приемов воздействия, в частности групповой и ролевой психотерапии. Изучение психологических механизмов

¹¹ См., например: Сахаров Б. А. Опыт изучения влияния социальных условий на территориальные различия преступности. — Социол. исслед., 1977, № 1.

психотерапевтического воздействия (в частности, особенностей психодраматических, театрализованных и других специальных форм ролевой психотерапии) необходимо для создания приемов эффективной коррекции дезадаптивных форм поведения.

Отечественная психиатрия, в частности психиатрия «пограничных состояний»¹², и опыт коррекционной, воспитательной работы лечебно-педагогических и воспитательных учреждений, созданных в нашей стране в 20-х годах, дают большой материал для анализа явлений «моралепатии». К моралепатиям относят различные виды моральной дезадаптации личности, не имеющие грубой патологической формы и не требующие медицинского, психиатрического вмешательства, но приводящие подчас к нарушениям социальных норм и отклонениям в поведении, особенно у молодежи.

При моральных отклонениях в поведении и дефектах моральной сферы личности, т. е. при моралепатии, важно выявить различные ее формы, отграничить их как от собственно психопатологических нарушений, так и от противоправных отклонений и проступков, подлежащих юридическим санкциям, с тем чтобы разработать специальные воспитательные приемы и средства воздействия на человека, проявляющего моралепатические наклонности. Предупредительные меры и воздействия должны удерживать лиц с подобными отклонениями от поступков и действий, ведущих либо к возникновению прогрессирующих «пограничных форм» психопатологических отклонений, либо к явным формам осуждаемого обществом отклоняющегося или противоправного поведения.

Постановка вопроса о моралепатии и разработка приемов диагностирования и коррекции нарушений морального поведения непосредственно связаны с вопросом о стадиях и механизмах морального развития личности. Изучение их позволит практическим работникам и педагогам найти специальные приемы гуманного воздействия на личность в целях устранения дезадаптивных форм поведения.

Для подобной практической работы необходимы психологические знания о механизмах адаптации личности в коллективе, о возможных дезадаптациях, нарушениях процессов социализации и т. п. При изучении механизмов

¹² См., например: *Ганнушкин П. Б.* Избр. труды. М., 1964.

адаптивного и особенно дезадаптивного поведения большое значение имеют специальные приемы установления контакта с обследуемым человеком, формирования и развития его интереса к собственной личности, к анализу собственного поведения и его регуляции. Как показывает практика, люди нуждаются в профессиональной помощи психолога тогда, когда им трудно регулировать собственное поведение. Советские психологи разрабатывают специальные методические приемы активизации интереса человека к особенностям дезадаптации и нерегулируемости собственного поведения, его неэффективности. Изучение подобного поведения вскрывает собственно психологические механизмы неэффективности и нерегулируемости поведения человека им самим, а также специфику его представлений о структуре собственной личности и механизмах использования этих представлений в регуляции поведения.

Проблема ценностных ориентаций личности и психологических механизмов регуляции поведения с помощью ценностных ориентаций важна не только сама по себе как традиционная проблема социальной психологии. Данные в этой области позволяют уточнить важный принципиальный вопрос об устойчивости качеств и свойств личности. Изучение механизмов регуляции поведения и ценностных ориентаций личности в связи с вопросом об устойчивости и связности ее свойств в различных видах социального поведения и разнообразных социальных отношениях также имеет значение для разработки приемов диагностики и коррекции дезадаптивных форм поведения.

В целом следует отметить, что изучение проблем дезадаптации и коррекции неадаптивного поведения человека имеет огромное значение для успешного участия психологов в решении практических задач, для консультативной деятельности и организации психологической службы.

* * *

Отмеченный комплекс проблем, возникающих при изучении психологических механизмов регуляции социального поведения, и определил тот широкий социальный контекст и те сферы социальной жизни и поведения человека, к которым и обратились авторы статей в настоящем сборнике.

Разумеется, не весь спектр проблем в области регуляции различных видов социального поведения освещен в представленных работах. Однако авторы, как социальные психологи, так и представители смежных дисциплин — социологии, философии, экологии, этнографии, этнопсихологии, психиатрии, управления народным хозяйством, семиотики, педагогики, постарались затронуть наиболее социально значимые вопросы в данной области. Следует отметить, что авторы старались выявить психологические механизмы регуляции социального поведения. Очевидно, что в настоящее время всестороннее раскрытие затронутых проблем пока еще невозможно в силу сложности и новизны области исследования. Естественно, что большая часть статей носит проблемный, постаповочный характер. Их цель, как и всего коллективного труда, — привлечь внимание широкого круга специалистов к наиболее важным и доступным для научного решения вопросам. Авторы стремились заинтересовать широкого читателя, показать перспективы разработки специальных проблем, их общественное и культурное значение.

Психология как социальная и гуманитарная дисциплина призвана на современном этапе развития общества и науки играть интегрирующую роль: объединять усилия специалистов многих отраслей науки и практики для решения важных социальных и теоретических задач. Но эту свою интегрирующую функцию психология может выполнить, только освоив и творчески использовав достижения смежных дисциплин — от философии и социологии до теории управления и семантики. Во многих смежных областях науки собран огромный материал, который, будучи привлеченным и проанализированным психологами, может быть использован при решении ряда практических проблем и прежде всего — формирования человека как активного участника общественной жизни, реальной исторической силы и подлинно нравственной личности.

Психологическая ориентация в этнопсихологии. Механизмы субъективации

Этническая психология как обществоведческая и психологическая дисциплина изучает, что уже отмечалось нами ранее¹, не только систему определенных представлений, настроений, способов действий и установочных отношений, свойственных представителям той или иной этнической общности, но и функционально-процессуальную сторону этих явлений и прежде всего этническую детерминанту человеческого поведения.

В данной работе нас интересует не столько общественная функция этнопсихологии как научной дисциплины, сколько вопрос о том, что же делает человека носителем этнически определенных психологических свойств, каким образом психика человека впитывает в себя элементы общественных отношений в этнической общности и между этническими общностями, элементы культуры, с которыми связан и которые включает этнос и поддержанию которых он способствует, каким образом этнические особенности ориентируют и регулируют поведение членов общности?

1. Специфика этнической общности и социальная функция этнического

Выделение человеческих сообществ по этническому признаку специфично. Прежде всего этнос (или этническая общность) обладает рядом специфических особенностей, которые делают его в известном смысле не сводимым к социальным общностям иного вида, например к классовым, профессиональным и другим объединениям.

¹ *Королев С. И.* Элементы духовной культуры в этнической психологии. — В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975, с. 207.

К. Маркс и Ф. Энгельс не раз подчеркивали, что человеческое общество строится внутри как государство и выступает вовне как национальность². Именно в виде национальности проявляется историческая индивидуальность общности. Нет необходимости исключать из набора показателей этноса обязательность для него общности территории, общности экономической жизни, а также результаты этого совместного бытия, обеспечивающие сохранение единства, общего языка и культуры.

Таким образом, речь идет о такого рода человеческих сообществах, которые внутренне являются обязательно негомогенными социально, а вовне выступают как единство — располагают территориальной, экономической, культурно-исторической общностью и общностью языка. Такого рода сообщества могут быть познаны только в их сравнении между собой в качестве эквивалентных, но культурно-исторически различаемых образований.

Относительно генезиса общественной организации различного уровня, включая уровень нации, Ф. Энгельс, в частности, высказал мысль о том, что род, племя и их учреждения «были той, данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях, поступках»³. Постоянно исследуя природу власти, в том числе над «чувствами, мыслями, поступками», Ф. Энгельс пришел к выводу о том, что ассоциации, «естественно сложившиеся или же искусственно созданные, служили, в сущности, экономическим целям, но эти цели были завуалированы идеологическими аксессуарами... полис, феодал, союз — все имели побочные идеологические цели, святость которых они чтили и которые у союза, цеха и т. п. возникали из воспоминаний, традиций и символов родового общества...»⁴. В данном случае Ф. Энгельс учитывал такие «иллюзии», как представления о кровном родстве (которого нет практически ни в одной современной этнической общности), единстве происхождения (хотя оно остается проблематичным). В конечном счете для экономических целей все эти представления, как и многие другие, служили лишь как «идеологические аксессуары». «Роды,

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 35.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 99.

⁴ Там же, с. 405.

фратрии и племена, члены которых были рассеяны теперь по всей Аттике, — писал Ф. Энгельс, — и окончательно перемешались между собой, стали поэтому совсем непригодными для роли политических объединений»⁵. Именно поэтому государство «впервые разделяло народ для общественных целей не по родственным группам, а по *проживанию на одной территории*»⁶.

Возникновение и развитие этнической общности, т. е. сообщества, отличного от других сообществ своим особым набором культурно-исторических и идеологических аксессуаров, своей «иллюзорной всеобщностью», «единственностью», «несравнимостью»⁷, непосредственно связано с необходимостью вести общую борьбу против какого-нибудь другого общества. Взаимная борьба экономически замкнутых человеческих общностей в ходе истории была и причиной их этнического обособления. Другой стороной вопроса становятся историческая судьба, внутренние процессы у обособившихся народов, т. е. относительно самостоятельная роль факта исторического обособления и его последствий. Данный вопрос приобрел особое значение в связи с тем, что «на смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга»⁸. Политическое значение, которое придается национальному фактору в настоящее время, — явление историческое, т. е. преходящее. Иллюзии национальной «единственности, несравнимости и независимости» преодолеваются и будут преодолены. Классики марксизма писали, что подобное отчуждение может быть уничтожено огромным ростом производительных сил. Они имели в виду такое их развитие, «вместе с которым уже дано эмпирическое осуществление *всемирно-исторического*, а не узко местного, бытия людей»⁹. Далее в той же работе они отмечали, что «лишь с этим универсальным развитием производительных сил устанавливается универсальное общение лю-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 117.

⁶ Там же, с. 114.

⁷ Все эти выражения используются К. Марксом и Ф. Энгельсом в работе «Немецкая идеология» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 441—443).

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 428.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 33.

дей...»¹⁰. Вместе с тем «национально замкнутые» общества продолжают оставаться исторической реальностью, и их исследование представляется актуальным.

В данной работе затронуты лишь некоторые вопросы, связанные с относительно самостоятельным явлением — этнически обусловленными психологическими формами отражения. Этническая психология как дисциплина изучает набор и конфигурации свойств этноса, которые фактически являются «производной» общности как социально-исторической структуры.

Этническая общность — одна из форм существования человеческого общества в рамках своей специфической структуры — закрепляет исторически накопленные формы общежития, формы и нормы нравственной, обиходной и общественной жизни, исторически накопленные и оптимальные для данной общности в ее экологическом окружении нормы поведения ее членов, мотивы действий людей, биологически и социально обусловленные для данной общности нормы брачных институтов, форм общения и т. д. Возникая на базе отражения внешней действительности, психология этноса в своем развитии отражает и самое себя как наличную реальность. Экономически, территориально, коммуникативно обусловленное единство становится психологическим единством.

В силу своей природы как всеобщности элементы этнопсихологии в целом для общности выступают как элементы общественного сознания, но на индивидуальном уровне могут реализоваться и в осознанных, и в неосознанных свойствах и детерминантах поведения человека. Поэтому наряду с установлением и изучением динамики влияния комплекса социально-экономических факторов на формирование психологии этнического коллектива и закономерностей трансформации материальной жизни общности в ее общественное сознание важной для этнопсихологии является проблема мотивов поступков людей, формы их поведения, специфики психических свойств и способов отражения, характерных для отдельного этноса. Данную проблему можно обозначить как проблему механизмов субъективации в этнопсихологии.

Для психологии этноса, взятого в форме «всеобщности», важнейшим свойством и единственным этноразличитель-

¹⁰ Там же.

ным признаком является представление членов каждого данного «этноса» — этнической общности — о ее особенностях, оцениваемой как исключительность, — представление, основанное на необходимости сохранения этнической обособленности и внутреннего единства. Расовые, биологические, религиозные, психические, этнические, правовые и бытовые различия конкретизируют этот признак, служат для его поддержания или отрицания.

Физические различия между представителями различных народностей возникли на раннем этапе существования человечества, и в дальнейшем их влияние на социальное развитие народностей было ограниченным, поэтому объяснять явления социальной психологии, в том числе и этнической, биологическими факторами неправомерно.

Здесь нет надобности специально останавливаться на разборе и критике психосоматических и подобных концепций буржуазных исследователей в этнопсихологии. Выделить чисто биологические компоненты в социальной (в данном случае этнической) психологии крайне трудно. Не следует торопиться и с недостаточно аргументированной критикой в адрес тех зарубежных авторов, которые стремятся уяснить конкретные вопросы взаимосвязи биологической природы общественного человека и общественных факторов. Например, разработка психосоматической и психологической типологии и изучение распределения типов в каждой популяции представляются весьма интересными, в том числе и с этнопсихологической точки зрения. Но этот аспект анализа биологических и психологических особенностей членов этнических общностей следует четко отделить от вопроса о соотношении расовых и этнических признаков.

В зарубежной этнопсихологической литературе существует путаница в вопросе разделения расовых и этнических признаков. В этой связи мы вынуждены еще раз подчеркнуть, что расовые и этнические рубежи не совпадают и что внутри одной этнической общности, особенно на стыках ареалов обитания отдельных рас, прослеживается несколько расовых компонентов. Несмотря на то что расовые и этнические границы практически нигде не совпадают, внешний облик представителей той или иной этнической общности может быть показателем в оценке этнической принадлежности. Дело в том, что у каждого народа складывается некоторый психологический образ,

отражающий физический стереотип с различными допущениями. Так, некоторая монголоидность допустима среди, скажем, бенгальцев, а негроидность — среди арабов. Различия, важные в антропологии, например брахицефалия и иные соматические показатели, могут варьировать еще более широко, не вызывая этнически отрицательных эмоций. Эти внешние антропологические показатели при относительной эндогамности этнической общности сглаживаются, создается некоторый общий для этнической общности генетический фонд, который психологически воспринимается как кровнородственность всего этноса. Однако это не более чем общественная иллюзия, поддерживающая основной этнический признак — представление о собственной исключительности.

Советские ученые с 20—30-х годов выступают против биологизаторского подхода к этим проблемам. Можно назвать, например, статьи Я. Я. Рогинского, М. Г. Левина, В. В. Бунака, С. П. Толстова¹¹.

Психология этноса, с одной стороны, включает в себя весь исторический опыт данной общности, а с другой — использует этот запас для защиты структуры данного общества. Эта защита в классово антагонистическом обществе осуществляется в некоторой степени и путем ориентации человеческих чувств и настроений в направлении, необходимом данному строю, за счет воспитания у членов общества преклонения перед авторитетами данной общности (агиография) и принятыми ценностями (которым придается абсолютная и извечная значимость), пассивности в отношении изменения условий существования, удовлетворенности существующим порядком вещей¹², поддержания определенной традиции, воспитания, направленного на выработку того психического типа че-

¹¹ Наука о расах и расизм/ Под ред. С. П. Толстова. М., 1938.

На сходных позициях стоят и некоторые иностранные ученые (см., например: *Dyker H., Frijda N. National Character and National Stereotypes. Amsterdam, 1961*).

Однако все еще существуют и противоположные взгляды, хотя и не расистские, но часто могущие быть так использованы.

¹² Описывая эти факты, древнекитайский историк Сыма Цянь отмечал, что в результате «ориентации чувств» простой народ боится всего, из чего возникает необыкновенное (Цянь Сыма. Избранное. М., 1956, с. 311).

любова, который соответствует нуждам и представлениям данного общества.

Носителями этнического начала являются все члены этнической общности. Вместе с тем функционально каждый класс общества отражает этнические представления по-своему. Еще А. Потебня, например, считал, что низшие, менее образованные классы общества сохраняют «народность» только в массе, что отдельные представители этой массы, попадая в иную этническую среду, вскоре «денационализируются». В то же время образованные слои общества в меньшей степени способны потерять свое этническое лицо в диаспоре¹³. Исторические факты и подтверждают и не подтверждают эту точку зрения, так как в инородной этнической среде (в диаспоре), как правило, выживают, не теряя этнического лица или его внешних ритуальных проявлений, только группы с относительно высоким образованием. Человек, получив образование, неминуемо осознает факт своей национальной принадлежности¹⁴. Особенно это характерно для малых общин. Большие по численности инонациональные группы выживают как национальные меньшинства, очевидно, в силу иных причин. Безусловно, сохранение общин или их исчезновение зависит также от тех относительных удобств или неудобств, которые такое общинное существование предоставляет своим членам. Естественно, что речь здесь идет о процессах, характерных для буржуазных общественных отношений.

Общественная жизнь, в том числе жизнь этноса, предполагает наличие ряда условий совместного существования, в том числе способности общества придерживаться некоторого единства взглядов на один и тот же предмет, критериев оценки, способов суждения и важности такого общественного мнения для решения базовых, общественно-политических или экономических проблем¹⁵.

Трансформация элементов общественных отношений, определяемых социально-экономической формацией, в общественную психологию осуществляется, в частности, за счет формирования общественного мнения, которое ис-

¹³ Потебня А. Мысль и язык. 3-е изд. Харьков, 1913, с. 207.

¹⁴ Этот факт отмечен, хотя и не проанализирован, в работе А. Р. Лурия (Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974).

¹⁵ Гегель. Соч. М., 1935, т. 8, с. 102.

пользуется и при отрицании отживших ценностей предыдущих эпох, и при формировании новых. Происходит процесс накопления ценностей и превращение их в позитивный опыт данного общества, придающий этому обществу особую, отличную от других обществ конфигурацию нормативно-ритуальных этнопсихологических эталонов, используемых во всех сферах жизни этнической общности.

В классовом обществе при антагонистических отношениях между классами решающее значение в формировании общенациональных свойств и нормативов принадлежит правящему классу или классам. К. Маркс писал по этому поводу: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями»¹⁶. Это не означает, что общественная практика угнетаемых классов должна совпадать с институтами и устремлениями правящих классов. Однако до известных пределов и эти угнетенные классы зачастую усваивают и вынуждены придерживаться тех эталонов, которые продиктованы обстоятельствами и без которых невозможно существование всей общественной структуры.

На эту сторону общественной жизни постоянно обращал внимание В. И. Ленин. В частности, он писал: «Потребность в „человеческой“, культурной жизни, в объединении, в защите своего достоинства, своих прав человека и гражданина охватывает все и вся... встряхивает людей, еще далеко-далеко не способных подняться до партийности»¹⁷. Господствующий класс в состоянии выступать с самого начала «не как класс, а как представитель всего общества», он придает своим мыслям «форму всеобщности», изображает свои взгляды как «единственно разумные, общезначимые»¹⁸. Разрыв мнений различных классов по важнейшим, кардинальным вопросам жизни общества составляет субъективную сторону развития ситуации и способствует нарушению устойчивости в социальном балансе: «... различные ступени и интересы никогда не преодолеваются целиком, а лишь подчиняются побеждающим интересам»¹⁹. Нарушение опреде-

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 45.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 136.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 47.

¹⁹ Там же, с. 72—73.

ленного психологического единства свойственно этническим образованиям и составляет часть двуединого процесса, иной стороной которого является подавление внутренних разрушительных тенденций, что необходимо для сохранения данной общности. Осознанное таким образом единство нашло внутренние ресурсы для своего закрепления в историческом прошлом, общности традиций и ритуалов, в известной инерции сопротивления изменению этого своего состояния²⁰.

Мистика, которой были окружены, а подчас и сейчас окружаются «национальный дух» и «национальный интерес», не представляется таковой, если сопоставить наши знания о природе этого явления с его конкретно-исторической ролью²¹. История свидетельствует об изменении роли этнического фактора от эпохи к эпохе. Внутреннее содержание этнического фактора постоянно оставалось противоречивым: с одной стороны, — тенденция к изоляции этнически обособленного, с другой — относительная невозможность развиваться без нарушения этой изоляции, без ассимилятивных и дезинтеграционных процессов. Эта внутренняя противоречивость этноса, его раздвоенность есть и условие его устойчивости.

Этническое сознание, как и другие формы общественного сознания, не может быть абстрактным, оно существует, имея опору во внешних символах, материальных и духовных, выражаясь в разных знаковых системах.

Известное значение для формирования психических образований этноса имеют природные факторы. В первую очередь это относится к факторам, связанным с его хозяйственно-культурными особенностями. Принадлежность народа к определенному хозяйственно-культурному

²⁰ К. Маркс следующим образом оценил это явление: «Прежде всего народ с только что пробуждающимся политическим сознанием меньше интересуется фактической достоверностью того или другого события, чем его моральной сущностью, посредством которой оно оказывает свое действие. Факт ли это или вымысел, — событие остается воплощением мыслей, опасений, надежд народа, остается правдивым сказанием» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 166).

²¹ Как указывают классики марксизма-ленинизма, «все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 3).

типу²² непосредственно влияет на его численность и демографический состав. Каждый из таких типов имеет свой «демографический потолок»²³. Психические особенности этноса в тот или иной исторический период в известных природных условиях также обеспечивают «естественное» регулирование баланса жизнеустойчивости и развития этноса²⁴.

Изучение субъективации этнически особенного, т. е. того, каким образом индивид приобретает устойчивую этническую ориентацию, предполагает анализ: 1) специфики путей формирования биологических и демографических показателей общности и отображения этих показателей в психических особенностях; 2) эмоциональной общности смысловых систем в рамках коммуникативного единства (круга культурно обусловленных индивидуальных значений и смыслов); 3) нормативных (деонтических) представлений; 4) ценностных (аксиологических) ориентаций, способов и особенностей их реализации.

Данные для анализа этих механизмов и путей субъективации в той или иной пропорции включены в большинство работ по теоретической этнографии, этнолингвистике, в так называемые исследования культуры и личности, объединяемые в социальную и культурную антропологию. Особо важны данные о способах и путях этнического обусловливания свойств и поведения людей, которые в значительной мере определяют их социализацию в целом.

2. Этническая модальность психических свойств и смысловых систем

Термин «модальность» в этнопсихологии заимствован из языкознания. Филологи еще до возникновения антропологических школ в психологии отмечали своеобразие «чувства языка» у разных народов как в области семантики, так и в области синтаксической логики. Однако тер-

²² А. Тойнби называл хозяйственно-культурные типы «видами», или «типами», цивилизации.

²³ Подробнее см.: Брук С. И., Чебоксаров Н. Н., Чеснов Я. В. Проблемы этнического развития стран зарубежной Азии. — *Вопр. истор.*, 1969, № 1.

²⁴ Этот вопрос подробно рассмотрен в кн.: Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. М., 1974.

мин «модальный» отнесен филологами в первую очередь к глаголам и глагольным формам. Именно здесь был отмечен особый для многих языков логический способ передачи оттенков действий и состояний.

В этнопсихологии модальность понимается и в лингвистическом смысле, и как своеобразие в логике поведения и поступков.

Смены «этнически модального» в психическом во многом напоминают исторический процесс постоянного изменения психического отражения действительности. Отдельные человеческие коллективы историческим развитием по-разному подготовлены к восприятию событий и фактов и соответственно пользуются разными критериями, методами их отражения, особенно когда речь идет о качественной и логической системах такого отражения.

Можно, например, говорить о материальной основе и историчности этических и эстетических критериев, моральных воззрений как продуктах работы сознания в определенных условиях. У французов есть выражение: «Он атеист, но, само собой разумеется, католик». Эта шутка имеет некоторое этнопсихологическое содержание. Любые новые формы общественного сознания возникают и на базе прошлых представлений²⁵. Особенно это проявляется в мировоззренческих космологических понятиях, представлениях о жизни и смерти, о месте человека во вселенной и даже в индивидуальном восприятии человеком наиболее интимных сторон его личного существования. Каждый отдельный человек не в состоянии разработать личностные концепции этого плана и получает их готовыми в виде эталонов и установок через материальную и духовную культуру. Он их не только воспринимает, но и присваивает, и не только осознанно, но и бессознательно. Примеры этих мировоззренческих смысловых систем издавна отмечены в этнофилософии и этнопсихологии. Так, еще Гегель в «Философии истории»²⁶ писал, что, например, индийцы, «подавленные тяжестью земного существования, создали для себя радостный потусторонний мир, мир мысли, а не действий». Он отмечал также рациональное восприятие реальной жизни китайцами, которые и к миру предков относятся рационально и спокойно. Если

²⁵ См., например: *Потебня А.* Мысль и язык, с. 207.

²⁶ *Гегель.* Соч., т. 8, с. 59.

сравнить эти подходы, то становится очевидным, что индийцы положительно относятся лишь к потустороннему миру, в то время как китайцы считают жизнь и смерть одинаково естественными явлениями, которые следует воспринимать с равным спокойствием. Уже по этому признаку можно выделить несколько типов отношений и восприятия мира.

Развитие у разных народов особых этнорелигиозных и космологических представлений свидетельствует о том, что подобные «ориентирующие образования», эталоны существуют, хотя различать и выделять их мы пока не умеем и не можем оценить психологического эффекта этих представлений, а главное, не можем относиться к ним, не оценивая по своей собственной шкале. Этот уровень отражения действительности можно условно обозначить как философский и мировоззренческий уровень субъективации.

Особенности восприятия, например, пространства и времени в различные эпохи и у разных народов связаны с развитием и направленностью чувственного отражения окружающего мира. Особенно важна степень точности, обеспечивающая жизненный цикл. В работах антропологов и этнографов, а также в специальных исследованиях по истории измерений, истории живописи, истории науки мы находим множество фактов, указывающих на психологические особенности (локальные и исторические) восприятия. То же демонстрируют в настоящее время многочисленные сравнительно-культурные исследования.

Эволюция человеческой психики могла иметь различную направленность и отразиться на некоторых психологических особенностях осмысления отраженной реальности на каждом данном этапе.

Различные традиционные системы ценностей, а также существующие на их основе системы аргументации могут опираться на весьма различные наборы риторических средств убеждения. Этническая модальность логических построений состоит в том, что силлогический или индуктивный способ построения мысли не обязательно является достоянием всех членов любой общности. Методы подбора и сопоставление фактов не обязательно требуют знания логики в том смысле, как это, например, необходимо для поисков научной истины. Логическое мышление изолированно развивающихся сообществ людей подвер-

жено некоторым расхождением, что следует иметь в виду при сопоставлении этнических или коммуникативных обществ.

Формальные показатели, различающие этнические общности, включают системы лексических уровней. Так, обобщение, выраженное в слове, различается как по количеству лексических единиц, заключенных в слово-понятии, так и по степени абстракции слова-понятия и по степени и числу абстракций лексических единиц, включаемых в это слово-понятие. Существует также некоторая внутренняя структура логического мышления, при которой связь между непосредственно сказанным и непосредственно сделанным может быть в различной степени опосредствованной. Разбор этнической специфики знаковых систем в языкознании и доказательство всеобщности логических законов мышления приводят лишь к различению форм реализации этого всеобщего²⁷.

Обычно при анализе эмоционально-смысловых систем основной упор делается на понятийный аспект этих систем. Образное, внепонятийное мышление, этнически более специфическое, нередко остается в стороне. Вместе с тем известно, что понятийное и образное мышление являются обязательными компонентами мыслительного уровня психического отражения. Для понимания этнической специфичности мышления мы должны более внимательно отнестись к атрибутивным формам и образной стороне мышления, так как именно на этом уровне этнический аспект проявляет себя более полно и более психологически. Образность может быть выражена в речи, визуально (живопись, танцы, ваение, архитектура), может воздействовать на слух (музыка), комплексно, как это имеет место в ритуалах. Все народы располагают этим арсеналом средств общения, поэтому этнопсихологическая их значимость огромна.

Существуют этнические особенности как понятийного, так и внепонятийного мышления. Образное мышление значительно превосходит понятийное в его эмоциональной значимости, и можно сказать, что внепонятийные формы мышления более этнически обусловлены.

²⁷ См., например: *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930, с. 104; *Бунак В. В.* Начальные этапы развития мышления и речи по данным антропологии. — Сов. этногр., 1951, № 3.

Все народы располагают особым набором внепонятийных и даже внеличностных средств регуляции общения (мораль, табу и т. п.), поэтому этнопсихологическая их значимость проявляется прежде всего в определенных, этнически обусловленных условностях, подобно неконвертируемой валюте с принудительным курсом в пределах данной этнической общности. Каждый народ вырабатывает свое неповторимое мироотношение и в соответствии с ним свое стилистическое выражение в метафорах, сравнениях, прилагательных и т. д. На эту сторону развития внепонятийных средств общения обратил внимание Л. Ф. Жегин²⁸. Анализируя проблемы передачи пространства на двумерной плоскости, он, на наш взгляд, убедительно доказал, что нашим понятиям, нашему пониманию мира и степени его познания соответствует система символов и иллюзий, которым придается значение не только вероятности, но и психологической достоверности.

Известный русский биолог С. С. Чахотин²⁹ показал автору подбор разного рода картин и фотографий. Так, с помощью образов он искусственно вызывал тот или иной психологический «настрой». Такие «настрои», которые мы в повседневности не замечаем, включая «настрой» этнического плана, воздействуют на нас ежедневно и помимо нашей воли, нашего сознания.

Самое непосредственное отношение к этнической психологии имеет деонтическая логика. Описание этнических свойств и явлений заставляет искать пути формализации в самых, казалось бы, отдаленных сферах исследования.

Больше всего уделяется внимания модальности (т. е. в данном случае нелогичности) некоторых нормативных представлений, исторически сложившихся в пределах относительно замкнутых общностей. Как утверждают математики, модальные состояния в значительной степени могут быть обработаны статистически, поскольку взаимодействия отдельных сил, если их много, создают суммарный вектор, который принимается за статистическую норму. Могут быть, вероятно, созданы формализованные сравнительные таблицы норм. Нормативно-ритуальная

²⁸ Жегин Л. Ф. Язык живописного произведения (условность древнего искусства). М., 1970.

²⁹ С. С. Чахотин сам уделял большое внимание роли образа и является автором интересного исследования о влиянии символов на общественное сознание и поведение людей.

практика, таким образом, может быть принята за статистически стабильную величину как некоторые «обязательности», отличающие данную этническую общность от другой.

Нормативные установки, которые отличают одну этническую общность от другой (поскольку эти понятия в подобном контексте могут быть выражены лишь семантически, в представлениях об «истине» и «лжи», в понятиях дескриптивных), следует рассматривать не как истинные или ложные в логическом и когнитивном смысле, но — качественные и оценочные.

Таким образом, поиск этнически особенного в психологии идет по линии определения границ модальности в «философском», языковом, логическом, логико-нормативном и образно-оценочном восприятии и отражении реальной действительности и реального этнически ограниченного бытия.

3. Этнопсихология и процессы морально-правового регулирования поведения

Исследуя механизм формирования различных сфер общественного сознания, его специфических особенностей, которые создают этнические различия на уровне сознания и психики, а также процесс обратного влияния выявляемых особенностей на реальные отношения людей, мы невольно вынуждены уделить внимание роли социальных, моральных норм и правового сознания в этом процессе.

Данный раздел по существу посвящен правовым и моральным аспектам этнической модальности. Этические учения и право, если отвлечься от их всеобщего принципа во всех обществах, т. е. от их функционального значения, обладают рядом специфических черт, характерных как для эпохи, так и для отдельных этнических общностей. Обязательность и универсальность норм неизбежно связаны между собой. Исторически изменяется только их относительное содержание. Характеризуя английское общее право, специалисты почти всегда указывают на то, что оно является «общим» по отношению к «местному» праву. Под местным правом в этом случае понимают местные обычаи, включающие местные этические представления. Моральные нормы, бытующие в той или иной этнической общности и воспринимаемые большинством

членов этой общности как извечные и единственно способные обеспечить справедливость, весьма специфичны, а потому отличают одну общность от другой.

Деонтические представления отдельных этносов в ходе исторического развития все более интегрируются, становятся универсальными не только по функции, но и по их выражению. Соблюдение элементарных правил общежития, являющихся частью культурно-бытовой традиции, требует наименьшего принуждения. Все запретительные уложения в нормах общественной жизни, все табу по необходимости выражены более эмоционально. Эмоциональность в этнопсихологии всегда образна, а потому особенно специфична. Например, отношение к женщине, отношение к собственности, отношение к труду всегда остаются этнически и эмоционально ориентированными.

Специфические нормы морали создают определенную психологическую установку, которая в процессе воспитания усваивается индивидом и становится частью психического настроя членов общности, определяющего восприятие мира. В этом смысле можно признать значимой идею А. Швейцера о том, что «история этической мысли — наиболее глубокий слой всемирной истории. Среди сил, формирующих действительность, нравственность является первой»³⁰.

Этническая принадлежность индивида в известном смысле случайна, в этом же смысле случайны его обязанности по отношению к тем нормам, которые приняты в данной этнической общности, так как ни одна норма, воздействующая на поведение человека, не существует в силу законов логики, о чем уже говорилось ранее³¹. Кроме того, в нормативной и аксиологической практике отдельных этносов не возникает вопроса о первичной ясности заданных требований. Задается лишь особое правило выведения (получения) одних требований из других. Таким образом, как правила, так и требования в отношении оперирования ими достаточно специфичны, а их истинность проявляется только в фактическом воздействии на индивида.

³⁰ Швейцер А. Культура и этика М., 1973, с. 115.

³¹ По этой проблеме см.: Ивин А. А. Логика норм. М., 1973, с. 65; Вальневич Б. Г. Понятие факта как модального оператора. — В кн.: Философия и логика. М., 1974, с. 156; и др.

Обезличенная власть традиций реализуется с помощью ряда институтов и специальных средств социальной регуляции. К ним относятся общепринятые нормы, обычаи, ритуалы, особые ценностные представления о мире и статусе человека в обществе. Эти институты и средства, обеспечивающие власть традиций, базируются на общественных мнениях и отчасти на сложившихся предрассудках (которые возможны в силу инерции и стереотипности мышления), на материальных символах и ритуалах, обеспечивающих все стороны жизни этнической общности. Мы видим взаимопроникновение, например, обычаев и нормативов, которым в свою очередь придается известная ценность, и т. д.

Ритуальная сторона жизни общества заслуживает особого внимания, ее не следует оценивать лишь как пережиток. Ритуал — это неотъемлемое и важное средство организации общественной жизни. Ритуалы — прежде всего это видимое действие лица или лиц, призывающих всех, кто присутствует, обратить внимание на какое-то явление или факт и не только обратить внимание, но и выразить определенное эмоциональное отношение, содействовать общественному настрою. При этом обязательны некоторые принципы: во-первых, общепонятная условность действия; во-вторых, общественная значимость явления или факта, на котором концентрируется ритуал; в-третьих, — его особая цель. Ритуал призван создать единый психологический настрой в группе людей, вызвать их к активному сопереживанию или признанию важности факта или явления. В чем и как выражается это психологическое сопереживание, зависит от конкретной цели.

Некоторые повседневные привычные действия индивида также приобретают значимость ритуала. Во многих восточных обществах отношения между полами регулируются ритуальными действиями. Речь здесь не обязательно идет о тантризме (т. е. веками выработанных средствах взаимного воздействия), а о том, что операциональное поле ритуала очень широко. Возможности ритуальных действий распространяются и на индивида, и на скопление индивидов. Вместе с тем ритуал условен и его условность эффективна более всего в рамках единой этнической, культурной или религиозной общности.

Общественный ритуал обязательно должен казаться установленным «от века». При создании новых ритуалов

каждая эпоха включает в него условности предыдущих эпох. Это объясняется чаще всего тем, что ритуал, воздействуя на подсознание, на эмоциональное состояние людей, должен включать в себя элементы, которые люди не встречают в повседневной жизни, которые необычны. Таких необычных условностей в истории каждого народа много, и их следует учитывать, исследуя психический склад той или иной общности³².

Анализ роли ритуала показывает, что ритуальная практика в меньшей мере связана с внешней стороной поведения, чем с внутренним смыслом действий. Индийский государственный деятель — Н. Рустомджи, к примеру, описал такой эпизод: «Во время одного из праздников, на который были приглашены вожди различных племен и их родственники, умерла молодая девушка племени иду. Из опасения, что этот трагический случай может послужить причиной волнений, было решено соблюсти все обряды иду, связанные с похоронами. Два дня были абсолютно потерянными. Старейшины родов иду постоянно консультировали чиновников, как лучше освободить дух умершей от воздействия злых сил, какие жертвы следует принести и как затем устроить поминки, танцы и т. п.»³³. В советах старейших иду были значительные расхождения, никто ранее не задумывался о логике ритуала, хотя ясна была его направленность. Нужно было лишь искреннее желание добиться цели. Эту иррациональность ритуальных действий и «рациональность» идеи (защита умершей от воздействия злых духов) были «наиболее четко выражены и хорошо подмечены участниками события»³⁴.

Подобные же примеры можно найти, в частности, в работе английского исследователя Р. Бокока «Ритуалы в промышленном обществе»³⁵, которая построена на исследовании современного английского общества как общества, основанного на традициях «английской ереси» и

³² Литература о конкретной ритуальной практике, особенно в связи с исследованием культов, верований и религий, насчитывает многие сотни названий. В то же время работы, посвященные исследованию значения ритуалов в общественных отношениях, общественном восприятии и отражении и анализу интегрирующих функций ритуала в понимании различных жизненных явлений, редки.

³³ *Rustomji N. Enchanted Frontiers. New Delhi, 1973, p. 168.*

³⁴ *Rustomji N. Op. cit.*

³⁵ *Bockock R. Rituals in Industrial Society. London, 1975.*

«протестантизма». Бокок, как и многие другие буржуазные ученые, ратует за теорию «разума и ритуала». Бокок считает, что такая теория может быть найдена и путем социологического исследования ритуалов.

Книга Р. Бокока интересна тем, что в ней отражены многие тенденции современного исследования философских проблем таких наук, как этнография, социология и психология. Известно, что многие зарубежные антропологи и этнографы считают, что этнографические исследования ограничиваются первобытными обществами и теми странами, где процесс капиталистического развития не достиг уровня «индустриально развитых стран». Исследования «передовых» стран, по мнению этих ученых, лежат не в сфере «культурной антропологии», а в сфере социологии. Естественно, конечно, что каждая новая ступень развития общества приносит в общественные процессы и новое качество. Но это новое образование сохраняет, закрепляет, усиливает или, наоборот, снижает значение собственно этнических процессов и явлений. Уже одно то, что развитые капиталистические страны и многие современные общества являются обществами, построенными в ритуальном отношении на христианских традициях, выделяет их среди других обществ и объединяет по онтологической общности космогонических представлений.

Исследование природы ритуалов открывает возможность использования ритуалов, их переработки и приспособления к тем задачам, которые ставит социалистическое общество. Ритуал может быть осознан как метод социально-психологического воздействия в управлении общественными процессами.

Трудность рассмотрения вопросов, связанных с традицией, ритуалами, заключена также в том, что существует множество концепций относительно того, какие обычаи рассматриваются как ценные для общегития, а с какими предрассудками следует бороться, как с пережитками, т. е. в неоднозначности оценок и оснований для отбора ритуалов.

Данные социальной психологии показывают, что при восприятии людьми друг друга (очевидно, что сходный процесс имеет место и при восприятии иных этнических, социальных или конфессиональных общностей) важное значение приобретает стереотип. Этому способствует со-

ответствующий фон, который возникает при контакте с незнакомыми объектами. Прежде всего дефицит информации ведет к абсолютизации значения того немногого, что известно об объекте. Социальная перцепция в этнопсихологическом плане основана на большом количестве стереотипов и установок в восприятии людьми как своей этнической индивидуальности, так и иных общностей и соответствующих чуждых элементов культуры. Общая же функция этнических стереотипов заключается прежде всего в выделении «чужого», «иного», в утверждении особенности «своего», своей «исключительности», «непохожести» и т. д.

Во всех древних описаниях³⁶ чужих по отношению к авторам народов можно выделить общую канву, в соответствии с которой эти описания производятся. Сначала отмечался наиболее необычный признак (неважно, к каким аспектам жизни народа он относился), затем шло описание ритуальной стороны жизни, этнических, моральных, религиозных представлений, обрядов, особенностей диеты и приготовления пищи. Завершались такие описания, как правило, оценкой, назиданием или моральным поучением³⁷. Французский историк М. Блок коротко сформулировал то, что относилось уже к древним этническим предрассудкам, что хорошо просматривается у греческих и римских авторов: «Всякий, кто отличается от нас, — иностранец, политический противник — почти неизбежно слывет дурным человеком»³⁸. Внешнее обоснование недружелюбных действий могло иметь оттенок этнической неприязни, но сама эта неприязнь в древности редко служила достойным предлогом для враждебных действий.

Отношения с иными общностями, процесс создания типов и стереотипов расценивались обычно как порождения не отдельных личностей, а некоей высшей, мистифицированной инстанции, наделенной высшим знанием. Так освящались предрассудки.

Работы многих советских и зарубежных ученых, исто-

³⁶ По данным Геродота, Полибия и др.

³⁷ В качестве иллюстрации того, что этнические представления прочно вошли в наше сознание, см., например, описание Л. Толстым немцев, французов и русских в романе «Война и мир» (Толстой Л. Н. Соч., т. 6, с. 50—51).

³⁸ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973, с. 79.

риков античности и медиевистов убеждают в том, что этнические начала в тех формах, которые мы ощущаем до сих пор, заложены феодализмом, а не более ранними эпохами. Академик Б. Б. Пиотровский отмечал, что древние рабовладельческие цивилизации, оставив огромное культурное наследие, почти не оставили этнического. Это произошло потому, что древние общества, за небольшим исключением (частные разовые политические цели да, возможно, бытовые нормы), были этнически более индифферентными и не располагали тем сложным комплексом этнических предрассудков, который формируется в феодах. Незаметно, исподволь, используя старые предрассудки, феодализм создавал новые системы ценностей, среди которых этническое обособление становилось важной ориентирующей ценностью. Догматические и спиритуалистические аспекты видения мира, характерные именно для феодального периода, распространялись на этнические отношения, превращаясь в основу оценочного подхода к этим отношениям. Добавим, что с распадом средиземноморских и азиатских империй правовые нормы все более становились прерогативой замкнутой этнической общности, которая рассматривалась как кровнородственная, и вне ее теряли смысл. Этнические представления превращались в догму. Реалистическое в своей основе видение мира, характерное для античности, заменялось религиозно-мистическим. Это видение распространялось и на межэтнические отношения, так как этническая обособленность требовала особых форм мистификации реальности для защиты обособленности, вне которой на том этапе была невозможна экономическая жизнь.

Этнографические и этнопсихологические сведения позволяют полагать, что различия в социальных регуляторах, связанных с этническими представлениями, обуславливаются, помимо прочих причин, региональными особенностями общественно-исторического опыта. Подобные различия могут широко варьировать в пределах отдельных историко-этнографических областей³⁹ и отдельных периодов. М. Блок приводит шутку лионского архиепископа о том, что когда во франкской Галлии собирались вместе

³⁹ Имеется в виду тот вид крупных историко-культурных зон, которые А. Тойнби называл «цивилизациями» и которых он насчитывал шесть в пределах Европы, Азии и Африки.

пять человек, не падо было удивляться, если каждый из них подчинялся своим особым законам.

Различия между отдельными сословными, социальными или профессиональными группами внутри этноса закреплялись системой формальных показателей. В этническом плане формально различительные знаки относятся также к одежде, причёске, диете, жилищу и некоторым бытовым привычкам — манере сидеть, способам еды, способам приготовления пищи и т. д.

Несмотря на то что основным показателем этнической принадлежности на уровне психологии является этнически обусловленное сознание — представление о собственной этнической исключительности, материальные знаки — важнейший способ выделения и отчуждения инородного. В. О. Ключевский писал: «Отдельные лица прятались за типами: внешними признаками резко отмечались и различались целые классы людей, общественные состояния, а классы, состояния рассматривались не как простые случайности рождения или капризы счастья, а как естественные нормы жизни...»⁴⁰. Новые условия общественной жизни в послефеодальный период во многом изменили отношение к социальной специфике этно-различительных элементов материальной культуры. Из сферы общественного быта эти элементы уходят на уровень домашнего обихода и сохраняются здесь довольно долго⁴¹.

Заметно изменяется и отношение общественного мнения к «внешнему благочестию» — от нетерпимости ко всему выделяющемуся из общей массы и соответствующей социальной прослойки, к относительному безразличию к внешним материальным знакам. «Конечно, — писал В. О. Ключевский, — и в современной жизни много условного, ненужного для прямых целей общежития, но удобного для прикрытия его недостатков»⁴². Однако и эти условности, предрассудки и привычки постепенно теряют свою обязательность. Конечно, эта обязательность утрачивается лишь в том случае, когда материальным признакам и нормам поведения не придается значения традиционного и этнически обязательного признака.

⁴⁰ Ключевский В. О. Соч. М., 1959, т. 8, с. 300.

⁴¹ См., например: Арутюнов С. А. Современный быт японцев. М., 1969.

Ключевский В. О. Соч., т. 9, с. 301.

Марксистская политэкономия показывает, что в категории стоимости нет ни грана вещества природы. Этнический признак также не имеет «вещества природы», однако духовные и материальные ценности, выработанные народами, придают ему субстанциональность.

Этнопсихология в известном смысле напоминает неконвертируемую национальную валюту, в которой, однако, есть известный запас золота, конвертируемых ценностей и товаров. За счет обмена этими общими для человечества ценностями все более укрепляется основа для иных межэтнических взаимоотношений, для универсального взаимопонимания на социальном уровне психологии. В этой связи возникают вопросы о соотношении этнопсихологии и культуры общества в целом, о дополнительной и совместимости культур, о взаимном их обогащении, усвоении ценностей других этнических культур и т. д. Категории этнопсихологии и культуры разноплановы, но сложность разделения их заключается в том, что они в каком-то отношении сближаются. Во многих случаях оказывается возможным определять психологию этнической общности через ее культуру, а факты культуры — через психический склад⁴³. Однако такое понимание взаимоотношений представляется упрощенным. К сожалению, содержание понятия «культура» в этнографии, этнопсихологии и культурантропологии раскрывается по-разному⁴⁴, что также затрудняет отдельный анализ культуры и «национального характера». Ближе всего к нашей теме определение, данное представителем классической этнографии Э. Тейлором. Тейлор включает в культуру — в широком этнографическом смысле — знания, верования, искусство, нравственность, законы, обычаи, некоторые способности и привычки, усвоенные человеком как членом общества.

⁴³ Подобная концепция получила широкое признание в культурантропологии. Р. Бенедикт неоднократно писала, что психология народа — это его культура (*Benedict R. The Chrysanthemum and Sword. N. Y., 1948*). М. Мид обычно употребляет этот термин в тех случаях, когда говорит о культуре (см., например: *Mead M. New Lives for Old. N. Y., 1964*).

⁴⁴ Около 300 определений понятия «культура» приводят американские ученые А. Кребер и К. Клакхон (*Culture, N. Y., 1953*).

Элементы мировой культуры, воспринятые этнической общностью, становятся, по нашему мнению, достижением местной культуры, ибо восприятие — не механический процесс, оно требует определенного переосмысления и интеграции заимствуемого элемента. Способность этнической общности к восприятию элементов чужой культуры является одной из качественных характеристик психологии этноса⁴⁵. Она стоит в одном ряду со способностью переосмысливать устаревшее, приспособлять его к новому этапу исторического развития. Это справедливо и в отношении переосмысления воспринимаемых элементов чужих культур.

Различие в уровне социально-экономического развития если не определяет степень восприимчивости к духовным ценностям других народов, то в значительной мере на нее влияет. Восприятие зависит от состояния духовной культуры воздействующих друг на друга этнических общностей, но само оно определяется влиянием представлений, традиций, особенностей мышления, настроения воспринимающего народа. Такой подход к взаимосвязи этих двух явлений позволяет объяснить процесс движения культуры общностей, находящихся на сравнимой ступени общественного и экономического развития и соприкасающихся друг с другом. В этом обмене ценностями между различными народами психология этноса играет огромную, в известном смысле решающую роль.

⁴⁵ Заметим, что так называемой проблеме аккультурации, динамике изменения «модальности культуры» под влиянием длительных культурных контактов между различными народами посвящены многие работы зарубежных ученых. Многие из них относятся к проблематике этнической психологии и освещают те ее аспекты, которые связаны с взаимодействием культур. Зарубежные исследователи зачастую преувеличивают роль психологических факторов в процессе «аккультурации», однако важность усвоения и переосмысления перенимаемых элементов культуры на фоне собственного психологического опыта и настроений данного периода признается советскими учеными. Подробный обзор работ этого направления см.: *Бахта В. М. Проблема аккультурации в современной этнографической литературе США.* — В кн.: *Современная американская этнография.* М., 1963, с. 184—222.

Особенности нормативной регуляции поведения человека в организации

Любые цели человека могут быть достигнуты лишь в процессе его совместной деятельности с другими людьми, путем создания разнообразных систем кооперативного поведения. Благодаря объединению усилий и способностей, распределению функций и координации деятельности люди не только могут выдвигать и реализовывать цели, недоступные для изолированных индивидов, но и совершать целеполагание — намечать собственные цели и ставить перед собой задачи, т. е. осуществлять любую индивидуальную, «частную» деятельность, направленную на достижение этих индивидуальных, личных целей.

Формы совместной деятельности людей — многочисленны, объединения — разнообразны. В истории много примеров сменяющих друг друга типов коопераций — первобытных общин, родов, кланов, «братств», «орденов», «цехов», мануфактур, простых коопераций, ассоциаций и т. п. Но во всех этих объединениях были лишь зачатки того особого вида кооперации — социальной организации, который социологи считают наряду с группой и общностью основной формой объединения людей в современных условиях.

Политические, общественные, производственные и прочие организации играют важнейшую роль в жизни общества. Специальный социологический анализ¹ позволяет выделить общие и специфические черты социальных организаций в производственных предприятиях (как и в сельскохозяйственных), учреждениях, школах, военных коллективах, творческих и спортивных объединениях и т. д.

¹ См., например, данные, приводимые в работах: *Гвишиани Д. М. Организация и управление*. 2-е изд. М., 1972; *Handbook of Organizations*/ Ed. G. March. Chicago, 1966; etc.

В наше время практически в любой сфере жизнедеятельности общества функционируют социальные организации, и каждый человек на протяжении всей своей сознательной жизни является членом тех или иных организаций.

Какие бы аспекты организации ни подвергались социальному анализу, под каким бы углом зрения ни рассматривалась организация, например, как формальная структура и формализованная система отношений и взаимодействий, опредмеченная и экстерииоризированная человеческая активность, превращенная форма совместной деятельности, — за этими абстракциями стоят объединения реальных людей: организации создаются людьми и функционируют как их кооперации. Осуществить свои функции, выполнить свое назначение организации могут лишь за счет действий реальных людей. Но не менее существенно и то, что человек в современных условиях может выступать как субъект социального действия, осуществлять любую деятельность, участвовать в социальной жизни общества и быть самобытной личностью, только включаясь в различные социальные организации. Активно включиться в общественную жизнь, пользоваться благами общества да и просто поддерживать свою жизнь человек может только участвуя в разнообразных социальных организациях.

Поведение человека в организации, его деятельность как члена той или иной организации, ее представителя — особый вид социального поведения. Мы считаем, что одна из основных характеристик «организационного» поведения — его специфическая нормативная регламентация и регуляция с помощью сложных систем социальных норм, вырабатываемых социальными организациями, а все остальные его особенности прямо или опосредованно связаны с такой нормативной регламентацией².

Изучение «организационного» поведения, закономерностей и механизмов участия индивида в организации важно не только для общества в целом, но и для самого человека. Эффективность функционирования социальных организаций и даже обыденная жизнь каждого во многом зависят от сугубо психологических и социально-психологических факторов — понимания и осознания людьми

² Подробнее см.: *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978.

специфики организаций и выработки необходимых навыков организационного поведения. Однако, как показывают многочисленные примеры, эта специфика и закономерности не всегда адекватно осознаются. Организационное поведение не присуще индивиду от рождения, не формируется автоматически. Оно требует специального социального научения, которое обычно протекает стихийно и не всегда приводит к необходимым результатам.

Анализом социальных организаций в настоящее время заняты многие общественные науки, среди которых видное место принадлежит и социальной психологии. Однако вопрос об отражении специфики этого вида социального поведения (и прежде всего его нормативной регуляции) как индивидуальным сознанием личности, так и обыденным, массовым и общественным сознанием (в частности, философией, социологией, литературой, искусством) специально не исследуется. В данной работе мы выделим некоторые основные черты социальной организации и организационного поведения и попытаемся выявить те особенности их отражения обыденным и общественным сознанием, которые (наряду с личным опытом участия каждого в организациях) могут оказывать влияние на представления и поведение индивида.

1. Специфика социальной организации и стереотипы обыденного сознания

Для понимания природы социальной организации одним из наиболее существенных является вопрос об особенностях этой формы кооперации людей и совместной их деятельности в рамках организации.

Виды кооперации, как показал уже К. Маркс³, качественно различны. Любой кооперации присущи такие явления, как, например, *синэргия* (при объединении усилий и воля участников кооперации достигаются более высокие результаты, нежели те, что могут быть получены при простом суммировании усилий изолированных индивидов) или хорошо известный в социальной психологии эффект *фацилитации* (облегчение работы при любом виде совместной деятельности). Однако попытки описать ор-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13.

ганизационное поведение только с учетом подобных эффектов кооперации столь же мало продуктивны, сколь и попытки свести специфику социальной организации к таким ее характеристикам, как *упорядоченность и системность*. Социальная организация отличается не только от стихийной, спонтанной кооперации, но и от прочих форм упорядоченной совместной деятельности.

Вопрос и состоит в том, *какова* специфика упорядоченности кооперации, *как, почему, кем* упорядочивается кооперация, *каким образом* она «организуется», *какой* особый тип системы представляет.

Мы склонны рассматривать социальную организацию как особый вид системы — *модальную систему*, которая может находиться в разных состояниях в соответствии с заданными ей параметрами. Это форма объединения людей, которая предписывается объединению субъектом — лицом, группой лиц, государством, вырабатывающим такие предписания с учетом комплекса требований (отображающих многочисленные факторы, отношения, условия и задачи) для осуществления нормативных требований — *«должного быть»*. Реализация этого состояния системы — того, что *«должно быть»*, соотносится с целями организации: *«должное быть»* задается как способ достижения цели и само может выступать как цель.

Нормативный характер социальных организаций проявляется в том, что форма и назначение организации предписываются и используются для упорядочивания совместной деятельности людей. Система создается с учетом нормативных требований со стороны общества и социальных групп, причастных к формированию организации. Функционирование этой системы сводится в основном к реализации этих требований и поддержанию состояния *«должного быть»* или достижению такого состояния. Компоненты системы упорядочиваются в соответствии с этими требованиями. Функции системы в целом и «блока управления» по отношению к ее компонентам состоят в соответствующем упорядочивании их функций путем нормативной регламентации. Наряду с широко распространенными моделями социальной организации как системы ролей, позиций или статусов необходимо использовать модель организации как нормативной системы. (К сожалению, этот вид в теории систем фактически не рассматривается.)

Нормативное упорядочивание кооперации людей в организации, обусловленное нормативными требованиями общества и различных социальных групп, является хотя и существенной, но лишь одной из характеристик кооперации. Не менее значимы *целевая* ее характеристика и подход к организации как к инструменту для достижения какой-то цели и как к системе соподчиненных целей.

При анализе целевого аспекта организации мы сталкиваемся с одним из наиболее живучих стереотипов быденного сознания — представлением об организации как объединении людей для удовлетворения их личных интересов, повышения их личного благосостояния, разрешения их собственных проблем и т. п. Этот стереотип коренится в традиции рассматривать в качестве первичных, исключительных, непосредственных якобы изначальные стремления индивидов лишь к личному благу, которые и могут быть удовлетворены путем объединения в организации.

Подобные стереотипы часто используются представителями буржуазной социологии. Примером может служить определение организации, вводимое С. Янгом: «Организации являются целенаправленными системами людей, сотрудничающих для увеличения личного благосостояния»⁴. С этих позиций рассматриваются общие цели организации, мотивы и формы включения в нее людей, необходимость и «преимущество» самой формы социальной организации, причины и цели кооперации и т. д.

Но социальные организации не формируются произвольно, по желанию того или иного индивида или для удовлетворения непосредственных индивидуальных целей. Представление об организации как средстве реализации преимущественно индивидуальных целей входящих в нее людей не учитывает тот реальный факт, что социальные организации возникают лишь в соответствии с определенной, объективной общественной потребностью, которая отражается в общественном сознании и в сознании членов социальных групп, причастных к формированию данной организации, в виде общественных, внеиндивидуальных целей.

Цели организации не могут быть сведены ни к отдельным индивидуальным целям тех или иных ее членов, ни

⁴ Янг С. Системное управление организацией. М., 1972, с. 48—49.

к простому набору или сумме индивидуальных целей. Это, разумеется, не означает, что цели организаций вообще не могут стать целями их членов, что они не могут усваиваться и осознаваться индивидами как их собственные, личные цели. Одной из важнейших задач организации и является нормативное воздействие на ее членов, формирование у них системы осознаваемых ими целей (и мотивов их достижения), соподчиненных и соотносенных с целями социальной организации. Но это, конечно, не означает, что люди вступают в организацию, не преследуя свои собственные, личные цели, и что организация не способствует или не должна способствовать достижению индивидуальных целей ее членов.

Специфика социальной организации как формы кооперации людей и состоит в особом характере сочетания социальных и личных, организационных и индивидуальных целей.

Как и во всяком виде деятельности, образуя социальные организации, люди руководствуются не только общественными сверхличными интересами, но также и стремлением к повышению собственного благосостояния, к реализации способностей и потенций личности; они преследуют собственные интересы, ищут защиты, поддержки и т. п. Более того, у людей в рамках организации возникают и требуют реализации специфические индивидуальные цели и устремления (например, стремление к занятию более престижных позиций). Социальная организация не может не учитывать эти запросы и потребности людей. В принципе такой учет — одна из важнейших социальных целей самой организации, степень достижения которой является одним из критериев ее социальной эффективности.

Цели, запросы, потребности людей, особенности личностного включения человека в организацию, наряду с объективными характеристиками общественных целей, отображаются в системе нормативных требований к организации.

Согласование общественных целей организации и индивидуальных целей ее участников, осознание и усвоение ими внеиндивидуальных целей организации, а также учет организацией индивидуальных запросов и требований ее участников осуществляются путем выработки и использования *системы норм организации*.

Для осуществления кооперированной деятельности и достижения как внеиндивидуальных организационных, так и индивидуальных личных целей любая кооперация ставит людей в отношения сложной зависимости и объективно должно сотрудничества. Отношения зависимости в ходе осуществления кооперированной деятельности связаны с многообразными формами властных отношений. Необходимость поддержания в социальной организации стандартных форм совместной деятельности приводит к выработке регламентаций зависимых отношений, систем предписаний относительно должных видов деятельности, действий, операций⁵.

Все это существенно для понимания отличия индивидуальной деятельности человека от деятельности в рамках организации, его поведения как частного лица — от поведения как члена организации.

Организационная деятельность осуществляется отдельными людьми, индивидами, но в психологическом смысле она не является их индивидуальной деятельностью. Индивидуальная деятельность отлична от организационной деятельности по характеру ее субъекта, по ее цели, средствам, мотивам или побудителям, способам регуляции и т. д.

Хотя в организации индивид осуществляет поведение, по многим параметрам отличное от индивидуального поведения и от поведения при иных формах совместной деятельности, тем не менее выполнять свою деятельность он может лишь в той форме и с помощью тех средств, которыми он располагает в силу своей природы, т. е. в форме индивидуальной деятельности. Чтобы индивидуальная деятельность человека могла бы превратиться в элемент кооперированной в организации деятельности, она должна быть особым образом психологически структурирована и отрегулирована.

Перевод индивидуального поведения в кооперативное и осуществляется с помощью социальных норм организа-

⁵ Значение фактора «долженствования» в структуре социальной организации отображено даже этимологически в самом обозначении позиций, занимаемых людьми, как «должностей». «Должности» — не просто названия позиции или роли человека в организации, это представление их существенных качеств. «Должность» может быть «занята», т. е. «взята» на себя, как взят долг. Но она не одалживается, а обязывает, обязывает исполнять долг — «исполнять должность».

ции, среди которых важнейшие — официально заявленные и принятые, утвержденные уставом или законом организации и выполняющие в ней роль всеобщих *институциональные* нормы.

Регуляция и регламентация поведения и отношений членов организации с помощью системы институциональных норм обуславливает возможность четырех типов поведения — институционального, неинституционального, внеинституционального и антиинституционального.

Институциональным является поведение члена организации, полностью соответствующее образцам деятельности, отношений и проявлений личности, задаваемым институциональными нормами. Можно выделить два типа такого поведения. Институциональные нормы организации могут выступать как нормы декларативные⁶, т. е. заявленные внешне (первый тип). Следование им и осуществление собственно институционального поведения возможно в принципе лишь в явной, наблюдаемой, внешней форме. Это не означает, что подобные нормы принимаются «лицемерно» (хотя иногда можно встретить и такое их «принятие») или «вербально» (на уровне словесного заявления о согласии с ними, что также не исключено). Существуют виды организаций, для функционирования которых принципиально не имеет значения то, что их нормы принимаются лишь как внешне заявленные, «декларативные», не требующие личностного принятия и согласия с ними. Организация может строиться именно в расчете на такое внешнее принятие норм, обеспечивающее тем не менее ее эффективное функционирование за счет отлаженной системы санкций, эффективности внешних регуляторов и т. д. Не все организации и не в отношении всех институциональных норм рассчитывают на полную или даже частичную интернализацию их норм или по крайней мере их интернализацию всеми членами организации. Второй тип институционального поведения предполагает жесткие требования организации к полному личностному усвоению норм, превращению их в личностные регуляторы поведения. Очевидно, что механизмы поведения различны в этих типах организаций.

⁶ Чамокова Э. А., Чеснокова В. Ф. К операционализации понятий «нормы» и «ценности». — В кн.: Социология культуры. М., 1975, вып. 2.

Неинституциональным является поведение, которое подлежит регуляции данной институциональной нормативной системой организации, но в отношении которого такая регуляция по тем или иным причинам не осуществляется. К этому типу фактически могут быть отнесены разнородные виды поведения. Поведение и отношение людей в организации могут оказаться вне сферы регуляции институциональной нормативной системой вследствие того, что нормы недостаточно адекватно отражены в средствах и формах регламентации, принятых в организации, недостаточно полно экстериоризированы и объективированы, а также потому, что они не учитывают социальные и психологические механизмы поведения, не поддерживаются эффективными санкциями и т. п.

Другим видом неинституционального поведения является так называемое *отклоняющееся* поведение, т. е. поведение, не соответствующее тому, которое задается и регламентируется нормами, принятыми в организации. К «отклоняющемуся поведению» могут быть отнесены различные виды поведения, в том числе противоправное и аномальное. Применительно к поведению в рамках организации в этот вид включаются лишь формы поведения, аномальные в отношении норм организации. Поскольку институциональная нормативная система организации не представляет собой правовой системы в масштабах общества, отклоняющееся поведение не является поведением противоправным и противозаконным, если не нарушены собственно правовые нормы. Но отклоняющееся поведение выступает тем не менее как несовместимое с нормами организации и либо корректируется при помощи специальных санкций и мер, либо приводит к исключению человека из рядов организации. Отклоняющееся поведение по отношению к нормам институциональной нормативной системы организации может быть как явным, так и латентным. Причины, виды, механизмы и коррекции отклоняющегося поведения в организации должны быть рассмотрены особо.

От неинституционального поведения следует отличать внешнеинституциональное и антиинституциональное поведение. *Внеинституциональное* поведение — это поведение члена организации, на которое не распространяются воздействие и обязательность институциональной нормативной системы организации. В этом типе поведения можно

выделить несколько подвидов: поведение, которое регламентируется и регулируется нормами организации, не получившими статуса институциональных (например, не поддерживаемыми системой санкций, не объективированными в средствах, используемых в организации для отображения институциональной системы норм, не получившими широкого распространения в организации, устаревшими и потерявшими в связи с изменениями в организации свой статус ранее институциональных норм или, наоборот, только складывающимися, еще не получившими официального, узаконенного оформления, и т. д.).

Существуют многочисленные подвиды внеинституциональных групповых норм, регулирующих поведение личности как члена той или иной группы. Обычно групповое поведение не подлежит регламентации институциональной нормативной системы организации в целом.

Другой подвид внеинституционального поведения включает поведение и проявление личности как таковой, регулируемое или собственно личностными нормами, или не являющееся (что крайне редко) нормативным поведением вообще. Эта сфера поведения человека в организации определяется той *«степенью свободы»*, которую организация предоставляет своему члену. *«Степень свободы»* определяет в данном случае уровень вовлеченности человека в организацию — то, насколько личностным должно быть его участие в ней. Но этот вид поведения следует отличать от поведения вне сферы организации и поведения члена организации, неадекватно включенного в ее систему.

Антиинституциональное поведение направлено против институциональной нормативной системы и тем самым организации как таковой. Иногда к нему относят отклоняющееся поведение и поведение, не подчиненное якобы никаким нормам (аномия) и т. д. Такое расширение категории не представляется целесообразным.

Отличие собственно антиинституционального поведения от других видов поведения, ошибочно расцениваемых как антиинституциональные, становится яснее, если мы вспомним о всеобщности институциональных норм организации, о их близости в этом отношении к правовым нормам. Антиинституциональным является поведение, направленное против права и правовой нормативной системы как таковых, тогда как все остальные нарушения правовых норм следует отнести к отклоняющемуся, про-

тивоправному или неинституциональному. Не является антиинституциональным и поведение, нацеленное на «обход», уклонение от норм институциональной нормативной системы.

Антиинституциональное поведение также имеет несколько подвидов. Оно может быть по своему характеру разрушительным, но может и конституироваться в виде социального движения, направленного если не на полное уничтожение системы организации, то на изменение норм, преобразование структуры, перестройку последней в соответствии с новыми нормативными требованиями. Оценка такого поведения должна быть дана лишь с учетом прогрессивности этих требований в масштабах общества.

Кроме институциональных, в организации действуют, как уже отмечалось, и другие многочисленные виды социальных норм, а соответственно могут быть выделены и другие виды поведения. Однако общим для организационного поведения является его соотнесенность с теми или иными нормативными регламентациями.

Становясь членом организации, включаясь в кооперативную деятельность, человек всегда должен перестроить свое поведение *частного лица* в соответствии с теми или иными нормами социальной организации. Этот, казалось бы, очевидный переход, как нам представляется, с особым трудом адекватно отображается обыденным, массовым сознанием. Многочисленные стереотипы обыденного сознания фактически являются деформированными представлениями о специфике организации, ее нормативной природе, нормах, особенностях организационного поведения и его отличии от поведения отдельных людей.

Рассмотрим некоторые примеры. Наиболее типичным из них нам кажется персонификация в обыденном сознании отношений, являющихся по существу отношениями ролевыми и безличными. Действия и функционирование организации в соответствии с ее целями и правилами могут расцениваться как «добрая воля» или, наоборот, «злой умысел» того или иного должностного лица. Недовольство требованиями организации, ее нормами может перейти в конфликт с другими членами организации, следующими этим нормам. Отношение к тем или иным должностным лицам может быть перенесенным на организацию в целом. Установившиеся отношения симпатии и взаимопомощи между сотрудниками обычно приводят к позитив-

ным оценкам организации как таковой, к принятию ее норм и целей, аргументированному тем, что «хорошие люди не будут членами плохих организаций». Некоторые подобные стереотипы обыденного сознания можно расценить как стремление «обживать» организацию. Но большинство их является помехой при формировании адекватного организационного поведения.

Другой вид стереотипов связан с отношением организации к ее сотрудникам и основан на неадекватных представлениях о специфике поведения человека как члена организации и его действиях как частного лица. Среди некоторых должностных лиц подчас бытует мнение, что все без исключения действия человека — члена данной организации — подлежат регуляции ее нормами. Сфера внеинституционального поведения неоправданно сужается или вообще игнорируется. От сотрудников организации требуют отчета о поступках и отношениях, не подлежащих обсуждению в рамках данной организации. Существенно то, что обыденное сознание почти всегда признает правомерность подобного подхода и члены организации нередко сами его поддерживают и настаивают на участии организации в решении их частных проблем, ведении их дел как частных лиц и т. д.

Обыденное сознание во многом способствует некоторым формам «социальной мимикрии» и как бы «санкционирует» их, допуская использование форм институционального поведения для достижения частных целей. К этому виду стереотипов могут быть отнесены представления о возможности внешнего соблюдения норм организации во имя личного благополучия, из соображений карьеры и т. д. Эти стереотипы обычно выполняют функции легализации и узаконивания частных интересов членов организации, их намерений лично использовать предоставляемые ею возможности. Здесь особый интерес представляет специальный анализ индивидуальных целей, привносимых сотрудниками в организации или формирующихся в результате участия этих сотрудников в организационной деятельности.

Широко распространено мнение о том, что должностные отношения в организации могут проецироваться и на внеслужебные отношения. Обыденное сознание склонно признавать, что «начальник» остается начальником и в неслужебной обстановке (вспомним поведение дирек-

тора учреждения на вечеринке у одного из сотрудников, изображенное в фильме Э. Рязанова «Служебный роман». Начальница автоматически заявляет сотруднику, пытающемуся ухаживать за ней: «Можете быть свободным»).

Особенно часто стереотипы обыденного сознания проявляются именно в вербальном поведении. Наряду с упомянутым стереотипом «должностного» обращения в неслужебной обстановке распространен стереотип, который позволяет использовать на службе «непрофессиональную» речь и обыденные формулировки. Но именно в этом случае обыденное сознание оказывается наиболее восприимчивым к различиям поведения представителя организации и частного лица. Особенно ярко эта восприимчивость проявляется в сфере обслуживания, где представители организации — работники сферы обслуживания — вступают в контакт с обращающимися к ним частными лицами. «Как Вы разговариваете на рабочем месте?» — типичный вопрос во многих таких конфликтных ситуациях.

Большую роль в повседневном общении имеют стереотипы, связанные с вещественными и знаковыми атрибутами принадлежности лица к той или иной организации. Самый обыденный пример — изменение одежды выпускниками школ как символическое действие. Обыденное сознание чувствительно ко всем знакам статусного характера, отмечающим принадлежность человека к той или иной организации и положение в ней.

Огромное значение имеют стереотипы, формирующиеся при определении смысла тех или иных действий частных лиц или представителей организации. Гротескным примером нам кажется поведение чеховского «злоумышленника». Полное непонимание мужиком недопустимости его действий с точки зрения должностных лиц и суда (отвинчивание гаек от рельсов для использования их в качестве грузил в рыбной ловле) фактически равнозначно полной неспособности этих должностных лиц воспринять мотивы и личную осмысленность поведения «злоумышленника».

Широко распространены стереотипы, искажающие смысл деятельности того или иного сотрудника. Укажем на многочисленные случаи неадекватной ориентировки лиц, выполняющих те или иные служебные функции, только па внешние учетные показатели их деятельности, приводящей к игнорированию внутреннего смысла и качественных характеристик их действий. Мы провели в свое время

неформальный опрос ряда водителей маршрутных автобусов, чтобы выяснить их отношение к фактам недобросовестной работы некоторых из них. Большинство опрошенных склонялось к тому, что водитель автобуса не обязан, например, задерживаться на остановке (или снова открывать двери, хотя он и не отъехал от остановки), для того чтобы забрать опаздывающих пассажиров. Основным аргументом был «график». Они считали, что этот показатель деятельности водителя является основным, а не то обстоятельство, что смысл его деятельности — перевозка пассажиров. Интересно, что даже некоторые пассажиры разделяют точку зрения этих водителей, т. е. принимают подобный стереотип мышления.

По нашим наблюдениям, в последнее время широкое распространение приобретает особый тип стереотипов обыденного сознания, связанных с представлениями о формальных правилах работы организации и правах ее членов, основанных на этих правилах. Обыденное сознание практически всегда принимает и поддерживает отказ тех или иных сотрудников выполнять свои функции в часы, не отведенные для этого формальными предписаниями. Нам приходилось наблюдать ситуации, когда работники сферы обслуживания предпочитали ничего не делать, находясь на служебных местах и заставляя посетителей дожидаться намеченного в инструкции времени приема, мотивируя это тем, что они «тоже люди». Мы предполагаем, что в подобных случаях действуют стереотипы, связанные с неадекватными представлениями обыденного сознания о формальных правах и личном достоинстве сотрудников организации и с компенсаторными функциями таких представлений.

Особо следует выделить стереотипы, отражающие представления об ответственности членов организации за выполняемые ими действия.

Мы, естественно, назвали не все виды стереотипов обыденного сознания. Но приведенные примеры, как нам кажется, свидетельствуют о том, что специальное описание, классификация, анализ подобных стереотипов — важнейшее поле исследования социальной психологии организаций.

Специфика социальной организации и преобразования, которые претерпевает индивидуальная частная деятельность включенного в организацию человека, особым обра-

зом отражаются и в общественном сознании. Наиболее существенным здесь является вопрос об отражении нормативного характера организации и сферы организационных предписаний.

2. Проблема «круга предписанного поведения»

Вопрос о том, что именно и каким образом регламентируется и нормативно задается в организации, каковы ее нормы, как они определяют положение в ней человека, поднимается в большом числе работ по социальной философии. Художественная литература как особое целостностное отражение реальности также дает неоценимый материал для понимания сущности социальных организаций, смысла и направленности систем организационных норм.

Мы остановимся в данной работе на особенностях отражения этой проблемы буржуазным общественным сознанием, поскольку этот вопрос оказался в центре острых философских дискуссий и приобрел особое идеологическое значение.

В последние годы в зарубежной практике сложилось особое направление, которое можно охарактеризовать как своеобразную «антисоциологию организаций». Имена его представителей — Н. Паркинсона, Л. Питера и других — известны более, нежели столпов буржуазной социологии, таких, как Т. Парсонс и М. Вебер. Работы этого направления оказали огромное влияние на формирование западного общественного мнения о проблемах сложных организаций. При всей саркастичности и острой социальной критике, содержащейся в работах публицистов, они способствовали выработке взгляда на организацию как на несомненное, но неистребимое зло, с которым человек не может бороться (такова суть знаменитого «закона Паркинсона»), к которому необходимо приспособиться, ничего не меняя по существу.

Для зарубежной «теории организаций» можно построить своеобразный континуум, в котором располагаются представления о природе нормативной институциональной системы и механизмах нормативной регуляции организационного поведения человека. Крайние точки континуума — понятие «аномии», введенное Э. Дюркгеймом и разработанное прежде всего Р. Мертоном, и мифологи-

ческий образ «организационной олигархии», созданный в реакционной социальной утопии Дж. Орвелла. К полюсу «аномии» стягиваются представления о таком состоянии организации, при котором ранее общепринятые нормы, ценности и узаконенные способы достижения целей произвольно игнорируются индивидами или группами и расцениваются ими как необязательные. Отсутствие единой установленной и общепринятой системы норм, естественно, приводит к окончательному распылению организации. Однако аномия как таковая предполагает не полное исчезновение заявленных норм, а лишь лишение их характеристики обязательности и принятости. На противоположном полюсе оказываются нормативные институциональные системы, которые абсолютно и жестко регламентируют все возможные проявления личности, любые действия и помыслы человека. Признание этих крайних точек континуума обрекает большинство представителей буржуазной теории организаций на бесперспективные поиски «промежуточных» форм институциональных нормативных систем. Характер поисков таких приемлемых форм задан представлениями о полюсах континуума.

Анализируя аномию, Мертон исходит из положения о том, что при недостаточной степени координации целей деятельности, формируемых «общепринятыми» в данной системе ценностями, которые и выступают при этом как нормы-идеалы, и средств достижения этих целей, регламентируемых институциональными нормами, возникает состояние, когда исчезает основа для прогнозируемости и регулируемости поведения. При крайних случаях такой непрогнозируемости и наступает аномия — нормы хотя и существуют, но перестают выполнять свои функции. Аномию, развивающуюся в обществе в целом, Мертон, вслед за Дюркгеймом, соотносит с социальной структурой общества и господствующей в нем системой ценностей⁷.

Жизнь человека, формирование его личности и особенности поведения индивидов в условиях аномии представляются лишь в одной плоскости — пассивной, заданной адаптации к сложившимся условиям. В работах самого Мертона и ряда исследователей аномии было введено

⁷ См., например: *Мертон Р. Социальная структура и аномия.* — В кн.: *Социология преступности.* М., 1966; *Merton R. K. Social Theory and Social Structure.* Glencoe, 1949; etc.

также специальное понятие аномичного индивида, рассматривались собственно социально-психологические его характеристики, аномия как свойство личности. Естественно, что наиболее распространенной формой адаптации индивида исследователи аномии считают «подчинение». Характерные черты жизни «аномического» сообщества наряду с адаптацией как «подчинением» и ретретизмом — «уходом» от активной деятельности — бесконечные анархические мятежи и «символические» бунты, терроризм, насилие. В этих условиях возникают движения, обычно лишённые позитивной программы и новой системы ценностей и реализующие лишь негативные, разрушительные тенденции. В работах Мертона, Мак-Клоски, Клинерда, Макайвера, Шроля, Дабина и других прослеживаются собственно социально-психологические закономерности аномиков — индивидов, находящихся в состоянии аномии, влияющих на поведение других членов группы и организации⁸.

И все-таки общество, организация, «охваченные» аномией или включающие большое число аномиков (превосходящее определенную, по Мертону, «критическую массу»), допускают хотя бы гипотетические, иллюзорные «выходы» из этого состояния путем неполноценной, паллиативной, но временно действенной адаптации индивидов, представляются более приемлемыми по сравнению с тем состоянием абсолютного жесткого регламентирующего контроля, которое в гротескно обнаженной форме рисовалось Дж. Орвеллу как состояние «организационной олигархии»⁹. Если в обществе, организации, находящихся

⁸ См., например: *Anomie and Deviant Behavior: A Discuss and Critiques*/ Ed. M. B. Clinard. Glencoe, 1964. *McClosky H., Schaar J. H. Psychological Dimention of Anomy.* — Amer. Soc. Rev., 1965, vol. 30, p. 14—40; etc.

⁹ В утопии Орвелла английское общество, якобы достигшее за сорок лет с момента написания романа (1948 г.) этой ступени «развития», характеризовалось особой формой институционально-нормативной регуляции проявлений и поведения личности. Орвелл рисует устрашающую картину. В любое время, когда член организации спал, бодрствовал, работал или отдыхал, он мог быть проинспектирован без предупреждения и фактически всегда находился под бдительным вниманием «организации». Ничто из того, что он делал, не было безразличным для организации. Вся его частная жизнь контролировалась. Индивид не имел никакой свободы выбора. И в то же

в состоянии аномии, нормы перестают действовать и поведение фактически становится непредсказуемым, хотя предсказуемы некоторые формы адаптации, точнее дезадаптации, индивидов, то в условиях орвелловской «организационной олигархии» нормы практически не нужны как самостоятельные образования («не было закона и формализованных правил») — абсолютные требования «организации» полностью интернализированы, и наперед все поведение полностью предсказуемо. Следовательно, нет и объекта, на который могут быть направлены любые негативные, антиинституциональные действия. В орвелловской «организации» невозможны даже те формы адаптации, которые намечены Мертоном как способы «индивидуального спасения» — не только инновации, но и ретрецизм. Подчинение якобы превращается в любовь к тому, чему и кому подчиняется человек, ритуализм перерастает сам себя, а мятеж даже в символической форме просто немислим¹⁰.

Как бы ни казались утопичными образы Орвелла, некоторые зарубежные социологи всерьез допускают возможность существования крайне высокой степени «объема контроля» в организации. Так, в работах Танненбаума, Уильямса, Гоффмана и Картрайта¹¹ рассматриваются возможные виды организаций в связи с распределением по иерархическим уровням «объема контроля» за поведением

время, пишет Орвелл, действия индивида не регулировались законом или ясно сформулированными правилами поведения (*Orwell G. Nineteen Eighty-four*. Bungay, 1968).

¹⁰ В этом обществе, спроектированном в утопии Орвелла, вообще не было закона. Действия и помыслы, которые, будучи обнаруженными, означали смерть для человека, не были формально запрещены. Строжайшие санкции, которые применялись к членам организации, были не наказаниями за совершенные преступления, а лишь превентивными мерами. Орвелл описывает нормы-принципы, с помощью которых формировался необходимый образ действий членов такой организации. У членов общества вырабатывались навыки «инстинктивной остановки перед „преступлением“», способность воспринимать «черное как белое» (и наоборот) в зависимости от ситуации и забывать о предыдущем решении, и умение держать «в уме», «про запас» оба положения, а главное — умение страстно желать именно так мыслить и действовать. Благодаря такой «социализации», по мнению Орвелла, оказывалась возможной полная интеграция внешнего социального контроля, интернализированных норм и преобразованных структур мотиваций индивидов.

¹¹ *Handbook of Organizations*.

членов организации и соответствующими такому контролю формами ответственности, авторитета, процессов влияния и т. д. Эти авторы наряду с «демократическими» и «неподконтрольными» формами организаций выделяют «автократические» и «полиархические», причем в последних «объем контроля» представляется крайне высоким на всех уровнях организации. Авторы проследили корреляции между уровнями «объема контроля» и эффективностью деятельности организации и нашли, что «объем контроля», в частности, неподконтрольность и затруднительность процессов социального влияния в той или иной организации отрицательно сказываются и на эффективности ее деятельности.

Идея полной «интеграции» человека с нормативной системой организации воплощена у Парсонса в модели «социального деятеля», уподобленного соответствующей «социальной системе». Превращение человека в «социального деятеля», включенного в жестко регламентированную социальную организацию, по Парсонсу, означает полную интеграцию личности с принятыми в данной организации нормативными системами. Преобразование личности в первую очередь предполагает преобразование ее *нравственных* чувств и качеств, превращение ее в «нравственно интегрированную личность». Парсонс отмечает, что такая личность должна обладать следующими «гражданскими добродетелями»: «Хорошо интегрированная личность чувствует себя обязанной жить соответственно ожиданиям, связанным с ее по-разному определенными ролями: быть «славым малым», «хорошим студентом», «умелым рабочим» и т. д. Она обязана и внутренне ощущать эту обязанность, признавать узаконенный авторитет других и должным образом пользоваться своим собственным. Она обязана уважать права других, и в некоторых случаях ее обязанностью, опирающейся на моральные мотивы, может быть обязанность настаивать на уважении к своим собственным правам. Наконец, эта личность должна признавать статус других в стратификационной системе и в особенности — но ни в коем случае не исключительно — статус тех лиц, которые стоят выше нее»¹². Вопрос об

¹² Парсонс Т. Мотивация экономической деятельности. — В кн.: Структурно-функциональный анализ в современной социологии. — Информ. бюлл. ССА, 1969, № 38, с. 10.

абсолютной «нравственной» интеграции человека в организации тесно связан с вопросом о том, кто несет ответственность за действия человека, являющегося членом той или иной организации. В современном буржуазном обществе многочисленные экстремистские организации молниеносно и «автоматически» берут на себя «ответственность» за любые крайние проявления насилия и вандализма, якобы освобождая своих членов как «интегрированных» в данных организациях от юридической и даже нравственной ответственности за совершенные ими действия. Но оправдано ли снятие ответственности с отдельного человека, выполняющего функции, порученные ему организацией? Очевидно, что включение человека в прогрессивную организацию предполагает отнюдь не расшатывание его нравственных устоев, а всестороннее развитие именно деонтической сферы мотивации и сознания личности. Требования некоторых экстремистских организаций к их членам, нацеленные на превращение человека в безнравственного функционера, вызваны отнюдь не самой формой кооперированной организационной деятельности. Эти требования обусловлены представлениями, бытующими в экстремистских организациях, об их целях и дозволенных способах их достижения.

Создавая модель личности как носителя ролей — «Homo Sociologicus», Р. Дарендорф¹³ подчеркивает, что «структурированные» объединения создают форму для каждой позиции человека в поле социальных отношений. Те, кто занимает эти позиции, должны не отвергать «без умысла» формы отношений, которые они застают, и не пытаться создавать новые. Дарендорф в дальнейшем вынужден объявить мир «Homo Sociologicus» — носителя ролей и объекта приложения обязательных санкций — миром утопий О. Хаксли и Дж. Орвелла, т. е. миром рассчитанного, «надежного» и постоянного контроля. В таком мире фактически нет речи даже о жесткой детерминации поведения абсолютными нормами, ибо отсутствие свободной внеорганизационной сферы поведения и управление людьми исключительно с помощью обязательных ожиданий представляют собой не столько детерминацию, сколько лишение человека возможности действовать вообще.

¹³ *Dahrendorf R. Homo Sociologicus. Köln, Opladen, 1960.*

Противоположный полюс континуума, по Дарендорфу, связан даже не с аномией, когда допускается хотя бы декларативное существование норм, а с полным отсутствием нормативной регуляции поведения. Лишь отсутствие нормативной регуляции позволяет человеку, по мнению Дарендорфа, вырваться за пределы роли. Но при этом возникает парадокс «двух людей» в человеке — раздвоение его на носителя ролей и «внутреннюю личность». Эту последнюю нельзя отождествить ни с «Я» психоаналитиков, ни с «глубинной личностью», ни с другими психологическими моделями. Дарендорф, не находя в сфере науки подходящего концепта для этого «человека вне роли», обратился к художественному образу «человека без свойств», созданному австрийским писателем первой трети нашего века Р. Музилом.

«То, чем мы являемся, — полагал Музиль, — лишь крохотная частица нас самих, а остальное — формирующие нас обстоятельства»¹⁴. Человек, подчиненный обязательным санкциям и нормам и выполняющий обязательные ролевые ожидания, отмечает Дарендорф вслед за Музилом, это «житель страны». Он имеет по крайней мере девять характеров — профессиональный, национальный, государственный, классовый, географический, половой, осознанный, неосознанный и, наверно, свой собственный. Первые восемь характеров «человека страны», определяемые как «свойства» Музилом и как «социальные роли» — Дарендорфом, составляют «*Homo Sociologicus*». Последний, девятый, очевидно, может рассматриваться как «психологический человек». Но Музиль утверждает, что человек является также и «жителем земли» и что «житель земли» в отличие от «жителя страны» имеет еще один — десятый характер. Вслед за Музилом Дарендорф может определить его лишь как «пассивную фантазию незаполненных позиций»¹⁵. Десятый характер, пишет Дарендорф, позволяет человеку все, кроме одного, — принять то, что делают девять других его характеров. Этот человек не может совершить именно то, что могло бы его «напол-

¹⁴ Роман Р. Музиля «Человек без свойств», впервые вышедший на языке оригинала в 1931—1933 гг., так и остался незавершенным. На русском языке опубликованы лишь отдельные произведения писателя (цит. по: *Музиль Р. Этюды об искусстве: Угрюмые размышления.* — *Вопр. лит.*, 1972, № 11, с. 151).

¹⁵ Там же, с. 152.

нить», охарактеризовать. Девять характеров расщепляют человека, подводят под категории, превращают его в «тип», в «члена организации», в отчужденного человека. Но человек как «житель земли» свободен от всех связей и ограничений в обществе, и только как «житель земли» он управляет собой и таким уходит из мира. Но в романе Музиля «человек без свойств» (герой романа Ульрих) — это человек, «взявший отпуск от самого себя, от жизни». Так, при попытках индивидуализировать и конкретизировать абстрактное свойство человека как «жителя земли» вырисовывается лишь облик ретретикиста, тип, описанный Мертоном. Вне той или иной формы приспособления к нормам он не сможет пробиться через девять нормативно заданных и подкрепляемых системами всевозможных норм характеров. А неиндивидуализированный «житель земли» представляется лишь абстрактным образом, как всякий абсолют, определяемый лишь через отрицание каких бы то ни было качеств.

Если в «социального деятеля» человек должен превратиться, сформировав нормативно заданные, жестко предписанные, жестко детерминированные нормативными системами организаций свойства, а «Homo Sociologicus» может лишь пассивно адаптироваться, то для «человека без свойств» всякое участие в социальной сети взаимодействий и взаимоотношений в обществе исключено.

Во всех рассмотренных случаях не может быть поставлен и вопрос о приспособлении норм общества к реальным свойствам человеческой личности, об учете многообразия личностных черт и тем более вопрос об активном участии человека как личности в формировании нормативных систем общества. Единственно возможный, еле-еле высвечивающийся путь личностного проявления человека и его воздействия на нормативные системы общества — нравственное поведение личности. Но сама нравственность либо институционализируется (в теории Парсонса) и превращается опять-таки во внеличностный, предстоящий человеку способ действия, который ему задается нормативно, либо теряется (у Музиля и Дарендорфа) в иллюзорных, «пустых фантазиях незанятых социальных позиций».

3. «Борьба с произволом» и «корпоративный дух»

Концепция жесткой нормативной системы эффективной и «рациональной» организации восходит к работам М. Вебера по проблемам бюрократии¹⁶.

Как отмечают многие социологи¹⁷, созданное Вебером представление о бюрократии как рационализации коллективной деятельности предполагает четкое, формальное определение задач и обязанностей, связанных с каждой рабочей позицией в организации, формализованную иерархическую систему авторитета — власти, ответственности и отчетности, равно как и ограничение власти и ответственности лишь областью официальной деятельности власти и ответственности при помощи «последовательной системы абстрактных правил». Наиболее яркий образ такой бюрократической машины мы находим в произведениях Ф. Кафки. Образы Кафки не менее, чем работы Вебера, существенны для понимания принципа «рациональности» организации. Не случайно именно такие основополагающие нормы-правила, как, например, «чти начальника своего», «будь справедлив», в произведениях Кафки получают форму *приговора* и должны быть восприняты не умом или душой, но организмом человека. Персонаж Кафки — офицер, подвергающий людей экзекуции в исправительной колонии, максимально отвечает нормам-требованиям к идеальному руководителю, сформулированным Вебером. Он управляет подчиненными в духе «формальной безличности», без гнева и пристрастия, с готовностью подвергнуть наказанию и себя самого за нарушение принципов бюрократической машины, обрабатывающей не бумаги, а людей.

Бюрократическая форма организации оценивается Вебером не по «человеческим» или «социальным», а по техническим параметрам и на основе технических критериев. «Рациональность» бюрократии — это рациональность машины, построенной по законам механики. И работа этой механической машины оказывается тем точнее и эффективнее, чем полнее осуществлен принцип рациональности в ее структуре, функциях и своде правил. Ее рациональ-

¹⁶ Weber M. The Theory of Social and Economic Organization/ Ed. H. Henderson, T. Parsons. N. Y., 1947; *Idem.* — In: Reader in Bureaucracy/ Ed. R. K. Merton, Glencoe, 1952.

¹⁷ См., например: Гвишиани Д. М. Организация и управление.

ность, абсолютизированная в идеальном типе, оказывается в полном противоречии именно с рациональностью человека. Кафка раскрыл эту доведенную до абсурда рациональность, показав офицера-надсмотрщика, обреченного себя самого на казнь. Эту казнь осуществила машина, которая вполне рационально выписывает бороной по его телу приговор: «Будь справедлив!»¹⁸.

В современной буржуазной социологии часто встречаются попытки бюрократию, в веберовском понимании этого термина, противопоставить «неэффективным» формам организаций. Бюрократию рассматривают даже как средство «демократизации» климата в организации. Начало такого толкования было положено самим Вебером на основании действия его принципа — «все равны перед безличными, абстрактными правилами и приказами». Художественное изображение этого «равенства» опять-таки находим у Кафки в его романах «Процесс» и «Замок».

Идею веберовской бюрократии пытаются использовать в борьбе с некомпетентностью членов организации. Но такая «борьба» приводит лишь к утверждению некомпетентности. Механизм этого процесса был выявлен в сатире английских публицистов, создавших нарицательный образ — «принцип Питера»¹⁹. «Рациональную бюрократию» считают иногда даже панацеей от самой (понимаемой в обыденном смысле слова) бюрократичности. Распространенность получили тенденции использовать концепцию «рациональной бюрократии» для борьбы с «произволом», волюнтаризмом и самодурством служащих всевозможных организаций и для утверждения принципа, который можно было бы сформулировать как «организации — организационное, а человеку — человеческое».

Противопоставление «рациональной бюрократии» «произволу» представляется многим буржуазным социологам чуть ли не единственным орудием в борьбе с любым социальным злом. Существуют разнообразные концепции — от обоснования необходимости жесткого формализованного свода правил и норм, которым придается чуть ли не правовой статус, до требований полной механизации и

¹⁸ Кафка Ф. В исправительной колонии. — В кн.: Ф. Кафка. Романы. Новеллы. Притчи. М., 1965.

¹⁹ Питер Л., Халл Дж. Р. Принцип Питера. — Иностран. лит., 1971, № 8.

автоматизации власти и авторитета в организации как средства избежания волюнтаризма и произвола. В первом случае до предела расширяется то, что О. Хаксли обозначил как «круг предписанного поведения»²⁰. Подобные методы борьбы с произволом напоминают принципы и нормы, на которых базируется всеобщий социальный контроль в его утопическом «смелом новом мире», гласящие: «Никто никогда не хочет того, чего не может получить», «Необходимо любить то, что мы принуждены делать», «Никто не может вести себя иначе, чем следует себя вести» и т. п. А то, «как следует себя вести», определяется, по теории Парсонса, правящей элитой.

Другой подход можно иллюстрировать многочисленными работами современных зарубежных социальных фантастов, их образами надмировой, надчеловеческой, предельно рационализированной формы правления вычислительной машины — «кибернетического мозга» общества, диктующего нормы поведения для всех, «мозга» якобы безгрешного, ибо «машины клик не создают», «машинам чужда круговая порука и пристрастие» и т. д. Но результатом такого «беспристрастного» нормативного регулирования является лишь механизированная бесчеловечность.

Принцип, который мы обозначили как «организации — организационное, а человеку — человеческое», может быть выявлен в ряде работ социологов, стремящихся «оградить» человека от «полного» поглощения его организацией, наметить какие-то автономные сферы жизни и деятельности человека, сферы актуализации и реализации личности, которые были бы отделены от всех и всяких организаций непреодолимым для организаций барьером. Попытки эти явно утопичны. Это показывают примеры наиболее распространенных представлений о таких путях «автономизации» личности, как «реализация», превращающаяся в профанацию традиционной социально-философской концепции «самодетельности» личности, ее якобы автономного «внутреннего» развития (вспомним «человека без свойств»), идеи патриархальных уголков и руссоистских общин. Общим для всех этих поисков является образ «ниши», некоего пространства, огражденного непроницаемым для бюрократии «забором», «ниши», в которую человек мог бы «выпасть» из белличьего колеса организаций.

²⁰ *Huxley A. Brave New World. London, 1932.*

Идея «ниши» приобретает иногда парадоксальные формы. Так, в фильме западногерманского режиссера и публициста А. Клуге «Большая кутерьма» в космической системе монополистического капитализма 2034 г. супружеская пара из среды мелких предпринимателей находит такую «нишу» и возможность уклоняться от системы следующим образом: «Воровать, доставать вещи, придумывать выходы из положения, жить, мешать другим...»²¹. В последнее время необходимость бюрократической формы организации некоторые западные социологи начинают обосновывать борьбой с волной нового анархизма и терроризма, считая бюрократию «меньшим» злом.

Все подобные попытки социального освоения концепции «рациональной бюрократии» представляются нам в лучшем случае утопическими или компромиссными.

Некоторые авторы, указывая на противоречия в системе Вебера, отмечают несовместимость принципов «безличного управления» и необходимого, по Веберу, «корпоративного духа», обеспечивающего включенность человека в организацию и преданность ей. В настоящее время социологами ведется широкий поиск новой формы организации, которая могла бы быть противопоставлена механистической бюрократической модели. Обычно выдвигают «органистическую» модель. Предполагают, что подобная организация должна быть основана на личностных взаимоотношениях внутри групп и гармоничных отношениях между группами, на взаимном уважении и отношениях доверительности, на взаимозависимости и общей ответственности, что она должна обеспечивать членство сотрудников во многих группах, их широкое участие в управлении, разрешение конфликтов путем договора, сделки и т. д.

У. Беннис, основываясь на анализе двух типов организации, говорит о формировании в нормативно заданной «органистической» организации особой «культуры»²². Цель создания новой «культуры» — лучшая интеграция

²¹ Клуге А. Интервью. — Программа Федеративной Республики Германии на VII Международном кинофестивале в Москве. М., 1971.

²² Bennis W. G. Theory and Method in Applying Behavior Science to Planned Organizational Change. — In: Operational Research and the Social Sciences/ Ed. J. R. Lawrence. New York; London, 1966.

членов организации. В социологическом смысле слова «организационная культура» включает нормы и ценности организации, которые должны быть приняты ее членами. Введение «органистической» модели ведет, по данным Бенниса, к «комфортабельной дружеской организационной атмосфере», «взаимозависимость в процессе совместной работы приводит к отношениям доверия и уважения», адекватная деятельность способствует «поддержанию морали на определенном уровне», «интерференция человеческих элементов» сведена к минимуму и т. д. Итак, устанавливаются якобы «рай и благоволение». Но фактически эта модель ориентирована на создание нормативной системы, обеспечивающей формирование именно «корпоративного духа». Отказываясь от одной части веберовской концепции «рациональной бюрократии», а именно от механистической формы организации, сторонники «органистической» модели жертвуют этой частью системы во имя развития «корпоративного духа» членов организации. Если Веберу представлялось, что «корпоративный дух» мог бы, вероятно, возникнуть прямо из «машины» бюрократической организации, пусть не отдельной «конторы», но во всяком случае бюрократической организации общества, то сторонники «органистической» модели готовы для сохранения «корпоративного духа» перестроить машину и запрограммировать ее прежде всего на порождение этого «духа», полагая, что все остальное будет этим «корпоративным духом» обеспечено. Модель действующей машины для формирования «корпоративного духа» детально разработана социальными фантастами. В романе К. Воннегута «Утопия-14» описана машина развития «корпоративного духа» — с летними лагерями, с усложненной (но превращающей взрослых в детей) бойскаутской символикой «корпораций» и знаменательным лозунгом «нужный человек, в нужное время, на нужном месте»²³.

Для современных западных социологов одной из причин отказа от модели Вебера является имплицитно заложенная в ней идея «организационного ума» некоего магната, определяющего цели и назначение организации, которые уже затем реализует ее машина. Но и за разрабатываемой ими моделью машины, производящей «корпоративный дух», ясно вырисовываются и «организационный

²³ Воннегут К. Утопия-14. М., 1967.

ум», и «организационная воля», но не как некое безличное начало, неясный абсолюте, а как вполне реальная, подчас легко персонифицируемая сила, — «техноструктура» управляющих, направляющая великовозрастных «бойскаутов» к единой цели — лояльности и беспрекословному подчинению «корпоративной машине».

Проводя анализ «механистического» и «органистического» типов организации, английский социолог Т. Бернс описывает некоторые типы «патологических» механистических систем. Их формирование Бернс объясняет глубокой укорененностью в среде руководителей «идеологии бюрократизма» институциональных норм бюрократической организации²⁴.

Деловые предприятия, отмечает Бернс, являются, с одной стороны, кооперативными системами, с другой — местом, ареной развертывания карьеры. Правила поведения в этих социальных системах — формальной организации и карьеры — сами могут стать объектом спора. Индивид стремится к расширению сферы своего контроля, может стремиться к усилению своей роли в организации, например, путем вступления в политические союзы или доминирующую группу и т. д. Плюралистичность социальных систем, по мнению Бернса, расшатывает представление о бюрократической иерархии, устремленной к одной «верховой» точке, к одному лицу, стоящему во главе пирамиды бюрократической иерархии, — «главному», который по нормативной системе бюрократии «все знает», «все может», «на все имеет право» и которого в уменьшенном виде воспроизводит руководитель любого иерархического уровня. Наличие множества иерархизированных систем власти и ответственности и нормативных правил расшатывает такое представление и осложняет условия действия на каждом иерархическом уровне.

Но такой «плюрализм» организаций отнюдь не «высвобождает» человека из-под власти бюрократической нормативной системы. То, что «лестница карьеры» и любое продвижение в любой иерархической системе общества совмещены с позициями, статусами, нормами бюрократической организации, стальными цепями приковывает человека к той же самой бюрократической организации:

²⁴ См.: Operational Research and the Social Sciences/ Ed. J. R. Lawrence.

«Здесь Родос, здесь прыгай» — другого места реализации притязаний на повышение статуса в любой иерархической системе буржуазного общества человеку не предоставлено.

Члены организации могут осознавать ее несовершенство, у них могут возникать интересы и потребности в ее изменении, но в то же время соображения карьеры, престижа, стремление к устойчивости, нормы «интеграции» обычно заставляют их рьяно отстаивать и поддерживать именно эту несовершенную форму. Так, на веберовской идее приверженности чиновника бюрократической организации замыкается круг поисков новых форм, могущих ее сменить.

Основной принцип бюрократической организации — обезличивание человека, подчинение ее членов системе безличных, абстрактных правил — оказывается одновременно основным как функциональным, так и дисфункциональным элементом. Бюрократическая организация стремится с помощью нормативной системы всячески элиминировать проявление личностных свойств²⁵. В то же время ее эффективное функционирование требует максимального использования человека. Эти тенденции ярко проявляются в постоянных поисках новых возможностей более личностного «включения» человека в организацию при сохранении общего принципа ограничения свободы личного поведения.

Работы зарубежных социологов организации практически направлены на решение задачи — как «вычерпать» заложенные в человеке свойства, необходимые для эффективного функционирования организации при сохранении ее основного принципа — обезличивания и подчинения человека «последовательности абстрактных правил» во имя достижения ее основных целей. Проблема эта стала глобальной²⁶.

Попытки изменить нормативную систему бюрократической организации предпринимались зарубежными социологами в русле многочисленных исследований по так называемым проблемам уравнивания власти, автономизации

²⁵ *Argyris C. Integrating the Individual and the Organization.* N. Y., 1964.

²⁶ См., например: *Гелбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М., 1969. *Он же.* Экономические теории и цели общества. М., 1976.

власти, а в последнее время — и промышленной демократии²⁷.

На поверку оказывается, что для разработки и реализации хотя бы частичной идеи «уравнивания власти» и создания в организации некоего «эквилибриума» придется весьма существенно трансформировать представления о власти, выработать нормативные системы, целиком рассчитанные на «корпоративный дух», да еще включить в эту корпоративную систему нормы клик (например, связанность решением — «круговая порука» и т. п.). Само «уравнивание власти» рассчитано в основном на страту управляющих (хотя и разных рангов), но не затрагивает практически работников, входящих в операционную, линейную систему организации. Модели «уравнивания власти» учитывают лишь нормы тех, кто уже в силу бюрократической иерархии был причастен к власти.

Цель и назначение нормативной системы организации с «уравненной властью» однозначно определяются как достижение «согласия», нормативная система призвана выполнить роль фактора, обеспечивающего монолитность руководства. А гуманистические и ценностные устремления поборников метода «уравнивания власти» разбились о неприступные укрепления («великих людей», «клубов») тех самых теорий бюрократии, которые они должны были преобразовать. Власть бюрократической организации и государственная власть направили все подобные устремления в заранее заданное и хорошо известное русло, которое прогрессивный американский философ Б. Данэм также рассматривал как канал отношений «человека и организации» и обозначил: «Одна из жизненных задач человека заключается в том, чтобы найти в меру своих возможностей основание для веры в то, во что ему предлагают верить»²⁸. Та же идея — всеми возможными средствами заставить человека «включиться» в организацию, интернализировать ее институциональные нормы — оказывается центральной во всех отмеченных подходах.

Необходимо отметить, что наряду с теорией и «идеологией» организаций за рубежом в последние годы сложи-

²⁷ Emery F. E., Thorsrud E. Industrial Democracy. Amsterdam, 1969; Agersnap F. Theoretical Perspective of Danish Labor Market Development. — In.: International Conference on Production and Prices. Bloomington, 1972; etc.

²⁸ Данэм Б. Герои и еретики. М., 1967, с. 23.

лось и весьма успешно разрабатывается прикладное направление социальной психологии — организационная психология. В конкретных исследованиях этого направления, отраженных в ряде монографий, сборников и журналов²⁹, изучению проблем нормативной регуляции поведения человека в организации уделяется все больше внимания.

Однако зарубежные психологи изучают в основном механизмы действия групповых норм в рамках организаций. Объектом исследования в этих работах становятся различные малые группы, контактные коллективы, рабочие ячейки, неформальные объединения, вырабатывающие, как и всякие группы, свои нормы, приобретающие важную роль средств регуляции поведения человека в его непосредственном окружении в микросреде, складывающейся в общей системе организации.

Как бы ни были существенны эти групповые нормы и механизмы их действия, их значение определяется прежде всего тем, что наиболее эффективным является воздействие на человека, оказываемое через его малую группу членства или референтную группу. Приведенный нами материал показывает, что не эти групповые нормы преобладают в организации, определяют ее лицо, отражают ее природу и доминируют в системе нормативной регуляции поведения человека в организации.

«Круг предписанного поведения» в организации включает прежде всего требования *лояльности* к организации в целом, ее авторитетам и представителям, *приверженности* принципам организации, узаконенным, т. е. институционализированным, в ней нормам. Выработке такого «корпоративного духа» подчинены основные нормы организаций в рамках буржуазного общества.

Что же касается другой группы норм — *объективно необходимых данной кооперации норм*, регулирующих кооперативную организационную деятельность, направлен-

²⁹ См., например: *Organizational Theory in Industrial Practice*/ Ed. M. Haire. N. Y., 1962; *Trist E., Higgin G., Murray H., Pollock A. Organizational Choice*. London, 1963; *Katz D., Kahn R. L. The Social Psychology of Organization*. N. Y., 1966; *Porter L. W., Lawler E. E., Hackman J. R. Behavior in Organizations*. N. Y., 1975; *Handbook of Industrial and Organizational Psychology*/ Ed. M. D. Dunnette. Chicago, 1976; etc. Следует также отметить, что за рубежом издается несколько специальных журналов по организационной психологии и организационному поведению.

ную на достижение реальных объективных целей, для достижения которых и должны фактически формироваться организации, то эти нормы занимают в институционализированных системах норм подобных организаций менее значимые позиции. Они обычно сводятся к «вторичным», а подчас «техническим», т. е. связанным с операционными аспектами деятельности.

Создание организаций, наиболее адекватных объективно возникающим в обществе целям, общему уровню социального развития общества, его нормативным требованиям, — важнейшая задача социалистического общества.

Организации, формирующиеся в условиях социалистического общества, не только определяются совершенно новыми общественными целями, но и призваны включать условия, благоприятные для полноценного социального и нравственного развития личности, проявления высших социальных свойств личности — гражданских свойств, ответственности, активности, высоких нравственных качеств, творческих возможностей людей. Они должны стать этапом выработки высшего типа кооперации, который был определен еще в «Манифесте Коммунистической партии» как «ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»³⁰.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 44.

Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность: эволюционный аспект *

В данной статье¹ альтруистическое индивидуальное поведение выводится из высшей (по сравнению с индивидуалистическими способами адаптации) приспособительной ценности организованно-групповой сложной социальной взаимозависимости. Индивидуальные мотивации и диспозиции являются таковыми, каковыми они являются, в значительной мере благодаря тому, что они делают возможным функционирование группы. Большинство таких мотивов правильно классифицируется как «альтруистические». Но, будучи «альтруистическими», не все они являются «положительными», «разумными» или «хорошими». Желание умереть во имя достижения частных групповых целей и связанные с этим мотивы могут быть использованы в целях «трибализма», национализма и войны и, таким образом, могут быть самоубийственными для человека.

Положения этой статьи являются результатами пересмотра взглядов, нашедших отражение в статье², напи-

* © Campbell D. T., США, 1979 г.

¹ В статье профессора Северозападного университета США Дональда Т. Кэмпбелла представлена точка зрения известного американского психолога на эволюционный аспект проблемы возникновения и функционирования социальных мотивов, установок, диспозиций индивида, в частности альтруистических мотивов. Автор отмечает их обусловленность сложными социальными связями и отношениями и их функциональный характер для группы или общности, в которую включен индивид. Некоторые положения статьи представляются дискуссионными (см., в частности, примечания редакторов). Статья публикуется с небольшими сокращениями в переводе М. И. Бобневой (прим. ред.).

² Первые два раздела данной статьи являются переработкой более ранней работы «Этноцентрические и другие альтруистические мотивы», опубликованной в сборнике Небраского симпо-

санной несколько лет назад. Мы стремимся убедить психологов быть менее психоцентричными и более социоцентричными при рассмотрении ими социализированных человеческих мотивов.

Несмотря на то что уже в начальной версии работы признавалось, что достижение человеком высокой степени разделения труда и социальной взаимозависимости (намного превосходящей взаимозависимость особей, относящихся к различным биологическим видам) является преимущественно результатом культурного накопления или социальной эволюции, тем не менее в ней утверждалось, что генетические тенденции будут накоплены в соответствии с этими социальными функциями. Именно это положение я считаю необходимым пересмотреть в данной статье. Работа Дж. Уильямса³ «Адаптация и естественный отбор» убеждает меня в правдоподобности аргумента, выдвинутого впервые Дж. Хэлдейном в 1932 г.⁴, что, поскольку существует генетическая конкуренция между членами сообщества, не может быть кустового отбора генетических альтруистических диспозиционных тенденций, которые включают любое пожертвование репродуктивными возможностями членов сообщества. Хотя в некоторых разделах новой версии дается лишь уточнение терминов и положений, принятых нами ранее, подход с новых позиций, на основе отмеченных выше высказываний генетиков, имеет большое смысловое значение для понимания социальной природы человека. (Он может позволить, в частности, объяснить причину обращения к понятиям искушения и греха в традиционных системах морализирования⁵.)

зиума по мотивации (*Campbell D. T. Ethnocentric and Other Altruistic Motives.* — In: *Nebraska Symposium on Motivation/Ed. D. Levine. Lincoln, Neb., 1965, p. 283—311*).

³ *Williams G. C. Adaptation and Natural Selection.* Princeton, New Jersey, 1966.

⁴ *Haldane J. B. S. The Causes of Evolution.* London, 1932.

⁵ Более подробно эти и другие, связанные с темой статьи вопросы были рассмотрены в докладе Д. Т. Кэмпбелла как президента Американской психологической ассоциации в 1975 г. и опубликованы в статье: *Campbell D. T. On the Conflict Between Biological and Social Evolution and Between Psychology and Moral Tradition.* — *Amer. Psychol.*, 1975, vol. 30, N 5, p. 1103—1126; см. также обсуждение этой публикации рядом известных американских психологов, антропологов, историков,

В первом разделе статьи будут намечены в самых общих чертах приспособительные ценности и преимущества группового существования и поведенческие диспозиции, связанные с ними. В следующем разделе будет дан более детальный обзор положений «реалистической теории группового конфликта», в общем наиболее принятой теории групповой солидарности и межгруппового конфликта, в которой эти явления рассматриваются на уровне взаимодействия групп. Как и в первом разделе, здесь индивидуальные диспозиции, связанные с указанными явлениями, будут выведены из функций группового уровня. В этих двух разделах в центре внимания будут находиться функциональность и поведенческие тенденции, а вопросы об их генетической или культурной детерминации и специфике культурно-исторической эволюции будут затронуты позже. В заключительном разделе будут рассмотрены вопросы генетики альтруизма и некоторые связанные с ними положения.

1. Приспособительная ценность социальной организованности

Биологическое развитие различных видов дает много примеров конвергентной эволюции. Случаи, когда эволюционные процессы, начинающиеся с различных исходных форм, приводят к сходным формам и функциям, с особой ясностью показывают существование благоприятной экологической ниши. Так, полет с помощью крыльев был «изобретен» птеродактилями, птицами, мышами и насекомыми. Одинаковая форма глаза развилась как у позвоночных, так и у головоногих. Огромное селективное преимущество этих форм очевидно.

Нечто подобное такой эволюции, вероятно, наблюдалось неоднократно и в отношении сложного образца социальной координации, который мы можем назвать «урбаническим». В таком «урбаническом» образце социальной жизни проявляются следующие черты: проживание членов сообщества в многоячейных жилищах, производство пищи «про запас» и хранение запасов, разделенные

этнографов, биологов и заключение Кэмпбелла по дискуссии в журн.: Amer. Psychol., 1976, vol. 31, N 5, p. 341—384 (прим. ред.).

труда, приводящее к появлению таких членов сообщества, которые сами не производят продуктов питания (их снабжают продуктами другие члены сообщества), и к одной из первых профессиональных специализаций — профессиональных солдат. Такие урбанистические цивилизации возникали, очевидно, независимо друг от друга несколько раз на протяжении истории⁶, например в Египте, Месопотамии, Китае, Индии, Перу и Мексике.

Если мы ограничим список общих черт образца координации в сообществе этим минимумом, как отмечали некоторые авторы, то сходная конвергенция также неоднократно имела место и у насекомых, ведущих совместный образ жизни⁷. Не один, а несколько раз одиночные виды превращались в совместно существующие. Предки пчел и муравьев были особями, ведущими одиночный образ жизни. Во всех случаях формы совместного существования возникали позже, чем виды, включающие одиночные особи, представляя более совершенную адаптацию. Одиночное существование особей, имевших совместно проживающих предков, явно редко, если вообще появляется. Эта повторяющаяся конвергенция указывает на очень большую ценность для выживания вида образца социальной координации. И хотя в одних случаях имеет место социокультурная эволюция⁸, а в других — эволюция биологическая, можно было бы ожидать параллелей в индивидуальных мотивациях, поддерживающих социальные функции. Далее отмечены некоторые преимущества (или «экономичность») социального способа существования и приведены гипотезы относительно того, как индивидуальные ценности или мотивы могли бы обеспечить их.

Когнитивные преимущества. С точки зрения психолога, интересующегося когнитивными процессами, одним из наиболее очевидных преимуществ социального способа существования является экономия познания, т. е. процесс, при котором опыт проб и ошибок одного из членов сообщества

⁶ Steward J. H. Theory of Culture Change: the Methodology of Multilinear Evolution. Urbana, 1955; *Idem.* Irrigation Civilization: a Comparative Study. Washington, D. C., 1955.

⁷ Allee W. C., Emerson A. E., Park O., Park T., Schmidt K. P. Principles of Animal Ecology. Philadelphia, 1949.

⁸ Campbell D. T. Variation and Selective Retention in Sociocultural Evolution. — In: Social Change in Underdeveloped Areas: a Reinterpretation of Evolutionary Theory/ Ed. R. W. Mack, G. I. Blanksten, H. R. Barringer. Cambridge, 1965.

служит предохранению других членов сообщества от «слепых проб». Такие приспособительные процессы наблюдаются у разных видов и опосредуются как наблюдениями, так и словесно-знаковыми инструкциями. С. Аш⁹ (как было отмечено нами¹⁰) привлек внимание к тому, какую существенную роль в общественной жизни играют готовность извлекать пользу из наблюдений, сообщенных другими членами сообщества, и соответственно сообщение о своих собственных наблюдениях в такой форме, чтобы другие могли учитывать их. Возникают две необходимые ценностные диспозиции. С одной стороны, существует необходимость в честности коммуникаторов, с другой стороны — в доверии к коммуникации. Это, по-видимому, — универсальные ценности человеческих сообществ.

Функциональные аналоги подобных процессов коммуникации наблюдаются у различных видов¹¹. Доверие, доверчивость, склонность принимать на веру или функциональные эквиваленты этих диспозиций необходимы любым реципиентам и имеют приспособительную ценность, даже если реципиенты иногда могут быть введены в заблуждение. Экологический смысл экономии познания делает честность и доверие эффективными ценностями. Трудно представить, каким образом без них возможна экономия познания. Можно предположить, что на более примитивном уровне она реализуется с помощью механизмов, которые делают животных способными извлекать выгоду из ошибок других особей.

Преимущество специализации и разделения труда. В сложной общественной жизни повсеместно осуществляются специализация задач и разделение труда. Складываются сообщества, охватывающие обширные популяции, внутри которых и осуществляется разделение труда. Необходимые ценности, связанные с производственным комплексом, обеспечивающим любое сообщество, — производство излишков, воздержание от излишеств и обязательство делиться продуктами труда.

⁹ *Asch S. E. Social Psychology. N. Y., 1952.*

¹⁰ *Campbell D. T. Conformity in Psychology's Theories of Acquired Behavioral Dispositions. — In: Conformity and Deviation/ Ed. I. A. Berg, B. M. Bass. N. Y., 1961.*

¹¹ *Frisch K. von. Bees, their Vision, Chemical Sense, and Language. Ithaca, 1950; Gould J. L. et al. Communication of Direction by the Honey Bee. — Science, 1970, vol. 196, p. 554.*

Преимущества взаимной защиты. Этот критерий особенно подчеркивается исследователями, призывающими к пересмотру крайнего индивидуализма ранних интерпретаторов Дарвина¹². Концентрированные усилия многих индивидов при защите от врагов или при нападении на другие сообщества делают действия членов сообщества эффективными в тех случаях, когда индивиды, выступая поодиночке, были бы все поработаны. Необходимыми ценностными диспозициями для обеспечения взаимной защиты являются лояльность, альтруистическая готовность к самопожертвованию ради группы и т. д. Сочетание требований защиты сообщества и разделения труда приводит к формированию касты специально вооруженных солдат, что является в то же время отвлечением сил от производства продуктов. Повсеместное наличие солдат в ранних человеческих поселениях, вероятно, связано с необходимостью защиты и хранения припасов от разграбления.

Противоположность биологической и социокультурной эволюции. Если рассматривать совместно существующих насекомых, то необходимо отметить, что здесь имеет место биологическая эволюция и индивидуальные побуждения, которые поддерживают образец координации в сообществе. Они могут, таким образом, рассматриваться как врожденные (хотя весьма сложные, связанные и со средовыми различиями на ранних стадиях развития, приводящими к дифференциации муравьев на «рабочих» и «солдат» за счет формирования одного из двух совершенно отличных «мотивационных» образцов, потенциально идентичных по генетической основе для обоих типов особей).

При «урбанистской» цивилизации происходят социокультурная эволюция, избирательное сохранение обычаев, не требующие изменений биологической структуры. Таким образом, человеческие мотивы, соответствующие «урбанистской» цивилизации, — честность, доверие, стремление к накоплению и сохранению продуктов производства и разделению функций, храбрость и лояльность — могут быть рассмотрены как мотивы приобретенные, постепенно внедряемые в каждое новое поколение путем социального обучения. Доминирующей позицией в социальной психологии является, разумеется, рассмотрение их как таковых. Это ни в коей мере не уменьшает их значения и не про-

¹² Kropotkin P. Mutual Aid: a Factor in Evolution. N. Y., 1902.

тиворечит положению о важной роли функций социального уровня в детерминации индивидуальной мотивации.

На психологической основе мы можем предсказать, что «агрегаты» лиц все более превращаются в группу, чем более длительное время они остаются вместе (эта тенденция наблюдается и при лабораторных исследованиях малых групп в течение двух часов). Таким образом, формирование группового согласия (консенсуса) или норм связано с рядом психологических механизмов. На основе принципов обучения путем наблюдения, а также принципов конформности можно предсказать, что сходство мнений различных лиц будет увеличиваться при участии их в обсуждении тех или иных проблем или реакций. Принципы когнитивного диссонанса позволяют предсказать, что к членам группы, высказывающим наиболее отличающиеся мнения, будут применены особые средства убеждения, поскольку их мнения могут влиять на мотивацию слушателей. Это содействует гомогенизации мнений. Увеличение взаимодействий в нормальных условиях усиливает межличностные симпатии, порождая групповую лояльность. Процессы, происходящие в группе, могут быть предсказаны на основе принципов психологии.

Доскональное изучение индивидуальной психологии муравьев — «рабочих», «королев-маток» и «солдат» — могло бы на основе сугубо индивидуальных мотивов и реакций подобным путем привести нас к предсказанию возникновения эффекта сотрудничества, взаимного обслуживания, групповой реакции на нападение и т. д. Но в этом случае нам не следует подвергаться искушению рассматривать продукт группового уровня как идентичный продукту, возникающему в результате процессов, в основе своей индивидуальных. Вместо этого мы должны рассматривать индивидуальные мотивации как образования, являющиеся тем, чем они являются, именно благодаря групповой функциональности и их приспособительной ценности. Нельзя ли сказать то же самое, по крайней мере отчасти, о социальных мотивациях человека?

2. «Реалистическая теория группового конфликта»

Совместно с Р. Левайном мы ранее беспристрастно проанализировали несколько десятков социетальных и психологических теорий межгруппового конфликта и

этноцентризма¹³. Таким образом, наша способность к непредубежденности была продемонстрирована, но в настоящее время нашим целям более соответствует роль защитника одной из теорий, а именно «реалистической теории группового конфликта». Это, несомненно, одна из наиболее широко принятых и наиболее часто разрабатываемых различными авторами независимо друг от друга теорий межгруппового конфликта. Как таковая она заслуживает внимания психологов, несмотря на то что доказательства, поддерживающие ее, основаны скорее на гуманистической традиции, чем на количественных и экспериментальных исследованиях.

В данном разделе, как и в предыдущем, рассматривается функциональность на групповом уровне, из которой следуют специфические индивидуальные психологические диспозиции восприятий и ответов.

Понимание агрессии на уровне поведения некоторых особей рыб и диких гусей обогащается при использовании понятия «территориальности» (см. работу К. Лоренца¹⁴). «Реалистическая теория группового конфликта» может рассматриваться как теория «социально-групповой территориальности» и «социально-групповой агрессии», но специфика каждого из этих уровней «территориальности» должна быть ясно обозначена. «Территориальность» у животных, в том виде, в каком она изучается этологами, представляет собой поведенческий синдром защиты и покровительства со стороны отдельной

¹³ *Campbell D. T., LeVine R. A. A Proposal for Cooperative Cross-cultural Research on Ethnocentrism.—J. Confl. Resol., 1961, vol. 5, p. 82—108; LeVine R. A., Campbell D. T. Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes and Group Behavior. N. Y., 1972.*

Для понимания термина «этноцентризм» целесообразно учесть замечания, сделанные авторами указанной монографии во введении: «Этноцентризм превратился в обычное слово, понимаемое в самом общем смысле по аналогии с «эгоцентризмом» как установка, или подход, при котором ценности, сформированные в рамках одной культуры, используются в других культурных контекстах, где существуют иные ценности... На более сложном уровне существует этноцентрическая установка или подход, при котором в расчет принимается множество точек зрения, но эти подходы других культур рассматриваются как неправильные, хуже по качеству или неморальные» (*LeVine R. A., Campbell D. T. Op. cit., p. 1 (прим. ред.)*).

¹⁴ *Lorenz K. An Aggression. N. Y., 1966.*

мужской особи в отношении женской особи или нескольких женских особей и их потомства. «Реалистическая теория группового конфликта» не идентична теории, изучающей индивидуальные инстинкты, и не объясняет межгрупповой конфликт проявлением территориального инстинкта у отдельных мужских особей. Это скорее аналоговая теория, относящаяся к другому уровню организации. «Реалистическая теория группового конфликта» применима к организованным группам, состоящим из многих индивидов и семейств. С точки зрения поведенческих диспозиций, возникающих у индивидов, входящих в такие группы, два уровня «территориальности» несовместимы. Так например, несмотря на то, что усилия, направленные на использование этноцентризма, часто связаны с призывами к защите дома и семьи, «территориальность» на групповом уровне всегда требует, чтобы солдат в течение длительного времени не участвовал в непосредственной защите своей жены и своего дома. Индивидуальная «территориальность» и агрессия подразумевают внутrigрупповой конфликт и регулярно подавляются во имя достижения целей межгруппового конфликта. Таким образом, не территориальные инстинкты млекопитающих или приматов объясняют войну в рамках данной теории. Наоборот, вводится аналоговая функция на более высоком организационном уровне, требующая торможения, более низкого по уровню индивидуального инстинкта млекопитающих.

Многие авторы выступали против психологизирования при объяснении межгруппового конфликта. Т. Абел, Л. Уайт, Дж. Бернارد, У. Ньюком и Р. Фарис¹⁵ эксплицитно заявляли о неадекватности психологических объяснений, обычно используя в качестве примера «теории фрустрации — агрессии — смещения». Приведем здесь

¹⁵ *Abel T.* The Element of Decision in the Pattern of War. — Amer. Sociol. Rev., 1941, vol. 2, p. 853—859; *White L. A.* The Science of Culture: a Study of Man and Civilization. N. Y., 1949; *Bernard J.* The Sociological Study of Conflict. — In: *Bernard J. et al.* The Nature of Conflict. Paris, 1957, p. 33—117; *Idem.* Parties and Issues in Conflict. — J. Confl. Resol., 1957, vol. 1, p. 111—121; *Newcomb W. W.* Toward Understanding of War. — In: *Essays in the Science of Culture/ Ed. G. E. Dole, R. L. Carneiro.* N. Y., 1960, p. 317—336; *Faris R. E. L.* Interaction Levels and Intergroup Relations. — In: *Intergroup Relations and Leadership/ Ed. M. Sherif.* N. Y., 1962.

лишь одно высказывание Уайта, который отмечал, что «война — это борьба между социальными организмами, а не между индивидами. Поэтому ее объяснение должно быть дано с позиций анализа социальных или культурных закономерностей»¹⁶.

Большинство из тех, кто отвергает психологизированные объяснения, поддерживает точку зрения, которая здесь и обозначена как «реалистическая теория группового конфликта». Эта теория предполагает, что конфликт рационален в том смысле, что те или иные группы действительно имеют несовместимые цели и конкурируют в стремлении овладеть ресурсами, которые не беспредельны. Обращение к подобным «реалистическим» источникам группового конфликта противоположно установкам авторов тех психологических теорий, которые рассматривают межгрупповые конфликты как «смещение» или «прожективное выражение» проблем, по существу, внутригруппового или межиндивидуального происхождения. Среди тех, кто в той или иной мере разрабатывал подход с позиций «реалистической теории группового конфликта», находятся У. Самнер, М. Дэви, Л. Уайт, М. Шериф, Л. Козер, Дж. Бернард, У. Ньюком и К. Боулдинг¹⁷. Не все упомянутые авторы избегали психологических объяснений: например, Козер и Боулдинг, а также Шериф не отклоняли их (за исключением объяснений с позиций «теории смещения» и «прожективного» конфликта). Но для всех указанных авторов первостепенное значение имеют реальные источники группового конфликта. Многие работы в русле этой теории посвящены изучению развития конфликтов, формированию коалиций, оптимальных стратегий в конфликтных ситуациях, относительной платы и т. п.¹⁸

¹⁶ White L. A. Op. cit., p. 132.

¹⁷ Sumner W. G. *Folkways*. N. Y., 1906; Davie M. R. *The Evolution of War*. New Haven, 1929; Coser L. A. *The Functions of Social Conflict*. Glencoe, 1956; Sherif M., Sherif C. W. *Groups in Harmony and Tension*. N. Y., 1958; White L. A. *The Science of Culture...*; *Idem*. *The Evolution of Culture: the Development of Civilization to the Fall of Rome*. N. Y., 1959; Sherif M., Harvey O. J. et al. *Intergroup Conflict and Cooperation: the Robbers Cave Experiment*. Norman, 1961; Bernard J. Op. cit.; Boulding K. E. *Conflict and Defence: a General Theory*. N. Y., 1962.

¹⁸ Обзор этого направления работ см. также: Орлова Э. А., Филонов Л. Б. Взаимодействие в конфликтной ситуации. Некоторые

При обработке данных, относящихся к «реалистической теории группового конфликта», в этой работе особое внимание уделяется индивидуальным психологическим диспозициям (восприятию, чувству враждебности и т. д.), которые при этом возникают и делают возможными определенные эффекты на групповом уровне. Ниже приводится ряд принципов — положений этой теории, связанных с проявлениями этноцентризма и межгрупповых конфликтов. Из этих принципов первый, шестой, восьмой и девятый вводятся как принципы сугубо группового уровня¹⁹, остальные основаны на закономерностях индивидуальной психологии. Но даже принципы сугубо группового уровня включают эксплицитные предсказания индивидуального порядка, в частности относительно поведения лидеров групп.

1. *Реальный конфликт интересов различных групп обуславливает межгрупповой конфликт.* Межгрупповой конфликт особенно интенсивен, когда реальный конфликт интересов очень значителен, а конфликтующие стороны получают наибольший выигрыш при победе. Эти положения могут быть более детализированы, но здесь целесообразно привести ряд положений о связи угрозы и конфликта с этноцентризмом.

2. *Реальный конфликт интересов, а также явный, активный или имевший место в прошлом межгрупповой конфликт и (или) наличие враждебности, угрозы и конкуренции соседних групп (что в целом может быть названо «реальной угрозой») обуславливают восприятие угрозы отдельными членами группы.* Это положение обычно имплицитно содержится в работах ряда авторов. Так, оно необходимо для выводов, которые делают Шериф и Козер, а в более широком смысле — для предсказания отдельных групповых явлений на основе соответствующих чувств отдельных членов группы. С учетом

факторы, определяющие ход взаимодействия. — В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976 (прим. ред.).

¹⁹ Приводимые автором положения «реалистической теории группового конфликта» даны в абстрактной форме, без учета конкретных исторических условий и существующих в обществе классовых отношений, оказывающих решающее, детерминирующее влияние на интересы и столкновения тех или иных социальных групп (прим. ред.).

этого положения следующие ниже принципы могут быть сформулированы в терминах либо реальной, либо только воспринятой угрозы, или как принципы, учитывающие оба вида угрозы. В указанных выше работах обычно используются положения, связанные с реальной угрозой, а воспринятая угроза лишь подразумевается, за исключением тех случаев, когда она имеет другие источники.

3. *Реальная угроза обуславливает враждебность отдельных членов группы к источнику угрозы.* Хотя это положение часто лишь подразумевается и не формулируется, поскольку оно представляется очевидным, оно характерно для «реалистической теории группового конфликта». Шериф пишет о неприязни индивидов к внешней группе, возникшей как результат или воспринятой ими угрозы или восприятия ими внешней группы как группы, конфликтующей с данной. Это положение предполагает корреляционные отношения между степенью угрозы и степенью индивидуальной враждебности. Шериф делает это положение эксплицитным, отмечая, что чем существеннее цель, к достижению которой стремятся конкурирующие группы, тем больше враждебность; чем значительнее ценность, которая подвергается угрозе, и чем серьезнее представляется воспринятая помеха на пути достижения цели, тем больше враждебность.

4. *Реальная угроза обуславливает внутригрупповую солидарность.* Это наиболее часто встречающееся и эксплицитное положение «реалистической теории группового конфликта». Оно встречается у Уайта²⁰ и Самнера²¹. Шериф отмечает, что наличие внешней группы, к которой со стороны членов данной группы существует негативное отношение, увеличивает внутригрупповую солидарность²². В работах Козера это, вероятно, важнейшая тема. Сходные положения приводят У. Льюис, Р. Мэрфи и Л. Каждан, К. Боулдинг²³. Р. Дарендорф пишет: «...общим законом представляется то, что группы реагируют на внешнее давление увеличением

²⁰ White L. A. Op. cit., p. 133.

²¹ Sumner W. G. Op. cit., p. 12.

²² Sherif M. 1958. Op. cit., p. 196.

²³ Murphy R. F., Kasdan L. The Structure of Parallel Cousin Marriage. — Amer. Anthropol., 1959, vol. 61, p. 17—29; Lewis W. H. Feuding and Social Change in Marocco. — J. Confl. Resol., 1961, vol. 5, p. 43—54; Boulding K. E. Op. cit.

внутренней сплоченности...»²⁴. Дополнительные примеры содержатся в работе П. Розенблата²⁵.

5. *Реальная угроза обуславливает более полное осознание индивидом собственной групповой принадлежности (идентичности)*. Это положение сформулировано Козером²⁶. Оно также может быть использовано при описании тех случаев, когда подчеркиваются специфика и превосходство внутригрупповых обычаев. Шериф показывает, что внешняя угроза и межгрупповая конкуренция обуславливают преувеличение членами группы достоинств собственной группы и пороков, приписываемых внешним группам. Возрождение в условиях конфликта в этнических общностях традиционных языков (например, усилия ирландцев заново утвердить гэльский язык) — симптом того же явления. Самнер, вероятно, также имел это в виду, хотя в поисках причин, вызывающих подобные явления, он скорее обращал внимание на этноцентризм, чем на внешнюю угрозу: «Этноцентризм ведет людей к преувеличению и интенсификации в их собственных обычаях всего, что является специфичным и что отличает их от других. Он, следовательно, упорочивает обычаи»²⁷.

6. *Реальная угроза увеличивает непроницаемость групповых границ*. Это положение раскрывается Козером²⁸. Хотя наблюдаются случаи буквального укрепления межгрупповых границ, мы будем интерпретировать непроницаемость групповых границ также и в более фигуративном смысле, когда межгрупповые барьеры используются для поддержания социальной дистанции между членами различных групп. Подобное влияние межгрупповой конкуренции на социальную дистанцию отмечено, например, Шерифом²⁹.

7. *Реальная угроза уменьшает отклонения индивидов от групповых норм*. Это положение Козера³⁰ является спецификацией одного из аспектов внутригрупповой солидарности.

²⁴ Dahrendorf R. The new Germanics. — Encounter, 1964, vol. 22, p. 58.

²⁵ Rosenblatt P. C. Origins and Effects of Group Ethnocentrism and Nationalism. — J. Confl. Resol., 1964, vol. 8, p. 131—146.

²⁶ Coser L. A. Op. cit., p. 104—110.

²⁷ Sumner W. G. Op. cit., p. 13.

²⁸ Coser L. A. Op. cit., p. 95—104.

²⁹ Sherif M. Op. cit., 1961, p. 46.

³⁰ Coser L. A. Op. cit., p. 95—104.

8. *Реальная угроза увеличивает меру наказания и степень отверженности нарушивших верность своей группе.* Этот специфический («поддерживающий») солидарность механизм наказания изменников и отступников также рассматривается Козером³¹.

9. *Реальная угроза приводит к необходимости наказания и остракизма членов группы, отклоняющихся от групповых норм.* Этот поддерживающий солидарность механизм усиления нетерпимости к лояльным в целом новаторам и «еретикам» был отмечен и Козером³², и Шерифом³³. Рокич³⁴ намечает экстенсивные теоретические и эмпирические исследования влияния угрозы на догматизм. На уровне угрозы для группы (в отличие от угрозы для отдельных личностей) его наиболее релевантные доказательства этого положения связаны с историческим анализом степени догматизма, обнаруживаемого в папских энцикликах за длительный период, Рокич показывает, что чем более реальна угроза, тем выше догматизм, выражающийся как в ужесточении наказания в отношении членов группы, отклоняющихся от групповых норм, так и в безапелляционности содержания официальных утверждений.

Приведенные выше положения могут быть суммированы в заключении о том, что сторонники «реалистической теории группового конфликта» выводят весь синдром этноцентризма из реакции членов группы на конфликт и угрозу со стороны внешних групп: *реальная угроза увеличивает этноцентризм.*

10. *Ошибочное восприятие членами группы угрозы со стороны внешней группы обуславливает повышенную внутригрупповую солидарность и враждебность в отношении внешней группы.* Хотя сторонники «реалистической теории группового конфликта» уделяют особое внимание реальной угрозе, они также отмечают, что указанные положения часто используются лидерами групп или контролируруемыми средствами массовой коммуникации таким образом, что конфликт и враждебность в отношении внешних групп становятся скорее прожективным

³¹ Ibid., p. 67—72.

³² Ibid., p. 70—71, 100—101.

³³ Sherif M. Op. cit.

³⁴ Rokeach M. The Open and Closed Mind. N. Y., 1960, p. 378—388.

симптомом внутригрупповых проблем, чем продуктом межгруппового конфликта. Так, Козер³⁵ указывает, что лидеры группы могут выискивать врага или создавать фиктивного врага для достижения внутригрупповой солидарности или сохранения ее. Подобные положения формулируют также Уайт³⁶, Боулдинг³⁷, а Розенблат³⁸, сопоставляя положения, характеризующие этноцентризм и национализм, приводит данные, относящиеся к этому вопросу, по работам еще шестнадцати авторов.

Более детально и в полном объеме положения этой теории сформулированы нами в другой работе³⁹. Если на основании многих отмеченных «средовых» принципов можно предсказать степень несовместимости межгрупповых интересов, также истинно и то, что положения, характеризующие явления на групповом уровне, имплицитно включают и психологические положения.

При анализе межгрупповой враждебности с позиций «теории фрустрации, агрессии и смещения» социальные процессы выводятся из функциональных механизмов индивидуального уровня. В противоположность этому в «реалистической теории группового конфликта» функциональность существует на групповом уровне, но непременно влияет на психологические процессы.

Положение о том, что угроза со стороны внешней группы увеличивает индивидуальную враждебность к внешней группе и индивидуальную лояльность к своей, является, несомненно, одним из наиболее общепринятых наблюдений дескриптивной, неэкспериментальной социальной науки. Это столь повсеместно наблюдаемое явление, испытанное и на личном опыте в военное время, что, кажется, оно не нуждается в объяснении. Однако оно не может быть предсказано ни с позиций индивидуалистического гедонизма современной теории научения, ни на основе других распространенных теорий — обмена, левиновской топологии, когнитивной конгруэнтности, психоанализа. В частности, эти теории не могут быть использованы в тех случаях, когда внимание исследователя

³⁵ *Coser L. A. Op. cit., p. 105—106.*

³⁶ *White L. A. Op. cit., p. 137.*

³⁷ *Boulding K. E. Op. cit., p. 162.*

³⁸ *Rosenblatt P. S. Op. cit.*

³⁹ *LeVine R. A., Campbell D. T. Op. cit.*

обращено на готовность индивида сражаться и умереть за свою группу ⁴⁰.

Готовность рисковать жизнью во имя групповых целей является, конечно, редкостью в мирное время в обществе, более сложном, чем природное сообщество. Нелетальный характер большинства примитивных войн показан в работах Дэви и Тэрни-Хай ⁴¹. Война также может быть редкостью в обществах, основанных на традициях. Однако такая готовность существует, и это одно из явлений, которое делает возможным смертоубийственную войну. Даже умудренные жизнью «современные граждане», чей ежедневный опыт делает их неспособными верить в то, что такие мотивы существуют, подчас чувствуют себя готовыми умереть за модные, если не за официозные, цели. И такая готовность слабо соотносится с вероятностью успеха в достижении самой цели. Для некоторых групп (если не для большинства членов сообществ) такие лозунги, как «лучше мертвый герой, чем живой трус», «лучше мертвый свой, чем живой чужой», «лучше мертвый Айбо, чем живой Йоруба», «лучше мертвый мусульманин, чем живой христианин», «дайте мне свободу или смерть», — выражения их реальных чувств, подкрепляемых действиями. Эта установка является настолько общей (если не универсальной), а ее роль в том, что войны оказываются возможными, столь значительна, что невольно возникает желание присоединиться к мнению Фрейда, что она связана с чем-то базовым в социальной природе человека. Но если можно согласиться с Фрейдом относительно важности проблемы, то это еще не означает, конечно, что следует согласиться с его выводом, в котором постулируется существование дисфункционального желания смерти. Вместо этого основания таких установок необходимо искать в их групповой функциональности.

⁴⁰ Абстрактные формулировки, принятые в работах сторонников «реалистической теории группового конфликта», не позволяют поставить вопрос о том, что «готовность сражаться и умереть за свою группу» может быть принципиально различной по своей природе — от патологической и фанатической приверженности к групповой догме до подлинного патриотизма и сознательного жертвования своей жизнью во имя прогрессивных, гуманных идеалов общества (*прим. ред.*).

⁴¹ *Davie M. R. Op. cit.; Turney-High H. H. Primitive War. Columbia, 1949.*

Этой мотивационной особенностью часто пренебрегают западные представители современных социальных наук в проводимых ими дискуссиях о причинах войны. Войны не могут быть рождены в умах людей, но, как мы полагаем, некоторые особенности психики людей и природы человека способствуют тому, что войны оказываются возможными. И среди многих таких особенностей природы человека альтруистическая готовность к самопожертвованию и смерти во имя групповых целей может быть более существенна, чем тенденция к враждебности по отношению к членам внешней группы.

Одним из аспектов американской общественной жизни, привлекающим внимание к этой мотивационной черте, является постоянно наблюдаемая большая полярность в стране международных конфликтов, чем состояний примирения ⁴².

В функциональной теории социологии существует тенденция рассматривать указание на функцию как эквивалент объяснения, как имплицитное предположение, что группы будут стремиться иметь те характеристики, которые обеспечат им наилучшее функционирование. Однако, если явная телеология отвергается, селективно-приспособительная эволюционная модель должна быть эксплицирована: в ходе длительного исторического развития, в процессе которого группы и индивиды существенно изменялись и лишь некоторые из них выживали, выживающие группы будут стремиться иметь те социальные обычаи и те гены, которые содействуют их выживанию в межгрупповом конфликте. В другой работе нами было рассмотрено то разнообразие процессов отбора и сохранения, которые должны были сделать возможной социокультурную эволюцию ⁴³.

Мудрость, порождаемая эволюционными процессами — будь то процессы биологические или социокультурные, — ретроспективна. Хотя несомненно, что эволюционная ориентация исследователя способствует большей его приверженности (чем это свойственно обычному социальному психологу) мнению об адаптированности и

⁴² См., например: *Wechsler J. A. The Broders Alsop and Adlai Stevenson.* — *Progressive*, 1965, vol. 27 (3), p. 14—18.

⁴³ *Campbell D. T. Variation and Selective Retention in Sociocultural Evolution.*

адаптивности социального обычая и суеверия, такая приверженность может быть основана только на предположении, что те аспекты среды, которые отображаются в той или иной форме или функции, не изменились. Там, где среда основательно изменилась, продукт эволюции может быть существенно дисфункциональным.

Для осуществления эволюционного процесса необходима изменения (например, путем мутаций, проб и т. д.), стабильность свойств среды, дифференцированно отбираемых среди этих изменений, и система сохранения и воспроизведения, жестко закрепляющая отобранные изменения. Любая новая мутация представляет неудачу в воспроизведении ранее отобранной формы. Слишком высокий темп мутаций подвергает опасности сохранность уже достигнутых адаптаций. Поэтому в эволюционных системах возникают механизмы для сдерживания темпа изменений. Чем сложнее достигнутая адаптация, тем вероятнее, что мутации являются вредными (дезадаптивными) и поэтому имеет место более сильное торможение процессов, связанных с мутациями. На этом основании мы можем ожидать, что обнаружим мощные системы сохранения и воспроизведения, а это будет вести к многократному воспроизведению адаптивных ранее свойств в течение длительного периода после изменений среды, устранивших их адаптивный характер. Хотя это положение сформулировано в биологических терминах, подобные ожидания имеют место и в отношении продуктов социокультурной эволюции.

3. Генетика альтруизма

Вопрос о генетике некоторых социально-психологических свойств человека, прежде всего альтруизма, привлекает к себе в последнее время огромное внимание⁴⁴.

⁴⁴ См. постановку этих вопросов в работах советских ученых: *Федосеев П. Н.* Проблема социального и биологического в философии и социологии. — В кн.: Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977; *Фролов И. Т.* Проблемы человека в «век биологии». — Там же; *Ломов Б. Ф.* Проблема биологического и социального в психологии. — Там же; *Шорохова Е. В.* О естественной природе и социальной сущности человека. — Там же; Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1976; *Эфроимсон В. П.* Родословная

В книге Уайнн-Эдвардса «Дисперсия животных в связи с социальным поведением»⁴⁵ представлены доказательства естественного отбора свойств, ведущих к выживанию пород и целых видов даже за счет успеха отдельных особей в воспроизводстве потомства.

Дж. Уильямс в работе «Адаптация и естественный отбор»⁴⁶ выступил против основных выводов Уайнн-Эдвардса, доказывая, что механизмы, которые тормозят эффективное воспроизведение потомства индивидом (ограничивают эффективную фертильность), несовместимы с теорией естественного отбора в его наиболее разработанной статистической форме. При этом он использует аргумент, связанный с проблемой «альтруистических» генов, впервые представленный Дж. Б. С. Хэлдейном в специальном приложении к его книге 1932 г. о статистической теории эволюции⁴⁷. Ограничению подвергаются не все альтруистические тенденции, но скорее те, которые альтруистичны в той мере, в какой они сопряжены с риском для индивида, и которые, таким образом, в какой-то степени уменьшают шансы воспроизводства индивида, снижают частоту появления его генов в последующих поколениях.

Хотя в работе Хэлдейна аргументу придана статистическая форма (и также в общем виде он приводится в книге Уильямса), основная идея может быть выражена просто. Предположим, что мутации приводят к такой гетерогенности внутри социальной группы, при которой в группе оказывается несколько индивидов с генами, обеспечивающими их predisпозиции к самоотверженности, храбрости и самопожертвованию, т. е. с генами, способствующими выживанию группы в целом, и какое-то число индивидов с генами, обеспечивающими predisпозиции к самосохранению и трусости. Предположим, что, благодаря наличию у некоторых индивидов «генов храбрости», группа как целое более жизнестойка. Такая гетерогенность в среднем повышает репродукци-

альтруизма. — Новый мир, 1971, № 10; Фролов И. Т. Прогресс науки и будущее человека. М., 1975; и др. (прим. ред.).

⁴⁵ *Wynne-Edwards V. C. Animal Dispersion in Relation to Social Behavior. Edinburgh, 1962.*

⁴⁶ *Williams G. S. Op. cit.*

⁴⁷ *Haldane J. B. S. Op. cit.*

онную возможность как храбрых, так и трусливых членов группы. Выигрыш храбрых в некоторой степени снижен вследствие риска, которому они подвергаются. Выигрыш же трусливых не уменьшается. Таким образом, хотя выигрывают все, трусливые выигрывают больше и в результате их гены будут со временем встречаться в популяции более часто. Если в храбрости существует компонент самопожертвования, то нет способа, с помощью которого альтруистические генетические тенденции могут усиливаться по сравнению с тенденциями к самосохранению.

Уайн-Эдвардс и другие авторы стремятся доказать, что процессы группового отбора могут быть достаточно сильными, чтобы противостоять процессам индивидуального отбора внутри каждой группы. Так, если конкурирующие особи тех же самых видов существенно различны по частоте проявления «гена альтруистической храбрости» и если имел место жесткий групповой отбор, благоприятствующий альтруистической храбрости, то это может противодействовать отбору, направленному против альтруистической храбрости внутри каждой группы. Уильямс доказывает, что такой процесс фактически невозможен. Для близких групп определенных размеров единственный способ, с помощью которого могут быть достигнуты различия между ними по частоте проявления тех или иных генов, это систематический отбор на индивидуальном уровне внутри каждой группы. Таким образом, единственным путем развития групп с высокой частотой «альтруистического гена» должен был бы стать путь миграции этих групп — перемещение сначала в такую среду, где альтруизм не был бы связан с жертвенностью, а затем обратное перемещение в общую среду. Даже если такое невероятное стечение случайных обстоятельств имело место, если группа с «генами храбрости» была в какой-то степени гетерогенна или если мутанты обладали свойствами «трусов», то и тогда процессы индивидуального отбора уничтожали преобладание «гена храбрости».

Один из видов такого анализа использует С. Райт, подчеркивая, что если близкие по генам группы были очень малы и в них был высокий процент внутренних скрещиваний, то лишь случайно некоторые группы могли бы перестать быть гомогенными в отношении «гена

альтруистической храбрости». Уильямс довольно убедительно доказывает, что такая генетическая изоляция малых групп не могла бы длительно продолжаться и что при их превращении в гетерогенные возобладал бы индивидуальный отбор. Если аргумент Райта распространяется на комплекс свойств, включающий множество генов, он становится менее вероятным.

Хотя книгу Уильямса находят иногда экстремистской и раскрывающей проблемы слишком односторонне и хотя вопросы, которые она поднимает, выходят далеко за рамки проблем биологии, мне представляется, что ее следует рассматривать как корректную и принимать тот факт, что для нас и других видов, которым свойственна генетическая конкуренция между членами сообщества, существуют строгие ограничения генетического отбора по признаку жертвенного альтруизма.

Следует рассмотреть несколько подробнее, какой тип «эгоистичности» отбирается. Самопожертвование при защите потомства отбирается, поскольку только через потомство может быть достигнуто увеличение частоты проявления генов. Взаимная защита сиблингов (кровнородственных братьев и сестер) отбирается, так как у них 50 процентов тех же самых генов. Но тенденция жертвовать собой во имя защиты более далеких родственников, таких, как двоюродные братья и сестры или племянники, не является благоприобретением. Уильямс подчеркивает, что защита родителями потомства встречается только у тех видов, у которых родители могут отличать своих собственных детенышей от соседских. Таким образом отбирается семейная солидарность, но в отношении групповой солидарности в группах больших, чем семья, отбор, включающий любой риск или жертву со стороны члена группы («кооператора»), действует в обратном направлении. Многие виды поведения, предполагающие кооперацию, скорее обеспечивают прямую выгоду, чем риск или убытки, и такое «кооперативное поведение» позитивно отбирается. В качестве одного из многочисленных примеров Уильямс использует случай охоты стаи волков на оленей. Вероятно, степень «социальности», возникающей таким путем, достигает своих пределов в подобных стаях волков или шимпанзе, включающих несколько семей, т. е. очень ограниченной степени «социальной взаимозависимости».

Существенно иным представляется случай сообществ насекомых, муравьев, пчел и ос. В этих сообществах нет генетической конкуренции между их членами, и насекомые, живущие сообществами, достигли высшей степени сложной коллективной взаимозависимости, включающей и такие ее драматические формы, как самопожертвование.

Следует заметить, что работа Уильямса представляет для психологов ценность по ряду оснований. Он интересно описывает генетическую конкуренцию между мужчинами и женщинами и показывает, как такая конкуренция приводит к равной пропорции полов в период половой зрелости, рассматривает вопросы генетики застенчивости как черты противоположной агрессивной неразборчивости. Уильямс отмечает также механизмы, ограничивающие размер популяции, обеспечивающие эффективную фертильность и т. д.

Сложные социальные взаимодействия людей не сопоставимы с групповыми взаимодействиями животных. Но человек относится к той же генетической категории, что и прочие позвоночные. Нам кажется правомерным вывод о том, что человек мог достичь высокой степени сложной социальной взаимозависимости только путем социальной и культурной эволюции, путем исторического отбора и накопления, с помощью систем воспитания и образования, внутригрупповых санкций, сверхприродных, сверхличностных, сверхсемейных целей и т. д. Подробный анализ «избирательно сохраняющей» эволюции социальных обычаев дан в другой нашей работе ⁴⁸.

Сложная социальная взаимозависимость людей не только должна быть продуктом социальной эволюции — она должна прямо противостоять эгоистическим диспозиционным тенденциям, а именно такие диспозиции последовательно отбираются одновременно протекающей биологической эволюцией. Именно это противоречие между диспозициями, являющимися продуктами биологической и социальной эволюции, объясняет наблюдавшуюся Фрейдом ⁴⁹ амбивалентность человека в отношении его социальных ролей и его отличие от неамбивалентных

⁴⁸ *Campbell D. T. Op. cit.*

⁴⁹ *Freud S. Civilization and its Discontents. London, 1930, Standard Edition, vol. 21, 1961.*

особей других видов. Длительность процесса эволюции не может служить здесь объяснением, это скорее более фундаментальная характеристика эволюционной линии, ведущей к социальной комплексности.

В этом заключении мы идем дальше Уильямса — в направлении, разделяемом, по крайней мере отчасти, Уилсоном⁵⁰. Но такое заключение дает социальному исследователю, интересующемуся спецификой его собственного культурного наследия, основание для принятия точки зрения Уильямса. Так, с этих позиций можно выявить эволюционный смысл (в противном случае — явления аномального или непостижимого) того значения, которое придается обыденной моралью, связанной с религиозными традициями, проблемам греха и искушения. Десять заповедей, многочисленные пословицы и поговорки, религиозные «законы», представляющие собой продукты социальной эволюции, направлены на внедрение тенденций, противостоящих тому, что издавна обозначалось как «сблазны», по большей части представляющие собой диспозиционные тенденции, вырабатываемые биологической эволюцией⁵¹. Для каждой заповеди мы можем гипотетически, но обоснованно представить тенденцию, действующую в направлении, противоположном некоторому социально-системному оптимуму. В целом следует снова подчеркнуть, что самоограничение и самопожертвование как социальные диспозиции — продукты социокультурной эволюции и должны противодействовать более «эгоистичным» и «трусливым» диспозициям, порождаемым генетическим отбором.

На основании этой гипотезы можно предсказать известное единообразие в системах морализирования всех сложных обществ⁵². Все сообщества должны иметь про-

⁵⁰ *Wilson E. O. The Insect Societies. Cambridge, Mass., 1971; Idem. The Prospects for a Unified Sociobiology. — Amer. Sci., 1971, v. 59, p. 400—403; Sociobiology: The New Synthesis. Cambr., Mass., 1975.*

⁵¹ Социальные нормы действительно регулируют все виды поведения и деятельности человека. Но социальные запреты порождены не столько стремлением общества и группы «ограничить» биологическую природу человека, сколько требованиями определенной социальной структуры общества (*прим. ред.*).

⁵² Некоторые работы, содержащие необходимые для анализа данные, указаны в библиографии к статье автора: *Campbell D. T. On the Conflict Between Biological and Social Evolution and*

поведи против трусости в бою. (Изучение антропологической литературы наводит на мысль, что это — почти универсальное явление даже в обществах, в которых отсутствует полное разделение труда или производство подлежащих хранению припасов. Всеобщность этих моральных установок позволяет считать, что они скорее были приняты, чем выработаны заново этическими системами более сложных обществ.) Все должны выступать против лжи во имя личной выгоды (если не во имя выгоды группы), против внутригруппового воровства, алчности, смертельной ярости и чванливого самодовольства. Склонность к труду, умеренность, выполнение долга, лояльность к группе всюду должны вознаграждаться. Следует предпринять специальное изучение этого аспекта морализированных, развивавшихся, вероятно, независимо сложных обществ древнего Китая, поселений в долинах Инда и Ганга, обществ Ацтеков, Майя и Инков. Для этой цели так называемые культура стыда и культура вины (если такое различие существует) функционально эквивалентны.

Здесь дается лишь самый общий обзор этих вопросов. Если они важны, необходимы серьезные исследования процессов как генетического, так и социального отбора. Например, следует уточнить вопрос о том, каким образом социальная передача могла избежать тех ограничений, с которыми сталкивается генетическая трансмиссия. Если процессы социализации, связанные с социальной передачей, осуществлялись главным образом родителями в отношении детей, нельзя было бы избежать таких ограничений. Чайлд⁵³, Гинзберг⁵⁴, Уоддингтон⁵⁵, рассматривая вопросы социальной эволюции, отмечали важнейшее различие между биологической и социальной эволюцией в том, что социальная эволюция допускает межличнейное заимствование. Хотя они останавливались на межгрупповом заимствовании, подобное снятие ограничений

Between Psychology and Moral Tradition. См. также: Altruism, Sympathy and Helping/ Ed. Z. G. Wispe. N. Y., 1978 (прим. ред.).

⁵³ Child V. G. Social Evolution. London, 1951.

⁵⁴ Ginsberg M. Social Evolution. — In: Darwinism and the Study of Society/ Ed. M. Banton. Chicago, 1961.

⁵⁵ Waddington C. H. The Human Evolutionary System. — In: Darwinism and the Study of Society/ Ed. M. Banton. Chicago, 1961, p. 63—82.

передачи свойств и опыта относится и к заимствованиям между различными линиями развития внутри группы. Таким образом, эффективное групповое обучение жертвенной храбрости, которое приводило к успеху группы, вероятно, могло избежать тех различий в распространении свойства, которые имели место при генетической трансмиссии. Но если бы были генетические различия в способности к обучению этим качествам, различия в способности к идентификации своих целей с целями группы и т. п. и если бы военные столкновения были основной действующей селективной системой, то тогда должен был бы происходить генетический отбор, направленный против способности к обучению и к идентификации. Несомненно, существует позитивный генетический отбор по признаку стадности и страха остракизма. Способность к обучению делает возможной культурное накопление и, вероятно, в общем позитивно отбирается на индивидуальном уровне, как отмечал Уоддингтон⁵⁶. Вероятно, адаптивное преимущество способностей к обучению, групповой идентификации и страха остракизма является достаточно большим, чтобы превзойти негативный отбор, происходящий в тех случаях, когда высокая способность к обучению необходимым свойствам терпит огромные убытки. Посмотрим на роль индивида как лица, обучающего и побуждающего других к адаптивному для группы альтруистическому поведению: такие тенденции должны отбираться и на социальном, и на генетическом уровнях, если эти другие лица не входят в собственную семью данного лица. Может происходить социальный отбор обычаев, обеспечивающих героям особые возможности продолжить свой род, но генетическая тенденция у женщин, способствующая предпочтению ими альтруистически храбрых героев, должна была бы угасать по мере уменьшения возможностей выживания их сыновей. Существует, вероятно, положительный отбор в отношении внешнего героизма, который является таковым, пока героические поступки приводят к успеху, но обращается в трусливое отступление, когда трудности становятся непреодолимыми: такой образец не является примером альтруизма в смысле понятия, введенного Хэлдейном. Морализирование, клеймящее некоторые отклонения и

⁵⁶ *Waddington C. H. The Ethical Animal. London, 1960.*

извращения⁵⁷, должно быть направлено против социально выработанных диспозиций, так как связанные с этими отклонениями тенденции должны быть генетически самоограничительными. Как можно объяснить эффективное индивидуальное моральное обязательство в отношении идеалов и будущих социальных порядков, когда эти идеалы противоречат сохранению как собственных генов индивидов, так и существующей социальной системы? Обозначение такого положительного жертвенного альтруизма при помощи таких терминов, как, например, «этнофобия», является пренебрежительным описанием, а не определением, пока не будет выделена вероятная генетическая или социальная селективная система, которая могла бы осуществлять отбор свойств, обеспечивающих приверженность подобным моральным ценностям, и т. д. Если мы принимаем всерьез эту область проблем, мы должны сделать вопросы и альтернативы эксплицитными и проверять их общие следствия путем строгих построений при математической и компьютерной имитации.

Принятие выводов о том, что способность человека к военному героизму является не генетической, а передаваемой с помощью культуры диспозицией, позволяет быть более оптимистичными относительно возможностей социальных мероприятий, ограничивающих войну, ибо такие мероприятия учитывают природные эгоистические свойства человека, его склонность к самосохранению. Однако многочисленные социальные диспозиции, являющиеся продуктом конкретной культуры, могут противоречить таким устремлениям, и такая культура должна быть изменена (это, вероятно, легче, чем изменить генетический фонд). Однако такие преобразования культуры связаны с определенными последствиями. Некоторые политические и общественные мероприятия, которые порождают определенный оптимизм в отношении ограничений в военной сфере, не предполагают, конечно, оптимизма относительно организационного будущего тех обществ, которые первыми утратят архаическую способность к ведению войн, ибо пока все нации достигнут

⁵⁷ *Wellisch E. Isaac and Oedipus: a Study in Biblical Psychology of the Sacrifice of Isaac, the Akedah. London, 1954; Bakan D. Sigmund Freud and the Jewish Mystical Tradition. Princeton, 1958; Idem. The Duality of Human Existence. Chicago, 1966.*

этого состояния, те, которые достигнут его первыми, будут лишены преимуществ в конкуренции на международной арене. Мы должны также отметить, что наши поселения и большие общности основаны на сложной социальной взаимозависимости членов общностей и окажутся в опасности, если мы отбросим традиционные системы верований и убеждений и обеспечиваемые ими альтруистические цели и диспозиции. То, что служит основанием для оптимизма в отношении успешного разрешения проблемы войны, может также быть основанием для пессимизма по поводу нашей способности сохранять некоторые аспекты сложной социальной взаимозависимости.

Ритуальное поведение и формы косвенного целеполагания

Важнейшей психологической характеристикой любого акта поведения и деятельности является соотношение его с целью¹. Но это соотношение не всегда однозначно. В поведении человека отнюдь не редки, например, ситуации, когда осознаваемая цель резко отличается от той, достижение которой фактически обеспечивается соответствующим поведением. Можно было бы, конечно, считать само осуществление какой-то формы поведения его «сверхцелью». Тогда формально любое поведение можно было бы считать целевым. Но при таком подходе не учитываются содержательные различия типов поведения, релевантные с точки зрения их социальной функции.

Традиционно кибернетический подход к изучению процессов поведения исходит из принципа «примат функции над формой». Изучая «черный ящик», мы по существу не знаем его «формы» (структуры), но пытаемся угадать закономерность функционирования. Затем стремимся воссоздать структуру, которая способна к аналогичному функционированию. При изучении живых систем нам представляется более плодотворным «примат формы над функцией». В данном случае речь идет об изучении форм поведения и о том, какие функции может выполнять та или иная его форма².

Можно выделить типы поведения, при которых стремление к некоторой цели есть наиболее эффективный способ достижения совсем иной цели. Этим обусловлено существование механизмов социального поведения с кос-

¹ См. прежде всего работы: *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1959 г.; *Он же.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975.

² *Шрейдер Ю. А.* Сложные системы и космологические представления. — Системные исследования. М., 1975.

венным целеполаганием, когда можно различить осознаваемую непосредственную цель поведения, к которой стремится субъект, и косвенно достигаемую фактическую цель. Это могут быть и стереотипные механизмы поведения, выработанные в обществе, и механизмы внешнего управления поведением на основе косвенного целеполагания.

Следует заранее исключить те ситуации, когда непосредственная цель состоит в том, чтобы воздействовать на причину, которая обеспечивает выполнение фактической цели (скажем, для того, чтобы «зажечь лампочку», мы направляемся не к самой лампочке, но к выключателю, который может находиться и в другой комнате). Подобные ситуации (когда имеется осознанная причинная связь между непосредственной и фактической целью поведения), достаточно детально исследованные в общей психологии, мы не включаем в категорию косвенного целеполагания. О поведении с косвенным целеполаганием можно говорить в том случае, если воля субъекта поведения не направлена на достижение фактической цели, которая этим субъектом может осознаваться или не осознаваться, но которая может быть выявлена исследователем. Более того, фактически достигаемая в акте поведения цель может вообще не иметь непосредственной причинной связи с непосредственной целью. В частности, мы можем констатировать, что более общая цель отсутствует и лишь часть поведения обусловлена необходимостью достижения конкретной цели. Остальные аспекты данного поведения — не вытекающие из его непосредственной цели — мы обозначили ранее как ритуальные. Поведение, в котором преобладают ритуальные аспекты, мы называли ритуальным³.

1. Целесообразность «бесцельности» ритуального поведения и социальная ценность ритуала⁴

Итак, мы будем исходить из противопоставления ритуального поведения (где форма важнее цели) и целенаправленного (естественного) поведения.

³ Мартемьянов Ю. С., Шрейдер Ю. А. Ритуалы — самоценное поведение. — В кн.: Социология культуры. М., 1975, вып. 2.

⁴ Этот раздел подготовлен совместно с Ю. С. Мартемьяновым.

Чистый ритуал — действие, не имеющее прямой цели, а выполняемое потому, что «так принято». Может быть, это просто пережиток культуры прошлого? С такими реликтами прошлых культур мы сталкиваемся время от времени в маргинальных слоях нашей цивилизации: блины на масленицу — остаток поклонения солнечному богу Яриле, гадание — пережиток древнехалдейской культуры и т. п. И тем не менее собственно ритуальное поведение занимает в нашей культуре гораздо большее место, чем это могло бы быть вызвано пережитками мистического отношения к миру. Мы будем рассматривать лишь ритуальное поведение, органически вписывающееся в современную культуру общества. Внимательно проследив за повседневным поведением людей в своем ближайшем окружении, мы легко обнаружим в нем очень много ритуальных элементов — актов, организующих наше социальное поведение.

Оказывается, что во многих случаях удобнее поступать «как принято», чем каждый раз решать задачу: выбирать наиболее целесообразный поступок. Уже в этом заключается некоторая целесообразность «бесцельного» (ритуального) поведения. Самостоятельность и самооценочность формы, «приподнимающие» ритуальное действие над естественным — неритуальным (форма последнего в стремлении к внешней цели обычно не замечается), используются в тех ситуациях, когда мы хотим обратить внимание на сам факт действия: таковы ритуальные обряды свадьбы, похорон, юбилеев и т. п. Освоение ритуала состоит в том, например, что внимание обращается на белизну скатерти в большей мере, чем на то, сколько на столе еды, или на своевременность подарка, но не на его денежную ценность, и т. д.

Примером, где ритуал крайне желателен, может служить элементарная ситуация — «начальник — подчиненный». Отсутствие четкого ритуала деловых контактов ведет к тому, что в любой сложной ситуации начальник и подчиненный могут принимать решения, только учитывая весь комплекс реальных, в том числе и неформальных, отношений. В результате обычное человеческое общение между обоими становится неприемлемым. Если служебные отношения регламентированы ритуалом и оба участника сознательно выполняют его правила, то ритуал уравнивает обоих, указывая вместе с тем границы принятых ро-

лей. Уместно подчеркнуть, что самоценность формы ритуала в этом случае не отменяет, не замораживает сложившихся естественных отношений, но выделяет ритуальные «ипостаси» действующих лиц. Если же заранее сложившихся естественных отношений нет, то ритуал создает удобный стереотип поведения в ситуации, где любая иная стратегия ведет к трудностям.

Важное качество ритуального поведения — точное отношение цели к средствам. В ситуации «естественного» поведения может еще появиться мысль, что «цель оправдывает средства». В случае ритуального поведения этот тезис априори исключен. Вся ценность здесь именно в «правильных», хороших средствах: дурные средства сразу обесценивают цель. Иначе говоря, в полноценном ритуале теряется противопоставление «цель — средства», ибо ритуальные средства составляют самоцель⁵. Невозможно «любой ценой» победить на рыцарском турнире — этом высокоритуальном действии. Но и в современной войне подлинную победу невозможно одержать «любими средствами» — любой ценой можно только уничтожить противника.

Использование ритуала предполагает определенную общность поведения. В обществе, состоящем из разных слоев и групп, а тем более в разных обществах и цивилизациях возможно внешнее совпадение форм ритуального поведения, лишенного внешней цели, и действия естественного, с его обязательной внешней целью. Необходима предельная степень незнания связей между естественным действием и его целью, чтобы истолковать такое действие как самоценный ритуал; это возможно разве что при встрече представителей разных цивилизаций. Такое «обесцеливание» действий и тем самым их ритуальное истолкование составляет основной сюжет некоторых фантастических рассказов С. Лема из «Дневников Иона Тихого»: ритуальная самоценность на деле оборачивается пустяком. Более типична обратная ситуация. Привыкнув к рутинной связи действий и их обычных целей, мы чаще толкуем возникающую двусмысленность ситуации в пользу целевых действий. Ошибочное истолкование нашего ритуального действия как средства для достижения естествен-

⁵ Сравните понятие «автонимии» знака в семпотике (Шрейдер Ю. А. Логика знаковых систем. М., 1974).

ной цели рождает обиду и раздражение: подозрение в корысти там, где наше поведение было чисто ритуальным (например, вы помогли надеть пальто женщине — вашей начальнице), не может не оскорблять нас. Ритуализация некоторой формы поведения в обществе, где такое же поведение бытует уже в качестве целенаправленного, предполагает воспитание соответствующей привычки и умения отличать ритуальную форму, чувствовать и ценить ее, подавляя в случае необходимости инстинктивное стремление к «целевому» истолкованию. Характерны неловкие или просто трудные ситуации, возникающие, например, при формальном заимствовании готового ритуала (формы приветствия, ухаживания, новинок моды). Особенно тягостное впечатление возникает тогда, когда правильное восприятие заимствованного поведения как ритуального не воспитано в самом его носителе: такой ритуал и его «адепт» лишаются сочувствия даже у благожелательно настроенного наблюдателя.

Ритуал требует артистизма — некоторого отстранения от реальных целей, тонких переходов от имитации некоей реальности до подчеркивания реальности происходящего. Уместна аналогия с театром, который, с одной стороны, должен вызывать иллюзию реальности происходящего, но, с другой стороны, не доводит зрителей до того, чтобы они стреляли в злодея на сцене. Без такой условности, достигаемой разными средствами, например занавесом и рампой, театр не был бы искусством.

Всякий ритуал имеет свой чисто ритуальный смысл. Любое действие или текст в ритуале приобретает специфическое значение. Даже прямой текст, употребляемый в ритуале, несет не тот смысл, который был бы свойствен этому же тексту вне ритуала. Но язык ритуала может быть использован для выражения широкого спектра индивидуальных значений. Ритуальный поцелуй руки сам по себе есть только вежливое приветствие, но в него можно вложить всю гамму индивидуальных чувств — от любви до отвращения. Условность ритуала создает богатые возможности для манипулирования его средствами.

Помимо самоценной формы, ритуальному поведению не отказано во внешних целях, обычно окказиональных. В этих случаях оно также может оказаться синонимом другого поведения, естественного или ритуального. Так, чтобы «напечататься», можно отдать статью в периоди-

ческий журнал или принять участие в юбилейном сборнике, т. е. в некотором ритуальном издании. Научная работа, статья, публикуемые ритуально (например, в юбилейном сборнике), приобретают, помимо своего внутреннего смысла, и дополнительный, порой более значительный, чем исходный⁶.

Потеря чувства необходимой ритуальности делает любую ситуацию аморфной, непредсказуемой и неуправляемой. Любое практическое действие становится непропорционально сложным. Высокая ритуальность, характерная для английского правосудия, вплоть до старинных париков и мантий, помогает отвлечься от конкретной личности судей и подсудимого и перевести все действия в план чисто юридический. Ритуал служит в данном случае прямым целям юстиции, которая обязана рассматривать только доказательные обстоятельства дела, а не индивидуальные особенности и обстоятельства подсудимого и свидетелей. Отвлечение от всего, не относящегося к ритуалу, здесь непосредственно помогает достижению прямой цели.

Известна лишь одна бесспорно самоценная форма — красивая форма, хотя и для нее иногда находятся внешние, целесообразные объяснения. Однако красота многих форм ритуального поведения не может служить объяснением ценности ритуального поведения вообще. Ритуал ценен своим соответствием особым потребностям социального человека.

Одна из таких потребностей, в которой заинтересовано все общество, при всем разнообразии и несовместимости частных целей его членов состоит в обеспечении для своих членов возможности осмысленного выбора средств в естественном, целенаправленном поведении. Речь идет не о равенстве реальных средств и даже не о равенстве возможностей, а только о возможности осмысленно, с учетом действительных, а не мнимых обстоятельств выбирать тактику поведения для достижения цели, т. е. проявлять свободу воли в рамках данной ситуации. Антагонизм становится взаимодействием, может быть, драматическим, а может быть, даже и трагическим — свободных волей в свете общей и высшей цели. Если

⁶ О ритуальности в науке см.: *Иванов В. В.* Знаковые системы научного поведения. — В кн.: *Научно-техническая информация.* М., 1975, сер. 2, № 9.

я стремлюсь сделать добрый выбор, то уменьшается соблазн дурного выбора для других. Мой выбор хорош, если он, в частности, увеличивает свободу окружающих. Любой обман, нарушение соглашения, придание новым соглашениям обратной силы уменьшают общий уровень предсказуемости, ведут к дурному выбору других и тем самым становятся дурными выборами для меня. Поэтому законность лучше беззакония. Но есть и другая сторона: предсказуемость может увеличиваться за счет обусловленности. Но если добиваться уровня предсказуемости точного механизма, приходится действовать уже за счет порабощения свободы участников взаимодействия. Поэтому милосердие выше любого закона.

Ритуальность поведения создает некую всеобщность целей, стоящих над «естественными» целями отдельных индивидов, и тем самым, не подавляя их свободы, обеспечивает нужную степень предсказуемости событий. Если мы уверены, что те, с кем нам приходится общаться, считают самоценным поддержание неких норм вежливости, то этим уже сильно облегчается наше общение. И при этом уже гарантируются некоторая необходимая степень свободы и нужная степень предсказуемости чужого поведения.

Естественное действие обычно бывает вынужденным. Полноценный ритуал принимается в результате свободного выбора. Хотя в соответствии с распространенным представлением следует отнести к ритуальному также и поведение с жесткой регламентацией формы, уместно подчеркнуть, что в этом случае ритуальность оказывается «вырожденной». Соблюдение формы не является здесь самоценным, поскольку отказ от соблюдения чреват совсем не формальными последствиями. Если при проведении общественных мероприятий требуется стопроцентный охват участников, то тем самым нарушается очень важный для всякой ритуальности принцип: свобода участия в игре. Естественное поведение несвободно, оптимальный путь к достижению конкретной цели более или менее однозначно определяется сложившейся ситуацией. Ритуальное поведение в принципе вполне свободно — участники игры добровольно принимают те или иные правила, а при несогласии с ними могут не участвовать в этой игре: человек волен проспать новогоднюю ночь, такое «отклонение» — одно из условий значительности праздника.

Разумеется, ритуал не уничтожает необходимости, но он создает «свободную зону» в сфере человеческого поведения, когда личность может проявиться, не будучи стесненной некоторыми естественными целями. Флирт или кокетство создает зону, где участники свободны от существенных житейских обязательств. Необязательность выигрыша делает столь привлекательным любительский спорт.

В бесцелевом поведении, в игре человек обнаруживает свои человеческие свойства в наиболее полном виде, попадая как бы в экспериментально чистую среду ритуала. В несчастье, в трудных ситуациях, требующих прямого целенаправленного действия, познаются, выявляются лишь некоторые, хотя и очень важные, социальные качества человека — мужество, ум, благородство и т. п. Но для очень многих истинно человеческих свойств благоприятной средой служит только бескорыстная игра.

Человек раскрывается полностью лишь в царстве свободы и условности. Способность к общению, остроумие, юмор, мудрость, доброта, сердечность проявляются в полной мере тогда, когда отсутствует «сопротивление среды», когда не дают вынуждающие обстоятельства.

Есть и другая причина, почему человек ценит ритуал. В ритуале участники становятся в некотором смысле равными. По «естественным» признакам равенство людей недостижимо: есть умные и глупые, красивые и некрасивые, выносливые и слабые. Уравнять людей физически и умственно можно только по способу, запатентованному Олдосом Хаксли в романе «Смелый новый мир»: выращивая их в пробирке по общему генотипу⁷. Но равенство в игре, за праздничным столом, в одежде — все это реально достижимо для любого человека. Люди разного социального положения, с разным личным авторитетом приобретают равенство как участники ритуала — каждый здесь зависит от каждого.

Ритуал как бы удовлетворяет потребность в равенстве перед некоторыми принципами. Выражение «точность — вежливость королей» имеет именно этот смысл. По реальному положению король не может быть равен своим подданным. Равенство возникает в рамках ритуала, где все одинаково ответственны за его исполнение. Современная мода (как и любая другая) не создает равенства в мате-

⁷ Huxley A. Brave New World. London, 1932.

риальном уровне, но дает возможность равенства в «стиле», в том смысле, что все одинаково «правильно» одеты. При этом соблюдение ритуала моды практически общедоступно. Как раз отсутствие моды привело бы к бóльшему неравенству, поскольку уровень «одетости» определялся бы тогда только материальными возможностями. Опять-таки крайнее проявление моды — регламентированная униформа — нарушает чистую ритуальность, подчеркивая неравенство физических данных. Регламентация одежды нарушает свободу выбора ее и тем самым — свободу проявления личности. Мода же дает только общий принцип, соблюдение которого обеспечивает равенство.

Ритуализацию поведения можно сопоставить с процессом превращения оригинальных текстов в тексты с традиционной семантикой. Последнее является необходимым условием для того, чтобы тексты могли транслироваться в системе массовых коммуникаций⁸.

Внешняя, естественная цель не гарантирует сама по себе органичности и постоянства того человеческого объединения, которое создается для ее достижения: прежде всего цель, если она достижима, оказывается преходящей, причем она тем эфемернее, чем конкретнее. Шайка грабителей или толпа погромщиков, объединенная примитивной и низменной целью, насытившись или поостыв, легко распадается. Принудительно созданная общность неминуемо распадается как только следование цели оказывается в нестерпимом противоречии с постоянными потребностями человека в свободе и равенстве. Серьезное, органическое объединение людей предполагает перенос внимания с цели на средство и их более сложные соотношения. Макаренковская колония привлекала беспризорников не сытостью и теплом, а процессом совместного и интересного преодоления трудностей, которых подчас они искали специально.

Общий ритуал создает основу человеческого общения. Уже простейшая клетка общества — семья — формируется с возникновением общих ритуалов — праздников, привычек, традиций.

Ритуал создает связь между людьми в ситуациях, когда «естественные» связи отсутствуют, когда еще нет никакой

⁸ Подробнее см.: Брудный А. А., Шрейдер Ю. А. Диалектический характер семантики текстов. — Философские науки, 1977, № 3.

общности естественных целей. Свойство ритуалов создавать прочную общность всегда использовалось в тех случаях, когда надо было сплотить воедино большое число людей без сложившихся заранее связей или их лишившихся. Аналогично действие строгой регламентации ритуалов в военизированных организациях. Используемый в подобных случаях ритуал является максимально жестким и теряет свойство «самоценности». Тем не менее и здесь он в состоянии сыграть объединяющую роль в той мере, в которой это от него требуется.

Поднимаясь над примитивным стремлением к простейшим целям, человек обогащает себя. Достижение самых простых целей дает ему тогда гораздо больше, чем казалось бы, оно могло ему дать. Разделить трапезу с друзьями — событие гораздо более значительное, чем просто наесться и напиться. Общение с другим человеком может дать намного больше, чем деньги, выпрошенные или отнятые у этого человека. Ритуал не предполагает, впрочем, непосредственного общения между людьми или их объединения в тесное сообщество: необходимым оказывается лишь совместное приобщение отдельных людей к единым неотчуждаемым ценностям. Эти ценности могут носить вполне конкретный характер (например, собрание марок). В центре подобных общностей стоит всегда признание самоценности соответствующей игры — не каких-то практических интересов, а собственно ритуалов.

Ритуал может быть возвышенным, утонченным и абстрактным — культ мыслителя или художника (Эсхил в семье Маркса) — или принять более простую форму — собрание забытых исторических фактов, розыски интересных людей, памятников старины, предметов религиозного культа и т. п. Общее во всех этих ценностях — приобщение отдельного человека к разнообразным проявлениям человечности, человеческого, человечества. Ритуал, отвечая существенным потребностям социального человека, составляет необходимую принадлежность наиболее обжитой человеком среды, своего рода атмосферы, или «антропосферы», защищающей его от более суровых и неуютных сфер социальной жизни. Именно за стремление укрепить и, насколько возможно, расширить пределы «антропосферы» мы испытываем благодарное чувство к героям произведений писателей-гуманистов. В сознании приехавшего в кратковременный отпуск немецкого офи-

цера бесчеловечным жестокостям войны противостоит искусство старого кельнера, с его вечной и общечеловеческой ритуальностью (Ремарк. «Время жить и время умирать»). Простая человеческая улыбка и ритуальное угощение сигаретой разряжают гнетущую атмосферу «целесообразной» подозрительности, и в этой очеловеченной обстановке невозможна даже мысль о расстреле, только что угрожавшем случайно арестованному журналисту (Сент-Экзюпери. «Письмо к заложнику»).

Культурная общность — это также общность сложной системы выработанных исторически условных ритуалов. Культурная общность определяется наличием общих ценностей. Эти ценности могут быть общенациональными или признанными в некоторой культурной подгруппе. Это различие не связано с абсолютной шкалой ценностей, а именно с принятием ее всеми членами общности. Создавая устойчивые традиции, человек оказывается устройте-лем человеческого на земле, творцом ноосферы — царства Разума.

Конкретный ритуал может быть весьма условен, но он хорошо сохраняется, если в условной форме выражает отнюдь не условный смысл. Конкретное проявление моды зависит от фантазии модельера, но ее направление ощутимо связано с какими-то реальными тенденциями современной жизни. Новый год может отмечаться в разные даты, так как отсчет времени условен. Общий смысл здесь в значительности тех или иных отрезков в потоке времени, в ощущении связи с вечностью через убегающее время. Рождение ребенка, совершеннолетие, вступление в брак, смерть нуждаются в том, чтобы стать отмеченными событиями. В основе потребности в ритуале лежит ощущение высшего смысла некоторых событий нашей жизни. Форма ритуала может меняться, но потребность в нем остается всегда. По правилам нашей культуры нельзя не накормить собравшихся гостей. В этом не только практическая забота о том, чтобы гости не остались голодными. В конце концов гость может зайти к нам на часок-другой, предварительно хорошо пообедав. Совместная трапеза является древним ритуалом и ценна ощущением сакральности самого акта совместного принятия пищи. Люди могут, собравшись, петь песни или слушать музыку — все это разные формы одного ритуала, основанного на представлении об общечеловечности музыки.

Самоценный ритуал есть форма обнаружения собственной человеческой сущности. Неизбежность внутреннего мира — ожиданий, надежд и опасений, сожалений и удовлетворенности, отличающая самого простого человека от животного, требует внешнего выражения, внешних опор. Окружение себя предметами, имеющими условно-человеческую ценность, есть способ доказательства самому себе своей принадлежности к человечеству, форма поддержания человечности в окружающей среде. В повести Сент-Экзюпери «Военный летчик» авиаэскадрилья уже разбитой французской армии продолжает разведывательные полеты над захваченной врагом территорией. Для командира и пилотов ясна практическая (военная) бессмысленность этих полетов. Однако полеты продолжают, ибо они нужны для поддержания чувства человеческого достоинства и национальной чести; это чувство — последняя «свободная территория» Франции, последняя опора для надежды на возвращение и победу.

Самоценное поведение связывает людей не только в каждый момент, но и в их истории. Ритуалы — особого рода память коллектива. Эта память позволяет коллективу в разные моменты существования осознавать себя как самотождественное единство. Ю. В. Кнорозов высказывал мнение, что охотничьи танцы первобытных племен фактически осуществляют обучение племени (в том числе молодых охотников) коллективной охоте (этот ритуал является игрой в том смысле, как и маневры — военной игрой). В более развитом обществе конкретные сведения запечатлеваются более непосредственно: в книгах, в словесном предании, в непосредственном обучении ремеслу. В современном обществе ритуалы обычно не служат для сохранения практических навыков, но являются общественной памятью коллективных ценностей. Наши ритуалы приветствия и прощания несут в себе представления об уважении к человеческой личности. В русских деревнях еще и сейчас можно встретить прекрасный обычай здороваться с любым, в том числе незнакомым, человеком. Ритуальность, сопровождающая рождение, брак и смерть, отмечает хранящиеся в нашей среде представления о значительности этих событий. В сущности в этих ритуалах присутствует представление об индивидуальности человеческой судьбы, о важности появления каждой человеческой жизни и неисчезаемости личности после смерти.

Древнегреческий ритуал олимпийских игр был, по существу, народной памятью о единстве эллинов, не имевших общего государства. Горячность, с которой на страницах нашей прессы подчас обсуждается проблема чистоты русского языка, не объяснима никакими практическими соображениями. Но она совершенно естественна, если сохранение правильности русской речи понимать как высокую цель, определяемую сознанием культурно-национального единства.

Стремление к сохранению связей с человечеством проявляет себя и как сильнейший внутренний тормоз при попытке преступить абсолютные и категорические заповеди человечности: никакая целесообразность не оправдывает убийства себе подобного, ибо это для самого преступившего неизбежно означает разрыв с человечеством и мстит за себя ощущением «бездны» и духовной смерти.

Нарушив, казалось бы, конвенциональные нормы, личность саморазрушается. Попытка Родиона Раскольникова рационально оправдать право на убийство не избавляет его от полного морального краха после совершения преступления. Такая же судьба может постигнуть и целое общество. Так, А. Камю предсказывал неизбежность гибели нацистской Германии, усматривая эту неизбежность в преступности лозунга «Германия превыше всего».

Ритуальность связана с ощущением своего места в обществе, в истории. Поэтому деклассированному люмпену ритуалы не нужны. Для него нет ни общих праздников, ни общих печалей, ни общих условностей. Отчужденность, выброшенность из мира прежде всего проявляется в том, что отсутствует ценность «как», а остается лишь ценность «что». Эта ненормальная для человека, в некотором смысле «недочеловеческая», точка зрения время от времени возводится в ранг философии, когда под флагом отказа от условностей, от омертвевшей ритуальности провозглашается идеал «естественного», близкого к природе человека, а фактически — дикого существа.

Потребность в ритуальном оформлении поведения не диктуется природными условиями существования человека. Естественный отбор велит приспособляться к быстро изменяющимся условиям среды, а не сохранять ощущение принадлежности к традиции. С точки зрения отбора целесообразных стереотипов поведения ритуалы большей частью бессмысленны. В природном существо-

вании ощущение вечности бесполезно — гораздо важнее чувствовать пульс времени. Вся суть в том, что человеку мало простого природного существования в текущем времени. Для того чтобы быть человеком, необходимо ощущать себя частицей человечества в целом, быть причастным к судьбам целого.

2. Типология поведения с косвенным целеполаганием

Целевая характеристика ритуального поведения специфична. Но наряду с ритуальным существуют и другие типы поведения с косвенным целеполаганием. Сопоставим некоторые типы поведения с уже рассмотренным ритуальным.

В случае ритуального поведения непосредственная цель «вырождена» или автономна — она состоит в выполнении самого ритуала. Волевое усилие субъекта направлено на соблюдение формы поведения. Фактически достигаемая цель, которая придает ритуалу социальный смысл, причинно не связана с единичным актом ритуального поведения. Этот смысл возникает в результате того, что данный ритуал становится регулярной компонентой общественного поведения. Так, единичный акт приветствия сам по себе не достигает никакой цели, отличной от самого исполнения этого акта. Но регулярное исполнение этого ритуала способствует созданию атмосферы, благоприятствующей обществу. Вообще ритуальный характер поведения означает, что непосредственная или главная цель этого поведения состоит в соблюдении установленной формы. Можно сказать, что в ритуале средство важнее фактической цели.

От ритуального следует отличать как вид демонстративное поведение, оно служит для обозначения (выражения) чего-то, стоящего вне непосредственной цели поведения. Фактическая цель здесь связана с непосредственной целью знаковым отношением, которое принципиально отличается от отношения причинно-следственного⁹. Например, не подав руки для приветствия (непосредственная цель — отказ от ритуала приветствия), человек выра-

⁹ Ср.: Шрейдер Ю. А. Логика знаковых систем.

жает свое неодобрительное отношение к некоторому лицу. Герой книги Ремарка «Три товарища», идя по улице с любимой женщиной, демонстративно здоровается со всеми встречаемыми девицами легкого поведения, выражая тем самым обиду на свою возлюбленную.

Можно сказать, что фактическая цель демонстративного поведения состоит в том, чтобы выразить нечто выходящее за рамки данного поведения и причинно не обусловленное этим поведением. По ряду существенных признаков демонстративное отношение противоположно ритуальному. В демонстративном поведении фактическая цель ясно осознается и укладывается в этот единичный акт поведения. При этом волевое усилие направлено на соблюдение формы, хотя и стремление к фактической цели здесь вполне осознанно.

Следующий вид — «актерское» демонстративное поведение. В отличие от предыдущего вида здесь фактическая цель (то, что должно быть выражено поведением) уходит на задний план. Для хорошего актерского исполнения необходимо вживание в роль, необходимо поставить в качестве цели освоение ключевых внутренних (психологическая игра) или внешних (биомеханика) моментов изображаемой личности. Такое поведение совмещает черты ритуального (уход от осознания фактической цели, самоценность самого акта поведения) и демонстративного поведения (знаковая функция). Фактическая цель — создание эстетической ценности — достигается путем косвенного целеполагания: в качестве непосредственной цели выступают задачи достижения правдоподобия — артистической точности изображения. В отличие от первых двух видов поведения здесь непосредственная цель не сводится к поддержанию формы.

В качестве самостоятельного вида следует выделить форму косвенного целеполагания в процессе обучения. Хорошо известно, что наибольшая эффективность в процессе обучения достигается за счет того, что фактическая цель освоения некоторого материала заменяется теми или иными непосредственными целями. Так, освоение предметного содержания некоторого раздела математики происходит путем решения хорошо подобранных задач. Еще ярче идея косвенного целеполагания реализуется при обучении иностранному языку, когда вместо прямого заучивания слов и грамматических правил учащемуся предла-

гают, скажем, решать задачи по арифметике, пользуясь задачником на соответствующем языке¹⁰.

Аналогичная структура поведения лежит в основе строевой подготовки солдат. Когда-то строевая подготовка служила непосредственно для обучения военным действиям — на поле сражения войска действовали в строю. С момента изобретения нарезных стволов действовать в строю на поле сражения стало бессмысленно. Тем не менее строевая подготовка осталась важным элементом воинского обучения, но ее фактическая цель теперь существенно отличается от непосредственной. Вся ее суть в том, что обучение группы солдат строю одновременно вырабатывает у них навык коллективных действий, привычку точного исполнения приказа.

Суггестивные методы обучения отличаются от других косвенных методов тем, что в них прямая цель редуцируется к соблюдению формы поведения. Принцип раскрепощения учащихся, освобождения от прямой целеустремленности лежит в основе методики известного болгарского ученого Лозанова. В этой методике суггестивного обучения важное место занимает внушение учащимся идеи о том, что им не следует заботиться о заучивании слов, что это гарантируется самим методом обучения.

Эти примеры показывают, что косвенное целеполагание занимает значительное место в процессах человеческого (социального) поведения. Этот эффект принципиально не может быть обнаружен на бихевиористском уровне описания, поскольку исследование ситуаций косвенного целеполагания подразумевает наличие разных систем отсчета — разных уровней осознания целей. При описании этого эффекта существенно то, что исследователь не ограничивается только регистрацией поведения, но учитывает разные уровни осознания этого поведения. Без этого и без социального контекста невозможно даже решить вопрос, относится ли данный акт поведения к косвенному целеполаганию. Так, ребенок может приветствовать взрослых не в рамках ритуала, а под страхом неминуемого наказания за нарушение формы. Внешнее поведение остается таким же, как и в ритуале, но в данном случае возникает прямо осознаваемая и причинно обусловленная фактиче-

¹⁰ Эта методика, в частности, разработана на практике А. А. Хадеевой-Быковой.

ская цель — избежать наказания (или получить конфетку за примерное поведение). Соответственно человек, случайно попавший на сцену, может восприниматься зрителями как актер. Но его поведение — не актерское по внутреннему самосознанию. Известен случай, когда К. С. Станиславский во время репетиции массовки из пьесы «Юлий Цезарь» поставил всем участникам в пример человека, который, как оказалось, был театральным пожарный, дежуривший у сцены. Наоборот, цирковой актер, изображающий случайного человека из публики, который нечаянно попал на арену, остается полностью актером, хотя публика, наблюдающая его поведение, может этого и не распознать.

В речевом поведении типичный случай косвенного целеполагания — намек или иносказание. Прямая цель состоит в передаче некоторого текста, а фактически сообщается косвенная информация, которую адресат должен выловить из этого текста, обратившись к глубинной семантике последнего¹¹.

Исходя из сказанного, мы можем ввести предварительную типологию ситуаций с косвенным целеполаганием на

Таблица

Типология ситуаций с косвенным целеполаганием

Название и код признака	Принимаемые значения	
	0	1
А. Характер прямой цели	Соблюдение формы поведения	Прямая цель поведения отдалена от акта
В. Наличие фактической цели	Не присуща индивидуальному акту поведения. Смысл поведения существует только в системе	Присуща каждому акту поведения
С. Осознание фактической цели субъектом	Связь фактической цели с непосредственной целью не осознается	Связь фактической цели с непосредственной целью осознается
Д. Характер связи непосредственной и фактической цели	Знаковый	Косвенно-причинностный

¹¹ Шрейдер Ю. А. Язык как инструмент и объект изучения науки. — Природа, 1972, № 6, с. 66—73.

основе признаков, которые вместе со своими допустимыми значениями приводятся в таблице.

Использованные в таблице признаки не являются полностью независимыми (свободно комбинируемыми). При нулевом значении признака *B* признаки *C* и *D* не определены. Единичное значение признака *C*, как правило, влечет осознанное стремление субъекта к своей фактической цели. Здесь возникает как бы расщепление воли. Наконец, единичное значение признака *D* можно было бы разбить на два: когда фактическая и непосредственная цели достигаются на основе общих причин, присутствующих в акте поведения; когда фактическая цель есть причинное следствие достижения непосредственной цели. Первый случай реализуется в примере с обучением языку. Второй случай можно проиллюстрировать примером из фантастического рассказа, где космонавты из поколения в поколение начищали до блеска железную балку. Оказалось, что при посадке корабля по этой балке соскользнули и приняли нужное положение стеллажи, на которых выращивались овощи. В этом случае субъект осознает свое поведение как ритуал следования передающемуся через поколения мифу, но реально это поведение имеет четкую причинностную мотивировку. Такой тип поведения естественно назвать ритуально-утилитарным, или субъективно-ритуальным.

На основе приведенных выше в таблице признаков мы уже можем построить ряд, где каждому набору значений этих признаков соответствует определенный тип поведения.

Так, можно выделить следующие типы поведения: «ритуально-знаковый» (например, мода) характеризуется «1» по признаку «*B*», «ритуально-утилитарный» (косвенное обучение, например) — «1» по признакам *B* и *D*, «демонстративный» — «1» по признакам *B* и *C*, «квази-целестремленный» (смысл поведения лежит вне индивидуального акта, но воля субъекта ограничена исполнением прямой цели) — «1» по признаку *A*; «неосознанно-знаковый» (например, поведение статиста в спектакле) — «1» по признакам *A* и *B*; «многоцелевой» — «1» по всем признакам и т. д. Эти примеры иллюстрируют мысль о возможности и полезности типологии поведения, вскрывающей какие-то содержательные противопоставления этих типов. Совершенно очевидно, что здесь не отмечены некоторые

оттенки, выделяющие разные типы поведения, не окончательно многие названия типов и нет полноты возможных типов. Примеры представляют собой лишь образцы того, что хотелось бы сделать при исследовании эффекта косвенного целеполагания. Во всяком случае приводимые нами данные убеждают в том, что поведение с косвенным целеполаганием не экзотика, не патология, но весьма важный пласт социального поведения с весьма нетривиальной структурой.

3. Некоторые принципы косвенного целеполагания

Одно из важных препятствий к изучению косвенного целеполагания — представление о том, что это просто обман или самообман. Тогда, попытавшись исключить из рассмотрения обман, мы надеемся прийти опять к привычной ситуации прямого целеполагания. Но дело здесь вовсе не сводится к обману: речь идет о разных точках отсчета истины, которые не согласуются столь тривиально, чтобы признать одну из них эталоном, а все отклонения — обманом. Так, возможна и вполне естественна точка зрения, согласно которой ритуал возникает только в силу того, что субъект еще не осознал его бесцельность: если же субъект поведения осознал цель конкретного ритуала, то последний уже по определению перестает быть таковым. Мы оспариваем такую точку зрения, пытаясь показать осмысленность ритуала в социальном поведении.

Говоря о более общей ситуации косвенного целеполагания, уместно высказать следующую гипотезу. Наличие нескольких целей (в том числе и «вырожденных», направленных на соблюдение выработанной формы поведения) — это не рудимент бессознательного поведения, а необходимый элемент сложного социального поведения. Он связан со спецификой человеческих коллективов, в частности с неизбежностью различения целей отдельного субъекта и коллектива в целом, различения конкретной пользы и ценности для общества. Эффективность косвенного целеполагания связана с какими-то фундаментальными свойствами человеческой личности. Например, слишком четкая и жесткая определенность задачи затрудняет ее решение и создает неблагоприятное перенапряжение. Это убедительно доказывается той пользой, которую приносит при обучении раскрепощение от слишком конкретных

обязательств, от страха перед экзаменом. Система К. С. Станиславского связана с освобождением актера от тисков прямой задачи — от возникающих «зажимов», с созданием целой системы косвенных целей, в конечном счете приводящих к желаемому результату. И дело здесь не в том, чтобы субъект поведения был непременно «обманут». Он вполне ясно может осознавать фактическую цель поведения, но он должен сам понимать необходимость снятия волевого усилия с этой цели. От того что человек полностью осознает смысл выполняемого ритуала, он только лучше может понять необходимость сосредоточения усилия на осуществлении самого ритуала, приводящего к фактической цели.

Способность сознательно расщеплять волю на стремление к прямой и фактической цели — это, вероятно, самый высокий уровень косвенного целеполагания, возможный и желательный для человека. Косвенное целеполагание связано со следующим важным фактором. Многообразие фактических целей, возникающих перед людьми, огромно. Подстраивать каждый раз свое поведение под конкретную цель невероятно сложно. Планирование поведения каждый раз заново скорее всего вообще выходит за пределы человеческих возможностей.

Косвенное целеполагание дает способ ориентировки поведения на ограниченное многообразие прямых целей. Структура поведения может быть типологизирована по каким-то опорным стереотипам, и волевые усилия могут расходоваться в значительной мере на поддержание этих стереотипов. Так, решение арифметических задач было бы невероятно сложным делом, если бы мы не умели типологизировать некоторый запас приемов, выполняемых почти автоматически. Суггестивные методы обучения языку основаны на том, что мы, вместо того чтобы каждое заучиваемое слово специально вносить в необходимый для него ассоциативный ряд, поступаем наоборот. Учащийся, например, с самого начала находится в определенной тематической ситуации с уже готовыми ассоциациями для тех слов, которые ему предстоит заучить. Прямая цель здесь состоит в том, чтобы «жить» в заданной хорошо знакомой ситуации, и уже этим заготавливаются ассоциации, необходимые для запоминания слов. Таким образом в этом случае суть дела в переходе к лучше организованной структуре прямых целей, позволяющих косвенно

предопределить фактические цели. К такому же выводу приводит и анализ других ситуаций с косвенным целеполаганием.

Отнюдь не любое расщепление целей увеличивает общественную эффективность поведения. Так, при обучении языку вряд ли стоит ставить себе целью прочтение монографии по сложному и незнакомому для учащегося разделу математики. Столь же сомнительно, что для доказательства сложной теоремы полезно усиленно играть в шахматы (хотя это и стимулирует логическое мышление и интуицию) или стремиться хорошо пробежать стометровку (хотя это способствует физической закалке). Прямая и фактическая цели должны находиться в определенной гармонии. Характерные черты этой гармонии довольно трудно сформулировать в общем виде, хотя в каждом конкретном случае существуют довольно ясные пути перехода к косвенному целеполаганию. Было бы очень важно отработать исследовательскую методику сравнительного сопоставления совокупности фактических целей в некотором типе поведения со структурой возникающих прямых целей.

Можно сформулировать несколько общих принципов косвенного целеполагания. Первый из них, как мы уже видели, состоит в том, что прямые цели должны образовывать сравнительно простую структуру, допускающую четкую типологизацию. Так, ритуал может иметь сложную форму, но его допустимые варианты должны описываться простым набором признаков. Демонстративное поведение должно отчетливо выделяться на фоне обыденного, и это отличие формулируется весьма просто.

Второй важный принцип состоит в том, что прямая и фактическая цели должны относиться к разным уровням в иерархии ценностей. Если фактическая цель актера — выразить некоторый художественный образ, то прямые цели должны лежать в сфере конкретных действий или душевных состояний. Если фактическая цель состоит в решении конкретной научной задачи, то в качестве прямой цели выгодно поставить осмысление статуса задачи, её смысла в системе знания. Общая цель обучения языку в косвенном целеполагании трансформируется в ряд задач конкретного речевого поведения в простых типизированных ситуациях.

Эти принципы уже дают некоторую опору как для обнаружения ситуации косвенного целеполагания, так и для эвристического планирования таких ситуаций. Здесь сразу напрашивается аналогия с мифологическим структурированием действительности.

Прежде всего мифологическое осмысление собственного поведения или литературного сюжета может рассматриваться как специальный случай косвенного целеполагания. Если субъект действует на основе мифологического осознания — осмысляет свое поведение как реализацию готового мифа, то его непосредственные цели обусловлены этим мифом, хотя при этом реализация мифа служит достижению ситуативной фактической цели. Здесь было бы банальностью приводить примеры, почерпнутые из этнографии первобытных обществ. Возьмем для иллюстрации вполне современный миф о всемогуществе вычислительных машин. Сплошь и рядом обращение к помощи компьютера или просто к математической модели диктуется этим сложившимся мифом. В результате часто достигается и фактическая цель.

Место мифов в литературном творчестве очень хорошо видно на примере творчества польского писателя Станислава Лема — убежденного противника мифологического осмысления литературы¹². Если вникнуть в глубинную структуру серии рассказов Лема о пилоте Пирксе, то мы легко узнаем в ней структуру мифа о Давиде и Голиафе. Слабый и неопытный побеждает сильного и многоопытного. Новый Голиаф, противостоящий ничем не выдающемуся ни физически, ни умственно пилоту Пирксу, оснащен всей кибернетической машинерией, которую способен выдумать автор, живущий в XX в. В распоряжении Пиркса — только незамутненный оптимизм молодости и здравый смысл. И этого оказывается достаточно, чтобы победить там, где гибнут ученые и опытные космонавты. Простейшая цель — сохранить ясность духа перед лицом опасности — обеспечивает Пирксу достижение многообразных фактических целей, возникших в изоциренном воображении Лема. Впрочем, для самого Лема эта способность к выдумыванию многообразных возможных ситуа-

¹² Лем С. О мифотворчестве Томаса Манна. — Новый мир, 1970, № 6.

ций есть осознанный им путь к преодолению мифологии. Его задача — не открывать в обыденности простые структуры (мифологические архетипы), но осмыслить обыденность путем сопоставления с тем, что могло бы быть, но не реализовано в доступной нам реальности. Мыслящий океан — Солярис — у Лема выглядит не как миф, а как опровержение любых мифов, как доказательство существования инобытия, не сопоставимого ни с чем доступным человеку. Любопытно, что в фильме А. Тарковского тот же Солярис выступает в противоположной роли, как олицетворение бесчеловечного начала в человеке, которое человек способен преодолеть своей тоской, жалостью и любовью.

Намеченную здесь аналогию можно провести и дальше — для этого есть все основания. Эффект косвенного целеполагания можно интерпретировать как социально-психологический коррелят мифологической структуры. В самом деле, если выйти за рамки того, что непосредственно проявляется в поведении, но рассматривать структуру осознания мира, лежащую в основе этого поведения, то мы увидим, что косвенное целеполагание (в нашем понимании) базируется на выделении некоторых первичных структур. Эти структуры вполне естественно можно отождествить с мифологическими архетипами. Отличие выделяемых первичных структур — архетипов — от реально наблюдаемого поведения в его конкретном многообразии подробностей приводит к тому, что мифологическое воспринимается как ложное, выдуманное. Тем более, что исторические мифы излагаются в форме притчи, легенды, несущей структуру мифа. Очевидно, что конкретные детали мифа о Геракле (например, его рождении от Зевса) не соответствуют никакой бытовой реалии на уровне явления. Но суть мифа не в этих реалиях, а в содержащихся в этом мифе архетипах. Среди них можно найти такие, как «способность могущественного человека бороться с богами и самой смертью», «мужская сила в плену у женских чар» и др. Любопытно, что Анатолий Франс в одном рассказе изображает разговор двух философов (происходящий в середине I в. нашей эры), в котором они приходят к идее, что созревает новая мировая религия — культ Геракла, отвечающий нарастающему сознанию могущества человеческой силы, ограничиваемой только судьбой.

Суть мифа не в уходе от действительности, но в особом подходе к ее осмыслению путем выделения и выявления типических структур в многообразии явлений. Впрочем, миф вряд ли следует рассматривать как модель действительности. Правильнее было бы говорить, что явление есть модель или реализация мифа¹³. Миф скорее соответствует тому, что в математической логике называется «теория». Это инвариант, присущий совокупности моделей, реализаций. И как инвариант миф выступает в роли «социальной памяти», сохраняющей во времени структуру общественного самосознания. Удержать в памяти многообразную реальность явлений невозможно не только из-за физических ограничений объема памяти, но и из-за отсутствия структуры. Так, мы не помним причудливые узоры пены в морском прибое или набегающие сочетания облачных фигур. Но, опознав в одном из таких узоров или сочетаний некий образ, мы в состоянии его запомнить. Миф — это та структура, которая дает возможность помнить о реальности. При этом, разумеется, бывают «ложные» мифы в том смысле, что они навязывают действительности несуществующие в ней структуры.

Если миф представляет реальную структуру, то он приводит к системе прямых целей в описываемой ситуации. То, что эти цели в конечном счете приведут и к достижению фактических целей, возникает как следствие адекватности мифа.

В любом мифе следует различать собственно миф, т. е. структуры или архетипы, которые мы можем сопоставить с действительностью явления, и «оформление мифа» — ту легенду, притчу, модельную ситуацию, в которых этот миф передается.

Если архетипы обладают большой устойчивостью, которая дает некоторые основания считать сам миф неизменной, вневременной структурой, то оформление мифа имеет отчетливо исторический характер. Способ передачи мифа зависит от нашей сегодняшней способности восприятия, а та в свою очередь — от исторического и даже психологического контекста. То, что эллины воспринимал в образе мойр, прядущих нить судьбы, и что мы сегодня воспринимаем в виде научного принципа исторической

¹³ Шрейдер Ю. А. Модели в лингвистике и математике. — В кн.: Математическая лингвистика. М., 1973.

детерминированности — близкие представления о структуре мира, облечено в принципиально разные формы — мифологического представления о судьбе и научных законов истории.

В сегодняшнем научном мировоззрении миф выступает не в обрамлении легенды, наполненной конкретными чертами несуществующих явлений, вся роль которых в том, чтобы донести миф через историю. Сегодня миф выглядит как эвристическая установка, формулирующая гипотезу об организации мира и требующая определенного типа структуры действий. Подобная эвристическая установка дает универсальные рекомендации для весьма большого разнообразия ситуаций, заведомо не гарантируя успеха. Этим эвристическая установка принципиально отличается от конкретного и точного знания. Но зато эвристическая установка выдвигает на первый план прямые цели.

В бытовой сфере роль мифа часто играет анекдот, несущий в себе описание некоторой характерной структуры. Эти структуры легко интерпретируются как эвристики — рекомендации определенных целей поведения. Пример анекдотов такого типа — «Человек ищет деньги под фонарем, а не там, где их потерял». Такие анекдоты не столь смешны, сколь основательны. Это сегодняшняя форма мифотворчества, обнаружение в бытовой действительности существенных структур. Любопытно, что на нынешнем жаргоне младших школьников различаются анекдоты и так называемые «смехотуры», которые не обладают инвариантной структурой, а построены исключительно на назывании табуированных слов и ситуаций.

Краткий анализ формы мифа позволяет предположить, что косвенное целеполагание — это поведение с априорной эвристической установкой или, иначе говоря, с четкой мифологической структурой, вносимой в действительность явлений. В этом — все необходимое разъяснение важности такого типа социального поведения, или, шире, отношения к действительности и деятельности. Это разъяснение — само по себе эвристическая установка для изучения ряда важных форм социального поведения, или, иначе, «мифологическая» структура, в свете которой можно изучать поведение.

Формирование представлений о личности и социальных механизмах регуляции поведения: культурно-исторический аспект

Обращение психологии к сложным психологическим феноменам — личности, сознанию — опирается на один методологический прием, возможности которого еще недостаточно используются в современной психологии. Это исторический подход к психике человека, когда существование и природа некоторых психологических механизмов осознаются не в условиях их непосредственной данности современному человеку, а через реконструкцию исторической ситуации их первоначального появления. Исторический подход в психологии предполагает то, что сложные психологические явления могут быть поняты через нечто иное — древние культурные и общественные институты (ритуал, театр, церковь и т. п.), в рамках которых создавался и формировался определенный строй психики. В этом плане древние общественные институты можно рассматривать как своего рода объективацию психологических механизмов, скрытых для современного человека и функционирующих в его психике как бы автоматически. В данной работе мы отталкиваемся от факта происхождения понятия личности (от «persona» — театральной маски) и попытаемся через анализ античной драмы прийти к реконструкции ряда личностных (персоналогических) психологических феноменов.

Феномен античного театра, в особенности древнегреческой трагедии, постоянно привлекает к себе внимание литературоведов, культурологов, философов при обосновании всякого рода теорий и рассуждений о сущности человека, например в философии экзистенциализма¹. В мировой психологической литературе понятия, так или иначе

¹ См., например, критику концепции К. Ясперса в статье: *Давыдов Ю. Н. Царь Эдип, Платон и Аристотель (античная трагедия как эстетический феномен)*. — *Вопр. лит.*, 1964, № 1.

связанные с античной драмой, можно встретить, например, у психоаналитиков («катарсис», «эдипов комплекс» и др.)². Именно греческая трагедия была основным предметом исследования в школе исторической психологии³.

В области психологии личности в последнее время ряд авторов рассматривают так называемую сценическую модель личности. Эта модель связывается с преодолением субстанционалистской логики в подходе к личности⁴. Суть субстанционалистской логики — в том, что личность рассматривается как некая самотождественная, неизменная, равная себе сущность, где выполняется тождество «Я есть Я». Согласно «сценической модели» сущность личности, вернее «личностного» в человеке, как раз и не может быть сведена к самотождественности. Личностные психологические механизмы формируются у человека как условие убеждения других людей в том, что он (этот человек) есть то, кем и чем он претендует быть. Поэтому личность есть «искусство» (не искусство быть личностью, а сама личность как создание искусства), своеобразный язык, способ выражения результатов творчества индивида по формированию самого себя. Язык этот ближе всего к языку театра, строится по типу поведения актера на сцене. И другой человек может быть понят как личность при условии, если мы относимся к его поведению как к тексту, имеющему, в частности, и скрытый смысл, подтекст. В обосновании «сценической модели» авторы ссылаются на этимологию понятия «личность», которое, как считалось, означало «маску актера» (калька с древнегреческого «*προσωποι*»)⁵; но между тем более вероятен ис-

² См. критику психоаналитических концепций: *Бородай Ю. М.* К вопросу о социально-психологических аспектах происхождения первобытнородовой общины. — В кн.: *Принцип историзма в познании социальных явлений.* М., 1973; *Он же.* Психоанализ и массовое искусство. — В кн.: «Массовая культура» — иллюзия и действительность. М., 1975.

³ См., например, анализ этого направления в работах: *Рожанский И. Д.* Проблемы исторической психологии и изучение античности. — *Вопр. филос.*, 1971, № 9; *Он же.* Миф и трагедия в Древней Греции. — *Вопр. филос.*, 1973, № 10.

⁴ См.: *Родионова Е. А.* О постановке проблемы социальной обусловленности личности в зарубежной персонологии. — В кн.: *Психологические проблемы социальной регуляции поведения.* М., 1976.

⁵ Следует отметить, что при переводах древнегреческих текстов на старославянский язык имело место совмещение различных

ток от «per-sonare», что значит «звучать через маску»⁶. Появление «сценической модели» в персонологии заставляет более подробно рассмотреть происхождение понятия «личность» именно в его связи с древним театром.

Обращение к культуре древнего театра, к этому сложному феномену, в рамках которого появилась «маска», понятия «роль», «персонаж», «актер», возможно, позволят не только выявить позитивные аспекты «сценической модели», но и вычлениить те основные психологические механизмы, новообразования, которые можно назвать собственно «личностными», «персонологическими». Эта задача в определенном смысле противоположна той, которую решает историческая психология: не наделять древнего грека такими особенностями психологического склада, которые сложились в более поздние времена, а выделять специфический смысл, с которым древние употребляли привычные нам психологические понятия типа памяти и др.

Наша задача состоит в том, чтобы через феномен античной драмы обнаружить ряд психологических механизмов, которые в сфере психики современного человека функционируют автоматически и не могут быть «схвачены» в прямом объективистском описании личности в силу их «свернутости», «вращенности» и специфичности. При этом мы исходим из идеи своего рода «исторической интериоризации» — то, что когда-то существовало вполне объективно, как социокультурный феномен, что реализовалось, так сказать, в «непсихологическом материале», впоследствии может иметь корреляты в собственно психологических феноменах, в явлениях индивидуального сознания и внутреннего мира личности.

значений слов, в частности в таких фундаментальных для психологии понятиях, как «личность» и «душа». Греческое «*προσωπον*» («лицо») стало употребляться как в смысле «физиономия», так и в смысле «persona» (маска) «*ψυχή*» («душа») — как в смысле «anima», так и в смысле «отдельный человек». См.: Успенский Б. А. Влияние языка на религиозное сознание. — В кн.: Труды по знаковым системам. Тарту, 1969, т. 4 (Учен. зап. Тарт. ун-та; вып. 236).

⁶ *Dettering R. The Syntax of Personality. ETC, 1969, vol. 26, N 2, p. 139—151.* Значения латинского «per-sonare» следующие: громко звучать, звенеть, греметь, раздаваться, соглашаться, громко кричать, кликать.

1. Функции античного театра как общественного института

Время возникновения театра как самостоятельного общественного института датируется VI—V вв. до н. э. Для Древней Греции это было время классического рабовладения, лежащего в основе полисной общественной системы. Характеризуя особенности положения индивидов в докапиталистических общественных формациях, К. Маркс отмечает, что «тут индивид не может выступить так резко обособленно, как он выступает в качестве свободного рабочего... Его отношение к объективным условиям труда опосредовано его существованием как члена общины»⁷. Само же существование общины определяется формой собственности индивида на средства и условия труда. Античность определяется двойкой формой собственности — государственной собственностью и наряду с ней частной собственностью, причем «только гражданин государства является и должен быть частным собственником, между тем как его собственность как гражданина государства имеет в то же время особое существование»⁸.

Двойственность общественного положения свободно-рожденного древнего грека отражается в общественном сознании, формирует весь социокультурный комплекс античности.

Как отмечает А. Ф. Лосев, отношение к рабу как к вещи (раб — «говорящее животное») во многом определяет пластические основы древнегреческого мирозерцания⁹. Боги выступают как организующие начала, т. е. «воспринимают» функции господ. Особенностью религиозной жизни греков является известная общность божественного и человеческого, небесного и земного. Выше обеих этих сфер есть некая объемлющая их сфера, в которой люди осознают как бы свою общность с богами. Это «не что иное, как судьба, представление о которой воплощается в мифах и искусстве древних греков»¹⁰. По мнению

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 473.

⁸ Там же, с. 474.

⁹ Лосев А. Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М., 1963.

¹⁰ Гайденоко В. П. Тема судьбы и представление о времени в древнегреческом мирозерцании. — *Вопр. филос.*, 1969, № 9, с. 89.

А. Ф. Лосева, принцип судьбы соотнесен с непосредственным рабовладением, так как и свободнорожденные, и даже боги остаются «рабами судьбы»¹¹.

В мифологеме судьбы воспроизводится сущность античного общественного устройства. В сфере божественной судьба — внутренний, присущий божественному миру закон, порядок, имманентная ему справедливость (*dice*). В сфере человеческой судьба — или предопределение свыше, рок, неизбежность (*anapce*), или судьба — случай, счастливый или несчастный (*tyche*). В сфере героической (жизни героев отражаются в мифах) судьба есть участь, удел, доля (*moira*). Основание для героизации у древних греков — исполнение предначертанного, осуществление судьбы. Для героев характерны сознательное отношение к судьбе, принятие своей участи, какой бы тяжелой она ни была, и тем самым — утверждение вечной божественной справедливости, судьбы как изначально завершенной в себе целостности отдельных судеб. Позиция человека в мире определяется его участью, предназначением, его местом в общественном целом. «Определение человека дается ему через ту общность, в которую он включен (*polis*), потому что гражданство — главная характеристика человека»¹².

Однако чувство причастности к новой общественной целостности (полисное гражданство) в противовес прежней первобытнородовой не могло возникнуть само собой у древнего грека. Для его формирования, собственно, и учреждается особый общественный институт — театральное представление. И в самом феномене античного театра, на наш взгляд, необходимо рассматривать отдельно два плана: во-первых, искусство театральное — структуру и формы сценического представления с особым типом связей, складывающихся в ходе самого представления между сформировавшимися фигурами «актера», «хора», «зрителя»; во-вторых, ритуально-мифологическую подоплеку театального представления, его укорененность в оргиастических мистериях¹³. В самом процессе превращения

¹¹ «Судьба, скульптурный стиль истории и рабство — это один и тот же принцип, только данный в разных аспектах» (Лосев А. Ф. История античной эстетики (ранняя классика), с. 55).

¹² Гайденко В. П. Тема судьбы и представление о времени в древнегреческом миросозерцании, с. 94.

¹³ Бородай Ю. М. К вопросу о социально-психологических аспектах происхождения первобытнородовой общины.

ритуала в драматическое искусство следует, на наш взгляд, искать правила трансформации, условия формирования нового общественного человека, преодолевающего свою прежнюю природную, родовую определенность.

Общеизвестно, что источником античной драмы послужили культовые празднества в честь бога Диониса¹⁴. Каковы же особенности дионисийства, позволившие ему перерасти в искусство трагедии? Вяч. Иванов, разработавший наиболее полную концепцию дионисийства, считает, что в это время выделяются два типа богов: боги непреходящие и неизменные, вечные — это жители небесного Олимпа, «апатические» (равнодушные), олицетворяющие неизменные законы порядка и строя, и боги хтонические, подверженные страданию и изменению, «эмпатические» (вживающиеся), олицетворяющие животворные силы Земли и преисподней, в основном народные. Дионис, как бог рождающийся и умирающий, относится к богам второго типа, в то же время он включен в олимпийский пантеон. Дионисийский культ, по мнению Вяч. Иванова, есть форма преодоления разрыва между царством небесным и царством подземным. И при выделении в религии сферы олимпийской и хтонической, при исключении из первой начала «патетического» (страдательного) устанавливается коррелятивный этому началу принцип очищения (катарсиса) как условие установления равновесия между человеком и небожителем.

Существовало два типа катарсиса: катартика Аполлона и катартика Диониса. Катарсис (писал Вяч. Иванов¹⁵) ощущался как восстановление единства в душе разделившейся — удвоенной или «божественным вселением» и «одержанием» (как учила религия), или разделившийся в себе путем раскрытия собственных бессознательных энергий. По словам Вяч. Иванова, спасающий целостность личности катарсис есть примирительное упорядочение зияющей в душе диады. Аполлиническая катартика есть образно-иллюзорное примирение, прояснение, просветление, связанное с пониманием гармонической упорядоченности. За человеком, находящимся во власти Диониса, охваченным сильным иррациональным

¹⁴ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1968, с. 464—471.

¹⁵ Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923.

чувством (ужас, страх, самозабвение и т. п.), как бы отрицается возможность перевоплощения. Он находится в экстатическом иступлении и не имеет готового прообраза того, во что он должен воплотиться. Он не замкнут на самого себя, не «самоограничен», а слит с окружающим, с природой. Подражание «страстям Дионисовым» — не образное воссоздание того или иного явления «в уме», но погружение в само это явление, «воображение». Здесь происходит не мысленное восстановление сущего, а открытость ему, пронизанность им.

Превращение дионисийских мистерий — оргий — в «изящное» искусство трагедии приводит к совмещению аполлинического и дионисийского катартических принципов. А. Ф. Лосев¹⁶ отмечает, что еще Ницше рассматривал участника дионисийской оргии как трагического героя, как лицедея, независимо от того, играл ли его кто-нибудь на сцене. И смысл этого «лицедейства» в том, что ненаправленному экстатическому состоянию придается некая форма. Экстаз становится дозволенным, божественно санкционированным.

В различных интерпретациях общественных функций искусства трагедии подчеркиваются то «аполлинические», то «дионисийские» моменты катарсиса. Так, согласно концепции Ю. Н. Давыдова¹⁷, задача трагического искусства — эстетическая компенсация, создаваемая феноменом «сценической рамки». Собственно эстетическое ядро трагедии состоит в наслаждении безысходностью, невозможностью реально разрешить противоречие между общественной и индивидуальной сущностями человека. Наслаждение это становится возможным в результате создания «дистанции» между зрителем и представляемым действием в результате превращения реального страдания в страдание условное, сценическое, реальной жизненной проблемы — в «эстетический феномен». Искусство трагедии служит эстетическому примирению «двух половинок человека» — его свободной воли, субъективности Я, и общественной природы того же Я. Как подчеркивал Давыдов, холодная абстрактность моральных норм, выявляемая на одном полюсе, дополнялась на другом полюсе

¹⁶ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930, с. 33.

¹⁷ Давыдов Ю. Н. Царь Эдип, Платон и Аристотель...

теплотой «человеческого» сердца», излучаемой становящимся «изящным» искусством¹⁸.

Согласно представлениям Ю. М. Бородая, задача трагического искусства отнюдь не сводится к иллюзорному примирению противоречия между индивидом и обществом. Сутью трагедии является утверждение положительного идеала человеческого существования, каким бы утопичным и мифическим он нам ни казался. «Древнегреческое учение о катарсисе опиралось на убеждение, что глубинное ядро подлинно человеческой природы составляют все-таки не титанические силы «естественно»-животных побуждений, но «жажда неба»»¹⁹. Задача трагедии — «вновь сделать бога интимным, имманентным человеку»²⁰. Зритель по мере развития захватывающего зрелища осознает, что на сцене разыгрывается то, что имеет прямое отношение к нему самому²¹. Трагедия — средство могучего этического воздействия, формирующее положительные идеалы²².

На наш взгляд, противоположность этического и эстетического акцептов в понимании функции античной драмы лишь кажущаяся. В миросозерцании самого древнего грека подобного разрыва этического и эстетического не существовало²³. Противоречие, разрешаемое самим фактом театрального представления (или фактом «пластической индивидуализации родовой судьбы», по терминологии Ю. М. Бородая), есть утверждение в новых условиях, условиях формирования гражданской общности космических, «судьбинных» принципов, отраженных в античной мифологии и героике.

Так складывалось театральное представление — не «эстетическая рамка», отгораживающая человека от мира, а новый «сценический космос», в котором заложены основы формирования человека-гражданина, человеческой субъективности, свободной от «звериных» вожделений. Рассмотрим эту гипотезу подробнее.

¹⁸ Давыдов Ю. Н. Указ. соч.

¹⁹ Бородай Ю. М. Психоанализ и массовое искусство, с. 174—175.

²⁰ Бородай Ю. М. Воображение и теория познания. М., 1966, с. 136.

²¹ Бородай Ю. М. Психоанализ и массовое искусство, с. 177.

²² Толстых В. Об этической природе древнегреческой трагедии. — В кн.: Эстетика и жизнь. М., 1973, вып. 2.

²³ Ярхо В. Н. Была ли у древних греков совесть? — В кн.: Античность и современность. М., 1972.

2. Особенности и природа «сценического космоса»

Как известно, древнегреческий театр отличался от современного. Слово «театр» означает «зрительное место», или место для зрелищ. По своей конструкции он напоминал современный цирк. Размеры древнего театра значительно превосходили размеры театра современного. На голову актера надевалась соответствующих размеров маска, закрывавшая не только лицо, но и всю его голову. В маске делалось особое приспособление, или резонатор, для усиления звука. Название этого резонатора и было «persona» (от «per-sonare» — звучать сильнее обычного). Впоследствии это название стало обозначать всю маску, потом замаскированное лицо и, наконец, вообще «лицо»). Основное внимание зрителей было обращено на произносимый актером текст и интонации голоса²⁴.

Следует отметить, что актер и действующее лицо пьесы не могли совпадать в древнем театре, так как известно, что в первых драмах участвовал только один актер, персонально сам автор пьесы, и только впоследствии число актеров достигло трех. Соответственно сразу же отпадает и интерпретация функции маски как того, что служит идентификации актера и его роли. Первый актер назывался «протагонистом», второй — «девторогономистом», третий актер — «триагонистом». Роли распределялись между ними в зависимости от того, какова была важность той или иной роли в общей структуре пьесы. Нам известна одна попытка объяснить функциональное, а не характерное распределение ролей в античном театре. Это гипотеза Н. Евреинова о генетическом родстве древнесемитского обряда козлоотпущения с ритуальными источниками античной драмы. Н. Евреинов устанавливает связь происхождения древней драмы с культовыми празднествами, включающими фигуру сакрального животного²⁵. Обряд козлоотпущения, по мнению ряда исследователей, был данью народным языческим празднествам. В один-единственный день в году следовало взять двух одинаковых

²⁴ Морозов П. О. История европейской сцены. СПб., 1903.

²⁵ В современной оценке подобные гипотезы считаются не более чем остроумными предположениями (Алексидзе А. Вопросы античной драмы в современной науке. Тбилиси, 1972). Однако гипотеза Н. Евреинова учитывает подобное возражение (см.: Евреинов Н. Происхождение драмы. Петрополис, 1921).

козлов, одного для господ, другого для Азазела (демона пустыни), первого принести в жертву для господ, перед вторым совершить исповедь за грехи свои и народа и отослать его с нарочным человеком в пустыню, пусть козел понесет на себе все беззакония в землю отрезанную. Козла отводили на гору и там сбрасывали вниз. О смерти козла собравшимся сообщал нарочный. Важно было то, что козел погибал вдали от людей, в одиночестве. Таковы основные правила обряда «козлоотпущения». Н. Евреинов выделил десять признаков сходства этого обряда с греческой трагедией. Для ритуального представления в день Очищения требовались жрец, жертва и слуга (нарочный человек), он же — вестник о гибели козла. По Н. Евреинову, главные роли в ранней греческой трагедии распадаются при строгом анализе на жреца, первоначально самого бога, на место которого порою заступал жрец, жертву и вестника (слугу). Остальные роли, вернее роль, брал на себя хор²⁶.

Ценность этой гипотезы состоит в том, что здесь, во-первых, содержится указание на связь античной драмы с народными обрядами и, во-вторых, найден обряд такого типа, который позволяет связать три источника трагедии, по Аристотелю, — происхождение трагедии из импровизации (1), от запевал дифирамбов (2) и сатировской драмы (3). Так, известно, что значение слова «дифирамб» — «песнь богу двойного топора», а особенностью дифирамбического пения является возможность соединения противоположных крайностей — от пиршественного веселья до экстаической скорби²⁷. Следует отметить и указание Аристотеля на происхождение трагедии от запевал дифирамбов и сатировской драмы, что совпадает также со сведениями об Арионе²⁸. Вяч. Иванов ставит в связь со сведениями об Арионе и происхождение театральной маски, считая источником последней пляску сатиров в «звериных харях»²⁹. Как отмечает Н. Евреинов, предметом обрядового подражания или импровизации были: у охотников — жизнь, привычки и повадки животных, у пастушеских народов — жизнь и привычки скота, у земледельцев — посев, молотба, уход за виноградни-

²⁶ Евреинов Н. Азazel и Дионис. СПб., 1902, с. 100—101.

²⁷ Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство, с. 219.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 230.

ками и т. п. При этом важно, что в представлении должно было участвовать все племя, которое при этом пело, причем распевались лишённые смысла слова. Содержание изображаемому действию давалось только пантомимой³⁰.

На наш взгляд, «постановка хора» и «наименование песнопений по хору» говорят о появлении текста пьесы, о превращении хора из простого музыкального сопровождения пантомимы в «действующее лицо», пропевающее или произносящее осмысленный текст. Весьма важно введение сатиров, впоследствии — актеров, «говорящих размерною речью», т. е. не поющих и не импровизирующих, но именно произносящих, провозглашающих какие-то слова. Отношения, складывающиеся между «говорящими сатирами» и хором, подчеркиваются и значением греческого слова «ὄρχηστῆς» — актер.

В зависимости от различий в понимании процесса формирования драматического жанра как результата развития лирического диалога в драматический или как результата привнесения «речи» в хоровую лирику извне актер («ὄρχηστῆς») трактуется либо как «отвечающий», ответчик хору, либо как «толкователь, интерпретатор»³¹. Происхождение актера, таким образом, никак не связано с «лицедейством». Вяч. Иванов отмечает значение диалога между хором и заневадой³².

В связи с такой логикой появления актера функция резонатора, служащего для усиления звучания его голоса (persona), представляется столь же существенной, что и сам факт выделения «говорящих членораздельной речью сатиров». По-видимому, именно в этом и заключалась возможность последующего расширения значения слова «persona» до отождествления с самим актером и его другими сценическими атрибутами, в том числе с маской, ролью в пьесе и т. д. В противном случае слишком трудно было бы объяснить то воистину «космическое» значение, которому дало имя столь незначительное приспособление для сцены. Если же говорить о функциях собственно те-

³⁰ Евреинов Н. Происхождение драмы.

³¹ Алексидзе А. Вопросы античной драмы в современной науке; Стратилатова В. П. Приемы хоровых партий в трагедиях Софокла. — В кн.: Античность и современность.

³² Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство, с. 225.

атральной маски и учесть, что смена масок, подобно смене различных партий хора, отражала переходные, кульминационные моменты пьесы и маской первоначально изображались лишь наиболее «контрастные» душевные состояния — радость и гнев, плачь, скорбь и т. п., то следует считать, что маска скорее всего имела эстетический смысл, никак не связанный с обрядовой «маскировкой». По функциям маска совпадала с музыкальным сопровождением и танцевальным искусством хора.

В структуре самого театрального представления хор выполнял очень важные функции. Медленные, размеренные движения хора под аккомпанемент музыки образовывали своего рода торжественную пляску, в которой определенный строй движений служил для выражения различных душевных состояний. Это так называемая лирическая функция хора: песни хора обычно предсказывают события, указывают на их связь с прошлым, в них вспоминаются судьба и деяния действующих лиц пьесы, в конце хор подводит итог всему, что увидели зрители, и извлекает из пьесы соответствующее нравоучение, т. е. именно хор формулирует впечатления, получаемые от пьесы зрителем. В этой лирической функции хор и называется «идеальным зрителем». Вторая функция хора — драматическая. Она связана с тем, что он часто выступает как самостоятельное действующее лицо, к которому другие действующие лица обращаются с вопросами, получают от него советы, одобрение. Существуют две гипотезы о том, как исполнялась роль хора: согласно одной из них, предполагается, что хор пел свою партию, согласно другой гипотезе, — от имени хора выступал его предводитель — «корифей», к которому и обращаются актеры.

Различение лирической и драматической функций хора специально подчеркивалось Аристотелем, отмечавшим, что хор должно представлять как одного из актеров. По-видимому, этот момент не был самоочевидным для древних, и смысл акцента на драматическую функцию хора можно уловить в связи с рассуждением Аристотеля о разделении поэзии на эпос, лирику и драму (о подражании). Хор-лирик не вмешивается в происходящее на сцене, он говорит «от своего имени», дополняя повествованием картину происшествий.

Хор — «действующее лицо» — говорит уже не от своего имени, выражает чье-то еще, «чужое» мнение. Чье же?

Одной из особенностей существования театра в Древней Греции была жесткая необходимость того, чтобы во время спектакля в театре присутствовало практически все взрослое население полиса. Хор выбирался из числа наиболее достойных граждан. Очевидно, хор должен был выражать «общее мнение», мнение всех по отношению к событиям, воспроизводящимся на сцене, благодаря чему это мнение и приобретало нравственно-законодательную силу для граждан полиса.

Хор, таким образом, — это и зритель, и актер одновременно. Хор как «действующее лицо» есть судья происходящему в пьесе³³. Когда хор «действует» и проявляет «свою энергию», т. е. не остается пассивным «свидетелем» совершающихся событий, он участвует в поведении героев пьесы как «коллективный герой», так же как в поведении людей «участвует» всеобщая общественная необходимость.

Разбирая детали понимания подражания Аристотелем, А. Ф. Лосев утверждает, что, по-видимому, Аристотель считал подлинным и настоящим подражанием только музыку, ибо она подражает самим психическим состояниям человека. Поэзия есть подражание человеческим поступкам и действиям³⁴. Именно драма из всех родов поэзии по Аристотелю должна была считаться наиболее этичной. Сущность драматизации лирических партий хора — это усиление их событийной членораздельности, подчеркивание взаимосвязи между различными человеческими поступками и действиями.

Если обратиться к сравнительно современным формулировкам сущности драмы («Драма представляет совершившееся событие как бы совершающимся в настоящем времени перед глазами читателя или зрителя» — Белин-

³³ Такая точка зрения частично разработана Ж.-П. Вернаном. Гама структура трагического действия есть не просто цепь последовательно совершающихся событий, а как бы общественный суд над действующими лицами трагедии. Сущность трагического конфликта в ряде случаев состоит в том, что разные действующие лица по-разному толкуют юридические понятия закона, долга и т. п. Трагическая маска определяла дистанцию между зрителями и трагическим персонажем, героем (*Рожанский И. Д.* Миф и трагедия в Древней Греции. — *Вопр. филос.*, 1973, № 10).

³⁴ *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика, с. 410—412.

ский³⁵, или, например, драма — это «где человек в маске, с речью и т. д. ставит себя на место другого и зрителями зовется именем этого другого» — Рошер³⁶), то обращает на себя внимание внесение «измерения времени» — прошедшее событие представляется (предстает) сейчас и здесь перед глазами зрителя. Это действительно сущностная особенность драмы, так же как особенность «ставить себя на место другого», говорить не «от себя», т. е. говорить, выражая не свое эмоциональное состояние, а произносить какой-то текст (актер).

Особая концепция времени, предполагаемая драмой, вызывает сейчас наибольший интерес исследователей³⁷.

Трагедия объединяет два воззрения на время. С одной стороны, сохраняется мифическая сторона трагедии — миф никогда не относится к определенному времени, это постоянно возобновляющаяся история, вечно существующее происшествие, усиливаемое в сценическом представлении лирическими партиями хора, устанавливающими некоторую цикличность действия, рисуящими событие с более широкой точки зрения, ослабляя напряженность трагического происшествия. С другой стороны, «в самом сочетании событий» собственно и есть сила трагедии. Драматизация трагедии идет по пути ослабления функций хора, соответственно все больше утверждая «движение времени», описывая напряженный процесс связывания событий и то, как эти связи открываются герою — перипетия или перемена совершающегося к противоположному как один из главных моментов трагической фабулы. Связь измерения времени с самим представлением подчеркивается и элементом «вестничества». В трагедии само центральное событие совершается «за сценой», так что получается, что зритель имеет дело уже с некоторой «рефлексией» события, его оценкой, в частности в виде «смены масок», причем так, что сама эта оценка должна стать всеобщей.

В театральном представлении мы имеем дело, таким образом, с расчленением события во времени на прошлое,

³⁵ Цит. по: Лосев А. Ф., Сонкина Г. А., Тимофеева Н. А., Чермухина Н. М. Греческая трагедия. М., 1958, с. 7.

³⁶ Цит. по: Евреинов Н. Происхождение драмы, с. 8.

³⁷ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика, с. 451—455; Гайденко В. П. Тема судьбы и представление о времени в древнегреческом мироздании.

настоящее и будущее. В ходе самого театрального зрелища устанавливаются отношения между хором и зрителями, переводящими оценки события «коллективным героем» в ранг всеобщей значимости, в вечность, но в то же время «хор» выполняет и более обыденные функции — примирения сторон-собеседников. Театральное представление делает время многомерным, наполненным взаимными связями между различными «персонажами» представления (а не персонажами пьесы) — зрителями, хором и актерами.

В рамках сценического представления наиболее «собирательное» значение приобретает театральная маска. К ней «стягиваются» все особенности античной драмы. Подобно хору, она выполняет функцию оценки происходящего, является «телесным воплощением» эмоциональных состояний, вносит «дистанцию» между актером, с одной стороны, и хором и зрителями — с другой, и, наконец, имея резонатор для усиления голоса, сливается с речью актера как такового.

На наш взгляд, именно через маску могло произойти совмещение различных значений слова «persona»: актер, его роль, внешность, маска, сан, титул. Последнее значение, нашедшее продолжение в понятиях «должность», «место в жизни», возможно имеет своим основанием «глубину» дистанции между актером и зрителями, поскольку в античном театре зрители рассаживались по «зрительным местам» в зависимости от заслуг и должности в афинском полисе.

В драматическом представлении, таким образом, происходит совмещение двух пластов, двух уровней существования — пластически телесного, музыкального, выявляющего непосредственное эмоциональное состояние, и словесно-речевого, текстового, «умного» воспроизведения человеческих поступков. На одном полюсе — мифологическое время с его вечностью, цикличность, темные силы преисподней, экстатическое безумие, неоформленная стихия дионисийских страстей, музыкально-телесный «космос» с его непосредственной выразительностью состояний души. На другом полюсе — драматическая напряженность во времени совершающегося события, торжество законов порядка и строя, всеобщность этической оценки происходящего, словесно-речевая оформленность, восстановление попорченной в родовом преступлении (сравни — оргии) бо-

жественной справедливости и утверждение ее вечности. Связь между этими полюсами устанавливается всей логикой драматического представления, структурой связей между актером, хором и зрителями.

3. «Сценический космос» и личностные феномены

В современной психологической литературе факт происхождения понятия «личность» от античного термина «persona» приводит к формулированию ряда парадоксов, составляющих проблемное поле персонологии. Так, Г. Оллпортом, специально занимавшимся вопросом о значениях термина «личность» в различных контекстах (философском, юридическом, социологическом, психологическом и т. п.), парадокс понятия «личность» сводится к следующему: личность означает нечто ненастоящее, ложное, то, каким человек хочет предстать в глазах других людей, а не каков он на самом деле, в то же время личность — это подлинное, сущностное в человеке³⁸. В психоаналитической системе К. Г. Юнга понятие «persona» используется для обозначения одного из архетипов в смысле «ложное Я», навязываемое индивиду коллективом, и противопоставляется «истинному Я», или архетипу «самости»³⁹. Большинство психологов отстаивают классический тезис о личности как о внутренней сущности человека, несводимой к его внешним проявлениям. В современном мире терминологическая связь понятия «личность» с «маской», понимаемой как то, что скрывает подлинную сущность человека, может быть использована в антигуманных целях, в целях отрицания личности как свободной индивидуальности, духовного Я, уникального и неповторимого в человеке, его высшей природы. Однако не следует забывать, что, как пишет А. Ф. Лосев, «Формы проявления личности в античности совершенно своеобразны и оригинальны. И отличаются они как раз своим внеличным, пластическим содержанием... Возьмем, например, греческую трагедию... Основой ее внеличности является то, что главным действующим началом является тут рок, безличная, слепая судьба, в руках которой человеческая

³⁸ Allport J. *Personality. A Psychological Interpretation*. N. Y., 1937.

³⁹ Подробнее см.: *Аверинцев С. С. «Аналитическая психология» К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии.* — В кн.: *О современной буржуазной эстетике.* М., 1972, вып. 3.

личность оказывается только механическим орудием... Даже культ Диониса, отличавшийся необычной возбужденностью и экзальтированностью... даже этот культ содержит в себе нечто безличное, нечеловеческое, звериное — в нем нет общения одной личности с другой»⁴⁰.

Сам факт возникновения «маски» в рамках античного театра, на наш взгляд, говорит о том, что понятие «личность» связано с исторической необходимостью превращения природно-родового, «естественного» человека в человека общественного. И способ этого превращения задается сценической «искусственностью», присутствует в особом мире театрального представления, в «сценическом космосе». Опираясь на особенности театрального представления, попытаемся представить себе пути этого преобразования.

В структуре сценического «пространства» выделяются три различные позиции, или «места», — это актер, хор, зритель. Смысл театрального представления в том и состоит, чтобы связать эти три позиции особыми «узлами». Следует отметить, что в процессе превращения дионисийского ритуала в театральное представление наблюдается определенная последовательность формирования этих позиций, говорящая о степени их взаимозаменяемости. Так, вначале возникает диалог актера и всех остальных участников праздника, второй шаг — выделение собственно хора и зрителей. То, что хор выбирался из числа граждан полиса, подчеркивает его связь со всеми остальными «действующими лицами», говорит о возможном взаимопереходе между позицией хора и позицией зрителя, о возможном «переводе» мнения хора во мнение всех собравшихся. «Зритель» и «актер» противостоят друг другу, чему соответствует и функция «маски» — вносить дистанцию между актером и зрителями, подчеркивая принадлежность первого к особой категории существ — героев. Актер и его персонаж оказываются в положении «обсуждаемого», наблюдаемого, тогда как зрители — в позиции наблюдателей, а хор формулирует «правила наблюдения», или способы оценки событий, изображаемых актером. Таким образом, в сценическом представлении одновременно присутствуют как бы три точки зрения, расчленяющие мифо-

⁴⁰ Лосев А. Ф. История античной эстетики (ранняя классика), с. 63—64.

логический сюжет на отдельные события, на способы их «рефлексии» и всезначимость их взаимосвязанности.

Возможность перемены точек зрения иллюстрируется самим принципом, или «механизмом», катарсиса: зритель, с одной стороны, отождествляет себя с трагическим персонажем, с другой стороны, это отождествление не может быть полным в силу «дистанции», вносимой маской, и диалогического отношения, складывающегося между актером и хором в его драматической функции. Хор здесь как бы указывает направление, способ «перенесения» страданий героя. Стать на точку зрения хора — значит для зрителя понять «божественную необходимость» страданий трагического персонажа, понять судьбинный «подтекст» его поведения и тем самым достичь просветления. Смысл катарсиса, таким образом, — в «самоотстранении» страшных переживаний, что усиливается также и спецификой дионисийской катартики: не полное перевоплощение в другого (в героя), а вживание, сопереживание страстям Диониса. И если участник дионисийской мистерии исцеляется от непосредственной охваченности какими-то «звериными» вожделениями, от действия в нем самом демонической силы, то зритель трагического представления избавляется от самой возможности впасть в «трагическую ошибку», избавляется в результате общения с представленным ему на сцене героем, в результате приобщения к царству чистой божественно-человеческой справедливости.

Весьма важно то, что драма есть результат словесного оформления первоначальной ритуальной импровизации, результат появления «сценария» (темы) общения между «запевалою дефирамба» и хором, условие обсуждения действий «говорящего сатира». Возникновение сценария и текста приводит к тому, что «оборотень» — так можно назвать непосредственного участника дионисийских мистерий — становится «персонажем-лицедеем», выражающим в речи уже не свое эмоциональное состояние, а нечто другое, «чужой текст». В динамических, подвижных отношениях, складывающихся между актером и хором, содержится возможность увидеть «охваченного Дионисом» как бы со стороны. Сам факт «обращения» актера и хора друг к другу приобретает здесь особый смысл: во взаимообыгрывании, различном толковании одного и того же текста отражается процесс формирования собственно от-

ношения — соотнесения, сравнения, сопоставления различных точек зрения. И вне этой «словесной игры», по видимому, не может существовать и само различие позиций актера и хора.

Описанные нами «позиционность» и «взаимообращенность», имеющие место в сценическом пространстве, воспроизводятся, на наш взгляд, в дальнейшем и в ситуациях общения людей, и в «механике» индивидуального сознания. Так, в критическом рассмотрении психоаналитической концепции, предпринятом Н. Волошиновым⁴¹, отмечается, что всякое высказанное слово — как бы «сценарий» того ближайшего общения, в процессе которого оно родилось; само же общение есть момент более широкого общения той социальной группы, к которой принадлежит говорящий. Понятие бессознательного трактуется тогда как «несловесное», не выраженное в слове. Словесная выразимость соответствует процессу осознания, а последний есть одновременно и «подведение себя под какую-нибудь социальную норму, социальную оценку, есть, так сказать, обобществление себя и своего поступка. Осознавая себя, я ... пытаюсь взглянуть на себя глазами другого...»⁴².

В диалогическом общении важен момент сравнения, сличения, предполагающий формирование общего правила, нормы поведения. И именно это общее, принадлежащее «мне» и «другому», вычленяется как собственно человеческое, лишенное замкнутости, закрытости, «эгоцентричности» непосредственного «животного» состояния, в принципе не соотносимого с состоянием «другого». В словесном «торге», этом сравнении себя с другим, на наш взгляд, воспроизводится тот процесс, на который указывал К. Маркс, отмечая, что, поскольку человек рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу, как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе, как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек»⁴³.

Обращаясь к концепции трагического персонажа, следует отметить, что античная драма не утверждает безус-

⁴¹ *Волошинов Н. С.* Фрейдизм: Критический очерк. М.; Л., 1927.

⁴² Там же, с. 129.

⁴³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 62.

ловпой трагичности сущности человека ни в форме роковой безысходности жизни отдельного индивида, ни в форме «движения к смерти», к «трагической развязке» как единственного смысла человеческого существования. В «сценическом космосе» укоренена определенная идея отношения человека и Мира, вернее, совмещаются два возможных типа этого соотношения.

При первом типе ситуация, в которой находится человек, рассматривается как результат каких-то свойств и особенностей самого этого человека. Возможный ритуальный источник древней трагедии — обряд козлоотпущения — подчеркивает именно этот тип связи человека и Мира: «козел отпущения» — это существо, рассматриваемое как причина всех бед и несчастий, происходящих с народом. Поэтому символическое уничтожение этого существа должно избавить народ от несчастий, от божественной кары за грехи. Первый тип отношения можно условно назвать «антропоцентричным». Предполагается, что позиция человек в Мире зависит от его свойств: если человек что-то в состоянии изменить в себе самом, тем самым он меняет нечто происходящее и в Мире.

Второй тип отношения человека и Мира прямо противоположен: ситуация, в которой находится человек, определяется не его свойствами, а «местом» в Мире, в котором он так или иначе оказался. Допускается, что если этот же человек оказался в другом «месте», с ним происходило бы нечто иное. Это отношение человека и Мира иллюстрируется понятием судьбы как случая, когда в объяснении причины какого-либо события или состояния человека ссылаются на «стечение обстоятельств». Второй тип отношения «топоцентричен» (от греческого «τοπος» — место). Свойства человека зависят от «места», в котором он находится, от ситуации, в которую он попал. Поведение трагического героя, с одной стороны, целиком определяется его «участью», местом в мире безличной судьбы, т. е. его поведение якобы божественно предопределено. С другой стороны, герой потому и герой — посредник божественного и человеческого, что «поднимается до принятия своей участи и добровольного осуществления того, что суждено»⁴⁴. Трагический герой в определенном смысле сам

⁴⁴ Гайденко В. П. Тема судьбы и представление о времени в древнегреческом мирозерцании, с. 92.

определяет свое поведение. Он становится «рупором» судьбы, говорит голосом самой судьбы, но говорит он сам, от своего имени, так как трагедия изображает всех действующими и проявляющими свою «энергию», если говорить словами Аристотеля.

По-видимому, именно в принципиальной амбивалентности, несовместимости присущего герою и «антропо», и «топоцентризма» и проявляется сущность «жизненной драмы»: с одной стороны, в самом «стечении обстоятельств» — сила трагедии, с другой стороны, в драме каждый проявляет свою «энергию». Поведение трагического персонажа зависит от чего-то такого, что он сам не в состоянии изменить. Другими словами, совершающиеся в нем самом изменения (перипетии) ничего не меняют в том, от чего он зависит, — в его судьбе. «Смена масок», как раз и иллюстрирующая случившуюся с человеком перемену, возможно, потому так сильно действовала на зрителя, что открывала ему эту истину — необходимую, судьбинную связность случившегося с героем. Греческая трагедия, таким образом, утверждала глубоко этическую идею ответственности (актер и изображаемый им персонаж — «ответчик» хору) человека за стихийно совершающиеся в нем самом перемены, перемены, которые в принципе могли бы повлечь за собой изменение всего происходящего в Мире, но в силу «стечения обстоятельств» по «божественно заданным законам» оставили этот Мир прежним, доказали вечность существующего миропорядка.

Специальное внимание следует обратить на формы отображения собственно «психологического» в античной драме. Как отмечает А. Ф. Лосев, в основе античного мирозерцания лежат «не личность и не общество, как думаем мы теперь, не история и не человек, и даже не природа, а именно тело, живое и здоровое, красивое человеческое тело»⁴⁵. По представлениям древних греков, человеческое тело состоит из физических стихий — огня, воздуха, земли и воды. Идеалом для грека была гармония физических стихий, «когда принцип общетелесной жизни, который греки называли «душой», целиком подчиняет себе все телесные «стихии»»⁴⁶. Поэтому «пластиче-

⁴⁵ Лосев А. Ф. История античной эстетики (ранняя классика), с. 77.

⁴⁶ Там же.

ская индивидуализация», имеющая место в театральном представлении, — музыка, сопровождавшая танцевальное искусство хора, статуеподобный облик актера, в особенности же сама театральная маска, имели для древнего грека глубинный эстетический и «этический» смысл. Все красочное сценическое представление должно было быть «телесным воплощением», «оживляющим» и одушевляющим текст пьесы. Телесное, пластическое воплощение записанных в пьесе событий связано с необходимостью одновременного сосуществования как бы двух уровней психологического: исходного, отражающего связь души и тела, сформировавшегося в условиях «естественных», родственных связей между индивидами, и нового, «духовного», отражающего формы человеческой субъективности, складывающиеся в условиях установления общественных связей между родственно чужими индивидами. Телесное воплощение подчеркивает неразрывность, внутреннюю связность обоих уровней, причем так, что новый, «высший» уровень подчиняет себе прежний — логика пластического изображения соответствует логике представляемых событий. В то же время все отношения и связи текста пьесы не могут быть выявлены без наглядного изображения того психического состояния, к которому приводят драматические события, без самого сценического представления. Отмечавшееся выше сходство «драматического этоса», этоса человеческих поступков и действий, с «музыкальным этосом» говорит о том, что в устройстве «сценического космоса» по аналогии с космосом телесным осуществлялись общественная «гармонизация» стихии человеческих поступков, подчинение их принципу общественной жизни, который греки и называли «судьбой».

Собственно театральная маска прежде всего является знаком, пластическим изображением изменений, перемен, которые случились с персонажем пьесы. В этом смысле маска не скрывает «подлинное» лицо, а «означает», оценивает смысл случившегося «за сценой» происшествия в форме «лика», выражающего новое психическое состояние героя.

Оценка события, написанная «на лице» персонажа (его лик), в первую очередь касается сравнения (сличения) случившейся с героем перемены и общественной нормы. Маска, таким образом, изображает героя таким, каким он предстает на суд зрителей, выставляется на всеобщее пу-

бличное обозрение, «на позор». В маске поэтому в полном смысле слова сосредоточены функции социальной регуляции, общественной «гармонизации» индивидуального героического «характера».

Различные значения слова «persona» вызваны сложной системой отношений, в которые вплетена «маска» в античном театре. Происхождение понятия личности от маски актера древнего театра — не этимологический парадокс, а факт, который влечет за собой возможность реконструкции ряда «персоналогических» феноменов — продуктов исторической трансформации «естественного» человека в человека общественного.

Проблема психологии катарсиса как преобразования личности

Проблема «очищающего страдания» была поставлена в философии и науке со времен Аристотеля как проблема трагического катарсиса (от греч. *κάθαρσις* — очищение). Аристотель употребил этот термин в связи с определением трагедии, осуществляющей «путем сострадания и страха очищение подобных аффектов»¹. Значительность и неясность этого высказывания и неполнота дошедшего до нас текста породили множество его интерпретаций. Интерпретации, комментарии и теории по поводу этого текста создавались с XVI в. и создаются доньше².

Механизмы катарсиса привлекали и внимание психологов. Л. С. Выготский отмечал значение проблемы катарсиса для психологии: «...несмотря на неопределенность его (понятия «катарсис». — Т. Ф.) содержания и несмотря на явный отказ от попытки уяснить себе его значение в аристотелевском тексте, мы все же полагаем, что никакой другой термин из употреблявшихся до сих пор в психологии не выражает с такой полнотой и ясностью того центрального для эстетической реакции факта, что мучительные и неприятные аффекты подвергаются некоторому разряду, уничтожению, превращаются в противоположные и что эстетическая реакция как таковая сводится к такому катарсису, то есть к сложному превращению чувств»³.

Однако проблема «катарсиса» в психологии не сводится к психологии эстетической реакции. Эмоциональная трансформация — превращение отрицательных эмо-

¹ Аристотель. Поэтика. М., 1957, с. 56.

² См., например: Новосадский Н. И. Введение к «Поэтике» Аристотеля. Л., 1927.

³ Выготский Л. С. Психология искусства. 2-е изд. М., 1968, с. 271.

ций в положительные — важна не как область психологии чувств, а в связи с преобразованием всего психического строя человека и формированием целостной личности.

Тема катарсиса как необходимого момента такого преобразования оказывается тесно связанной с проблематикой духовного и нравственного развития личности, сочетания в ней индивидуального и всеобщего, гармонизации ее духовного мира, включения личности в мир высших человеческих ценностей, формирования нравственных императивов и совести. Выявить и проследить эти внутренние связи — цель данной работы.

1. Механизмы катартического — преобразующего — воздействия искусства

Проблема катарсиса возникла в сфере искусства. С незапамятных времен люди пытались использовать искусство в терапевтических и регулятивных целях. Пифагор, по свидетельству древних, владел искусством гармонизировать, умиротворять душевные состояния, исправлять дурные склонности посредством музыки⁴. Можно предполагать, что «методика» Пифагора (пользуясь современным языком) заключается в погружении в состояние «пациента», в нахождении соответствующих этому состоянию мелодий-ритмов и постепенной перестройке их в целях выведения человека из прежнего состояния, просветления. Но для этого автор музыкального произведения не должен просто следовать за страстями людей, а вести за собой; это символизируется мифом об Орфее: Орфей спускается в ад не для того, чтобы в нем остаться, но чтобы вывести из него Эвридику.

Условия, необходимые для подобного врачевания искусством, — способность нисхождения художника до уровня страждущего человека, знание им пути и правил восхождения к состоянию просветления и умение сделать восхождение постепенным.

Катартическое искусство должно отвечать этим условиям.

⁴ А. Ф. Лосев и В. П. Шестаков приводят соответствующее высказывание Ямвлиха (см.: Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М., 1965, с. 85—86).

По Аристотелю, искусство «очищает» путем «сострадания и страха», причем, как отметил еще Лессинг⁵, эти чувства у зрителя — соучастника трагического действия — должны быть вызваны одновременно. Трагедия способна пробить скорлупу обыденного эгоцентризма благодаря схожести героя со всеми людьми. Она затрагивает общечеловеческие, универсальные проблемы, поэтому она затрагивает каждого человека, преодолевая временные и культурные дистанции.

Уже на этой стадии анализа проблемы мы сталкиваемся с видимым противоречием. Сострадание вызывается страхом — чувством, свойственным всем людям, страхом оказаться в таком же положении, как и герой трагедии, т. е. страхом и за себя. Этот-то страх и это сострадание должны быть, согласно Аристотелю, «очищены» опять-таки путем сострадания и страха. Что же должно в действительности подвергаться очищению в нашем чувстве страха? Очевидно, — именно «установка на себя», придающая этим переживаниям аффективный, страстный характер. В «Риторике» Аристотеля мы находим определение сострадания, подтверждающее эту мысль, иначе трудно понять, для чего нужно «очищать» сострадание — столь, казалось бы, альтруистическое чувство.

Проблему трагического катарсиса как очищения сострадания и страха от эгоцентрического обертона в контексте изменения личности рассматривал Батчер⁶. Трагическое действие, по теории Батчера, способствует превращению низших эмоций сострадания и страха, основанных на инстинкте самосохранения, в высшие, более тонкие переживания; они освобождаются от устрашающих элементов, проясняются, превращаются в эстетические эмоции. Это происходит, по мнению Батчера, благодаря тому, что герой хотя и подобен нам, но в то же время возвышается над нами. Такая дистанция способствует отстранению зрителя от своего личного, от занятости собой и настраивает на безличные переживания. Трагический страх не парализует душу, как реальный, потому что он основан на переживаемом единстве с жизнью другого. Тем самым он «поднимает» зрителя, выводит его «за рамки» самого

⁵ Лессинг. Гамбургская драматургия. М., 1883.

⁶ Butcher S. H. Aristotle's Theory of Poetry and Fine Art. London, 1898.

себя. Трагедия настраивает на универсальные проблемы, говорит о судьбе человечества. Наконец, осознание моральной необходимости трагического результата освобождает от сострадания и страха, приносит облегчение. Трагедия, таким образом, удовлетворяет потребность человека в универсальном.

Другой аспект этой проблемы — мысль о значимости познания законов человеческой жизни для очищения от страданий, а также о необходимости страдания на пути этого очищающего познания — при анализе теории Аристотеля и высокого искусства выделил Ф. А. Петровский⁷.

Рассматривая идею универсальности трагической темы и осознание зрителем закономерности происходящего как условия катарсиса, Ю. Н. Давыдов определил искусство как «социальную психотерапию»⁸.

При «психотерапевтическом» подходе к катартическим функциям искусства предполагается, что искусство осуществляет выведение на свет сознания темных, подспудных переживаний, в которых человек стыдится себе признаться. Это происходит благодаря включению этих индивидуальных переживаний в сферу всеобщего: герой трагедии совершает космическое преступление, на фоне которого меркнут обыденные переживания; происходит их объективация и изживание.

При изучении механизмов такого регулятивного воздействия искусства на психику и поведение человека для психологии большое значение имеет творческий опыт выдающихся представителей искусства. О необходимости обращения искусства к глубинным пластам психики писал, в частности, С. М. Эйзенштейн. Он видел в искусстве «стремительное прогрессивное вознесение по линии высших идейных ступеней сознания и одновременно же проникновение через строение формы в слой самого глубокого чувственного мышления»⁹. Основная проблема теории искусства для Эйзенштейна была в синтезе «регрессивной» и «прогрессивной» тенденций в творчестве. Он считал, что «регрессивная» тенденция необходима для

⁷ Петровский Ф. А. Предисловие к «Поэтике». — Аристотель. Поэтика. М., 1957, с. 34.

⁸ Давыдов Ю. Н. Искусство как социологический феномен. М., 1968, с. 236.

⁹ Эйзенштейн С. М. Избр. произв. М., 1964, т. 2, с. 120.

формы художественного произведения, тогда как «прогрессивная» — реализует содержание. Человек, воспринимающий произведение искусства, «обречен «войти в круг чувственного мышления», где он утратит различие субъективного и объективного, где обострится его способность воспринимать целое через единичную частность... где краски станут петь ему и где звуки покажутся имеющими форму (синэстетика), где внушающее слово заставит его реагировать так, как будто свершился самый факт, обозначенный словом (гипнотическое поведение)»¹⁰. Этот уровень восприятия соответствует синкретичности первобытного мироощущения и древнего искусства.

Произведение искусства должно отражать «базисные», архетипические ситуации. Для искусства характерна «стабильность общих закономерностей, по которым они переходят в чувственно-воздействующую форму...»¹¹ Двуклассность искусства воплощена, по словам Эйзенштейна, в образах Диониса и Аполлона, синтезом которых является Орфей. «Персонафикация моих «начал», в своем проникновении друг в друга порождающих художественный образ, — это, конечно, Дионис и Аполлон. Дионис пралогика, Аполлон — логика. Диффузное и отчетливое. Сумеречное и ясное. Животно-стихийное и солнечно мудрое etc. («начислять» можно сколько угодно). Отсюда сейчас же вопрос: а есть ли у греков где-либо синтез начала дионисийского и аполлонического? И если есть, то — где? Оказывается — есть. И в самом подходящем месте: в ... Орфее (артисте!)... Правильно, что именно в Орфее — певце и отце искусств — происходит этот синтез»¹².

Эти мысли Эйзенштейна подводят нас к вопросу об условии эффективного преобразующего воздействия искусства на человека. Ведь для того чтобы произошла перестройка состояния сознания, воли человека и личности в целом, недостаточно воздействия лишь на поверхностный слой психики: необходимо проникновение в самые ее глубины. С точки зрения психологии, это проникновение необходимо для того, чтобы достичь синтеза различных пластов психики, различных уровней личности.

¹⁰ Высказывание С. М. Эйзенштейна опубликовано в работе: Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976, с. 70 (формулировка Эйзенштейна).

¹¹ Там же, с. 68 (формулировка Эйзенштейна).

¹² Там же, с. 70.

В этом — залог катартического «исцеления» — восстановления цельности человека.

Необходимо различать два вида такого проникновения в глубь личности. К первому следует отнести «регрессию» в прошлое и проникновение в сферу бессознательного для актуализации «темных», неприемлемых для личности переживаний. Ко второму — то, что связано с катарсисом как целостным преобразованием личности.

Л. С. Выготский психологически осмыслил идею катарсиса как синтеза противоположно направленных тенденций в структуре художественного произведения. Он ищет «психологический механизм» катарсиса, исходя из двух планов басни, отражающих «аффект, развивающийся в двух противоположных направлениях, который в завершительной точке, как бы в коротком замыкании, находит свое уничтожение»¹³. «В этом превращении аффектов, в их самосгорании, во взрывной реакции, приводящей к разряду тех эмоций, которые тут же были вызваны, и заключается катарсис эстетической реакции»¹⁴. Вслед за Шиллером¹⁵ Выготский видит сущность эстетического катарсиса в «уничтожении содержания формой».

Однако действительно ли искусство, говоря словами Выготского, является средством для «разрядов нервной энергии»? Характеристика трагедии как искусства высокого, возвышающего связана с тем, что задача последней — перевести состояние зрителя — соучастника — на новый уровень переживания и осознания: возвысить его. Переживание трагического действия приводит, как нам кажется, не к «разрядке» нервной энергии, не к «погашению» и «уничтожению» аффектов, а к их преобразованию и гармонизации. Зритель уходит не «разряженным», а «наполненным» и «воодушевленным».

Форма, «уничтожающая содержание», отражает содержание художественного произведения на уровне смысла. Форма ведет зрителя от хода событий к раскрытию его внутренней, сокровенной сущности. И только тогда, когда противоречие внешних событий и смысла происходящего предельно выявляется и «снимается» в трагической кульминации, происходит тот переход на иной уровень осозна-

¹³ *Выготский Л. С.* Психология искусства, с. 272.

¹⁴ Там же, с. 274.

¹⁵ *Шиллер Ф.* Собр. соч. М., 1957, т. 6, с. 326.

ния, который объединяет трагического героя и зрителя в возвышающем переживании катарсиса.

Возникает психологическая проблема: почему противоречие разнонаправленных тенденций в искусстве приводит к их примирению? Ведь обычно такое противоречие вызывает внутрличностный конфликт, а не разрядку напряжения. Ответить на этот вопрос нельзя, если исходить лишь из формально-энергетической характеристики эмоциональной динамики катарсиса.

Смысловое содержание трагедии не представлено непосредственно зрителю, но должно быть выявлено им в процессе его соучастия в трагическом действии. Раскрытию смысла способствует форма трагедии как носитель этого смысла. Размеренный, величественный ритм придает происходящему звучание вечности, переводит восприятие и переживание зрителя на высокий лад, помогая ему подняться над видимым и временным к постижению сущности происходящего. К выявлению сущности подводит и развитие самого действия. В трагической катастрофе внешнее явление и его смысл совмещаются в кульминационной точке: трагический герой, осознавший смысл происходящих явлений, ценой мучительных страданий побеждает в себе то, что противоречило его человеческому достоинству. Страдание и гибель трагического героя воспринимаются как торжество справедливости.

Это соединение внешнего и внутреннего, явления и сущности переживается как открытие, озарение, как удовлетворение от завершения пути напряженного поиска, как переход на более высокую ступень существования. В мифе об Орфее, спускающемся в ад, чтобы спасти возлюбленную, мы видим символ катартического преображения человека искусством: художник спускается в низины человеческих страстей, выводя на свет сознания искаженные силы жизни, чтобы спасти и претворить их в новые возвышенные свойства личности.

2. Теории катарсиса как «отчуждения переживаний» и «разрядки напряжений»

Стремление философов и ученых осмыслить практику катартического воздействия искусства на человека часто приводило к попыткам объяснения катарсиса «опредмечиванием» и «отчуждением» переживаний.

Еще Гегель высказал мысль, что «смягчение силы страстей имеет своей общей причиной то обстоятельство, что человек избавляется от непосредственной зависимости от какого-либо чувства и начинает сознавать это чувство как нечто внешнее ему, как то, к чему следует относиться теперь мысленно, идеально. Искусство своими изображениями освобождает в пределах чувственной сферы от власти чувственности»¹⁶. Однако при таком рационалистическом подходе ни представители классической философии, ни современные исследователи, обращающиеся к этой теории¹⁷, не учитывают, не анализируют то, что личности органически присущи страсти, не преодолимые подчас рассудком и сознанием¹⁸. Не случайно Ю. Н. Давыдов, определяя функции искусства как «объективацию» чувств, пришел к утверждению, что античная трагедия была не «врачеванием», не «исцелением» и не очищением аффектов страха и сострадания, как полагал Аристотель, а всего лишь общественным признанием этих аффектов как таковых и осуществляемых в форме эстетической идеализации¹⁹. Такая трактовка приводит Давыдова к анализу разложения греческой трагедии, раскола в ней этического и эстетического, их объективации, отчуждения.

Психологически «отчуждение» чувства — это превращение его в посторонний объект рассмотрения и анализа: надежный способ умертвить чувство. Объективация же — это проецирование чувства вовне, т. е. видение своего чувства в другом, вместо того чтобы видеть реальные свойства и чувства другого. Искусство, воспринимаемое

¹⁶ Гегель. Эстетика. М., 1968, т. 1, с. 54—55.

¹⁷ См., например: Шингаров Г. Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности. М., 1971.

¹⁸ Для раскрытия природы катарсиса более существенны другие идеи Гегеля. В трагедии разыгрывается и разрешается конфликт между вечным, «единым», всеобщим в человеке и частным, односторонним. Он разрешается путем принесения в жертву односторонности индивида; «ибо индивид есть лишь эта единая жизнь; если же жизнь не имеет силы для себя, как эта единая жизнь, индивид раскалывается» (Гегель. Эстетика, с. 38). Иными словами, попирая в себе общечеловеческое как нравственное, индивид разрушает самого себя.

¹⁹ Давыдов Ю. Н. Царь Эдип, Платон и Аристотель (античная трагедия как эстетический феномен). — Вопр. лит., 1964, № 1, с. 165.

таким образом, оставляет человека в заколдованном кругу его переживаний, а не выводит его из них. Отчужденное — рассудочное и эстетское — восприятие искусства осуществляется по этому принципу. Это особая проблема современной психологии искусства.

Объективация и «отчуждение» чувств свойственны отчужденному восприятию искусства и его результату — «эстетству», рассудочности, плоскому морализму. Это расщепление характеризует новоевропейские теории катарсиса — «этические», «интеллектуальные», «медицинские», пришедшие на смену целостным учениям античности. Катарсис как «исцеление» (восстановление цельности) был подменен в них либо «уразумением», либо «удовольствием» и «облегчением».

Теории катарсиса как «разрядки напряжения» придерживались многие авторы, например Я. Бернайса, А. Деринга, Г. Ленерта, Е. Эгжера и др.²⁰ Идеи «разрядки», высказанные еще в XVI в. Минтурно и Джакомини, не получили такого резонанса, как в XIX в. «медицинская теория» Бернайса, согласно которой «катарсис» — всего лишь синоним греческого «куфисис», т. е. означает телесное облегчение от аффектов вследствие их максимального возбуждения. А. А. Грушка говорит об этой теории как «наиболее естественной, простой, доступной для эмпирической проверки и вместе с тем документально доказуемой, а следовательно, со всех точек зрения наиболее правдоподобной»²¹. Однако под «документальной доказуемостью» Грушка подразумевает литературные иллюстрации идеи Бернайса, обильно приводимые в статье последнего, к тому же допускающие различные толкования.

Импонируя позитивистскому мышлению, теория катарсиса как «разрядки» вдохновлялась и философией Ницше, воспевающего дионисийское опьянение как выход в сферу сверхличного, безличного, уводящего от ужасов жизни. «Дионисийская» теория катарсиса Вяч. Иванова акцентирована на оргиастическом раскрепощении страстей²². Она оставляет в тени «аполлоновское» начало

²⁰ См.: Аникст А. Теория драмы от Аристотеля до Лессинга. М., 1967.

²¹ Грушка А. А. Максим Горький как толкователь Аристотеля. — Изв. АН СССР, 1930, сер. VII, № 2, с. 122.

²² Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923.

греческой культуры с его гармонией, мерой, разумностью²³.

Эти подходы развивались в унисон фрейдовскому психоанализу, основной идеей которого является «отреагирование» вытесненных аморальных влечений, якобы изначально движущих поведением человека²⁴. Идея, положенная Фрейдом в основу его метода, — понимание катарсиса как исцеления через осознание. Эта идея высказана им вслед за Брейером, достигшим излечения пациентки от истерических симптомов путем пробуждения воспоминаний в состоянии гипноза о неотреагированных ранее переживаниях. Сам по себе этот известный феномен не вызывает сомнения: очевидно, в данном случае происходит синтез диссоциированных слоев личности.

Психологическая проблема, однако, заключается в выяснении того, как происходит синтез и реабилитация ранее неприемлемых для личности переживаний (вне гипноза). Это — вопрос о примирении и интеграции ранее непримиримых содержаний психики.

Исцеление, по Фрейду, возможно ценой отказа от принятых в данном обществе моральных норм, необходимость следования которым и привела в свое время к «вытеснению». Но такой отказ может приводить и к узакониванию низменных влечений (мы не обсуждаем здесь клиническую практику психоанализа, так как нас интересуют сформулированные принципы психоанализа).

Понимание катарсиса как «отреагирования» вытесненных влечений означает ликвидацию напряжения влечений, энергетический разряд. Оно сопряжено с фрейдовскими представлениями о регрессивном характере всего живого, якобы стремящегося к первоначальному неорганическому состоянию, т. е. к смерти²⁵. Теория Фрейда сконцентрирована на освобождении энергии бессознательного, а его метод — на путях обхода «сопротивления» и расшифровки вытесненных переживаний пациента. Аналитическая изошренность Фрейда в этом раскрытии душевных низин не уравновешена синтезом личности, что

²³ См. подробнее в статье Е. А. Родионовой в настоящем сборнике.

²⁴ *Флоренская Т. А.* Социологизация фрейдизма в теориях развития личности К. Хорни и Г. С. Салливена: Автореф. канд. дис. М., 1975.

²⁵ *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. М., 1925.

адекватно отражено в термине «психоанализ». Понятие «сублимации» у Фрейда тоже носит энергетический характер: это переключение энергии влечений на более высокие цели; по существу, сублимация лишь констатируется Фрейдом: в рамках его теории она необъяснима. Ю. Бородай, анализируя логику идей Фрейда, приходит к выводу, что «на самом деле движущая пружина исходных психических механизмов сознания суть изначальная его амбивалентность, которая проявляется реально как совесть, то есть как внутренняя реакция на собственные эгоцентрические (животные по природе) побуждения (реакция «сверх-Я», по Фрейду)»²⁶.

Эта амбивалентность переживаний человека является реальной проблемой нравственности и совести. Фрейд только констатировал эту амбивалентность, сделав необоснованный акцент на аморальной ее стороне. Тот же акцент мы встречаем и в философско-эстетических теориях катарсиса как «разрядки», где подчеркивается и обсуждается преимущественно «раскрепощающая» функция древних народных празднеств и обрядов, древних мистерий, к которым генетически восходит искусство трагедии.

Напрашивается мысль, что такая трактовка является всего лишь проекцией типичных состояний индивидуалистической психики на мир людей совсем иного склада, лишенных «комплексов» индивидуализированного сознания. Но, как показывают работы в области исторической психологии, эволюция шла в направлении формирования индивидуального сознания, индивидуальной совести²⁷, являющихся продуктом длительного развития.

Исторический подход к проблеме катарсиса предполагает осмысление его примитивных форм в свете более высокого этапа развития, но при специальной историко-психологической характеристике той эпохи. Чтобы приблизиться к пониманию смысла дионисийской мистерии, нужно проследить эволюцию ее главной темы и увидеть в ней предысторию этой темы²⁸.

²⁶ Бородай Ю. М. Психоанализ и массовое искусство. — В кн.: «Массовая культура» — иллюзии и действительность. М., 1975.

²⁷ Ярхо В. П. Была ли у древних греков совесть? — В кн.: Античность и современность. М., 1972.

²⁸ См. изложение и анализ обряда и мистерии: Бородай Ю. М. Указ. соч.; см. также статью Е. А. Родионовой в настоящем сборнике.

Для раскрытия положения о том, что развитие человека шло в направлении индивидуализации психики и интериоризации способов взаимодействия и общения людей, полезно обратиться к анализу первобытных празднеств и древних мистерий как представленным вовне структурам отношений и феноменам, интериоризированным в процессе социально-культурного развития человека в структурах современной психики. Таким образом, «очищающие» обряды и празднества могут помочь нам в понимании психологии совести современного человека и путей ее «очищения».

«Если идти по логике Фрейда... то не будет ли резонным предположить, что древние оргиастические мистерии, подобно современному «массовому искусству», были своего рода «сточными канавами» для отвода антисоциальных нечистот?» — пишет Ю. Бородай²⁹. Доведение страстей и инстинктов до максимума не требует искусства. «Разрядка» вследствие подобного напряжения опустошает и обессиливает, а не исцеляет, отупляет, а не возвышает человека: доминирующим становится низший уровень психики; человеком овладевают ритмы страстей, а не он ими. Концепция катарсиса как раскрепощения вытесненных влечений широко распространена в сфере буржуазного искусства. Американские психологи подвергли экспериментальной проверке основанную на ней практику американского телевидения³⁰. Выяснилось, что сцены агрессии на экране вместо предполагавшегося снижения уровня агрессивности у зрителей повышают его.

Более глубокий анализ катарсиса приводит Ю. Бородай к утверждению, что в противоположность «ультрасовременному» научному мифу, «выражающему «трезвый» цинизм буржуазного общества, древнегреческое учение о катарсисе опиралось на убеждение, что глубинное ядро подлинно человеческой природы составляют все-таки не титанические силы «естественно»-животных побуждений, но «жажда неба»³¹. Орфей спускается в ад, чтобы вывести Эвридику к жизни. Катарсис — это не умертвление чувства рассудочностью, а его преображение.

²⁹ Бородай Ю. М. Указ. соч., с. 174—175.

³⁰ Bronfenbrenner U. Two worlds of childhood, US and USSR. N. Y., 1970, p. 109—115.

³¹ Бородай Ю. М. Указ. соч., с. 174—175.

Те силы, тот «материал», которые служили созданию «вытесненного», включаются в новую систему ценностей, обеспечивают ее, образуют новое содержание — в этом мы видим суть катартического преобразования личности.

Этот принципиальный подход противостоит теориям катарсиса как удовольствия от «разрядки напряжения».

Для переключения энергии влечений на более высокие цели нужно энергетическое преобладание более высокой цели; но оно невозможно, коль скоро энергетическим резервуаром является (как в теории Фрейда) подсознательное «Оно» изначально аутичного субъекта. По этой логике освобожденные влечения, обладая более сильным энергетическим потенциалом, должны подчинить себе сознание, а не наоборот. В этом случае «катартическое» освобождение влечений могло бы лишь разрушить более высокие ценности и цели, разрушить личность. Далее возникает психологическая проблема: почему чувство вины оказывается неизменным спутником человека, почему архетипическим воплощением этой вины оказывается «убийство бога», уничтожение великого с целью приобщения к нему?

Ответ на этот вопрос, очевидно, выходит за пределы психологии, а сам процесс не сводим к психологическим механизмам катарсиса. Но эта реальность человеческой ситуации отражается в психике человека, поэтому может рассматриваться в психологическом контексте.

3. Принцип доминанты и психология катарсиса личности

В советской психологии и педагогике процесс духовного и нравственного развития человека в общих чертах описывается как формирование гармоничной, универсальной личности. Идея универсальности личности в советской психологии, социологии и философии связана с марксовым пониманием человека как универсального, родового существа. Всеобщность и универсальность — высший уровень в становлении личности, идеал человека. Уровень развития личности характеризуется мерой ее приближения к этому идеалу — своей сущности. «Личность тем значительнее, чем больше в ней в индивидуальном преломлении представлено всеобщее», — писал

С. Л. Рубинштейн³². Аналогичную идею рассматривал Б. Г. Ананьев³³.

В советской психологии и педагогике при изучении психических закономерностей процессов и механизмов такого развития была затронута тема «труд души». Она была, в частности, раскрыта в педагогических работах В. А. Сухомлинского³⁴.

На пути становления личности бывают такие кризисные моменты, когда все силы человека направляются на поиск смысла жизни и своего жизненного пути. Человек стремится не только понять этот смысл, но и воплотить его в своих делах. Понимание это приходит как открытие после напряженного поиска, и, когда оно приходит, человек видит ошибочность своей прежней жизни и прежних взглядов: происходит «переоценка ценностей» и возникает мучительная потребность изменить себя и свою жизнь. Это — труд и подвиг непрестанный, преодоление сопротивления внешнего и внутреннего: инерции, привычек, ожиданий окружающих, может быть, отказ от привязанностей, жизненных благ и, наконец, готовность к самопожертвованию вплоть до принесения в жертву своей жизни. В какой бы форме ни проявилось это самосознание — готовность к самоотвержению ради других является его истинным определением; эта внутренняя установка дает человеку силы и решимость идти трудным, порой страдальческим путем преобразования своей жизни, восходя по ступеням от одной меры к другой, к реализации своего идеала.

По мере этого приближения к идеалу человечности изменяется душевный склад личности: умирает прежний стихийный человек — рождается новый, подлинный Человек. Только умирая для прежнего маленького эгоистического «я», человек рождается как неповторимая индивидуальность, как личность; только отдавая себя другим, он обретает себя и весь мир. Так, на пути становления личности осуществляется универсальный закон умирающего и возрождающегося в колосе зерна, ибо человек, живущий для других, постоянно умирая, отказываясь от

³² Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973, с. 142.

³³ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968, с. 327.

³⁴ См., например: Сухомлинский В. А. Труд души. — Комсомольская правда, 1971, 4 марта.

себя, возрождается в своем творчестве, в других людях. Проходя через очищение страданием (катарсис), человек рождается заново.

Для понимания психологических закономерностей и механизмов катарсиса в процессе духовного и нравственного развития личности особое значение имеют идеи академика А. А. Ухтомского. Центральное психологическое (и педагогическое) понятие в теории А. А. Ухтомского — «доминанта на Собеседнике». В отличие от физиологического учения о доминанте это понятие относится прежде всего к области отношений между людьми, от которых зависит склад индивидуальности («лица», — по Ухтомскому) ³⁵.

Доминанта — результат предшествующей деятельности, определяющий «интегральный образ действительности». «Человек видит в мире и в людях predeterminedное своею деятельностью, т. е. так или иначе самого себя» ³⁶. Это может явиться залогом аутизма, образ которого создал Достоевский в «Двойнике». Люди этого типа «не могут освободиться от своего Двойника, куда бы они ни пошли, что бы ни увидели, с кем бы ни говорили». «Следует культивировать и воспитывать доминанту и поведение «по Копернику», поставив центр тяжести вне себя, на другом...». Создание такой доминанты — огромный труд: «Все силы души и все напряжение, вся целевая установка должна быть направлена на то, чтобы прорвать свои границы и добиться выхода в открытое море — к «ты». Что это действительно возможно, об этом знает всякий действительно любящий человек» ³⁷. Если человек не решается на подвиг самоотвержения, он остается один на один со своим «Двойником», вместо другого человека он видит вокруг себя лишь свою проекцию ³⁸.

Ухтомский вводит важнейшее различие двух видов доминант. Пока человек центрирован на своем «Я», он не способен видеть окружающий мир и другого человека такими, как они есть, независимо от своих предубеждений, потребностей, привычек, его мир ограничен скорлупой маленького «я» и не может пробиться за ее пределы.

³⁵ Ухтомский А. А. Письма. «Пути в незнание». М., 1973, сб. 10.

³⁶ Там же, с. 382—383.

³⁷ Там же, с. 383—384.

³⁸ Там же, с. 388.

«Пока человек не свободен еще от своего Двойника, он, собственно, и не имеет еще Собеседника, а говорит и бредит сам с собою; и лишь тогда, когда он пробьет скорлупу и поставит центр тяготения на лице другого, он получает впервые Собеседника. Двойник умирает, чтобы дать место Собеседнику»³⁹. Умирание Двойника при встрече с Собеседником — и есть рождение Человека, Лица: «... только переключив себя и свою деятельность на других, человек впервые находит себя как лицо»⁴⁰.

Ухтомский выразил вечную тему культуры — гибель героя во имя жизни в идеале всеобщности. Эта тема органически связана с его научным принципом доминанты, но главное — с его личностью и мировоззрением. Мысль его жизненна, психологически осязаема: «Люди могут быть и некогда будут реально одно (не абстрактно, а реально, ибо абстрактно-то они и сейчас одно)»⁴¹.

Характерно, что для раскрытия этого психологического состояния единства Ухтомский обращается к свидетельству художников: к образам Достоевского, творческому опыту Пришвина: «Пришвин — открыватель этого метода, заключающегося в растворении всего своего и в сосредоточении своего на другом (на встречной реальности, на встречном человеке)»⁴². Сам Пришвин так писал об этом: «И вот, как только это достигнуто, что свое личное как бы растворяется в чужом, то можно с уверенностью приступить к писанию, — написанное будет для всех интересно, совершенно независимо от темы, Шекспир это или башмаки»⁴³. «Эта методика проникновения в ближайшее предстоящее перед нами, как в свое родное... Это и есть „Доминанта на другое лицо“»⁴⁴. Выдающийся представитель объективной науки — физиологии — описывает эту «методику» языком, обращенным к внутреннему опыту человека: не пережившему хоть в малой мере это состояние — не понять, о чем идет речь. Также не понять ему слов Тютчева — «все во мне и я во всем», Пушкина — «и внял я неба содроганье...» и многого, что не описуемо языком объектного предметного знания. Понимание этой

³⁹ Там же, с. 385.

⁴⁰ Там же, с. 385.

⁴¹ Там же, с. 387.

⁴² Там же, с. 423.

⁴³ *Пришвин М.* От земли и городов. М., 1928, с. 320—321.

⁴⁴ *Ухтомский А. А.* Указ. соч., с. 422.

«методики» и овладение ею означают, что художник вышел в сферу всеобщего, универсального.

Лицо, по Ухтомскому, — это осуществленный синтез индивидуального и всеобщего. «Категория лица должна быть принята в качестве вполне самостоятельного и исключительного факта опыта и жизни наравне с такими категориями, как «причина», «бытие», «единство», «множество», «цель» и т. д.»⁴⁵. Лицо ни к чему не сводимо и не разложимо. Оно не измеримо и не поддается определению. Из него надо исходить как из «меры всех вещей». Само же оно — не вещь; вещный способ познания неадекватен для понимания лица.

Протест против овещствления человека, против подхода к нему как к вещи характерен для всех писателей-гуманистов. Сущность его раскрыл М. М. Бахтин при анализе творчества Достоевского: «Человек никогда не совпадает с самим собой. К нему нельзя применить формулу тождества: А есть А. По художественной мысли Достоевского подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несовпадения человека с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли, «заочно». Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя»⁴⁶. Достоевский воплотил в образах два противоположных типа познания человека. Порфирий Петрович не допрашивает Раскольникова — он беседует с ним, вживается в его жизнь, страдает за него. Он не доказывает Раскольникову его преступность: знание его недоказуемо, в нем нет объектных данных; он апеллирует к свободе выбора, к совести. Судьи же Дмитрия Карамазова «ищут и видят в нем только фактическую, вещную определенность переживаний и поступков и подводят их под определенные уже понятия и схемы. Подлинный Дмитрий остается вне их суда (он сам себя будет судить)»⁴⁷.

Истинный судья человеку — совесть. Но что же такое совесть? Этот вопрос — центральный для понимания проблемы катарсиса личности.

⁴⁵ Там же, с. 408.

⁴⁶ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963, с. 79.

⁴⁷ Там же, с. 83.

4. Проблема совести и целостности личности

«Вещное» отношение к человеку влечет за собой понимание совести как продукта бихевиористской «интериоризации». Поэтому внешний суд над личностью, измерение ее как вещного объекта, программирование, наконец, управление личностью как объектом вполне соответствуют логике этой системы. Понятие совести здесь излишне: его можно заменить более «точными» понятиями — «рассогласование», «ломка стереотипа» и т. п. Такое понимание совести безразлично к содержанию «интериоризируемого», следствие его — нравственный релятивизм.

Понимание личности — лица — как осуществленного единства всеобщего и индивидуального несовместимо с таким взглядом на совесть. В свете этого понимания совесть выступает сама как критерий, как мера того, насколько человек осуществляет свое единство с другими людьми, с обществом, миром.

Психологически понятие совести можно конкретизировать через явление сопереживания, сочувствия — особой способности человека представлять себя на месте другого и соответственно переживать. Это явление проблематично лишь с точки зрения атомистического подхода к личности (если личность изначально в себе замкнута или аутична, как думал, например, Фрейд, откуда у нее сопереживание?). Теория личности, исходящая из сущностного единства личности и общества — из признания общественной сущности человека, видит проблему в другом: откуда в человеке — общественном существе — такие свойства, как индивидуализм, аутизм, отсутствие сопереживания и сочувствия?

Причиняя неприятность другому, человек способен испытывать чувство душевного дискомфорта, основанное на его способности к сопереживанию. Но для угрызений совести недостаточно одного сопереживания: совесть подает голос, когда неприятность эта напрасна, несправедлива, вызвана эгоистическими побуждениями. Совесть может мучить человека вопреки его рационалистическим самооправданиям (страдания Раскольникова). Это говорит о том, что сознательная оценка своего поступка не всегда определяет состояние его совести. Совесть является высшей инстанцией, высшим судьей человека.

Человек может заставить замолчать этого судью, повысив голос рассудочного самооправдания, но тогда он распадается, разделяется на несогласные друг с другом сферы рассудка и непосредственного переживания (Родион Раскольников и господин Голядкин совершают взаимно отрицающие поступки сообразно этим двум несогласным планам своей души). Это несогласие с совестью — начало распада, разложения личности, ее раздвоения. «Двойник» (у Достоевского) — результат такого раздвоения личности, следствие жизни, несогласной с совестью. Таково происхождение Двойника в человеке. Расторжение единства с совестью — вестницей согласия с другими — является одновременно разрывом единства с другими людьми, обществом, миром; это разрыв со своей сущностью! Человек реально перестает быть общественным существом. Таков путь распада, разложения, омертвления личности.

Каков же путь ее исцеления — восстановления цельности, избавления от «Двойника»? Человек должен проделать путь, обратный тому, который привел его к утере своей цельности: снова обратиться к другому, перенести свой жизненный центр, «по Копернику», на другое лицо. Надо повернуться к этому лицу и увидеть его. Это трудно; закоренелая доминанта на своем «я» не дает видеть другого, как он есть; вместо него видится своя проекция. Выход из этого заколдованного круга был бы невозможен, если бы не открытость другого, не его готовность прийти на помощь, если бы не его способность перенесения своей доминанты на другого. Встреча с такой личностью или воодушевление идеалом такой личности — начало пути возврата к утраченной цельности (для Раскольникова таким лицом была Соня; но как лицо он увидел ее лишь после принятия наказания и наступившего прозрения в эпилоге романа).

Проделать этот обратный путь — значит пройти через муки совести, некогда отвергнутые, перестрадать самому то, что причинил другому; понести с готовностью последствия своей вины. Человеку, задохнувшемуся в скорлупе своего Двойника, это одновременно и мучительно больно, и радостно. Радостно в той мере, в какой он предчувствует свое исцеление — возврат к своей сущности, к единству с другим. Больно — потому что это перестройка себя, переоценка ценностей, готовность понести

любые страдания, чтобы исправить свою вину, страдание за того, кому причинил боль. Совесть очищается страданием и радостью в их взаимной необходимости, внутреннем единстве.

«Преступление и наказание» — «базисная», архетипическая тема искусства. Она символизирует универсальную драму становления личности — ее «второго рождения»: «Двойник умирает, чтобы дать место Собеседнику»⁴⁸.

Пройдя через эти муки рождения, человек побеждает страдание и страх. Ему открывается другая фаза — героическая тема: самоотвержение во имя любви и истины. Только на этом уровне человек может быть подлинно счастлив, потому что счастье — это соучастие, соучастие с другим. В этом мы видим существенное отличие катартического принципа от методов психоанализа и психосинтеза⁴⁹: в них акцент ставится на собственном «Я» пациента, который может взять дело своего спасения в свои руки (при разумном руководстве врача). «Перенос» чувств рассматривается как трудность, которую надо обойти. Психосинтез ставит акцент на развитие воли пациента и его «Я». Катартический принцип акцентирует внимание на другом, на выходе за пределы своего «Я», на любви как пути преображения человека. «В любви, как в фокусе, проявляется факт невозможности существования человека как изолированного «Я», т. е. вне отношения к другим людям»⁵⁰.

Классической иллюстрацией перехода от искупительно-трагического к трагико-героическому может послужить трилогия Софокла об Эдипе. Царь Эдип, осознавший свою вину, пройдя через страдания самоослепления, добровольного изгнанничества и нищеты, в конце трилогии — прозорливый мудрец, добровольная жертва за людей — богочеловек, достигший бессмертия. Две ипостаси трагедии — искупительная жертвенность и героическое самоотвержение — осуществились в реальной трагедии осуждения и гибели Сократа. Гегель выявил в судьбе Сократа диалектику его вины и невинности, диалектику осуждения и оправдания Сократа, его гибели и возрож-

⁴⁸ Ухтомский А. А. Указ. соч., с. 385.

⁴⁹ Szasz T. Psychosynthesis. N. Y., 1970.

⁵⁰ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии, с. 375.

дения его идей в людях, осудивших его: «... Сократ свободно выразил принцип внутреннего мира, абсолютной независимости мысли в себе. Он учил, что человек должен найти в себе и узнать, что справедливо и хорошо и что это справедливое и хорошее по природе своей оказывается всеобщим. Сократ знаменит как учитель морали, но правильнее было бы сказать, что он открыл мораль. У греков была нравственность, но каковы моральные добродетели, обязанности и т. д., этому хотел научить их Сократ. Моральным человеком является не тот, кто просто хочет справедливости и поступает справедливо, не невинный человек, а тот, кто постигает свои действия в сознании.

Когда Сократ утверждал, что человек может действовать, руководствуясь разумением, убеждением, он признал, что субъект имеет решающее значение в противоположность отечеству и обычаю, и, следовательно, сделал себя оракулом в греческом смысле... Но если он был приговорен к смерти за то, что он высказал принцип, который должен был господствовать отныне, то в этом выражается как высокая справедливость, потому что афинский народ осуждает своего абсолютного врага, так и высокий трагизм, заключающийся в том, что афиняне должны были узнать, что осуждаемое ими в Сократе уже пустило прочные корни в них самих, что, следовательно, они в такой же степени должны быть оправданы. С этим чувством они (впоследствии) осудили обвинителей Сократа и признали его невиновным»⁵¹. Жизнь и гибель Сократа — героическая тема. Трагедия вины и раскаяния — это трагедия людей, его осудивших.

Трагедия «частичного» человека — в том, что его сознание неспособно вместить универсальность человеческого призвания. Нравственность, которую проповедовал Сократ, для такого человека еще не стала «жизненной необходимостью» — его свободой. А всякая несвобода, внешнее принуждение формально, «нелично» следовать нормам общества служит такому «подавлению» его еще «отрицательной» свободы, которое неизменно оборачивается взрывами протеста против этих формально-принудительных нравственных норм и их носителей.

В этом мы видим объяснение основных особенностей древних народных празднеств и обрядов «очиститель-

⁵¹ Гегель. Соч. М., 1935, т. 8, с. 252—253.

ного» характера: снятие социальных иерархических отношений и «перевертывание» социальных ролей, «парадоксальный суд» (превращение обвинителя в подсудимого), ниспровержение святыни и надругательство над нею и т. д. Анализ этих празднеств дан в работе Арановской⁵². Только когда святыня низвержена, т. е. человек по-своему приобщился — соединился с ней, принял ее в себя, наступает его примирение с той святыней, которая прежде была ему чуждой, от которой он был «отчужден». Так в мистериях происходит примирение человека со своей сущностью.

Психологическое объяснение этого «воспитательного процесса» мы видим в том, что идеал и авторитет, бывшие внешними, принудительными, страшными силами, становятся интимно-близкими, с ними устанавливаются отношения уже не страха, а любви и благодарности.

Понимание смысла древних празднеств и обрядов — трудная задача. До нас дошли лишь внешние их проявления, которые могут быть интерпретированы различными способами. Поэтому необходимо историко-психологическое исследование, прослеживающее процесс их развития. В психологическом аспекте смысл этих празднеств и обрядов — в закреплении, культивировании переживания единства коллектива, объединяемого данным тотемом: съедая его, люди переживают свою «физическую» сопричастность своему божеству и взаимное единение (говоря иначе — свою родовую сущность, приобщаются всеобщему). Это переживание единства, культивирование коллективного сознания было условием жизни и развития общества. Можно предполагать, что нарушение табу и последующее раскаяние служили осознанию необходимости его соблюдения и таким образом формировалось индивидуальное сознание нравственного императива.

Последующее развитие катарсиса в соответствии с развитием человека осуществляет те же задачи, но меняются его формы, методы и акценты. Для современного человека цель катарсиса — в осознании своей универсальной родовой сущности и в преодолении индивидуалистической обособленности, эгоцентризма. Универсальная сущность

⁵² Арановская О. Р. О фольклорных истоках понятия «катарсис». — В кн.: Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974.

осознается и воспринимается современным человеком сквозь призму его неповторимой индивидуальности, при осознании своей индивидуальности.

То, что добыто своим трудом, получено в результате поиска, напряжения сил, страданий и лишений, наиболее прочно усваивается, становится своим. Это относится как к способам деятельности, так и — что особенно важно — к усвоению нравственных норм, выработке мировоззрения.

Современные психолого-педагогические исследования свидетельствуют о том, что всякое принудительное воспитание действительно лишь до тех пор, пока действует контроль; как только он уменьшается, происходит возврат к подавляемой форме поведения, более непосредственно отвечающей интересам индивида, его потребности действовать по-своему (отметим негативизм у детей, любовь к «перевертышам» и т. п.). Только тогда, когда сформирована потребность выполнять действия, заданные нормами, поведение становится прочным и устойчивым⁵³. Можно предположить, что именно эта задача превращения общественных требований в личные потребности и осуществлялась в ежегодных праздниках, сопровождавшихся катартическими обрядами, а позднее — в драматическом искусстве.

До тех пор пока человек не принимает универсальную сущность в себе, он не принимает и тех, кто является ее носителями, — люди изгоняют и осуждают Сократа⁵⁴.

Люди не признают Сократа потому, что он «слишком другой», а такого другого они не способны увидеть. Все другое, отличное воспринимается как странное, чужое и изгоняется. А Сократ — не просто другой: он призывает сограждан к личной ответственности, пробуждает их совесть — главный критерий справедливости, он нарушает сложившиеся устои их жизни, и поэтому его осуждают. Но идеи Сократа уже вошли в их жизнь, стали жить после его смерти, и Сократ был оправдан, его обвинители

⁵³ См., например: *Махлах Е. С.* Психологические условия формирования некоторых общественно ценных качеств личности школьников: Тезисы докладов на 2-м съезде Общества психологов. М., 1963, вып. 5; *Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.

⁵⁴ *Ухтомский А. А.* Указ. соч., с. 389—390.

раскалялись. История осуждения и оправдания Сократа воспроизводит архетип древних народных празднеств и обрядов.

Но из этого не следует вывод о неизбежности преступления для преобразования человека. Сущностью преобразования является не самобичевание, а встреча с идеалом. Только тогда, когда человек увидел лицо другого, он начинает выбиваться из своей эгоцентрической скорлупы. Только в свете идеала, через другого, он может увидеть свои недостатки как таковые и найти в себе силы признаться в своей «преступности» — «переступлении» через свою совесть, человека в себе. Это осознание совершается постепенно, по мере того как раскрываются — благодаря другому — позитивные силы в человеке. Чем выше продвигается он в этом восхождении к своей сущности, тем глубже осознает свое несовершенство. Этот путь — «радости — страдания» — открывается для человека высоким искусством:

Подлинное восприятие произведения искусства — это опыт познания и осознания, но не внешних явлений, а их смысла, сущности. Это проблема не интеллектуальная, а нравственная, духовная. К решению ее человек приходит не умозрительно, а путем жизненного действия (действия герою) и переживания (сопереживания). Так, в кульминационной точке трагедии сопереживание и сострадание к герою переходят в озарение и совместное осознание, разрешение жизненной проблемы.

«Сострадание и страх», говоря словами Аристотеля, снимаются благодаря переходу сознания и переживания человека из плана индивидуальных переживаний в иной план — общечеловеческих ценностей и идеалов, в свете которых они приобретают положительный смысл и эмоциональную окраску. Субъективно это переживается как душевный подъем, чувство просветленности, гармонии, готовности к высоким и добрым поступкам.

Превращение отрицательных эмоций в положительные благодаря включению в иную, более высокую, систему ценностей и характерно для психологической трансформации личности, называемой катарсисом. Момент катарсиса — это, по существу, высшее духовное состояние внутренней упорядоченности, душевной гармонии, возникающей благодаря доминированию высших, общечеловеческих идеалов в душе человека.

Проблемы ролевой психотерапии

Использование психотерапевтических методик и приемов как формы и способа воздействия на личность в целях коррекции неадекватного и неадаптированного поведения получило в последние годы широкое распространение. Наибольшее внимание специалистов привлекает коллективная (групповая) психотерапия. Концепция отечественной коллективной (групповой) психотерапии, представленная в работах Н. В. Иванова, М. М. Кабанова, Б. Д. Карвасарского, А. Л. Гройсмана, С. С. Либиха, а также других психиатров и психотерапевтов¹, смыкается с положениями советских психологов о значении процессов общения для формирования личности и регуляции поведения человека и группы. Как отмечал Б. Ф. Ломов, психические процессы протекают в условиях общения иначе, чем в условиях изолированной индивидуальной деятельности².

Одним из направлений коллективной психотерапии является так называемая ролевая психотерапия. В ролевом варианте коллективной психотерапии³ используются все

¹ См., например: *Иванов Н. В.* К теории советской коллективной психотерапии. — Журн. неврол. и психиатр. им. С. С. Корсакова, 1960, № 10; *Либих С. С.* Коллективная психотерапия в стационарных и амбулаторных условиях (Методическое письмо). Л., 1967; *Гройсман А. Л.* Коллективная психотерапия. М., 1970; *Кабанов М. М.* Реабилитация психического больного, медицинская педагогика и психотерапия. — В кн.: Вопросы психотерапии. М., 1973, с. 228—232; *Карвасарский Б. Д.* Психологические исследования в клинике неврозов. — В кн.: Психологические проблемы психогигиены, психопрофилактики и медицинской деонтологии. Л., 1976, с. 63—65.

² *Ломов Б. Ф.* Общение и психические процессы. — В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

³ *Гройсман А. Л.* Ролевая психотерапия как вспомогательный метод. — В кн.: Вопросы социальной и клинической психоневрологии. М., 1973, с. 83—86.

три класса функций общения, выделенные Б. Ф. Ломовым⁴: информационно-коммуникативные, регуляционно-коммуникативные и аффективно-коммуникативные, облегчающие взаимодействие в группе и оптимизирующие деятельность коллектива в целом. В советской психологии и психотерапии «групповое» не подменяется индивидуальным, а «коллективное» не противопоставляется личному, ибо именно личные, индивидуальные отношения друг к другу создают в каждом конкретном случае существующую систему отношений⁵.

Ролевая психотерапия является специфическим направлением психотерапевтического воздействия. В богатом арсенале средств последнего издавна использовалась психотерапия, опосредованная различными видами искусств (литературой, музыкой, театром, кино), а также методы лечебной педагогики. Применялось, например, так называемое лечение книгой — «библиотерапия», «библиопсихотерапия», «либропсихотерапия» (М. П. Кутанин⁶, А. М. Миллер⁷, И. З. Вельвовский⁸). С опосредованных форм психотерапевтического воздействия началось и применение «лечебного театра». Аристотель, как известно, говорил об «очищающем» действии театра и его воспитательных функциях; Корнель подчеркивал дидактико-морализирующее начало театра; Гете определял искусство и, в частности, театр как средство гармонизации страстей. По выражению польского социолога В. Татаркевича, «величие театральному представлению дали мысль и содержание, взятые из реальной жизни и человеческих судеб»⁹. Но лишь в XX столетии осуществлен научный подход к воспитательно-корректирующим функциям театра и накоплен опыт практической психотерапии при помощи некоторых видов искусства.

⁴ Ломов Б. Ф. Общение и социальная регуляция поведения. — В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.

⁵ См., например: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

⁶ Кутанин М. П. Значение психотерапии и лечебного чтения. — В кн.: Психотерапия в курортологии. Киев, 1966, с. 34—38.

⁷ Вельвовский И. З., Миллер А. М. Библиопсихотерапия в системе психотерапии. — В кн.: Вопросы психотерапии, с. 62—67.

⁸ Вельвовский И. З. Психотерапия как система. — В кн.: Психотерапия в курортологии, с. 16—37.

⁹ *Tatarkewicz W. Estetyka starożytna. Wrocław, 1962.*

Зарубежные социально-психологические и психиатрические концепции различных видов ролевой психотерапии в основе своей эклектичны. Они впитали некоторые идеи психоанализа, экзистенциализма, структурного функционализма и т. д. Эти концепции, а также основанную на них практику следует проанализировать критически. Вместе с тем необходимо учесть, что в практике зарубежной ролевой психотерапии используется множество тщательно отработанных и приносящих определенные результаты конкретных приемов и методик воздействия на человека и корректировки его отношений с другими людьми, переживаний и поведения.

1. Психодрама Дж. Морено

Социально-психологическая доктрина основателя психодрамы Дж. Морено¹⁰ возникла из общих для современной науки и искусства представлений об истории театрализованного действия. Но рождение психодрамы Морено связано с более обыденными фактами.

Поводом к организации психодраматического театра послужил случай, описываемый Морено как «симптом Барбары», или «припадки Барбары»¹¹. Морено считал, что психодрама создает терапевтический эффект не только у зрителей («вторичный катарсис»), но и у создателя роли — актера, который, представляя драму, одновременно «катаргически расширявает свое житейское

¹⁰ *Moreno J. L. The Theatre of Spontaneity. N. Y., 1947; Moreno J. L., Enneis J. M. Hypnodrama and Psychodrama. N. Y., 1950; Moreno J. L. Gruppenpsychotherapie und Psychodrame. Stuttgart, Thieme, 1959; Idem. Psychodrama. N. Y., vol. 2, 1959.*

¹¹ Морено описывает этот случай с актрисой Барбарой. Вскоре после свадьбы муж актрисы обратился к Морено с жалобой на то, что его интеллигентная супруга становится все более вульгарной и резкой. Морено, проанализировав этот случай, пришел к выводу, что ее неуравновешенное поведение в быту было связано с невозможностью воспроизведения на сцене образа фурии, в воплощении которого она подсознательно нуждалась. Выделение ей подходящей роли в театре, которую она сыграла с воодушевлением, создало возможность отреагирования и осознания ею нелепости своего поведения в быту. Изменение репертуара Барбары и переход ее от исполнения патетических ролей к приземленным нормализовало ее состояние. Она избавилась от агрессивности, сделавшись более спокойной, ласковой и мягкой.

поведение». Морено на первом этапе разработки своей концепции психодрамы склонен был видеть оздоравливающее воздействие представления в непосредственной связи с фрейдистским истолкованием механизма психокатарсиса. Но уже в этот период он пытался истолковать эффективность и необходимость психотерапевтических воздействий на личность человека с социально-психологических позиций, как, впрочем, и другие представители социокультурного неопрейдизма.

Терапевтические функции психодрамы Морено обозначил термином «шекспировская психиатрия», имея в виду гуманитарный лечебный эффект, основанный на элементах очевидности, из которых актеры строят модели и образы собственной личности. Кроме того, в противоположность альтруистической «шекспировской психиатрии» Морено выделил «макиавеллистическую психиатрию», основанную на грубом вмешательстве — шоках, стрессах, лоботомии. К этому типу воздействий Морено справедливо относит и психоанализ, который, по его мнению, пользуется «макиавеллистическими принципами», ибо сильно подводит человека к осознанию «правды, таящейся в недрах его темного подсознания».

В качестве героя, способного выполнить терапевтическую и гуманистическую функции alter-ego, — человека, помогающего участнику психодрамы лучше понять себя при исполнении последним собственной жизненной роли, внимание Морено привлек образ шекспировского Гамлета с его постоянной рефлексией. Морено проявил интерес именно к гуманистическим достоинствам шекспировской драмы, так как она не только ставила проблемы, затрагивающие человеческую сущность, но и включала приемы соответствующей активации личности и побуждения ее к разрешению своих собственных проблем. Важное терапевтическое значение придает Морено сцене, где умирающий Гамлет обращается к Горацию: «Ты остаешься, объясни мое дело тем, кто его близко знает». По мнению Морено, шекспировская драма «объединения с миром» имеет такое терапевтическое значение именно благодаря постановке общечеловеческих вопросов.

Морено ввел в дальнейшем и понятие «социодрама», имея в виду применение психодрамы для оздоровления общества в целом. По этой социально-утопической теории общество можно излечить психодраматическими методами

и социодрамой. Классовые же противоречия можно разрешить не путем психологического сглаживания противоречий и конфликтов при помощи средств психической терапии, но лишь в ходе социально-экономических изменений. «Социодрама» не раз подвергалась серьезной критике в нашей философской и социологической литературе¹².

В отличие от Фрейда Морено считал, что основные черты характера человека не являются раз и навсегда заданными и конституционально неизменными. Хотя Морено признавал, что в структурных основах личности есть и биологические компоненты, формирующиеся в раннем детском опыте, он выражал законную уверенность в способности человека реализовать свои потенциальные возможности на протяжении всей жизни. Это убеждение отразилось и в его практических разработках психодраматической процедуры. В противоположность психоаналитическому сеансу, проводимому в искусственной изоляции, Морено заменил «аналитический диван в двух измерениях» многомерным социальным пространством. Сеанс психодрамы может проводиться в обыкновенной комнате, но обязательно при наличии социума — «подыгрывающих» лиц и в условиях, приближенных к естественным (переживание должно быть «отыграно» в таких же условиях, в которых оно и возникло). Морено в отличие от Фрейда уделяет большое внимание не раннему опыту человека, а состоянию личности в настоящем, учитывая ее личностные и социокультурные ориентации, ее прошлое и проецируемое будущее. Наконец, приемы ортодоксального психоанализа, связанные с использованием «свободных вербальных ассоциаций», заменены им на «интеракцию» — взаимодействие между членами группы, превращенное, по его словам, в «свободную межличностную экстериоризацию», сопровождающуюся, в частности, свободной экстериоризацией отношений и переживаний в жестах и словах.

Сеанс психодрамы разделяется на три этапа: 1) подготовительный, 2) основной (само представление или «инсценизация») и 3) заключительный (когда происходит обмен впечатлениями). Вначале определяется «проблема», выбирается «герой», чья проблема разыгрывается, и выде-

¹² Бахитов М. Ш. Об одной «новейшей социальной утопии». — В кн.: Морено Дж. Социометрия. М., 1958 (Предисловие).

ляются подыгрывающие лица, помогающие разобраться в конфликте, оппонирующие главному действующему лицу («протагонисту») или намечающие для него правильное рациональное решение («alter-ego», или «дублер»). Психотерапевт выступает в качестве режиссера, но отнюдь не директивного руководителя. «Дублер», или вспомогательное «Я», выступает как сотерапевт, неназойливо помогая герою найти продуктивный выход из создавшейся ситуации. Обсуждение, как и само представление, богато сильными аффективными реакциями (иногда приглашаются и члены семьи), а «протагонист», чья проблема разыгрывается, проецирует свои переживания из мира психодрамы в мир реальный, адаптируясь в нем при помощи наигранных шаблонов правильного поведения.

Позиция человека в группе, как считает Морено, определяется процессом взаимного «выбора по чувству», ибо перенесение эмпатий («вчувствований», «сопереживаний») с одного человека на другого (по Морено, «телепроцесс») рассматривается как фактор, главенствующий в межличностных взаимоотношениях. Последующий «обмен ролями», осуществляемый в реальных условиях, способствует разрыву одних и формированию других «телесвязей» индивидов, причем «телесвязи», образовавшиеся в раннем детстве, накладывают известный отпечаток на последующее развитие «телепроцесса» (например, по мере отчуждения ребенка от матери ослабевают мотивы идентификации его с матерью). Консолидация новых ролей облегчает поведение человека в соответствии и с избранной им ролью, и с наличием определенных эмпатий. «Фрустрация, субституция и социализация энергии и телепроцесса» являются, по Морено, негативными слепками с творческого процесса. Происходящий в психодраме процесс использования творческих потенций освобождает человека от неадекватных и патологических реакций на жизненные ситуации.

Теоретическим посылкам Морено присущ эклектизм. В его работах наряду с неортодоксальными взглядами на психоанализ можно встретить прямые заимствования из экзистенциализма, феноменологии, гештальтпсихологии, даже теизма (например, Морено рассматривает «телекоммуникацию» как процесс, организованный в конечном счете сверхъестественным существом). Несмотря на это, практика психодрамы оказалась эффективной и полезной

при коррекции некоторых неадаптивных форм поведения. Практически Морено применять ее начал в 20-х годах нашего столетия.

В первые годы Морено разрабатывал методы групповой психотерапии детей: в детских садах Вены по специальному сценарию дети разыгрывали инсценизацию. Они оказывались исполнителями различных ролей, выполняли функции актеров и зрителей, а психотерапевт был режиссером и постановщиком психодрамы. В более совершенной форме психодрама проводилась им по заранее продуманному плану, с подготовленными ролями, по определенному сценарию и с показом ее на какой-либо сценической площадке. Морено были чужды жесткие театральные каноны, он не ограничивал участников и зрителей в свободе импровизации, помогая им в выборе «проблемы», подсказывая текст или провоцируя диалог. По мере терапевтической необходимости участник получал толчок к спонтанному разыгрыванию личной проблемы. В игру вовлекались и зрители, так как ситуация, оказывая на них сильное эмоциональное воздействие, становилась значимой и для них. В театре импровизации Морено использовал и профессиональных актеров, а «рикошетирующий» (термин И. З. Вельвовского¹³) эффект психотерапии был рассчитан на присутствующих в зале зрителей.

Подобный театр открылся под руководством Д. Динс в Нью-Йорке при консультации Морено, переехавшего в Америку. Профессиональные артисты ее театра после лекции консультанта-психолога разыгрывали сценки перед каждым купившим билет. Не зная аудитории, психологи искали своего адресата среди определенного круга акцентуированных личностей, о чем можно догадаться по названию одноактных пьес: «Пограничные пункты духа», «Невроз страха», «Стигма» и т. д. Но Морено и его многочисленные последователи, рассматривая показания к психодраме, указывают на довольно значительный круг лиц. Широкое применение нашел «лечебный театр» в терапии больных реактивно-невротическими состояниями, характеропатиями, пограничными психическими расстройствами, а также при лечении курения, алкоголизма и нар-

¹³ Вельвовский И. З. Методические и организационные основы внедрения психотерапии в санаторно-курортную медицину. — В кн.: Психотерапия в курортологии.

команий. Как показывает практика, психодраматический метод скорее дополняет лечебно-коррекционную работу с этим контингентом больных, чем непосредственно лечит. Так, в отличие от прямолинейного «лобового внушения» («не кури!», «никотин — яд!») ставится задача не только понять вред, но и «прочувствовать», пережить ощущение губельного воздействия и результаты патологической зависимости от никотина. Венер¹⁴ считает, что психодрама предоставляет участнику средства для решения его жизненных проблем, освобождает от тревоги, дает выход его агрессивности и т. д. Венер рекомендует использование подыгрывающих «дублеров», а также элементов кукольного театра. Спероф¹⁵ проводит сеанс иначе. Участник игры и его родственник под руководством психотерапевта разыгрывают сценки из обыденной жизни. В результате первый имеет возможность взглянуть на себя со стороны и «увидеть» свои срывы, а второй замечает ошибки в своем поведении. А. Паретов и П. Корнелиус¹⁶ снимают на киноплёнку неадекватное поведение участника психодрамы, а затем демонстрируют ему фильм, чтобы вызвать и укрепить внушением неприятные переживания, выработать самокритичность.

Приверженцы метода психодрамы уверены в его успехе не только в лечебном процессе, но и в управлении стратегической службой, при решении ряда практических проблем, например для психотехнической экспертизы и профотбора, а также для проведения консультаций вступающих в брак.

Иногда для постановки психодраматических сцен приглашаются родственники участников; при другом подходе психодрама проводится без подыгрывающих лиц. В ряде случаев используется так называемая зеркальная техника. Герой — лицо, чья проблема разыгрывается, может не быть непосредственным участником психодраматической сцены, а находиться в зале в качестве зрителя или играть незначительную роль и этим даже в большей степени приковывать к себе произвольное внимание других, сам же он в это время следит за исполнением своей роли в ре-

¹⁴ Цит. по: *Moreno J. L., Fridemann A. et al. The International Handbook of Group Psychotherapy. N. Y., 1966.*

¹⁵ *Speroff B. J. Relational Role Playing Used to Development Executive. — Personal J., 1954, vol. 33.*

¹⁶ Приводится по: *Moreno J. L., Fridemann A. et al. Op. cit.*

альной жизненной ситуации другими участниками сцены. Разыгрываются и простые адаптивные сценки, цель которых — помочь больному при выписке из стационара восстановить элементарные социальные навыки. Некоторые примеры (сцена покупки товаров и т. п.) по использованию психодрамы для реабилитации, реадaptации и ресоциализации приводит Дж. Франк¹⁷. Обычно один участник психодрамы играет собственную роль, а другой — продавца, будущего предпринимателя и т. д. Сцены отличаются друг от друга по степени трудности исполнения, чтобы у участников осталось удовлетворение от успешности исполняемой сцены.

Психодрама, социоанализ и социометрия получили развитие в некоторых разновидностях групповой психотерапии. Это так называемые гипнодрама, лекарственно-направляемая психодрама (Морено, Д. Вард¹⁸), социометрическая терапия (Иенингс¹⁹), групповая музыкальная и ритмическая терапия (Альтшулер²⁰).

Американский психиатр Дж. Клепман, критикуя психодраму Морено, справедливо указывал на то, что «истинная терапия не сводится к катарсису, ибо должны быть даны сознательные социальные установки»²¹. Морено, увлекаясь только эмоционально-подсознательной стороной терапии как «катартически разрешающей, очищающей и расшифровывающей» бессознательные тенденции и «заблуждения» личности, недооценивает дидактически-рассудочные формы психотерапии, являющиеся рычагом воздействия именно на сознательные ориентации и мотивационные подструктуры. Наблюдения Клепмана также показывают, что у лиц с неустойчивой психикой психодрама может усилить нереальные установки, ибо для таких людей всякий сдвиг границ фантазии опасен. Это может иметь место при терапии психозов и некоторых форм неврозов и психопатий, в сценах, где у этих лиц наблюдаются актерское воодушевление и повышенная эмоциональность, сочетающиеся с действием механизмов истерии. На основе данных практики следует сделать вывод, что

¹⁷ Frank J. *Group Method in Therapy*. N. Y., 1959.

¹⁸ Приводится по: Moreno J. L., Fridemann A. et al. *Op. cit.*

¹⁹ Moreno J. L., Jennings H. *Statistics of Social Configurations. — Sociometry*, 1938, vol. I.

²⁰ Приводится по: Moreno J. L., Fridemann A. et al. *Op. cit.*

²¹ Klepman J. W. *Group Therapy in Private Psychiatric Practice. — J. Nerv. and Ment. Dis.*, 1946, vol. 103, p. 383.

не всегда возможен терапевтический эффект при допущении спонтанных эмоциональных реакций у истериков и углублении нежелательного и неуместного в этих случаях «вживания» в роль.

Недостатком игрового метода психодрамы является то, что часто разыгрываются нереальные ситуации с надуманной инсценизацией. У некоторых лиц с определенными характерологическими особенностями раскрытие первоначального обмана может вызвать озлобление и сделать их невосприимчивыми к последующим психотерапевтическим воздействиям, затруднить контакт с психотерапевтом, не говоря уже о неэтичности проведения подобных экспериментов на этой категории лиц. Иллюстрацией к этому может служить сюжетная линия пьесы В. Каверина «Школьный спектакль», где подобная психодрама, названная директором школы «театротерапией», была организована для того, «чтобы учащиеся убедились, какой кавардак они учинили в классе». Это мероприятие было кощунственным, очернило чистоту отношений школьников, охладило их откровенность. Правда, какое-то психологическое равновесие установилось в классе, напряжение в отношениях — все это рассеялось, так сказать, было сценически изжито, однако прежняя близость ушла²².

Существенный недостаток гипнодрамы, проводимой, например, Морено и Эннейсом, кроется в ненужной фиксации внимания личности на расшифровке ею своих подсознательных влечений и инстинктов. Имеет место и прямое деморализующее влияние асоциального метода С. Слевсона²³, основанного на принципах «абсолютной свободы» эмоций и необходимости обязательного «бурного отреагирования» разрушительных тенденций личности.

В более широком смысле при использовании различных форм психодрамы речь, по-видимому, идет об одном из вариантов групповой психотерапии с помощью искусства. Такие воздействия нам представляются как лечебно-психологические способы разрешения конфликтных ситуаций, составляющих драму личности при помощи средств театра как одного из видов искусства. Рассмотрим некоторые специфические особенности этого вида воздействия на личность как способа регуляции ее поведения.

²² Каверин В. Школьный спектакль. — Новый мир, 1968, № 12.

²³ Slavson S. R. Group Therapy with Children. — In: Modern Trends in Child Psychiatry. N. Y., 1945, p. 291—305.

2. Театрализованные формы психотерапевтического воздействия

К театрализованным формам психотерапевтического воздействия могут быть отнесены методы психотерапевтической драматизации и инсценизации, имагопсихотерапия, ролевые варианты групповой техники, тренинг актерской «психотехники» и др.

Метод психотерапевтической драматизации и инсценизации в наибольшей мере напоминает «исповедальный театр» по своему камерному характеру и интимному подходу к проблеме каждого присутствующего. Группа формируется как небольшой коллектив из 6—12 человек. В отличие от пассивной психотерапии члены такой группы вовлекаются в игру, хотя от них не требуется владение актерской техникой. Важно правильно скомплектовать группу, чтобы в ней в нужной пропорции были представлены лица с различными характерологическими особенностями, например в определенной пропорции были бы и экстра- и интроверты. В ряде случаев необходимо создание группы лиц примерно одного возраста, например молодежной группы для выяснения ее «проблем». «Открытая» драматизация не ограничивает числа участников, оно может быть специально не оговорено при импровизации. Это иногда полезно для смешанных групп, например после курса лечения, или в «закрытой» группе для повышения суггестивного эффекта. «Закрытые» группы чаще комплектуются из взрослых людей, но возможно создание таких групп при коррективке поведения у подростков, трудновоспитуемых детей, делинквентов. Чаще всего группы бывают смешанными в половом отношении, за исключением специализированных лечебных групп. Иногда при проведении театрализованных форм психотерапии полезно привлечение родственников. Они должны в реальных ситуациях осуществлять программу, намеченную психотерапевтом. Родственников включают в группу также и для придания сеансу большей эмоциональной убедительности, например при авторитарно-императивном «снятии» заикания наяву²⁴.

²⁴ Дубровский К. М. Методика директивного группового внушения. — В кн.: Психотерапия в курортологии, с. 233—235; Мерлис М. И. Пути восстановления речи заикающихся. — В кн.: Вопросы психотерапии; Шкловский В. М. Психологическое

Психотерапевт должен соблюдать определенную психологическую дистанцию между собой и членами группы, не допуская внутерапевтического отношения к участнику, не выделяя «любимчиков», не выражая симпатий и антипатий. У психотерапевта не должно быть много помощников, руководящих инсценизацией. Д. Видлошер²⁵ рекомендует не более трех помощников и не более восьми зрителей. Помощник должен обладать эмпатией, умением «вчувствоваться», войти в чужую проблему. Однако, обладая повышенной эмоциональностью, он не должен быть чересчур темпераментным, агрессивным или легкомысленно-затейливым. Для него необходимо умение подчинять свои действия общей цели разрешения конфликта, не увлекаться красотой своих фантазий, не забывать о конечной цели — оздоровлении участников «спектакля».

Полезно начинать инсценизацию с роли, желанной для пациента, постепенно ликвидируя конфликт между реальным «я» и «я хотел бы», между «маской» и «подлинным я». И. С. Кон пишет: «Маска — это не я. Это нечто, не имеющее ко мне отношения. Маску надевают, чтобы скрыть свое подлинное лицо, освободиться от социальных условностей, обрести анонимность или присвоить себе другое, но не свое обличье. Маска — свобода, веселье, непосредственность»²⁶. В этих условиях участник приобретает большую свободу действий, непосредственность.

При названных нами принципах построения группы человек не чувствует себя присутствующим в ней формально или насильственно помещенным в нее. (Целесообразно напомнить идею Макаренко — не только коллектив должен вмещать в себя личность, но и личность должна добровольно вмещаться в данный коллектив.) В авторитарно назначаемом формальном курсе группового лечения нет духа истинного коллективизма, а формальность отношений мешает участнику адаптироваться к людям, он скован в своих творческих проявлениях и в результате еще больше укрепляется в нереальных невротических

обоснование психотерапевтической и психопрофилактической практики при заикании. — В кн.: Психологические проблемы психогигиены, психопрофилактики и медицинской деонтологии, с. 140—141.

²⁵ *Widlocher D. Le psychodrame chez l'enfant. Paris, 1962.*

²⁶ *Кон И. С. Люди и роли. — Новый мир, 1970, № 10, с. 191.*

фантазиях. Творческая атмосфера «свободы от шаблона», возникающая в игре, способствует раскрепощению творческих резервов человеческой психики, нейтрализует чувство тревоги, создает ощущение спокойствия и безмятежности, облегчает межличностное общение.

Приемы имагопсихотерапии в наибольшей степени разрабатывались старейшим ленинградским психотерапевтом И. Е. Вольпертом. Суть метода — в использовании одного из приемов театральной практики — воображения и мысленного воспроизведения положительного образа. «Существенный лечебный эффект, — пишет Вольперт, — получается только при активном воспроизведении некоторого терапевтически показанного образа с вовлечением в этот процесс всей психомоторной сферы личности... устанавливая спокойный образ, тренируясь во внешне уравновешенном поведении, пациент-невротик вырабатывает у себя доминанту, затормаживающую невротические установки»²⁷. Приемы имагопсихогигиены, по Вольперту, заключаются в усвоении каждым человеком привычки к мысленному воспроизведению некоторого возвышенного образа или комплекса образов, способных служить опорой в жизни, источником воодушевления в большом деле. Этот метод некоторыми своими гранями соприкасается с аутогенной тренировкой, особенно с ее высшими «моделями воображения»²⁸ и методами психотерапии «через мирозерцание»²⁹.

Ленинградские ученые Л. Г. Первов, О. В. Владимирская, Л. Н. Коптев³⁰, учитывая, что варианты психодрамы могут быть использованы как методические приемы адаптации к психотравме, стремятся к нозологической определенности и применяют ее в основном при лечении больных певрозами. По их мнению, этот вариант театрализованной психотерапии целесообразен в связи с тем, что он способствует изменению патологических личностных осо-

²⁷ Вольперт И. Е. Психотерапия. Л., 1973.

²⁸ Беляев Г. С., Копылова И. А. Опыт применения «высших ступеней» аутогенной тренировки. — В кн.: Вопросы психотерапии, с. 76—80.

²⁹ Яроцкий А. И. Идеализм как физиологический фактор. Юрьев, 1908, с. 302.

³⁰ Первов Л. Г., Владимирская О. В., Коптев Л. Н. Методический прием адаптации к психотравме. — В кн.: Вопросы психотерапии в общей медицине и психоневрологии. Харьков, 1968, с. 109—111.

бенностей. Эти ученые видят механизм терапевтического действия лечебной драматизации в переделке «сложного динамического стереотипа путем замещения одних элементов поведения другими, более адекватными, в создании у личности с невротическими нарушениями более совершенного типа реагирования как на психотравму, так и на всю жизненную обстановку, в выработке новых стереотипов, характеризующихся новыми поведенческими реакциями, без патологических знаков реагирования в ответ на условно стрессорные ситуации и положения»³¹.

Тренинг «актерской психотехники» и упражнения, применяемые с этой целью в школе К. С. Станиславского³², имеют не только большое значение в деле профессиональной подготовки актера, но оказываются полезными и в психогигиеническом смысле. При неврозах и астенических состояниях проводилась групповая тренировка в отработке упражнений «круг внимания» и «пишущая машинка». Психотерапевт распределяет между членами группы буквы в алфавитном порядке, затем — в порядке построения предлагаемой фразы, и по хлопку «печатается» строка. Упражнения формировались с учетом психотерапевтических установок, близких к принципам «театра для себя» (термин Н. Н. Евреинова, который писал об «инстинкте театральности», присущем любому человеку и имеющем глубокие психологические и социальные корни³³).

Возможность применения театрализованных форм психотерапевтического воздействия связана с особым значением эмоциональных факторов и благотворным влиянием стенических позитивных переживаний в корректировке поведения и переживаний человека. При использовании ролевых игр благодаря возможной смене ролей человек может «отчуждаться» от реальной и непродуктивной роли, рефлексивно оценить себя «со стороны», аккумулируя лишь положительное. Театрализованные средства воздействия можно рассматривать как один из методов психотерапии, осуществляемой в бодрствующем состоянии па-

³¹ Там же, с. 110.

³² Гиппиус С. В. Гимнастика чувств. М.; Л., 1967, с. 294; Новицкая Л. Г. Тренинг и муштра (Изучение элементов психотехники актерского мастерства). М., 1969, с. 272.

³³ Евреинов Н. Н. Театр для себя. Пг., 1915.

циента. Основу таких методов составляют негипнотические методы, например рассудочные, игровые, дискуссионные формы психотерапии, методы драматизации и инсценизации, воображения (имаготерапии). Коррекция поведения с помощью театрализованных средств психотерапии основана на использовании эффектов коллективной психологии. Отклонения в поведении, возникшие в определенных микросоциальных условиях, не могут быть выправлены вне коллектива, предоставляющего возможность тренировки группового взаимодействия и формирования адаптивного поведения у лиц с нарушениями и деформациями общения.

Возможно применение психотерапевтической драматизации с диагностической целью. В качестве примера укажем на проводившуюся нами психодиагностику с моделированием «общей катастрофы» (цветодинамическая композиция была подготовлена в экспериментальной студии электронной музыки) для последующего изучения проективных взаимоотношений в лечебной группе. Адаптивный характер имели специализированные инсценизации по типу изучавшегося нами «коммунального невроза». Сатирическое изображение кухонных конфликтов, когда обе стороны были неправы, воспринималось аудиторией со смехом, после которого участники инсценизации с большим «отчуждением» и юмором относились к реальным «баталиям», не воспринимая ссору всерьез. Стремление к сочувственной (эмпатической) перцепции противоположной стороны зачастую приводит к смягчению конфликтных ситуаций и к нормализации коммуникаций. Психотерапевтическая драматизация применима и как метод профилактики супружеских конфликтов, коррегирования агрессивных реакций протеста, профилактики напряженных отношений «отцов и детей», коррекции отклонений в отношениях руководителя и подчиненного или в профотборе, в промышленной психологии, спорте, обучении, при исполнении деструктивных общественных ролей и т. д.

Так, американский психиатр Р. Равич³⁴ использовал игровой метод для оказания помощи супружеским парам, у которых не складывалась личная жизнь. Ситуация моделировалась с помощью двух игрушечных поездов, кото-

³⁴ Приводится по: *Moreno J. L. Sociometry and Psychodrama. Buenos Aires, 1958.*

рые надо было привести к цели через запутанный лабиринт. Бывали столкновения, тупики, крушения, но затем супруги начинали договариваться о тактике совместных действий. В Польше по телевидению была показана многосерийная эстрадная программа «Идеальный брак» Е. Гужзи и Я. Федоровича. В этом спектакле с охотой участвовали на равных правах с актерами и публика, присутствующая в зале, и даже телезрители. Супруги принимали участие в различных простых сценках («зажарить яичницу», «исполнить танец», «пришить пуговицу») и более сложных заданиях, требующих адекватного поведения в непредвиденных ситуациях. Стремление выиграть приз в финале требовало от супружеской пары тренировки в идеальных взаимоотношениях, в чем и состояла адаптирующая роль подобной игровой терапии.

Советский психотерапевт А. Алексейчик³⁵ применяет с этой целью так называемые экспериментальные, или пробные, ссоры с конечным заданием — прийти к взаимопониманию. Автор считает, что в основе многих разводов лежит управляемый конфликт. Наученные «правильно спорить» супруги «ссорятся», уже не выходя из определенных рамок, владеют собой, спорят с юмором, выявляя источник напряженных конфликтов, что помогает им лучше понять характер, точку зрения и позиции другого. И. Самтер³⁶ свидетельствует о пользе спектаклей, проводимых А. Ретт для преодоления аутистических тенденций у детей младшего возраста. К театрализованным формам психотерапии можно отнести и применяемый в особых целях детский кукольный театр. Австрийский режиссер К. Линк, руководитель театра имени Раймунда в Веле, отмечает эффективность не только постановок, но и самого процесса подготовки спектакля для формирования адекватных адаптированных форм контактов детей.

Теория и практика театрализованных форм психотерапии имеет значение при решении ряда вопросов, возникающих на стыке психотерапии и психогигиены с психологией личности и коллектива, а также с психологией труда. Таковы, например, вопросы ускоренного³⁷ и интен-

³⁵ *Алексейчик А.* Как укрепляются семьи. — Лит. газ., 1969, 17 дек.

³⁶ *Самтер И.* — За рубежом, 1970, № 8.

³⁷ *Китайгородская Г. А.* Возможности построения курсов обучения в рамках суггестопедических систем. — В кн.: Интенсив-

сивного обучения иностранным языкам, рассматриваемые рядом авторов³⁸, суггестопедии³⁹. В суггестопедической методике ускоренного обучения иностранным языкам театрализованные формы психотерапии занимают значительное место, способствуя гуманизации учебного процесса, освобождению резервов человеческой психики, в частности памяти обучающихся. Главный механизм такой гипермнезии Г. Лозанов⁴⁰ усматривает в «косвенной суггестии», в отличие от прямых видов внушения действующей на «маргинальную субсензорность». Для этой цели, пишет Лозанов, наиболее часто применяются такие средства внушения, как авторитет, интонация, ритм сигналов, инфантилизация, «концертная псевдопассивность», создающие условия, близкие к художественному переживанию. Методики, использующие подобные принципы педагогики и средства искусства, возникли в известной степени как «реакция протеста» против таких методов обучения, при которых значение придается не столько игровой раскованности творческих резервов личности, сколько зубрежке и авторитарному нажиму преподавателей, где «стимул заменяется наказанием» (Г. Лозанов). Проведенное нами в Московской экспериментальной студии электронной музыки совместно с преподавателями английского языка В. С. Садовским и Е. Г. Чалковой экспериментальное обучение в пяти группах с использованием ролевой психогигиены и специально созданного аудиовизуального пространства цветоуправляемой среды для оптимизации коммуникативных процессов подтвердило эффективность этой методики.

Используя принципы психогигиены общения, «деловых игр», создавая адекватный психологический климат на производстве, можно добиться оптимизации деятельности ряда коллективов. Например, в спортивной практике психогигиенические рекомендации так или иначе связаны с личностными и социально-психологическими исследова-

ные методы обучения иностранным языкам. М., 1973, с. 53—59; Минкин Л. М., Гройсман А. Л. Некоторые аспекты суггестопедического процесса. — Там же, с. 97—101.

³⁸ Гегечкори Л. Ш. Анализ интенсивных методов обучения иностранной речи. Тбилиси, 1975.

³⁹ Лозанов Г. Суггестология и суггестопедия: Автореф. докт. дис. Харьков—София, 1970.

⁴⁰ Лозанов Г. Суггестология. София, 1970.

ниями спортивных команд⁴¹. Некоторые психогенные моменты таят в себе неорганизованность внутригруппового общения, приводящую к неблагоприятным результатам спортивной деятельности коллектива, особенно в экстремальных условиях, при неблагоприятных ситуативных эмоциогенных факторах — ошибках своей команды и партнеров, замечаниях тренера, необъективного судейства, реакции зрителей⁴². Организация управления межличностным общением с помощью игровой коррекции, положительно ориентирующей, словесной и операциональной стимуляции деятельности спортивных коллективов оказывает психогигиеническое воздействие на спортсмена.

Средства массовой коммуникации также используются при организации психотерапевтического воздействия. Так, В. Е. Рожнов проводит по телевидению цикл обучения врачей методам психотерапии и психогигиены⁴³. Некоторые авторы рекомендуют телеобучение аутогенной тренировке лицам, занятым умственным трудом, музыкантам и актерам, спортсменам. Для психогигиены чрезвычайно перспективно использование такого мощного по силе воздействия вида искусства, каким является кино.

Расширение сферы использования коррекционных возможностей театрализованных форм психотерапевтического воздействия и задачи, возникающие в связи с организацией последнего, требуют более детальной разработки собственно социально-психологических проблем, связанных с формой и механизмами психотерапии. Одним из важнейших направлений работы в этой области является изучение механизмов ролевого поведения и общения.

⁴¹ Худатов Н. А. Психологическая подготовка боксеров. М., 1968, с. 160; Морозов А. С. Проявление межличностных установок между членами спортивных команд. — Теория и практика физической культуры, 1974, № 11, с. 30—31; Гиссен Л. Д. Психология и психогигиена в спорте. М., 1973, с. 148; Филатов А. Т. Формы суггестии эмоционально-положительного отношения спортсменов к большим тренировочным нагрузкам: Всесоюзный симпозиум «Проблемы восстановления работоспособности спортсменов после высоких тренировочных нагрузок». М., 1974, с. 106—107; и др.

⁴² Ханин Ю. Л. Проблемы общения в спорте: 2-я Всесоюзная конференция по социологическим проблемам физической культуры и спорта. М., 1974, с. 66—68.

⁴³ Рожнов В. Е. Лекции по психотерапии (Учебное телевидение). М., 1974.

3. Ролевое поведение, общение и интеграция личности

Существенный сдвиг в совершенствовании и углублении методов психотерапии при помощи искусства наметился в связи с развитием ролевой теории личности: произошло смещение акцентов с опосредующих средств психотерапевтического воздействия на большую цельность и самостоятельность ролевой психотерапии.

Зарубежные психоаналитики рассматривают групповой катарсис как основной саногенетический механизм групповой психотерапии. Не разделяя психоаналитических концепций о необходимости обязательного отреагирования и катартической расшифровки комплексов, мы считаем, что ведущим принципом в ролевой психотерапии должна быть не динамика психоаналитических комплексов, а апелляция к ролевым функциям личности. Роль же нами понимается как функциональное социально-психологическое образование данной личности с присущей ей символической репрезентацией⁴⁴.

Основой групповой психотерапии и ее ролевого варианта является поэтапно-реконструктивная работа с личностью и системой ее отношений⁴⁵, характеризующих «основные роли, в исполнении которых проявляется ее индивидуальность»⁴⁶.

Существуют разнообразные концепции роли. По версии, которой придерживается Дж. Морено, слово «роль» происходит от латинского «rotulus», что в переводе означает рулон, или свиток, на котором в Древней Греции и Риме писали текст драмы «под суфлера». Позднее, когда свою партию актер уже непосредственно читал с «ротулуса», под «ролью» стали понимать нечто близкое к понятиям «персона» — «маска» — «личина» — «личность». Позже этими понятиями пользовались для обозначения той или иной социальной роли: например, «персона отечества», «царская персона» и т. д. Принятие такого подхода к личности как социально значимого находим у Шекспира: «Весь мир — театр, актеры — люди, и каждый не одну играет роль». В дальнейшем понятие роли

⁴⁴ Гройсман А. Л. Ролевая психотерапия как вспомогательный метод, с. 83—86.

⁴⁵ Мясищев В. Н. Личность и неврозы. Л., 1960.

⁴⁶ Философская энциклопедия. М., 1964, т. 3, с. 196.

стало более непосредственно соотноситься с исполнением человеком той или иной социальной функции.

Ряд советских и зарубежных социологов и социальных психологов выделяли различные аспекты при определении понятия роли⁴⁷.

Поведение человека, по Г. Миду⁴⁸, определяется его способностью соразмерять свои поступки с действиями других. Мертон⁴⁹ считает, что роль — это самовоспитанная установка социального ожидания, которое оказывает давление на поведение личности в зависимости от ценностных ориентаций последней. Для объяснения механизма исполнения роли привлекаются различные личностно-психологические категории. В. Коту⁵⁰ дифференцирует термины «принятие роли» и ее «разыгрывание». Т. Ньюком⁵¹ различает роли, предписанные обществом (личность находится под давлением определенных общественных ожиданий), и роли воспитательно-поведенческие, определяющие поведение конкретных лиц в зависимости от популярности роли и предъявляемых к роли требований. Т. Парсонс⁵², оперируя понятием роли, стремится показать, что она является основой по меньшей мере трех уровней интеграции — психологического, социального и культурного, представляя собой канал, по которому свойства и состояния отдельной личности влияют на функционирование различных общественных и культурных систем. С. Сарджент⁵³ считает ролью «культурную, личную и ситуационную детерминанту», но замечает, что роль никогда не является только чем-то одним из трех указанных звеньев. Многогранность кате-

⁴⁷ См., например: *Шибугани Т.* Социальная психология. М., 1969; *Znaniński F.* Ludzie terazniejsi a cywilizacja przyszłości. Lwów, 1934; *Linton R.* The Study of Man. N. Y., 1936; *Hartley E. L., Hartley R. E.* Die Grundlage der Sozialpsychologie. 1955; *Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. N. Y., 1959; *Sarbin T. R.* Role Theory. — In: Handbook of Social Psychology/ Ed. G. Lindzey, E. Aronson. Addison-Wesley, 1968, vol. 1.

⁴⁸ *Mead G. H.* Mind, Self and Society. Chicago, 1934.

⁴⁹ *Merton R. K.* The Role-set Problems in Sociological Theory. — Brit. J. Soc., 1957, N 2.

⁵⁰ *Coutu W.* Role-playing versus Role-taking. — Amer. Soc. Rev., 1951, vol. 16.

⁵¹ *Newcomb Th. M.* Social Psychology. N. Y., 1951.

⁵² *Parsons T., Balles R. F.* Family, Socialization and Interaction Process. N. Y., 1955.

⁵³ *Sargent S.* Social Psychology. N. Y., 1950.

гории роли была отмечена, в частности, И. С. Коном: «Понятие роли, широко употребляемое обществоведами, весьма многозначно. В обыденном сознании ролью называется такой аспект поведения, деятельности лица, который является для него неорганичным, переживается как нечто внешнее, ненастоящее, отличное от его «подлинного я»... «быть в роли» — значит притворяться, играть, осознавать искусственность своего поведения. Но такое разграничение является субъективным, оно описывает лишь соотношение различных образов самосознания, ничего не говоря об их происхождении»⁵⁴. Несоввершенство концепций роли чувствуют и многие их создатели.

Развивая психологическую теорию роли применительно к задачам психотерапии, Дж. Морено понимал под ролью процесс создания структуры всего человеческого поведения, определяемого влиянием малых групп. Используя аналогии из мира театра, Морено подчеркивал важность для личностной сущности импровизационно-творческого начала. Роль способствует раскрытию спонтанных свободных действий человека, обусловленных его индивидуально-психическими свойствами. Солидаризуясь с Морено, Т. Сарбин рассматривает роль в опосредованной взаимосвязи индивидуально-психологического «восприятия роли, вживания в нее и осознания»⁵⁵.

Роль зачастую выражает нереализованные потенции личности, отражает определенную фактическую структуру отношений человека с другими людьми, его надежды и стремления. Компенсаторные механизмы роли становятся основой для «присвоения» роли как образца для подражания, способствующего росту самосознания и поведенческих форм деятельности. Польские психологи Г. и Ч. Чаповы⁵⁶ определяют роль как фактическое личностное образование, привносящее регулирующий эффект в специальную ситуацию, в которую вовлечены другие лица. В этой связи понятны поиски интегральной связи ролевой игры со структурой личности и влиянием на нее взаимодействий в «малой группе».

По Морено, «отыгрывание» роли является условием

⁵⁴ Кои И. С. Социология личности. М., 1967, с. 186.

⁵⁵ Sarbin T. R. Role Theory.

⁵⁶ Czaporow G., Czaporow Cz. Psychodrama. Warszawa, 1969.

«объединения с миром», выражением не только индивидуального и спонтанного, но также и коллективного, и традиционного в личности. Морено писал, что изменение в сфере поведенческих реакций и собственного реагирования на ситуацию — результат способности к творчеству (креативности) человеческой личности, а психотическое поведение — результат разрегулированного процесса спонтанности и креативности. Каждый человек обладает способностью к творчеству, но при неадекватной направленности эта способность становится негативным слепком психической «разрегулированности». Полное извращение способности к творчеству грозит душевным расстройством и дезинтеграцией личности.

Ролевая психотерапия, используя игровые моменты и символику роли, призвана отрегулировать процессы неадекватной реализации способности к творчеству. Изоляция человека, отчуждение его от творчества означают болезнь и смерть личности. Смысл жизни — в творческой деятельности, которая объединяет человека с миром и создает интегральный вектор всех равнодействующих сил личности. Выделенный психиатрами и психологами феномен «экзистенциального беспокойства» связан, с одной стороны, с регулятивной функцией способности к творчеству, с другой — с антиципацией смерти. Человек боится не столько окончания собственной жизни, сколько утраты мира, разрыва ролевых и социальных связей и взаимоотношений. Способность к творчеству динамична, и истинный творец постоянно умирляет свое «экзистенциальное беспокойство». Беспокойство и творчество — два совместных явления, но надо искать психогигиенические границы этих явлений для профилактики нервно-психических расстройств, с одной стороны, и оптимизировать творческую работоспособность — с другой. В отличие от психоаналитической методики различные варианты «лечебного театра» и ролевая психотерапия являются методиками психосинтетическими, способными дать конструктивные решения сложных проблем личности, и основаны на вере в человека и его творческий потенциал.

Концепция Морено о конструктивном подходе к терапии первнопсихических заболеваний и расстройств оказалась продуктивнее концепции психоаналитической. (В беседе с Фрейдом Морено сказал, что Фрейд подав-

ляет мечту, а он обучает мечтать⁵⁷.) В последнее время появилось новое течение, именуемое «психосинтезом»⁵⁸. В работах этого направления (к ним примкнул и А. Маслоу) подчеркивается, что психосинтез, как и экзистенциальная психология, идет от «я» индивидуума, от признания динамичности структуры личности, находящейся в постоянном развитии, от поисков человеком смысла жизни, мотивации, актуализирующей тот или иной выбор решений, от сочувственного отношения к ценностным представлениям (например, этическим, эстетическим, политическим) к переживаниям личности. Психосинтез — явление сложное. Он возник как компенсация недостатков психоанализа и экзистенциальной психологии. Главное значение в психосинтетической работе придается волевым функциям личности; в методику воздействия на личность включаются различные компоненты, связанные с обдумыванием и анализом различных стадий ролевых процессов, мотивации, выбора решений, актуализации волевой направленности личности.

Однако было бы неверным не замечать существенных различий между психосинтезом и экзистенциальной психологией. В отличие от последней психосинтетическое направление придает большое значение творческим началам в человеке, явлениям самосознания и озарения. Ощущения одиночества и симптомы дереализации предшественники психосинтеза не рассматривают в качестве патологических и конечных, как это делают ортодоксальные психиатры, а скорее считают их функционально-компенсаторными. Тренировка эмпатических потенциалов человека и способности «вчувствования в проблемы другого» оказывается важным процессом синтеза личности. Методика психосинтеза выполняет профилактические функции «гигиены общения». В психосинтетической концепции привлекают активная позиция, к которой призывается личность в процессе работы над собой, а также ориентация в работе на сознательный уровень, на интеграцию участников взаимодействия. Эти установки в психотерапии были в свое время разработаны советскими психотерапевтами В. Н. Мясищевым, М. М. Каба-

⁵⁷ *Moreno J. L. Le psychodrame theorie et pratique. — Hygiene Mentale en Canada, 1974, vol. 22, N 1, p. 13—16.*

⁵⁸ *Szazs T. Psychosynthesis. N. Y., 1970.*

новым, Н. В. Ивановым, И. З. Вельвовским, М. С. Лебединским и др.

Ролевая психотерапия осуществляется с помощью нескольких технических приемов. Она может быть программированной или импровизированной, существует также множество вариантов в зависимости от числа участников (от монологического представления или диалога между двумя лицами до ансамблевой игры или массовой психодрамы на улице). Для специального психотерапевтического воздействия предпочтителен «камерный» вариант с наличием шести основных драматических ролей. Первая из них — «главный герой», чья проблема разыгрывается, вторая — «вспомогательное его» — лицо, на которое распространяются эмпатии героя, — человек, помогающий герою решить проблему, третья — лицо, обеспечивающее положительное решение ситуации «героя», четвертая — лицо, встречающееся с трудностями в определении ценностей, пятая — «арбитр» ситуации и шестая — лицо, зависимое и сопровождающее одну из пяти указанных ролей.

Ролевое взаимодействие проходит три фазы: 1) начальные приготовления к проигрыванию ситуаций; 2) кристаллизация группы и коллектива, «разминка» и определение «протагониста», импровизация или инсценизация конфликта; 3) дискуссия с рекомендациями по перестройке структуры роли и поведения в группе и обществе.

Темы, выбираемые для ролевой инсценизации, не должны быть чрезмерно приземлены. Хотя они создаются на основе опыта участников, нельзя директивно ограничивать мечтания и фантазирование. Темы должны отражать нерешенные личностные проблемы, а также учитывать общий эмоциональный климат группы и социометрический статус ее участников. На роль «протагониста» желательно назначать человека, пользующегося авторитетом и популярностью. Необходимо также, чтобы он обладал находчивостью, жизненным опытом, некоторыми специальными психическими свойствами и т. д.

Сцена должна быть просторной, круглой, но не очень большой, сценический материал — кратким, но «психотерапевтически» насыщенным. Сам психотерапевт является в основном наблюдателем, он начинает участвовать в представлении более активно лишь на третьей фазе ра-

боты: дает существенные рекомендации, но не готовые рецепты, направляет ход дискуссии на получение существенной воспитательной информации. Правда, в некоторых случаях он может быть активным, но не авторитарно-директивным, и то лишь тогда, когда нарушаются логика корректировочной процедуры и смысл ролевого взаимодействия. Иногда ему следует и во время дискуссии «не навязывать своего мнения». Сеанс может проводиться одноразово и многократно, особенно в двух случаях: при необходимости переделать какой-либо отрицательно зафиксировавшийся стереотип и с адаптационной целью. Возможно «дозированное» проведение игровой процедуры с постепенным усложнением ролевых задач.

Наиболее часто применяется техника «смены ролей», например при создании более благоприятных условий для взаимопонимания «отцов и детей». Вначале следует представление «прямых ролей», а затем «смена ролей» (например, мать принимает на себя роль сына, а он — ее). Такое столкновение конфликтующих в последующем приводит к нейтрализации и разрешению драматических коллизий, к правильному адаптивно-интегративному исполнению жизненных ролей.

Вторая распространенная методика — «дублирование ролей». Каждый из участников поочередно реализует одну и ту же конфликтную ситуацию, что способствует лучшему пониманию им символики собственной жизненной роли, нахождению недостатков и так называемому пробуждению рефлексивного «я». Каждый человек имеет не один, а множество образов собственного «я», себя, рассматриваемых им под разными углами зрения: каким он видит себя в данный момент, каким он стремится стать, каким должен быть (исходя из моральных принципов и требований общества или данной микросреды), каким он хотел бы выглядеть в глазах окружающих.

Третья методика — «зеркальная». Даются портрет кого-то из присутствующих на сеансе и его проблема. Сам человек не называется. В таком случае создается возможность быть не только актером и режиссером, но и зрителем собственной драмы и собственного поведения. Возникающие объективные проявления реакций — молчание или замкнутость, натянутость отношений с окружающими или, наоборот, сочувствие свидетельствуют о «попадании в цель» драматического представления

конфликта. Неназойливо предлагаются рекомендации по дальнейшему поведению и снятию этого конфликта. Адекватное переживание изображаемым человеком своих реакций вызывает сочувствие окружающих. В целом и эта методика способствует возникновению эмпатии к чужим реакциям.

Четвертой может быть выделена «методика близнецов». Разыгрываются определенные сцены, отражающие хронологию событий в прошлом, настоящем и будущем в биографии героя.

Очередная, пятая, методика — «солилоквиум». Герой делится с аудиторией своими переживаниями или свободными ассоциациями, осознавая при посредстве зрителей адекватность или неадекватность своих поступков. Шестая методика — «монологическая». Один из участников говорит, что приходит в голову, а остальные тут же комментируют высказанное, составляя психологический «портрет» исполнителя монолога. Возможен вариант монолога с комментариями кого-то одного, лучше всего «alter ego». Комментарии психотерапевта в это время излишни, он только наблюдает за импровизацией, делая выводы диагностического и прожективно-интегративного плана.

Последней в этом ряду нужно отметить методику «конфликтной перебивки», когда в процессе диалога в разговор вклиниваются с замечаниями двое других лиц, они стремятся расширить сферу поисков путей к разрешению конфликта за счет способов иных, нежели способы, намеченные в сценарии или предложенные первыми участниками импровизированного тематического диалога. Иногда первых не предупреждают о том, что будут предлагаться иные решения, и они исполняют свои роли в неожиданных условиях «конфликтной перебивки». Возможен вариант сюжетной «перебивки», когда присутствующие поочередно предлагают новый конец сценария, инспирирующий поведение героя, адекватное поставленным задачам.

Возможно проведение ролевой психотерапии и в большой аудитории. Для таких инсценизаций мы использовали книгу Г. Шошмина «Возвращение в жизнь» (М., 1960). Применялась техника «дублирования ролей» с использованием в качестве «актеров» сменявших друг друга зрителей. Этим достигалась большая эмоциональ-

ность в восприятии инсценировки и интеграции переживания «актерами» и «зрителями». Отсутствие занавеса, непротивопоставление «зрителей» «актерам» способствовало срабатыванию механизмов «перенесения» роли и идентификации некоторых зрителей с «героем». Это выявлялось и экспериментально-психологическими исследованиями. Даже спустя несколько дней после спектакля участвовавшие в нем не оставались равнодушными к происходившему — у них наблюдалось удлинение латентного периода речевых реакций на слова — аффектогенные раздражители — и на значимые события из текста инсценировки. Розданные после спектакля анкеты содержали вопросы о чувствах, которые он вызывает, об образах и отношении к ним. У большинства участников сеанса наблюдались различные формы сочувствия героям и одновременно «отчуждение» от роли и критическое отношение к себе, к своему прошлому, стремление сыграть положительную роль. У ряда лиц наблюдалась «гипертрофия отчуждения», выразившаяся в уплощении эмоций, неспособности к эмоциональному сближению, предполагающему элементарное сочувствие герою и «вживание» в его роль. У некоторых проявилась чрезмерная идентификация с отрицательным героем без определенного критического взгляда на роль. Отдельные участники инсценизации изъявили желание в последующих спектаклях сыграть роль врача-психотерапевта или человека, активно помогающего людям в их борьбе с нежелательными переживаниями.

В противовес унылой и назойливой дидактике, отнюдь не лучшему способу воспитательного воздействия на личность, ролевая психотерапия является вспомогательным методом, эмоционально склоняющим человека к исполнению положительной жизненной роли. Дальнейшее накопление опыта ролевой психотерапии позволит разработать более четкие показания к ее применению, оценить ее психодиагностические возможности, уточнить формы и приемы, связанные с проведением психотерапии методами «перевоплощения» и «отчуждения» от роли. Отметим, что Бертольт Брехт так оценил сценический принцип «отчуждения» от роли: «Цель техники „эффекта отчуждения“ — внушить зрителю аналитическое критическое отношение к изображаемым событиям»⁵⁹.

⁵⁹ Брехт Б. О театре. М., 1960, с. 144.

Успешная интеграция личности приводит к гармонизации ее отношений с собой и с другими людьми за счет адекватного ролевого поведения. В социальной психологии, как известно, в термин «ролевое поведение» вкладывается понятие некоего устойчивого шаблона поведения и зависимости от тех или иных ожиданий членов группы. Благодаря использованию человеком ролевых функций игровое общение позволяет ему адаптироваться к сложному миру людей и вещей, создает положительный «психологический баланс» между личностью и общностью. Ролевая игра также дает возможность правильно ориентироваться в экстремальных ситуациях, способствует выработке навыков культуры общения и устранению дезадаптивных форм реагирования.

На основе методов групповой психотерапии создаются и психогигиенические приемы, оказывающие оздоравливающее влияние на работу целых коллективов и оптимизирующие их деятельность. Сотрудники Ленинградского психоневрологического института им. Бехтерева разработали методы обучения навыкам общения работников торговой сети. Продавцы на специальных курсах учатся методам психической саморегуляции, «деловым играм»⁶⁰. Обучение приемам общения имеет в основном психопрофилактическое значение. Использование ролевой игры в работе с лицами, страдающими от неблагоприятных условий общения, позволяет осуществить ряд профилактических мероприятий. Так, например, с помощью методики «смены ролей» можно помочь общающимся осознать, что психическая напряженность обычно возникает у них в условиях «альтруистической нравственной недостаточности», ведущей к гиперболизации жизненных трудностей и к переоценке недоброжелательности окружающих.

Еще Л. Пиранделло⁶¹ говорил о том, что личность в отношениях с другими подвергается умножению и вычитанию, но в этой диалектичности, как отмечал Е. И. Топуридзе⁶², он увидел некий метафизический фактор, об-

⁶⁰ Мясер В. К. Общие принципы и методика семейной психотерапии. — В кн.: Вопросы психотерапии, с. 83—88.

⁶¹ Пиранделло Л. Пьесы. М., 1960, с. 476.

⁶² Топуридзе Е. И. Философская концепция Луиджи Пиранделло. Тбилиси, 1971, с. 133.

условливающий распад личности и невозможность для человека быть самим собой. Сопоставляя экзистенциальную позицию Пиранделло с театральными эстетикой Н. Н. Евреинова, А. Грамши⁶³ пришел к выводу, что «театральность» существует в самой жизни, а «театральное» (мы бы сказали — «ролевое») поведение самого человека определяет его конструктивное «делание самого себя» в соответствии с образом «я хотел бы».

Такое «делание самого себя» возможно лишь в практическом опыте общения и деятельности человека. Некоторые современные теоретики искусства, осознавая его социальную роль, отмечали, что оно предоставляет человеку возможность такого опыта⁶⁴. В этом направлении и осуществляется коррекция поведения с помощью средств искусства и, в частности, театра.

В структуру современного «большого» театра начинают проникать принципы «исповедального театра». Дж. Гасснер, говоря о видоизменениях в современном театре, приводит психодраматическую структуру построения пьесы⁶⁵.

Театр призван стать «высшей инстанцией для решения жизненных вопросов», о чем мечтал А. И. Герцен. Необходим повседневный «театр общения», суть которого — в научении людей моделям правильного общения и способам преодоления деформаций процессов общения. Не случайно крупный театральный художник и режиссер Н. П. Акимов писал: «Искусство — это средство общения между людьми. Это второй особый язык, на котором о многих важнейших и глубочайших вещах можно сказать лучше и полнее, чем на обычном языке»⁶⁶. Становлению коммуникативного театра будет способствовать и рождение новой комплексной науки об искусстве общения.

⁶³ Грамши А. О литературе и искусстве. М., 1967.

⁶⁴ Марков М. Е. Искусство как процесс. М., 1970.

⁶⁵ Гасснер Д. Идея и форма в современном театре. М., 1964, с. 48; Переверзев Л. В. К построению кибернетической модели художественной деятельности. — В кн.: Точные методы в исследованиях культуры и искусства. М., 1971, ч. I.

⁶⁶ Акимов Н. П. О театре. М.; Л., 1962.

Стадии морального развития личности, стиль поведения и художественный вкус

О людях мы судим по их поступкам, а поступки в одной и той же ситуации бывают разными и, к сожалению, не всегда соответствуют коммунистической морали. Все еще встречаются, например, такие пережитки, как карьеризм, взяточничество, туеядство. Но не все отклонения в морали таковы. Существуют (да и не могут не существовать) разные подходы к бытовым проблемам: как одеться, обставить квартиру, относиться к моде, добиться благополучия, — или к более сложным: как воспитывать своих детей, какую занять позицию по отношению к вопросам, волнующим общественное мнение.

Разные люди руководствуются разными принципами для достижения своих целей. Да и цели не только многообразны, они могут быть разного нравственного достоинства. На протяжении своей жизни люди иногда переосмысливают свое понимание совести, призвания, дружбы, измены, долга. Каждый человек может найти примеры несовпадения своих моральных представлений с представлениями других людей и обнаружить изменения в своем собственном отношении к тем или иным моральным проблемам на протяжении всей жизни.

Никто не рождается на свет ни атеистом, ни высоконравственной личностью. К высшим формам мировоззрения и этики человек приходит постепенно, через несколько стадий развития. Собственные нравственные и моральные убеждения человека, или, как мы их назвали, индивидуальная этика, складываются под воздействием общественного сознания. Они формируются в процессе проверки на личном опыте правил и норм, выработанных человечеством. Особенности развития «индивидуальной этики» могут приводить человека не только к согласию, но, как уже сказано, и к конфликту с окружающими.

Остаповимся на внешних проявлениях межличностных конфликтов; они многообразны и пестры: супруги «не сошлись характером», дети обвиняют родителей в «мещанстве», друзья ссорятся из-за «разного взгляда на жизнь», молодой человек «разочаровывается в жизни» и конфликтует со всем миром. Иногда эти конфликты, обостряясь, превращаются в резкие выходки, приводят к правонарушениям, но чаще принимают затяжной характер и тогда становятся психогенным фактором образования певрозов. В практике психиатра пограничные состояния подобной этиологии довольно часты. Многолетний опыт работы автора врачом скорой психиатрической помощи убеждает его в том, что в основе «пограничных состояний» практически всегда лежат моральные конфликты — «внутренний» («разлад с собой») или «внешний» (столкновение с окружающими).

В беседах с обеими конфликтующими сторонами (в случае внешнего конфликта) поражаешься, почему при обоснованности взаимных претензий люди не могут понять друг друга, почему они разговаривают «на разных языках», пользуясь одними и теми же терминами для оценки жизненных явлений и вкладывая в них разное содержание. Как определить стадии морального развития человека? Являются ли моральные конфликты непременным источником психопатологии? Эти вопросы, весьма существенные для коррекции неадаптированного морального поведения, и рассматриваются в данной работе.

1. Моральные конфликты и проблема «моралепатии»

Из всего многообразия межличностных конфликтов можно выделить несколько наиболее характерных. Обычно они группируются по принципу подобия. Это конфликты между детьми и родителями, супружеские конфликты, характерологические несовместимости. По принципу подобия можно сгруппировать и наиболее типичные реакции индивидуумов на конфликтные ситуации, а также отношения разных людей к одной и той же бытовой проблеме. Так, удовлетворяя желание приобрести вещь, находящуюся во владении другого лица, человек может использовать разные варианты поведения: просьбу, попрошайничество, вымогательство, куплю, обмен, мошенничество, шантаж, грабеж, разбой. Он может,

паконец, отказаться от своего желания. Выбирая тот или иной вариант поведения, каждый руководствуется сформировавшимися у него моральными принципами, установками, представлениями.

Мы считаем целесообразным говорить в подобных случаях именно о моральных, а не нравственных формах «индивидуальной этики». Мораль часто отождествляют с нравственностью, однако эти понятия не идентичны. Нравственность, конечно, отражается в нашем сознании в виде морали, и каждому этическому уровню соответствует своя мораль. Фигурально говоря, мораль является карманным кодексом правил для повседневного пользования. Иногда она позволяет лавировать, приспособляться к обстоятельствам, идти на компромиссы. Нравственность же обладает абсолютными свойствами. Она не конъюнктурна, не конформна. Жить по принципам абстрактной нравственности невозможно. Арбитром между моралью и нравственностью мы считаем совесть.

Понятие нравственности давно сформулировано человечеством в виде общего тезиса: все, что способствует жизни, является добром, что мешает — злом. Религия облекала идеи гуманизма в заповеди. У всех народов мира эти заповеди примерно одни и те же, с небольшими географическими и этническими вариантами. Но «индивидуальной» этикой всяческие заповеди, да и сами гуманистические идеи, усваиваются не всегда однозначно глубоко и, очевидно, не сразу, а лишь в индивидуальном опыте, путем проб и ошибок, путем выработки того или иного отношения личности к нравственным категориям. Существенно, что сам процесс выработки человеком собственных нравственных убеждений регулируется моралью.

В молодости люди обычно горят желанием найти свой оригинальный путь в жизни. Они насмешливо относятся к советам взрослых, не понимая подчас общественной целесообразности гуманистических заповедей, они склонны делать для себя те или иные исключения из общих правил поведения и впадают в ошибки. Не представляя, что психологические закономерности однотипны, а ситуации типичны, они и ошибки совершают шаблонные. Перечень грубейших из них, оцениваемых как социально опасные, отражен в уголовном кодексе. В последнее время (в частности, в дискуссии на страницах «Литературной га-

зеты») предлагают создать наряду с уголовным кодексом преступлений кодекс менее грубых и менее социально опасных нарушений — кодекс проступков. Но широко распространены и такие нарушения правил, моральные конфликты, которые окружающие (да и часто сами конфликтующие стороны) считают «патологическими», якобы относящимися к ведению психиатра.

Здесь уместно заметить, что личный опыт имеет не меньшее, подчас даже решающее значение в формировании мировоззрения, чем советы и наставления со стороны. Случается, что возникает потребность нарушить ту или иную заповедь именно для того, чтобы удостовериться в ее справедливости. Особенно резко это проявляется в переломном возрасте, когда подросток уже усвоил общепринятые правила морали в их однозначном варианте («не лги», «не укради», «не убей», «уважай родителей» и т. д.), но при этом боится впасть в конформизм, «потерять индивидуальность» и т. д. Более серьезная проблема — проявление человеком устремлений, идущих вразрез с правилами, или выработка им убеждений, требующих пересмотра заповедей или их изменения (антитеза заповедей) во имя более высоких гуманистических целей. Здесь почти неминуемо происходит в той или иной степени «грехопадение» как поиск собственного, личного варианта все тех же «заповедей». Эта более высокая в плане индивидуального развития стадия морали (но не нравственности) часто сопровождается поступками, которые расцениваются общественным мнением как отклонение от норм, и такое развитие обычно не одобряется окружающими.

Наступает важный этап — либо данное отклонение приведет к более глубокому личностному принятию нравственных ценностей, или окажется именно отклонением, разладом, негативной реакцией, не получившей выхода. Когда человек, находящийся на этой стадии морального развития, сталкивается с окружающими, часто происходят морально-этические казусы.

Приведем лишь некоторые бытовые примеры, с которыми сталкиваются психиатры. Мать (сама врач по профессии) ведет к психиатру своего сына для лечения от тунейдства: у нее, видите ли, «не хватает» красноречия «переубедить» его. Родители конфликтуют друг с другом; теплых отношений, а тем более любви между ними

давно нет; их сын растет в конфликтной обстановке и начинает приобретать патологические черты характера. Родителям ясно, что для спасения ребенка необходим развод. Но они не могут на это решиться, так как не знают, как им поделить автомашину, купленную на общие деньги. Муж ушел из семьи, бросил работу над докторской диссертацией, занялся рыбалкой, чем увлекался еще до женитьбы (научной работой он занимался под давлением жены). Для жены его уход означает крах всех надежд. Она из него «делала человека», а ему это оказалось ненужным. Подобных примеров в практике каждого психиатра множество. Немало и произведений художественной литературы посвящено этой проблеме.

Как же подходить к анализу подобных ситуаций конфликтных отношений и поступков? Клиника душевных заболеваний достаточно хорошо разработана. Имеются традиционные приемы анализа психических состояний пациентов и классификация этих состояний. При умелой оценке симптомов можно достаточно точно определить место любого рассматриваемого клинического случая на шкале нозологических единиц. Но бывают случаи, когда сугубо психиатрический подход к некоторым, так называемым пограничным, состояниям может оспариваться. Таковы большей частью и последствия моральных конфликтов. Однако, будучи своевременно непогашенными, они могут привести к довольно грубой патологии, уже описанной клиникой психиатрии. Ретроспективный анализ некоторых пограничных состояний, с которыми обычно имеют дело психиатры, выявляет моральные конфликты как истоки таких состояний. Профилактическое направление отечественной медицины, в частности психиатрии, заставляет обратить внимание на моральные конфликты как на один из видов этиологии неврозов. Моральные отклонения отягчают психопатии¹.

Мы считаем необходимым выделить в особый тип такие случаи, в которых не выявляется психической патологии, а нарушения отношений с окружающими, приведшие в конечном счете пациента к встрече с психиатром, были вызваны только особенностями морали участников конфликта.

Эти случаи попадают в поле зрения психиатра вследствие того, что поведение его будущих «пациентов» (точнее,

¹ См., в частности: *Ганнушкин П. Б.* Избр. труды. М., 1964.

людей, попадающих к нему на консультацию) выглядит нелепым с позиции окружающих. Возможно, стоит выделить этот уровень морали как особую клиническую патологию в рамках психопатоподобного поведения, но лишь в тех случаях, когда «нелепые» поступки становятся анти-социальными или опасными для самого человека.

Подобные виды психической патологии правильнее было бы определить как моралепатии. Да и вряд ли эти состояния целесообразно относить к разряду патологических, поскольку многие люди проходят схожие стадии развития, с разницей лишь в интенсивности их выражения. Патология возникает только тогда, когда в результате «грехопадения» — нарушения традиционных моральных норм — развиваются особые психические осложнения, например астенические неврозы с истерическими компонентами, реактивные состояния от запутанных ситуаций или физическая зависимость от алкоголя. Чисто психиатрическое лечение только самих осложнений дает сомнительный результат и приводит к рецидивам, так как является симптоматическим. Об излечении можно говорить лишь в случае изменения морального фона, поскольку в основе этиологии этого состояния — патология морали.

Термин «моралепатия» для обозначения патологии собственно морали был в употреблении в первые годы развития советской психиатрии, педагогики и психологии². В дальнейшем, в 30-х годах, он был упразднен. Рассматривать моралепатии изолированно от общего фона развития индивидуальной морали невозможно, потому что обычно трудно установить характер изменения морали у данного человека, т. е. установить, является ли это изменение патологическим процессом или оно закономерно.

² О работе секции эстетического воспитания «морально-дефективных» детей при Наркомпросе в 1919 г. в Киеве рассказывает на страницах книги воспоминаний «Люди, годы, жизнь» И. Г. Эренбург (*Эренбург И. Г. Собр. соч. М., 1966, т. 8, с. 290—292*). Об организации и работе подобных учреждений в Москве сообщила врач С. С. Пименова, работавшая в 1919—1924 гг. воспитательницей и педагогом-руководителем нескольких подобных учреждений Наркомпроса (приемно-наблюдательного пункта для морально-дефективных детей, научно-наблюдательного пункта и др.). Как явствует из представленных С. С. Пименовой документов, подобные учреждения находились в ведении Московского отдела народного образования, но возглавлялись врачами-психиатрами (*прим. ред.*).

Таким образом, нужно вначале попытаться проанализировать так называемое нормальное развитие индивидуальной морали. Для этого необходимо определить стадии развития морали и найти принцип классификации, чтобы расположить эти стадии в определенной последовательности.

2. Стадии морального развития и художественный вкус

В психиатрической практике, особенно в случаях моральных конфликтов и моралепатий, возникает необходимость прогнозирования поведения пациента. Прежде всего необходимо выявить его «моральный статус», т. е. определить уровень его морального развития. Только на основе оценки этого уровня, или этапа, можно предугадать реакции человека на ту или иную ситуацию, определить степень и характер нарушения (а возможно, патологии) морального развития.

Мораль человека складывается на основе комплекса нравственных суждений, вариантов отношения человека к гуманистическим заповедям. Считает ли себя человек лучше других, делает ли он для себя исключение из общих правил, прислушивается ли к советам более опытных людей, как он относится к юридическому закону, насилию, власти, чести, достоинству личности, — вот лишь немногие вопросы, на которые необходимо получить ответы от пациента при определении его морального статуса³.

Обследование «морального статуса» можно провести значительно экономнее, используя шаблоны морали. Иногда такое обследование можно провести даже без непосредственного общения с пациентом. Ведь «исключительной», оригинальной морали нет. Каждый человек находится на каком-то уровне ее развития. В известной мере показателем этого уровня является степень развития его художественного вкуса.

³ Существует обширная психологическая литература о закономерностях морального развития (в частности, отметим работы Л. И. Божович, Т. Е. Конниковой и др.) и даже о стадиях развития морали (прежде всего работы Ж. Пиаже и его последователей, среди которых выделяются работы Л. Колберга). Но пока вопрос о критериях и показателях при определении этих стадий — наиболее сложный и спорный.

В качестве критерия определения стадий морали мы использовали эстетическую оценку, данную пациентом своему поведению, т. е. то, насколько «красивым» кажется поступок самому человеку и окружающим людям. Если мы признаем прогрессивность индивидуальной этики, то для каждого определенного ее уровня характерны определенные эстетические представления человека и соответствующие этому уровню моральные принципы поведения.

На связь этики с эстетикой⁴ обращали внимание давно. Шиллер, например, предлагал с помощью искусства формировать мораль. Для Толстого этика и эстетика — как два плеча: поднимешь одно — опустишь другое. Художник отличается способностью и умением отображать в соответствующем материале и в образе свое представление о мире, но художественные вкусы и художников-творцов, и тех, кто воспринимает их произведения, могут быть одинаковы. Между уровнями развития морали и художественного вкуса можно поставить если не знак равенства, то хотя бы знак параллельности или соответствия.

Параллельное развитие индивидуальной этики, морали и художественного вкуса — процесс не равномерный, а скачкообразный, следует говорить об этапах или уровнях такого параллельного развития. Вызвано это взаимодействием рациональных и иррациональных компонентов познания. В период получения новой информации и ее обработки в сознании человек предпочитает пользоваться еще старыми, апробированными этическими шаблонами. Отсюда и возникают стереотипы поведения. Только полностью ассимилировав новую информацию, человек может перейти на новый этический уровень.

Человек определяет, что в окружающем его мире «красиво», а что «некрасиво», будь то произведения искусства, предметы быта или поступки людей, с позиций своего этического уровня. В произведениях искусства художник отражает уровень своего мировоззрения, а также своих современников, а читатель, зритель соотносят его со своим. Полное общение и взаимоотношение на языке образов происходит между людьми, находящимися на одной стадии этического развития. Так, интуитивно, с «полу-

⁴ См., в частности: Джидарьян И. А. Эстетическая потребность. М., 1976.

слова» люди соответствующего этического уровня понимают друг друга, т. е. у них возникает общий «тезаурус», или «эстетический резонанс». Можно отметить и обратную взаимосвязь — между разными этическими уровнями возникает «эстетический диссонанс», а у людей, находящихся на разных уровнях, — взаимонепонимание.

Зависимость эстетики от этики можно проследить и на более общем примере. Из истории искусств известно, что этапы развития искусства всегда отражали господствующее этическое учение⁵. В процессе эстетического и этического развития индивида закономерная смена стадий соответствует последовательности сензитивных периодов восприятия человеческой психики. Можно допустить, что в известном смысле «индивидуальное» этико-эстетическое развитие повторяет ту же последовательность стадий, что и в собственно эстетической сфере, и в сфере искусства. Это позволяет расположить разные стадии «индивидуальной этики» на определенной шкале.

Каждый человек отмечает созвучные ему произведения искусства — живописи, музыки, литературы, архитектуры. Художественный вкус есть понятие собирательное, он соответствует синтетическому художественному образу⁶ или определенному художественному стилю. Лица, находящиеся на одном этическом уровне, не все и не всегда отчетливо осознают, на какие эстетические эталоны они ориентируются. Обычно эстетический образ передается от одного единомышленника другому через подражание. На этом базируются мода и престижные ценности. Вряд ли модница может объяснить, почему она носит те или иные украшения или зачем надо менять обувь с каблук «шпилька» на «платформу»: «так принято» в «ее кругу», «так делают все», «а я что — хуже других?». Через подражание рождается стиль поведения и возникает индивидуальная согласованность художественного вкуса с моралью. Именно на этом основании по художественному вкусу человека можно косвенно судить о его морали, точнее, о его «моральном статусе».

Наиболее сложной проблемой является разработка классификации стадий морали по эстетическим уровням. Дело в том, что художественный вкус проявляется вполне

⁵ См., например: Швейцер А. Культура и этика. М., 1973.

⁶ Иоффе И. И. Синтетическая история искусств. М., 1933.

определенно, какой бы вид искусства ни рассматривался. Но по разным видам искусства нет единого принципа классификации, в частности стилей. Хронологическая последовательность стилей и даже их тонкие градации не всегда четко и адекватно могут быть соотнесены с сензитивными периодами восприятия. Поэтому в поисках аналогии морали с художественными стилями более целесообразно исходить из закономерностей развития психики и поведения человека.

Практика психиатра подтверждает, что моральный статус пациента можно определить косвенно, по художественному вкусу. Эрудиция пациента в данном случае не играет существенной роли. Не обязательно выяснять, кто его любимый писатель или художник. Достаточно обратить внимание на то, как пациент держится, какие вещи его окружают, как реагирует — и в эстетическом плане — на ситуацию, на процедуру обследования психиатром. В дополнение можно задать ему несколько вопросов, казалось бы, не имеющих отношения к делу. Все это и является необходимым «тестом» для косвенного выяснения того, как пациент относится к тем или иным гуманитарным проблемам, как решает их в повседневной практике.

По нашим наблюдениям, в процессе развития ребенка и юноши можно выделить несколько стадий морально-эстетического поведения. Для каждого возрастного периода в развитии ребенка и юноши характерен определенный стиль поведения. Например, в возрасте шести-семи лет дети ласковы, контактны, доброжелательны, сострадательны к чужой беде (спасают мышь, пойманную кошкой). К восьми-девяти годам стиль поведения резко меняется. Для этого возрастного периода характерны стремление к самостоятельности, сдержанность в выражении чувств (негативное отношение к ласкам родителей, если это происходит на глазах у товарищей), проявление мальчишеского героизма и задиристости.

Следует подчеркнуть, что такие стадии поведения замечены у всех детей, но ярче проявляются у лиц с некоторой психической неуравновешенностью, несбалансированностью. В нашей стране мощными средствами коррекции неадаптированного поведения являются школа, комсомол и другие общественные институты.

Различным возрастным периодам соответствуют определенные уровни морально-эстетического поведения.

Не все люди в своем моральном развитии доходят до высших стадий. Последнее зависит от среды, окружавшей в детстве, от темпов этого развития, от процесса догматизации «личной этики» — процесса, который может приостановиться на любой стадии. Нам приходилось сталкиваться со взрослыми людьми, сохранившими в большей или меньшей степени инфантилизм в вопросах морали.

По сходству критериев морали и художественного вкуса люди объединяются в этические общности и группы. Внутри такой группы, кружка, общности крупных моральных конфликтов не бывает. Может возникнуть конфликт, если представитель данной группы в своем этическом развитии начинает ощущать эстетический дискомфорт. В своей группе его удерживают какие-то внутренние или внешние факторы, но конфликт рано или поздно выявляется. Иногда человек начинает критиковать свою среду, иногда окружающие люди высказывают недовольство его поведением или реакциями на общую ситуацию. Это так называемые внешние конфликты. Но иногда конфликты могут быть и внутренними, когда человек созрел для перехода на следующий, более высокий уровень морали, но внешне это не обнаруживает, а лишь критикует сам себя.

Если мы говорим об уровнях морально-эстетического поведения, то следует говорить и о зоне ближайшего развития. Это особенно важно в случаях, когда человек испытывает потребность совершить очередной этический скачок. Здесь искусство может сыграть роль лечебного фактора⁷, если подбор произведений искусства (по уровню и стилю) будет соответствовать зоне ближайшего развития пациента.

3. Определение этического и эстетического дискомфорта и конфликта при диагностике «пограничных состояний»

Рассмотрим наиболее часто встречающиеся, типичные моральные конфликты.

Действительно ли супруги расходятся из-за характе-

⁷ В 30-х годах под руководством Н. К. Крупской в колонии малолетних преступников такую работу проводила педагог Ю. А. Дивельковская, но, к сожалению, ее опыт не получил широкого распространения.

рологического несоответствия или какие-то другие причины делают их жизнь несовместимой? Горячий темперамент одного и флегматичность другого мешают им жить и любить друг друга, приводят подчас к необходимости обращения к психиатру. Но нередки случаи, когда противоположность темпераментов не является такой помехой.

При современной демократизации брака все реже встречаются «свахи», «сговор», расчет; большинство браков заключается по свободному выбору, по любви. В начале супружеской жизни, безусловно, большое значение имеет чисто чувственное влечение, на этой стадии отношений молодые люди, не обладающие достаточным житейским опытом, часто недооценивают свое моральное несоответствие. Но наступает время, когда неминуемо на первый план выдвигаются более долговременные цели и встает вопрос о ценностях и средствах для достижения этих целей. И вот супруги, находящиеся на разных стадиях морального развития, тем более с разным эстетическим восприятием действительности, начинают раздражать друг друга. Одному мир представляется в радужном свете, полным упоительных наслаждений, и трудности не замечаются. Другой терзается сомнениями, его на каждом шагу подстерегают разочарования, жизнь представляется чересчур циничной, он ищет выход в искусственных, мистических ситуациях. Один собирается провести отпуск в пешем походе по побережью Крыма, налегке, «на подожном корму», а другой намерен запереться в своей комнате и в табачном дыму углубиться, допустим, в оккультные науки. У одного при сообщении, что придут гости, дух захватывает от радости общения, а второй мрачнеет при мысли, что надо с ними разговаривать, а потом останется гора грязной посуды. Между этими людьми зияет этическая пропасть. Все, что думает и делает один, представляется другому как глупость, суета, бесцельная трата времени, он знает, что за этим восторженным восприятием жизни стоит разочарование. А второй представляется первому как кичливый, «заумный болван», «неисправимый циник» и пессимист. Бывает и так, что первоначально уровень морально-эстетического развития у обоих вступивших в брак одинаков, но темпы развития у них оказываются разными. Со временем такие супруги перестают понимать друг друга. Один, например, считает, что лучше

деньги копить на машину, а другой намерен все средства тратить на походы, путешествия, приобретение аппаратуры для занятий фотографией или на научные эксперименты. Разное толкование понятия «благополучие», разные ценностные ориентации, разный тезаурус. В результате возникают этический и эстетический диссонанс и дискомфорт, который может перерасти в моралепатию.

Рассмотрим некоторые примеры описанного дискомфорта, возникшего на основе морального конфликта, с которыми мы столкнулись на практике. Ночью на улице работниками милиции был задержан, доставлен в отделение и показан психиатру 13-летний мальчик. Он шел по проезжей части, не обращая внимания на поток встречных машин. Врачу мальчик сообщил, что от соседок по дому узнал о безнравственном поведении своей матери. Эти сведения попали в зону его ближайшего развития и больно его ранили, вызвав реактивное состояние. Девушка 18-ти лет, художница, обратилась за «житейским» советом к психиатру, так как собиралась уйти из семьи из-за конфликта с родителями. Ее отец, физик-инженер, требует от нее логического обоснования ее желаний. Она бессильна обосновать свои смутные побуждения. Врач выявил, что ее ценностные ориентации оптимистические и вполне жизнеутверждающие. Воспитанием в ее «индивидуальной» этике сформирован высокий нравственный ценз. В беседе с ее отцом психиатр вынужден был ему объяснить, что желаниям дочери вполне можно доверять и не следует подвергать их рациональному анатомированию. Вскоре она поехала в экспедицию, вышла замуж, закончила институт, растит ребенка. Восстановились хорошие отношения с родителями. Столяр 27-ми лет пил из-за внутреннего недовольства собой. Ему перестала нравиться окружающая его среда. Утратил интерес даже к домино и футболу. Пил в одиночку. Беседы с собутыльниками его не устраивали. В перерывах между выпивками читал. Но чтение было бессистемным, носило случайный характер. Себя считал «работягой», «интеллигенцию» ненавидел и тайно ей завидовал. В больнице с интересом прочел стихи Заболоцкого, увлекся Пастернаком. К Кустодиеву отнесся скептически, высоко оценил Ренато Гуттузо, пришел в восторг от Сикейроса. Без особого труда удалось ему объяснить, что он и сам в сущности интеллигент. После выписки из больницы в своем ремесле

сменил традиционные формы на современный стиль, поступил в заочный техникум.

Часто молодежь обвиняет своих родителей в мещанстве. Со временем оказывается, что бывшие бунтари и критиканы сами попадают в положение критикуемых. С позиции морально-эстетических уровней можно объяснить и конфликт между детьми и родителями, а также определить само понятие «мещанство». Обычно критикуется предшествующий уровень морали. Так, недавний выходец из деревни стесняется атрибутов сельского быта, домотканую дорожку скорее стремится заменить на палас, прячет от взгляда посторонних присланное ему из деревни сало, а его дети страдают уже от отсутствия цветного телевизора или мечтают о стереофонической радиоле, без которых «стыдно людей пригласить». Всем в семье «стыдно», только все стыдятся разного. Или, например, жена недовольна мужем за то, что он выбрал неудачную тему диссертации и задержался с ее защитой. (Все его институтские товарищи уже кандидаты наук, а некоторые — и доктора. Не пора ли поговорить с научным руководителем о смене темы, использовать и кое-какие связи?) Мужу это кажется некорректным (косо будут смотреть товарищи). В то же время он сам ругает сына за то, что тот не поступает в институт, ждет не дождется призыва в армию, занимается самодеятельностью, решил по возвращении из армии стать таксистом и джазистом. Сын с позиций отца не мещанин; он просто не так работает, как хотелось бы отцу. Жена же в его глазах мещанка, думающая только о внешнем, показном благополучии. А с точки зрения сына его отец — мещанин, потому что не чувствует веяния моды, не понимает, где и как можно меньше работать и больше получать. Себя сын считает прогрессивным человеком. Всех членов этой «смоделированной» семьи объединяет общее свойство — ориентация на престижные ценности некоей группы. Они живут по принципу — «как у людей», «как принято» в их этической группе. Нельзя формально обвинить их в асоциальности, безыдейности, отсутствии духовной жизни. По формальным показателям жена — общественница, муж — научный работник, сын занят в художественной самодеятельности. Но их отношение к своим занятиям чисто престижное, потребительское. Они нетворчески относятся к своему делу, не могут уверенно и искренно сказать, что их занятия являются целью

их жизни. На почве потребительства у людей такого этического уровня и происходит столкновение престижных ценностей.

Таким образом, отмеченная конфликтность возможна не только тогда, когда сталкиваются мещанство и антимищанство, но и в среде самого мещанства из-за иллюзии относительно престижа и ценностей. Что же касается преодоления такого конфликта, то оно в одних случаях вызвано примирением с тем, что шокировало прежде, в других — пониманием истинного положения вещей.

Проблема соотношения стадий морали и художественного вкуса человека, по нашему мнению, может заинтересовать психологов, педагогов, искусствоведов, философов, юристов, психиатров. Только комплексное изучение может придать этой, пока интуитивной, разработке научный характер. Автор не располагает анкетными и статистическими данными. Но практика показывает, что процесс формирования индивидуальной морали необходимо направлять на основе строго научных данных. Для этого принцип «эстетики поведения» может сыграть немаловажную роль. На базе четко разработанной шкалы этических уровней по их соответствию художественным вкусам можно направленно формировать мораль и морально-эстетические эталоны, используя такие средства массовой информации, как телевидение, радио, кино. Вспомним, что Герцен называл искусство школой нравственности.

Искусствоведение может почерпнуть для себя новый принцип описания и классификации стилей, согласования их с сензитивными периодами восприятия, не исключено, что можно и прогнозировать новые стили исходя из чисто внутренних, психологических возможностей человека.

Искусство может использоваться и в роли лечебного фактора. Если стили искусства выстроить в соответствии со шкалой сензитивных периодов восприятия, то в каждом конкретном случае моралепатии можно будет пользоваться комплексным, синтетическим подбором произведений и видов искусства в соответствии с зоной ближайшего эстетического развития пациента.

Перед социологией открывается возможность применить новый принцип структурного анализа общества на основе изучения групп, объединенных общими этико-эстетическими ориентациями и нормами.

Некоторые аспекты социально-психологической адаптации личности

Проблема социально-психологической адаптации стала предметом научного исследования прежде всего вследствие объективных практических потребностей общества в воспитании творческой, идейной личности. Социально-психологическая адаптация — сложное явление, связанное и с индивидуальными особенностями человека, и с позицией личности в обществе. Для адаптации личности в обществе особое значение имеют солидаризация, идентификация целей и задач личности и общества.

Мы рассматриваем социально-психологическую адаптацию как взаимодействие личности и социальной среды, которое приводит к правильным соотношениям целей и ценностей личности и группы. Адаптация происходит тогда, когда социальная среда способствует реализации потребностей и стремлений личности, служит раскрытию и развитию ее индивидуальности.

1. О социально-психологической адаптации и социализации

При изучении адаптации личности одним из наиболее актуальных вопросов является вопрос о соотношении адаптации и социализации.

В психологической литературе высказываются различные мнения о соотношении этих понятий. По мнению В. И. Войтко, социализация включает в себя адаптацию. «Это понятие потому и было введено в категориальный аппарат научного описания взаимодействия личности и общества, что является более емким и адекватным, чем адаптация»¹. Мы согласны с В. И. Войтко в том, что со-

¹ *Войтко В. И.* Научно-техническая революция и проблемы социализации личности в социалистическом обществе. — В кн.:

циализация и адаптация личности — близкие понятия, характеризующие единый процесс взаимодействия личности и общества, а также в том, что понятие социализации шире понятия адаптации. Однако мы против тенденции к употреблению их как синонимов.

Часто социализация связывается только с общим развитием, становлением личности, а адаптация — с приспособительными процессами уже сформированной личности, когда последняя сталкивается с новыми условиями общения и деятельности. «Понятия адаптации и социализации существенно различаются по содержанию. Первое выражает приспособление, приноравливание человека к новым для него условиям предметной деятельности... второе выражает процесс становления личности»². Но в настоящее время человек постоянно сталкивается с новыми условиями деятельности и общения. Изменяющиеся условия жизни требуют не столько «приноравливания», «приспособления» к ним, сколько развития личности, обогащения человеческой индивидуальности в соответствии с тенденциями в развитии общества. Перед человеком встает проблема переосмысления и переоценки своей позиции, выбора адекватной линии поведения и самосовершенствования в соответствии с меняющимися условиями и т. д. Таким образом, процесс социально-психологической адаптации не может быть отделен от развития личности, ее становления. Напротив, он теснейшим образом связан с гармоническим развитием индивидуальности.

Однако в отличие от социализации, отражающей становление личности, обусловленное в основном влиянием со стороны общества, процесс адаптации отражает в большей степени субъективно опосредованное развитие личности, соответствующее ее индивидуальным особенностям и склонностям.

Субъективная направленность процесса социальной адаптации личности подчеркивается А. М. Растовой: «Если в процессе социализации индивид в первую очередь является объектом воздействия общества, то в ходе социальной адаптации личность в большей мере высту-

Актуальные проблемы социализации личности в условиях научно-технического прогресса. Киев, 1975.

² Андреева Д. А. О понятии адаптации: Исследование адаптации студентов к условиям учебы в вузе. Человек и общество. Л., 1973, вып. 13.

пает субъектом деятельности и общения»³. На высокую степень фактора субъективности при взаимодействии личности и социальной среды в процессе социально-психологической адаптации указывали и другие авторы⁴.

Субъективной избирательности адаптации личности противостоит процесс социализации: «Понятие социализации прежде всего отражает воздействие объективного мира (общества) на развитие личности... характеризует становление личности в основном с объективной стороны, с точки зрения воздействия социальных условий»⁵.

Социализация представляет собой включение личности в систему общественных отношений, овладение ею общественно выработанными способами деятельности. Это «процесс усвоения человеческим индивидом определенной системы знаний, норм, ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества»⁶.

Таким образом, основная функция социализации — обеспечение нормального функционирования индивида в обществе. Соответствие же общественно регламентированного поведения и деятельности внутренней структуре личности, ее интересам, ценностным ориентациям, особенностям темперамента достигается в процессе социально-психологической адаптации. Социализация, при которой социальная среда не оказывается чуждой личности, обеспечивается социально-психологической адаптацией.

Процессы социализации и социально-психологической адаптации тесно взаимосвязаны. Психологические механизмы, опосредующие взаимодействие личности с социальной средой в процессе ее адаптации, в частности мотивационная структура личности, психический склад, некоторые индивидуальные особенности, формируются под воздействием социальных условий в процессе социализа-

³ *Растова А. М.* К вопросу о соотношении социализации и социальной адаптации личности. — В кн.: Труды Алтайск. политех. ин-та, Барнаул, 1974, вып. 37.

⁴ *Свиридов Н. А.* Социальная адаптация личности в трудовом коллективе. Л., 1964; *Артемов С. Д.* Социальные проблемы адаптации подростков. — В кн.: Вопросы духовной культуры советских рабочих. Свердловск, 1969, вып. 1.

⁵ *Зилченко В. Я.* О понятиях «развитие личности», «формирование личности», «социализация», «воспитание». Новосибирск, 1975.

⁶ *Кон И. С.* Социализация. — БСЭ. 3-е изд., т. 24, с. 221.

ции индивида. Социализация личности является необходимым условием адаптации индивида в обществе, в конкретном коллективе. «Социализация определяет направление развития личности в соответствии с господствующими в обществе отношениями»⁷. Социально-психологическая адаптация — один из путей более полной социализации.

Социальная адаптация человека предусматривает активную личную позицию, осознание социального статуса, а также связанного с ним ролевого поведения как формы реализации индивидуальных возможностей личности в процессе решения ею общегрупповых задач.

2. Виды и уровни адаптации личности

Адаптация личности в социальной среде включает социальную и социально-психологическую адаптацию, последняя в свою очередь осуществляется на разных уровнях — общества, трудового коллектива, непосредственного социального окружения, личностной адаптированности. Следует особо выделить уровень социально-психологической адаптации личности в коллективе.

Социально-психологическая адаптация личности неразрывно связана с социальной адаптацией, которая является одновременно и условием, и показателем ее успешности.

Различные аспекты социальной адаптации личности достаточно подробно разработаны. Н. А. Свиридов выделяет объективную основу процесса социальной адаптации личности в коллективе — обмен деятельности на основе определенного разделения труда⁸.

Социальная адаптация имеет классовый характер. Социалистической формации свойственно соответствие потребностей и устремлений личности целям и задачам общества, что обуславливает прогрессивный характер адаптации. Оптимальная адаптация личности в социальной среде даже при наличии объективных предпосылок требует активной реализации. Найти оптимальные формы и раскрыть механизмы адаптации личности применительно к конкретным социальным условиям — одна из задач социальной психологии.

⁷ Расова А. М. Указ. соч.

⁸ Свиридов Н. А. Указ. соч.

В антагонистических обществах при отсутствии объективных предпосылок для гармонического соответствия в развитии личности и социальной среды возможно либо приспособление человека к неблагоприятным социальным условиям, либо установление соответствия между внутриличностными и социальными факторами путем социальных изменений окружающей действительности. По нашему мнению, приспособление человека к условиям существования, ведущее к распаду, разрушению личности, следует рассматривать как ее неадаптированность.

Положение о том, что существует адаптация личности на уровне общества, не является общепризнанным. Так, А. И. Растова связывает эти явления с масштабом взаимодействия личности и макро-, и микросоциальной среды, когда социальная адаптация осуществляется в строго определенных рамках соответствующей общности, в непосредственном социальном окружении. Поскольку принадлежность индивида к макросреде реализуется в конкретных условиях непосредственного социального окружения и поскольку указываемые автором средства реализации явлений социализации и социальной адаптации на макро- и микроуровнях (усвоение социального опыта, навыков деятельности, интернализации норм, позиций, установок, ценностных ориентаций) оказываются идентичными, постольку критерий соотносительности явлений социализации и социальной адаптации с макро- или микроуровнем взаимодействия со средой не представляется оправданным. Человек может усвоить и использовать образцы и шаблоны поведения и деятельности, характерные для конкретной общности, но внутренне не принимать и не одобрять их. Он может иметь высокий статус в малой группе, в своем ближайшем социальном окружении и в то же время не достичь органического единства с макросредой, не интегрироваться с ней. Вероятно, имеет смысл говорить еще и об адаптации личности не только в микросреде, но и в масштабе макросреды, на уровне всего общества.

Адаптация не случайно определяется включением личности в социальную среду. Человек может выступать активным участником общественной жизни или только ее наблюдателем. Примером неадаптированности личности на уровне общества, отрешенности и безразличия к социальной стороне своего существования может быть герой по-

вести А. Камю «Посторонний»⁹. Посторонний — человек, сам исключивший себя из общества, «существо пост-гражданское, из которого как бы «вычтен» член общества, семьи, клана». Это дезинтегрированное, аморфное существо, безразличное к собственному социальному и личному статусу. У него утрачены устойчивая иерархия потребностей, социальные факторы, регулирующие и контролирующее поведение. Своими эстетическими наслаждениями, органическими «хотениями», константным состоянием блаженной раскованности он уже не способен управлять. Будучи по природе человеком эмоциональным, «художественной натурой», Посторонний постепенно деперсонализируется — лишается способности к собственно личностным переживаниям и чувствам. Он не способен эмоционально пережить ни смерть своей матери, ни тяжесть собственного поступка — убийства человека. Поведение Постороннего теряет атрибут субъективности, становится результатом различных влечений — приятности купания, шума улицы, красок закатного неба. Посторонний испытывает чувство страха перед следователем, но не из-за боязни наказания (оно ему безразлично). Этот страх перед человеком — свидетельство крайней социальной незрелости, неадаптированности, субъективной невключенности в систему человеческих отношений. На этом примере можно увидеть и различия в явлениях социализации и адаптации личности. Посторонний выполняет свои социальные функции, ходит на работу, выполняет задания, но субъективно он не включен в эту сферу жизнедеятельности, она для него не существует. Посторонний социализирован, но не адаптирован в данной социальной среде, причем у него отсутствует личностная адаптация именно на уровне общества.

Посторонний убивает почти неизвестного ему человека фактически из-за неумения справиться со своим сиюминутным физическим состоянием (ощущением нестерпимой жары). Он совершает это убийство неадекватно ни ситуации, ни своим намерениям, хотя и известным в обществе способом — выстрелом из пистолета.

Отрешенность от общества, социальная дезадаптация приводят к духовной гибели человека. Следствием его субъективной невключенности в общественную жизнь с ее

⁹ Камю А. Избранное. М., 1969.

проблемами и интересами являются чувства пустоты, тревоги, бессмысленности бытия, чувство отчаяния, потеря контроля над собственным поведением, характерные для «потерянных поколений».

Примером полной социально-психологической адаптации личности на уровне общества являются жизнь и творчество Николая Островского, послужившие прообразом судьбы героя его произведения Павла Корчагина. Обездвиженный, прикованный к постели и лишенный зрения человек оставался активным участником общественной жизни, создателем нового общества. Труд во имя общественно полезных целей и идеалов делал Островского глубоко счастливым именно в силу его сопричастности общему великому делу.

Социальная направленность, концентрация внимания не на собственной личности, не на узко индивидуальных интересах, но на более широких общественных целях рассматривается рядом авторов как атрибут психологического здоровья человека¹⁰.

Личность утверждает себя в той сфере общественных отношений, которую она воспроизводит в собственной деятельности. Общественно значимая деятельность, участие в решении актуальных задач современности, солидаризация с ценностями общества — необходимые предпосылки существования индивида как личности и важнейшие факторы его социально-психологической адаптации на уровне общества.

Вопросы социально-психологической адаптации личности в коллективах и малых группах представлены в психологической литературе наиболее полно¹¹.

Мы полагаем, что адаптация личности в коллективе как ее самоопределение на основе наиболее существенных особенностей индивидуальности обеспечивает прочность вхождения человека в данный коллектив. Коллектив, зная сильные и слабые стороны своих членов, способен поддерживать человека или опереться на него в критических си-

¹⁰ *Анцыферова Л. И.* Психология самоактуализирующейся личности в работах Абрагама Маслоу. — *Вопр. психол.*, 1973, № 4.

¹¹ *Селиванов В. И.* Взаимоотношения в малых группах и волевая активность личности: Материалы III Всесоюзного съезда Общества психологов СССР. М., 1968, т. 3, вып. 1; *Парохин В. Н.* Социально-психологические исследования личности и группы в условиях отрыва от адаптационной среды. Л., 1973; *Растова А. М.* Указ. соч.; *Свиридов Н. А.* Указ. соч.

туациях. Это усиливает жизнеспособность всего коллектива и уверенность, защищенность каждого из его представителей. В коллективной деятельности и общении человек утверждает свою индивидуальность и интегрируется с группой.

Внутриличностная адаптация рассматривается как сбалансированность внутренней структуры личности. Отсутствие адаптации приводит к «аффектам неадекватности», способствует возникновению различных комплексов и требует включения защитных механизмов¹². Внутригрупповая адаптация согласованности, четкой скоординированности и слаженности действий — в единстве способов мышления, в принятых личностью и разделяемых всеми членами группы ценностных ориентациях, нормах, а также в наличии внутригруппового согласия, способствующего высокому уровню интуитивного взаимопонимания. Высший уровень адаптации на групповом уровне — это адаптация внутриколлективная. Группа выступает как коллектив: единство ценностей, норм и отношений обеспечивает достижение общественно полезных целей.

3. Некоторые подходы к изучению адаптации личности в группах

Социально-психологическая адаптация — одно из условий развития индивидуальности. Наличие же устойчивых черт индивидуальности может служить одним из косвенных показателей успешности адаптационного процесса, во всяком случае на внутриличностном уровне. Однако в некоторых случаях именно индивидуальность может препятствовать адаптации личности в той или иной группе, поэтому одного этого показателя недостаточно. Очень важную роль здесь играют механизмы утверждения, развития индивидуальности в социальной среде, в определенном коллективе или группе.

Мы предприняли экспериментальное исследование некоторых аспектов адаптации личности в группе. Пред-

¹² Снегирева Т. В. Понятие приспособленности и проверка на валидность шкалы приспособленности. — В кн.: Социально-психологические проблемы формирования личности и учебно-воспитательного коллектива. М., 1975; Юфорова Т. И. Поведение аффективных детей в конфликтных ситуациях. — *Вопр. психол.*, 1975, № 2.

мет нашего исследования — самоопределение личности в группе. За показатель самоопределения принималась степень соответствия самооценки личности и оценки ее группой по значимым с точки зрения ведущей деятельности способностям и качествам характера. При этом учитывалось, что чем однороднее характеристика конкретного человека, данная группой, и чем больше она соответствует его самооценке, тем лучше знает группа индивидуальные его особенности и тем естественнее положение человека в данной группе.

В экспериментах приняли участие учебные группы вуза. Основным методическим приемом исследования был метод взаимных характеристик. Членам группы предлагалось оценить друг друга по двум рядам показателей: 1) способности, методы и средства умственного труда; 2) личностные качества. Кроме того, каждый опрашиваемый должен был оценить по тем же параметрам и самого себя (введение самооценки повышает субъективную требовательность личности к оценке других и дает материал для сопоставления самооценки личности с оценкой ее окружающими по значимым для них качествам). Группе испытуемых выдавались таблицы: с левой стороны печатался список параметров, по которым производилась оценка, а сверху — список учебной группы, участвовавшей в исследовании. Оценка производилась по 3-балльной системе. В исследуемых группах был проведен еще и социометрический опрос. Обработка результатов производилась простым подсчетом баллов, соответствующих самооценке и средней оценке каждого испытуемого по всем параметрам, затем производилось сопоставление оценок и самооценок каждого испытуемого.

Всех опрашиваемых в соответствии с самооценкой можно разделить на три группы: 1) положительно оценивающие свои качества; 2) неопределенно оценивающие свои качества; 3) дифференцированно подходящие к оценке своих качеств. Сопоставление самооценки групп со шкалой авторитета, составленной по результатам социометрического опроса, показало, что испытуемые первой группы имеют наиболее высокий социометрический статус, испытуемые второй и третьей групп размещены на разных уровнях шкалы авторитета. По разности между средней величиной оценки группой каждого из ее членов и самооценкой индивида был обнаружен значитель-

ный разброс данных от завышенных до заниженных самооценок по сравнению с оценками группы. В целом наблюдалась тенденция к занижению самооценки по сравнению с оценкой группы, что может служить косвенным показателем доброжелательности, расположения ее членов друг к другу.

По данным социометрического опроса для каждого исследуемого были вычислены соотношения сделанных и полученных выборов, свидетельствующих о степени удовлетворенности или неудовлетворенности потребности в общении. Было обнаружено, что опрашиваемые с высоким (от 1,3 до 3,5) значением этого отношения, т. е. с высоким индексом неудовлетворенности потребности в общении, отличаются либо сильно заниженной, либо завышенной самооценкой в сравнении с оценкой группы. Было обнаружено и то, что индивиды, находящиеся в центре шкалы, т. е. давшие самооценки, близкие к оценке их группой, имеют более низкие значения отношения сделанных и полученных выборов.

Можно предположить, что индивиды с самооценкой, неадекватной оценкам, вынесенным группой, имеющие высокие индексы неудовлетворенности потребности в общении, оказываются наиболее неадаптированными внутри своих групп, еще не сумевшими достичь самоопределения в этих группах, утвердить свою индивидуальность.

Самоопределение личности в группе, адекватность самооценки являются важными условиями эмоционального здоровья личности, ее целенаправленного развития.

В настоящей статье мы оценивали лишь качества личности, нейтральные относительно адаптационных особенностей. Но параметрами, по которым производится оценка, могут быть непосредственные референты адаптированности личности, такие качества, как легкость вхождения в новые коллективы, быстрое определение своего места в совместной деятельности, своей роли в новом коллективе, умение быть правильно понятым, знание сильных и слабых сторон своего характера и учет их при выборе содержания и методов деятельности, предварительное планирование деятельности и умение действовать согласно намеченному плану, умение в разнообразных условиях находить возможности для проявления своих способностей и интересов — таких, как организованность, уверенность, активность и другие.

Представляет интерес экспериментальное исследование внутриколлективной, внутригрупповой адаптации, существенными составляющими которой являются наличие внутригруппового согласия, разделяемых всеми норм, оценок, мнений, способствующих высокому уровню интуитивного взаимопонимания. К средствам адаптации в данном случае относятся имитационные действия индивидов и соответствующие способности, для выявления которых была использована методика В. П. Зинченко¹³. В исследовании, состоящем из двух заданий, участвовали две учебные группы выпускников вуза. В первом задании испытуемым предлагалось оценить организаторские способности друг друга, проставив оценки по трехбалльной шкале; во втором — испытуемые должны были определить, как ответил на вопрос первого задания каждый член группы. Матрица из двух списков фамилий заполнялась сверху вниз.

Результаты обрабатывались следующим образом: по ответам на первый вопрос составлялась контрольная матрица, соответствовавшая фактической взаимооценке группой организаторских способностей друг друга. С ней сравнивались матрицы-ответы на второй вопрос, представляющие имитацию суждений членов группы друг за друга. Степень совпадения индивидуальных и контрольной матриц отражала особенности имитационных способностей личности. Обработка результатов позволила выделить три группы испытуемых: обладающих имитационными способностями в наибольшей степени, не обладающих ими и промежуточную группу. Эти результаты были сопоставлены с показателем успешности обучения — средним баллом за все время обучения в вузе. В группу лиц, не обладающих способностями, попали студенты с наиболее низким средним баллом, т. е. слабоуспевающие. В первую и вторую группы вошли лица и с высокой, и с низкой успеваемостью. Причем все отличники попали в группу с неопределенными способностями (промежуточную), а в группу с ярко выраженными имитационными способностями попали три человека с очень низкой успеваемостью. В целом наблюдается тенденция совпадения показателей имитационных способностей и успешности обучения. Это согласуется с имеющимися в литературе

¹³ Эргономика: Принципы и рекомендации. М., 1974, вып. 3.

данными о том, что наличие способности к рефлексии связано с хорошей успеваемостью студентов¹⁴. Несовпадения имитационных способностей и успеваемости можно объяснить тем, что неустойчивость положения в группе, вызванная слабой успеваемостью, обуславливает повышенную чувствительность к межличностным отношениям и более высокую степень их осознанности, в то время как индивиды с высокими интеллектуальными показателями и устойчивым положением в учебной группе мало интересуются межличностными отношениями и хуже их осознают.

Учебные коллективы объединены не столько единой целью групповой деятельности, сколько одинаковыми целями совместного труда, поэтому особенно выраженной внутригрупповой адаптированности в них может не быть.

Предметом дальнейшего исследования стало выявление способности к имитации рассуждений относительно принятия решения другим человеком, т. е. в ситуации, когда внутригрупповая адаптация, «функциональная солидаризация» особенно значимы. Условие успешности такой имитации — выделение и анализ личностных особенностей человека, принимающего решения.

Методика включала два задания. В первом испытуемым предлагалась задача, соответствующая профилю их реальной практической деятельности и представляющая проблемную ситуацию. Испытуемый должен был выбрать одно из двух возможных решений в этой ситуации, причем этот выбор определялся личностными качествами испытуемых (исполнительности — инициативности, осторожности — рискованности и т. д.). Во втором задании испытуемым выдавались бланки со списками всех членов группы и предлагалось проставить против фамилии каждого тот вариант решения, который, по их мнению, он выбрал. Обработка результатов (подсчет правильных предположений) выявила две полярные группы — получивших максимальное количество правильных ответов и получивших большинство ошибочных ответов. Промежуточная группа была весьма малочисленной. Полярность результатов свидетельствует об адекватности методики иссле-

¹⁴ *Вовчик-Блакитна М. В.* Некоторые индивидуально-психологические особенности хорошо успевающих студентов. — Советская педагогика, 1972, № 2.

дуемым в контексте проблемы адаптации качеств личности.

Условием и результатом адаптации личности является сформированность социально- и профессионально-значимых средств общения, поведения и деятельности, принятых в обществе и поддерживаемых в нем, с помощью которых личность могла бы реализовать свои внутренние тенденции, потребности, склонности, т. е. проявлять себя в социальной среде и самоопределяться в ней.

Необходимый уровень сформированности средств общения, поведения и деятельности главным образом и выделяется при определении понятия адаптации¹⁵. Один из факторов социально-психологической адаптации — сформированность «социально-адекватных способов реализации эмоциональных состояний»¹⁶. Выработка в новых условиях адекватных методов и способов поведения и деятельности — необходимая предпосылка успешности адаптации личности и продуктивности ее труда.

Адаптация личности обеспечивается активной регуляцией собственного поведения и деятельности в процессе взаимодействия с социальной средой и зависит от сформированности волевых, интеллектуальных и моральных средств такой саморегуляции. Саморегуляция личности, зависящая от регуляторных действий и способностей, тесно связана с успешностью деятельности и имеет большие индивидуальные различия¹⁷.

Значимые для адаптации личности способности саморегуляции, интеллектуальные, моральные, волевые действия, проявляясь в сферах общения, поведения и деятельности, функционируя в процессе решения встающих перед личностью задач, при преодолении трудностей закрепляются как устойчивые качества личности и входят в структуру характера, определяя ее своеобразие и индивидуальность.

¹⁵ Педагогика высшей школы. Ростов на/Д., 1972; Брудный В. И. Адаптация студентов младших курсов вуза: Из опыта работы технических вузов юга Украины. М., 1975.

¹⁶ Полис А. Ф. Человек и проблема психической саморегуляции: Комплексное изучение человека и формирование всесторонне развитой личности. М., 1975.

¹⁷ Юркевич В. С. Саморегуляция как фактор общей одаренности. — В кн.: Проблемы дифференциальной психофизиологии. М., 1972, вып. 7.

Степень сформированности адаптационных механизмов обеспечивает условия для развития индивидуальности. Сформированные в процессе жизнедеятельности адаптивные механизмы переходят в область автоматизированных навыков, привычек, подсознательных регуляторов поведения, причем переход в область подсознания происходит без снижения регулирующей функции¹⁸. Это открывает практически неограниченные возможности для развития индивидуальности.

Необходимой предпосылкой успешности процесса социализации личности является опосредованность социально-психологической адаптации индивидуальными особенностями человека. Адаптация личности в социальной среде тесно связана со становлением индивидуальности и возможностью реализации личностных установок в конкретных общественных условиях.

¹⁸ *Милославова И. А.* Адаптация как социально-психологическое явление. — В кн.: Социальная психология и философия. Л., 1973, вып. 2.

Социально-экологические переменные в системе регуляции неадаптивного поведения

Очевидно, нельзя адекватно объяснить различные формы поведения людей, отвлекаясь от той сложной многомерной социально-природной среды, в которой это поведение осуществляется. Характер основных подсистем социальной среды, особенности социально-экологических региональных типов, их влияние на поведение и социально-психологические последствия этого влияния имеют существенное значение для формирования механизмов различных видов социального поведения.

Влияние экологических факторов на социальное поведение и общение людей можно для начала проиллюстрировать лишь одним примером. В ряде исследований ставился вопрос о влиянии пространственных факторов вообще и плотности городского и сельского населения, в частности, на формы и содержание общения между людьми и, следовательно, на тип субкультуры. Признано, что на селе значение территориальной близости для контактов и общения между людьми значительно больше, чем в городе. Особенно велико значение территориальных контактов в так называемых безлюдных местах, в необжитой зоне. Как отмечает, например, А. Баранов, «в старом деревенском обществе... большинство социальных контактов могло быть осуществлено только при непосредственной (территориальной) близости... обычная встреча в городе не дает почти никаких оснований для установления знакомства, она ничего не значит, тогда как в местности, где люди и встречи — редкость, пространственная близость существенна для человеческих взаимоотношений...»¹. Естественно, что при изучении механизмов ре-

¹ Баранов А. Общение по месту жительства и соседство. — В кн.: Социологические исследования города. М., 1969, с. 20—21.

гуляции социального поведения возникают вопросы: какую роль играют характеристики среды в неинституционализированной и юридически нерегламентированной системе социальной регуляции поведения? Как в эту систему регуляции включаются экологические переменные?

1. Проблема учета социально-экологических факторов при изучении социального поведения

В самом общем виде воздействие на человека окружающей его среды, т. е. взаимосвязь «человеческой», социальной экологии² и поведения общности и ее членов, можно представить себе как взаимодействие различных групп и личностей и нескольких основных средовых систем: экосистемы, биосистемы, ряда социальных систем — экономической, демографической, культурной, политической и социальной. Эти средовые системы и составляют вместе реальную социальную экологию — те внешние по отношению к личности и группам компоненты среды, которые влияют на их поведение. Несомненно, наиболее существенное регулятивное воздействие на поведение члена общества оказывают политическая и социальные системы общества. Хотя анализ их влияния выходит за рамки изучения собственно экологической обусловленности поведения человека, их учет всегда необходим при рассмотрении всех аспектов проблемы.

² Понятие «экология» было сформировано в естественных науках для описания отношений между отдельным организмом и средой (собственно *ecology*), а также отношений между различными группами и средой (*synecology*). В социальных науках это понятие ограничено синэкологией, т. е. изучением отношений между группами (или популяцией) и окружающей средой, особенно физической средой (определение экологии см.: *Одум Ю.* Основы экологии. М., 1975; *Dictionary of Social Science.* N. Y., 1964, p. 215).

В широком смысле «человеческая», или, что нам кажется более точным, социальная, экология как научная дисциплина — это исследование взаимодействий и взаимоотношений между человеческими группами (или общностями) и их средой (не только природной). Именно в этом широком смысле мы и будем употреблять в настоящей статье термин «социальная экология» для обозначения комплексной дисциплины. Термин этот также употребляется для обозначения комплекса факторов среды, ее различных подсистем (см. далее в тексте). В последнем случае мы не выделяем его кавычками.

При экологическом анализе ставится вопрос о том, что тот или иной вариант регионального функционирования комплексной социально-экономической системы имеет различные социальные и социально-психологические последствия для проживающих в данном регионе людей.

Советские ученые всегда придавали большое значение факторам среды в детерминации поведения. При этом они выступали против биологизации, психологизации и чрезмерной социологизации при интерпретации различных форм социального поведения. Так, В. В. Фролькис³, Б. Л. Петраков⁴ и другие подчеркивали необходимость комплексного, системного подхода и опасность кренов в сторону только биологического или социального фактора. Следует отметить также большое число работ советских авторов в области экономических и демографических исследований регионов, в которых затрагивались вопросы влияния экономических и демографических средовых факторов на поведение членов общности⁵.

«Социальная экология» как комплексная научная дисциплина усиленно развивается за рубежом, особенно в последние десятилетия. Работы большинства авторов по социальной (или человеческой) экологии, основные данные которых приведены, например, в книге «Человеческая экология»⁶, посвящены в значительной степени социальной типологии исследуемых территорий, общин или городов. Но фактически в этих типологиях к сугубо экономическим критериям лишь добавляются еще некоторые демографические характеристики. При исследовании со-

³ Фролькис В. В. Старение и биологические возможности организма. М., 1973, с. 16.

⁴ Петраков Б. Д. Психическая заболеваемость в некоторых странах в XX веке. М., 1972, с. 161.

⁵ См., в частности: Некрасов Н. Н. Региональная экономика. М., 1975, с. 25; Сергеева Г. П. Некоторые аспекты использования женских трудовых ресурсов. — В кн.: Территориальные особенности формирования рациональной занятости населения. М., 1973, с. 29—58; Хорев Б. С. Исследование функциональной структуры городских поселений СССР (в связи с задачей их экономико-географической типологии). — В кн.: Вопросы географии. М., 1965, сб. 66; Социально-экономические проблемы экологии (Тезисы сообщений). М., 1975; Алампиев П. М. Экономическое районирование СССР. М., 1959; Брак и семья. Демографический аспект. М., 1972; Модели и методы исследования социально-экономических процессов. М., 1975; и др.

⁶ Studies in Human Ecology/ Ed. G. A. Theodorson. Evanston, 1961, p. 630.

циальных движений, политических институтов, антиинституциональной политической и религиозной активности (последняя в буржуазной социологии относится к отклоняющемуся поведению) были разработаны также критерии для выделения социально-однородных зон и регионов. В 60-х и 70-х годах проблемами социально-политической типологии и классификации усиленно занялись в связи с прогнозированием поведения на выборах. В целом методологический подход, характерный для попыток типологического анализа в работах этого направления, сводится к признанию непосредственной детерминации социального поведения функционированием региональных подсистем: демографических, экономических, политических и т. д.

То, что в данной статье рассматривается как «социальная экология», не тождественно упомянутым концепциям «социальной» или «человеческой экологии», но отлично и от экономико-демографического подхода, и от «культурной экологии».

Социально-экологическое исследование предполагает изучение вертикальной и горизонтальной стратификации (распределения) носителей какого-либо поведения, т. е. распространение поведения по социально-экологическим нишам: по регионам, по слоям и группам (этническим, политическим, религиозным, социальным, профессиональным, половозрастным, образовательным), а также изучение факторов среды, влияющих на динамику того или иного вида социального поведения.

Необходимо учитывать, что при выборе индивидом варианта поведения на него оказывают влияние по крайней мере три компонента среды: 1) культура, т. е. внутренне усвоенные им нормы, ценности, моральные установки, а также нормы и ценности, преобладающие в его микроокружении; 2) различные источники напряженности жизненной ситуации — стрессовые факторы, предъявляющие иногда повышенные требования к его адапционным способностям (потенциалу адаптации); 3) обстоятельства сугубо «технического» порядка — физические и социальные условия, необходимые индивиду для интеграции с себе подобными.

Факторы культуры соотносятся с факторами напряженности или стрессовости ситуаций определенным образом: напряженность ситуации может быть одинаковой

у разных слоев или разных регионов, тем не менее способ, которым индивиды реагируют на эту ситуацию, в значительной мере зависит от усвоенной ими культуры. Это в свою очередь означает, что варианты отклонений, характерные для регионов, зависят от типа доминирующей здесь субкультуры, в то время как изменения интенсивности отклонений в большей мере будут зависеть от источников напряженности. Источниками напряженности объясняются и региональные различия в социальном и демографическом составе отклоняющихся.

Для интерпретации региональных различий в социальном поведении и, специально, в отклоняющемся мы используем три наиболее значимые группы переменных. К ним относятся: 1) показатели, косвенно характеризующие культуру данного региона: прежде всего накопленные знания, профессиональный и квалификационный опыт (потенциал), с одной стороны, и преобладающие нормы и ценности, стереотипы поведения, моральные установки — с другой. Необходимо отметить, что эти аспекты культуры развиваются достаточно автономно и высокие показатели первого, например высокий уровень образования, связаны с высокими показателями второго — степенью адекватности (принятым нормам) и характером социализации населения — не строго пропорционально; 2) показатели, характеризующие дополнительные адаптивные нагрузки, вызываемые региональной средой и являющиеся источниками напряженности или стрессовых ситуаций; 3) набор переменных, который характеризует барьеры физической и социальной среды (препятствия для общения), необходимые для объяснения распространности ряда форм социального поведения, особенно группового. Такими препятствиями могут быть, например, географические факторы (горы, реки, леса) или факторы форм расселения (хутора, малонаселенность и распыленность поселений и т. д.). Барьером социальной среды часто выступает гетерогенность населения, особенно проживание группы меньшинства среди группы большинства с противоположными социальными, экономическими или культурными позициями и установками.

Мы ограничиваемся в данной работе узкой целью — поставить проблему влияния социально-экологического комплекса на социальное поведение населения как популяции, т. е. статистической совокупности индивидов. По-

ведение в этих случаях можно считать спонтанным, а все население региона можно рассматривать как статистическую совокупность, а не как иерархически упорядоченные группы. К таким формам поведения можно отнести широкий круг явлений, начиная с социально-профессиональной активности (например, подача рационализаторских предложений или мобильность по месту работы) и кончая различными формами потребительского поведения, моды, отклоняющегося поведения и т. д.

Из различных форм социального поведения статистических совокупностей индивидов мы будем рассматривать лишь так называемое отклоняющееся поведение, т. е. поведение, не соответствующее принятым в обществе или группах нормам и ценностям. Эта форма поведения интересна потому, что статистические данные о ней доступны для первичной и вторичной статистических обработок, позволяющих выявить некоторые существенные зависимости между социально-экологическими характеристиками и поведением.

В данной работе мы рассматриваем не результаты анализа конкретного эмпирического материала о взаимосвязи переменных социально-экономической среды и поведения населения, а общую теоретическую схему относительно природы этой взаимосвязи.

2. Специфика макроуровневого анализа неадаптивного (отклоняющегося) поведения

Формы социального поведения весьма разнообразны. Они обусловлены средовыми факторами, но и сами оказывают влияние на устойчивость и функционирование основных экологических систем. Некоторые формы социального поведения подчас нарушают равновесие экосистем, вызывают в них изменения (к таким формам и относятся различные виды отклоняющегося поведения). Другие формы поведения, напротив, способствуют сохранению стабильности, равновесия систем. Это, как правило, присуще институциональному поведению, но также и некоторым специфичным формам отклоняющегося поведения (например, включенного в «ретретистскую субкультуру»).

Первое условие, предваряющее поиски факторов и переменных среды, благоприятствующих распространению изучаемого поведения, состоит в том, что мы должны оп-

ределить, к какому типу оно относится, каково его место в общей типологии видов социального поведения. В зависимости от того, какой именно тип исследуется, меняются и компоненты среды, влияющие на его характер. За динамику одних форм более «ответственны» социальные или экономико-демографические условия. Другие формы в большей степени обусловлены биоэкологическими или культурными факторами среды.

Поскольку нас интересуют только полярные состояния системы — сохранение равновесия или нарушение стабильности, т. е. некоторая условная дихотомия состояний отдельных «блоков» социально-экологического комплекса, то соответственно и различные формы социального поведения мы можем представить также в виде дихотомии — как адаптированное поведение и неадаптированное, или отклоняющееся. Не всякое отклоняющееся поведение, а лишь определенное по степени интенсивности и характеру ведет к нарушению равновесия в тех или иных подсистемах. Мы будем рассматривать лишь те формы отклонений, которые в конечном счете нарушают равновесие в системах (т. е. обратимся к условной дихотомии поведения, нарушающего равновесие или сохраняющего его).

Факт наличия определенных устойчивых региональных стереотипов поведения и вариантов отклонений, с одной стороны, и примерно идентичные между собой социально-экономические и прочие характеристики регионов с одинаковыми вариантами отклонений либо с одинаковым социальным составом отклоняющихся — с другой, заставляют многих исследователей искать причинное объяснение отклонений в воздействии конкретных факторов среды⁷.

Однако задачу исследования региональных особенностей поведения членов общности вряд ли можно представить как изучение простой функциональной зависимости.

Поведение человека детерминировано средой не непосредственно, а через сложную систему опосредующих факторов социокультурного характера (ценностей, норм и т. д.). Оно обусловлено не только внешней средой, но определенной иерархической системой его потребностей и

⁷ Проблемы конфликтной и ретретистской субкультуры, а также экологического анализа отклоняющегося поведения подробно рассматриваются, в частности, в кн.: Социология преступности. М., 1966.

интересов. Действие этих личностных переменных проявляется, например, в том, что не только социальные условия, специфичные для данного экологического комплекса, предрасполагают к определенному виду отклоняющегося поведения, но и человек с определенными установками на отклоняющееся поведение выбирает социально-экологические комплексы, соответствующие системе его ценностей, потребностей, интересов.

Одна из основных гипотез при изучении связей социальной экологии и поведения заключается в том, что существует определенное «сродство» между региональными экологическими комплексами и характеристиками «среднестатистического» индивида.

При анализе воздействия социально-экологических характеристик на поведение (как и при социологическом исследовании последнего) не моделируется индивидуальное поведение. Предметом изучения являются особенности не отдельного индивида (биологические, психологические, социальные, моральные), а общности в целом как некой совокупности. Следует подчеркнуть, что рассматривается социально-культурная общность как совокупность личностей и групп с определенными нормами, ценностными предпочтениями, стереотипами поведения, мышления и т. д. При подобном анализе исследуется поведение достаточно больших статистических совокупностей индивидов, массовое поведение, хотя оно и описывается в терминах поведения «типического» или «среднестатистического» индивида.

Общий метод выделения значимых социально-экологических переменных при изучении различных форм социального поведения — предварительное изучение на эмпирическом статистическом материале вертикальной и горизонтальной стратификации «носителей» исследуемой формы поведения. При этом устанавливается, какие слои населения и какие социально-экологические регионы являются преимущественными «носителями» исследуемой формы поведения. Отыскав, например, наиболее значимые источники напряженности ситуации для наиболее «типичного» носителя (типичный социальный слой и типичный регион) и косвенно определив наиболее характерные для данного слоя особенности субкультуры — ценности и нормы, можно построить социальную типологию регионов только с учетом этого показателя функционирования со-

циально-экологического комплекса. Таким же путем можно выделить регионы, однородные по другому социальному показателю (другой форме социального поведения), причем не на основе формального сходства в интенсивности отклонения, а на основе действия одинаковых факторов, ибо, как показывают эмпирические данные, одинаковая интенсивность отклонения может быть вызвана разными причинами. Построив типологии для нескольких форм социального поведения, можно найти общие закономерности для всех форм поведения, относящихся к определенной форме субкультуры.

Когда рассматривается макроуровень и выделяются характеристики среды, значимые для поведения, то имеются в виду только характеристики, доминирующие в регионе. Условно можно считать, что эти характеристики значимы (если не присущи) для каждого «статистически среднего» индивида, хотя отдельные индивиды могут и не быть носителями этой характеристики.

Необходимо также проверить «репрезентативность» выбранной переменной, т. е. установить, для какого числа лиц или процента населения данного региона может быть присуща или значима данная переменная. Необходимо соблюдение определенной «критической массы», достижение которой может служить основанием для того, чтобы предположить, что та или иная характеристика присуща каждому «статистически среднему» индивиду. (Иногда достаточно, чтобы какая-то характеристика была присуща 50% членов общности. В других случаях исследуемая характеристика должна наблюдаться не менее чем в 75% случаев. Это определяется в конкретной ситуации.) Важно в принципе не упускать из виду «количественный эффект» воздействия доминирующей характеристики или доминирующей субкультуры на поведение членов общности. Один из возможных вариантов такого эффекта был рассмотрен Р. Мертоном при изучении им отклоняющегося поведения. Мертон⁸ проследил, как меняется внешнее поведение индивидов в зависимости от количественного соотношения в группе аномиков и неаномиков.

Хотя иногда не так просто установить количественные

⁸ *Merton R. K. Anomie, Anomia and Social Interaction. Context of Deviant Behavior.* — In: *Anomie and Deviant Behavior: A Discuss and Critiques*/Ed. M. B. Clinard. Glencoe, 1964.

границы, начиная с которых можно полагать, что данная характеристика определяет «социум» (доминирующий социально-психологический климат, доминирующую «субкультуру»), однако определение характеристик региона, значимых для поведения большинства проживающих в нем лиц, методологически очень важно, так как при наличии данных о «критической массе» следует учитывать эффект действия выбранной характеристики на всех членов общности.

При интерпретации региональных вариаций отклоняющегося поведения следует учитывать, что отклоняющееся поведение обусловлено (со стороны экологического комплекса) не основными функциями социальных подсистем, а определенными дисфункциями этих подсистем, например неадекватным социальным контролем, диспропорциями демографической структуры, преобладанием в данном регионе тяжелого физического труда, отсутствием условий для нормального функционирования института семьи и т. д. Дисфункции этих подсистем создают для индивида стрессовые ситуации, которые требуют от него повышенной способности к психологической адаптации подчас даже в течение очень длительного периода.

К числу фундаментальных социоэкологических (демографических, экономических, социокультурных) переменных, дифференцирующих одни регионы от других, переменных, крайние или нежелательные значения которых могут вызвать дисфункции в подсистемах, относится целый ряд показателей. Таковы, например, демографические показатели (плотность населения региона, распределение его по полу, возрасту, семейному положению, рождаемость, смертность и т. д.). Помимо традиционных статистических, важное значение имеют динамические показатели — стабильность населения, благоприятный или неблагоприятный демографический баланс. Существенны также экономические переменные, как преобладание определенного характера труда, что, в свою очередь, обусловлено спецификой производства или отраслей народного хозяйства данного региона, доля женщин в трудовых ресурсах, разделение труда между социальными слоями и между полами, заработная плата и ее дифференциация, наличие других источников дохода, потребление основных продуктов питания, жилищные условия, развитие сферы услуг и т. д. Большое значение имеют переменные, связан-

ные с культурой. Любые дисфункции подсистем экологического комплекса создают стрессовые ситуации.

Дисфункции в соответствующих подсистемах обусловлены изменениями основных характеристик подсистем, т. е. приобретением ими крайних или нежелательных значений. В демографической подсистеме дисфункции, например, могут возникать при нарушении нормальных демографических пропорций, отражающих соотношение в общности числа мужчин и женщин, молодых и престарелых и т. д. Эмпирические данные показывают⁹, что дисфункции демографической подсистемы могут сочетаться с нежелательными с социальной точки зрения значениями характеристик других подсистем экологического комплекса.

Различные типы дисфункций социальных подсистем в сочетании с личностной особенностью мотивации дают различные типы стрессовых ситуаций и соответственно различные типы и разновидности отклоняющегося поведения. Следует учитывать, что если человек в зрелом возрасте испытывает трудности адаптации к данному экологическому комплексу, он вынужден либо менять место жительства, либо приспособливаться к стрессовым ситуациям.

Пониженная способность к адаптации, неспособность к преодолению стрессовых ситуаций придают сознанию индивида аномичный характер, приводят к сосредоточению внимания человека на проблемах индивидуального конфликта с окружением, подавляют социальные, коллективные чувства и являются, таким образом, потенциальной психологической основой отклоняющегося поведения.

Процессы адаптации и дезадаптации имеют двусторонний характер. На одном «полюсе» взаимодействия находится интенсивность дисфункции, а на другом — способность к адаптации, которая носит не столько психобиологический, сколько социокультурный характер.

Причины и последствия пониженной адаптированности отдельных групп населения сложны и многообразны, и в нашу задачу не входит их детальный анализ. Однако

⁹ Кулапина Т. И., Самсонов Ю. В. Типологический анализ регионов и социальное поведение населения. — В кн.: Модели и методы исследования социально-экономических процессов. М., 1975.

следует отметить, что в ряде случаев неадекватному поведению, особенно отклоняющемуся, предшествует состояние острой или хронической неудовлетворенности своей жизнью у данного индивида. При определенных социокультурных и экономических условиях индивид может реализовать эту неудовлетворенность в виде отклоняющихся действий, направленных либо на себя (например, поступков, сопровождающихся ухудшением психосоматического состояния индивида), либо на других (конфликт с окружающей микро- или макросредой, например посягательства на права и здоровье личности и т. д.).

Учитывая дисфункциональный характер отклонения для общества, а также нежелательные психологические и социальные последствия его для индивида, следует обратить особое внимание на его истоки и выделить в качестве основной проблемы снятие неудовлетворенности. Неудовлетворенность может быть вызвана реальными демографическими, экономическими, социокультурными и прочими факторами, а также недостатками социализации. В социально-психологическом плане она характеризуется неспособностью человека к активной творческой деятельности, конструктивному участию в изменяющейся общественной жизни, неадекватными отношениями с людьми (особенно с представителями иной субкультуры) и т. д.

При исследовании различных типов поведения, в частности отклоняющегося, из всех связей индивида с социально-экономическими системами или внешними компонентами среды наиболее актуальными являются, во-первых, те, которые представляют собой дополнительную адаптивную нагрузку или серьезный источник неудовлетворенности и напряженности, и, во-вторых, те, которые могут быть компенсирующим средством, способом снятия неудовлетворенности. Напряженность может быть снята действиями, не выходящими за рамки одобряемых и принятых в данном обществе, но разрядка может быть достигнута и за счет отклоняющегося поведения. Индивид предпочитает такой способ компенсации неудовлетворенности, который психологически более приемлем как для него самого (например, привычней), так и для данного социального слоя или общности, проживающей в данном регионе.

Основные характеристики среды, влияющие на уровень отклонений, виды отклонений и социальный состав откло-

няющихся можно разделить на две группы переменных. Первая — это моральное состояние населения, характер и уровень социализации, преобладающий в регионе, тип субкультуры и степень ее устойчивости. Вторую группу составляют различные источники напряженности или неудовлетворенности, дополнительные адаптивные нагрузки, в частности дисфункция биоэкологической, демографической, экономической, социальной и культурной среды. Одинаковые источники напряженности, действующие на группы, различные в моральном и культурном отношениях, приводят к различным отклонениям или различной интенсивности одних и тех же отклонений.

Традиционный способ обнаружения причин отклоняющегося поведения — подсчет парных корреляций между исследуемой формой поведения и той или иной характеристикой среды. Например, если в каком-то регионе замечено, что определенных отклонений значительно больше среди одиноких, престарелых женщин, то от этих индивидуальных переменных осуществляется непосредственный переход к экологическим переменным. Подсчитываются соответственно доли женщин, престарелых и одиноких в населении региона и выясняется, снижается ли уровень этих отклонений со снижением долей этих групп или не снижается¹⁰. Такой подход в методологическом и техническом отношении¹¹ не вполне корректен по двум причинам: во-первых, отсутствует анализ роли этих характеристик как источников стрессовых ситуаций и, во-вторых, не используется качественный и системный подход к переменным, детерминирующим поведение. Прежде чем вычислять корреляции, целесообразно определить, какой социально-психологический смысл может иметь для одинокой или пожилой женщины ее проживание в среде с доминированием престарелых, одиноких женщин. Необходимо также учесть воздействия и всех остальных активных факторов детерминации отклоняющегося поведения. В противном случае игнорируется интегральный характер детерминации социального поведения.

¹⁰ *Shively W. B.* Ecological Inference: the Use of Aggregate Data to Study Individuals. — Amer. Polit. Sci. Rev., 1969, vol. 63, p. 1183—1196.

¹¹ *Szombathy Sc.* Territorial Difference of Deviant Behavior. — In: Industrialization, Urbanization and Way of Life. Budapest, 1971.

3. Характеристика региона и формы отклоняющегося поведения

В связи с тем что поведение членов любой общности теснейшим образом связано с культурой общности, особенно с нормами, ценностями, моральными установками, необходимо выделить характеристики региона, которые влияют на наиболее значимые показатели культуры. В качестве индексов, на основании которых можно косвенно судить как о типе доминирующей в регионе субкультуры, так и о степени ее устойчивости, мы используем три характеристики региона. Плотность социальной информации (1) и структура занятости (2) выступают в роли косвенных показателей культуры, а темпы экономических и социальных изменений (3) могут характеризовать степень ее устойчивости. (Несомненно, что устойчивость норм и ценностей общности зависит от стабильности условий жизни. С ростом напряженности жизненной ситуации, что в значительной мере обусловлено ускорением темпов экономических и социальных изменений, субкультура региона становится менее устойчивой.)

Первая характеристика, с которой нужно начинать деление региона на зоны, отличающиеся по субкультуре, — плотность социальной информации. С ней соотносятся характер, степень и устойчивость социализации, а также частота и характер социальных связей. (Следует подчеркнуть, что «плотность информации» имеет в кибернетике иной, несходный с социальным, смысл и количественно определенное значение.)

В то же время необходимо выделить зоны со стабильной, давней, устойчивой социализацией и с недостаточной социализацией. Эти зоны можно рассматривать соответственно как культурно освоенные и неосвоенные. Необходимо ввести характеристику, дифференцирующую их. Для обнаружения эмпирических референтов этой характеристики нужны показатели, отражающие не только частотность социальных связей, но и их характер.

Существуют различные способы измерения частоты и направленности социальных связей в советской и зарубежной социологической литературе. Однако обычно их используют для измерения социальных связей на микроуровне, в малых группах, в микрорайоне и т. д. Так, изоляция или интеграция индивидов измерялась как по

числу малых групп, с которыми реально связан индивид, так и по числу и протяженности различных транспортных путей, количеству установленных телефонов и т. д. Полное измерение на макроуровне всех связей такого рода не осуществимо.

Мы попытались найти наиболее емкий показатель, характеризующий среднюю потенциально возможную частоту социальных контактов (в статике). В качестве показателя, характеризующего плотность социальной информации, нами была выбрана плотность сельского населения. Она косвенно характеризует накопленный исторический опыт общения, уровень и давность социализации и социального контроля, частоту социальных связей, контактов между людьми и т. д.

При выборе эмпирических референтов для измерения плотности социальной информации мы учитывали следующие обстоятельства. Передача информации осуществляется через контакты между людьми, поэтому плотность социальной информации зависит прежде всего от частоты социальных контактов и, конечно, от характера этих контактов. Частота социальных контактов в современном обществе, в свою очередь, зависит от многих факторов: концентрации транспортного и коммуникационного оборудования, объема культурно-бытового и медицинского обслуживания, концентрации и размеров производственных единиц, поселений, номограммы поселений и системы расселения в целом и т. д.

Недостаточно лишь установить потенциально возможную частоту контактов между людьми. Для нашего исследования важно учесть характер контактов и содержание передаваемой информации.

Предварительный анализ эмпирических данных показал, что для максимального распространения некоторых форм социального (в том числе и отклоняющегося) поведения имеет значение не плотность населения вообще, а прежде всего плотность сельского населения, что даже крупные города (100 тыс. жителей и более) не имеют заметного влияния на карту распространения этих форм поведения, если эти города расположены в зоне с чрезмерно пониженной плотностью населения, в особенности сельского (менее десяти человек на один квадратный километр).

Итак, различительной характеристикой может быть

плотность именно сельского населения, а не плотность всего населения. Конечно, как и протяженность транспортных путей или количество телефонов, плотность сельского населения измеряет частоту социальных связей только на определенный момент времени и не может учитывать динамику культуры региона. Эти характеристики непосредственно не отражают характера и направленности социализации, преобладающие нормы и ценности и степень их устойчивости, а тем более морального состояния населения, степень устойчивости этого состояния и т. д. Однако косвенно по этим данным мы можем судить, пусть весьма относительно и условно, с какими слоями населения нам придется иметь дело.

Плотность населения, притом именно сельского, косвенно характеризует итог всего предшествующего накопленного социального опыта, предположительную максимально возможную частоту человеческих контактов и т. д.

В некоторых работах зарубежных экологов прослеживается связь между размерами и концентрацией поселений и разнообразием человеческой деятельности, дифференциацией и усложнением функций социальных объединений. Э. Харрис¹², например, полагает, что основные факторы, определяющие развитие городов, — это численность и плотность населения и темп роста численности населения.

Нам неизвестны работы, которые бы показывали влияние размера поселений, их рассредоточенности, плотности населения (в особенности сельского) и т. п. на степень «окультуренности» зоны, на характер и устойчивость социализации. Однако, как уже отмечалось, достаточная плотность сельского населения предотвращает изоляцию общности от внешнего мира, создает объективные предпосылки для социальных и культурных контактов. Существенно, что не только факторы общей экологии — природной среды (горы, реки, огромные необжитые пространства и т. д.), но и малочисленность и отдаленность поселений друг от друга могут выполнять и выполняют в социальном общении функции барьеров, источников изоляции людей, что сказывается на характере экономической зоны и ее субкультуре.

¹² *Harris Ch. D. Cities of the Soviet Union. Studies in Their Functions, Size, Density, and Growth. N. Y., 1970, p. 11.*

Второй существенный социально-экологический показатель, косвенно характеризующий плотность социальной информации, — удаленность от обжитой зоны.

Как и первый показатель при определенном его значении (пониженная плотность сельского населения), повышенная удаленность от обжитой зоны играет функциональную роль барьера в общении между людьми, снижает частоту социальных контактов, уменьшая тем самым объем передаваемой социальной информации и социального опыта, препятствует адекватной социализации членов общности, появлению развитой социальной организации и стабильного социального контроля, а также интеграции разных видов деятельности и социального опыта людей.

Представляется реальным такое взаимодействие характеристик различных подсистем региона. Экологическая характеристика региона — чрезмерно пониженная плотность населения — в социальном плане реализуется прежде всего в дефиците каналов социализации отдельных групп населения, в неразвитости социальной организации и неадекватности социального контроля. Эти социальные факторы в условиях конфликтной субкультуры обуславливают возможность повышения интенсивности проявлений отклоняющегося поведения, т. е. приводят к различным формам насильственного поведения. Объем статьи не позволяет нам остановиться на роли других пространственных факторов, например на роли концентрации поселений и их размера в появлении групповой активности (отклоняющегося типа), интенсивности такой активности и т. д.

Однако причиной дефицита каналов социализации и социального контроля могут быть не только пониженная плотность населения, но и другие факторы среды. Например, повышенная занятость родителей в общественном производстве и неразвитость сети общественных воспитательных учреждений могут привести к увеличению числа несовершеннолетних с отклоняющимся поведением. Подобные тенденции действительно наблюдаются в регионах с максимальной вовлеченностью взрослого населения в общественное производство и заниженным числом детских учреждений. Хотя такие регионы расположены в зоне максимальной плотности населения, недостаток каналов социализации и социального контроля над несо-

вершеннолетними также может привести к неадекватной социализации, в данном случае подростков.

К наиболее важным социально-экологическим и экономическим характеристикам региона, имеющим фундаментальное значение для интерпретации региональных различий в социальном поведении членов общности, в частности отклоняющемся, мы также относим характер и структуру занятости населения и темпы экономических и социальных изменений.

Рассмотрим некоторые примеры влияния характера и структуры занятости на отдельные формы отклоняющегося поведения.

Регионы со сложной и дифференцированной экономической и социальной организацией имеют не только специфические формы отклонений, но и повышенный процент несовершеннолетних среди различных типов отклоняющихся. Что можно использовать в качестве промежуточных переменных, более непосредственно связанных с отклоняющимся поведением? После предварительного исследования мы пришли к выводу, что наиболее «яркой» характеристикой таких сложных общностей является повышенная (количественно и качественно) степень вовлеченности их членов в общественное производство. Максимальная степень вовлеченности населения в принципе и является условием высокой стадии развития региона. Как же измерить эту степень? Процент занятых от всего трудоспособного населения, как и аналогичные показатели, не отражал подлинного уровня занятости, особенно ее длительности, тем более интенсивности. В результате оценки всех имеющихся показателей мы предпочли процент неработающих пенсионеров среди лиц пенсионного возраста в целом и среди мужчин и женщин отдельно — этот показатель характеризует длительную занятость и, как показали вычисления, лучше других коррелирует с максимальной интенсивностью отдельных отклонений.

При экологическом исследовании целесообразно различать две большие, принципиально отличные зоны — экуменическую (обжитую) и неэкуменическую (необжитую) — и внутри каждой из них производить дальнейшую дифференциацию регионов на однородные группы по экономическим, демографическим и прочим показателям. Неэкуменическая зона не только сравнительно однородна по пониженной плотности социальной информации, пони-

женной частоте социальных контактов, неадекватной принятым нормам социализации отдельных групп населения, но сравнительно одина по биоклиматическим условиям, а также по многим существенным демографическим, экономическим, культурным и социальным характеристикам.

Социальный контроль, социальные отношения, социальные институты в этих регионах специфичны и нестабильны. Среди регионов неэкуменической зоны преобладают территории со сравнительно единой, обычно конфликтной субкультурой. В них отчетливо прослеживается тенденция к локализации максимальных показателей выраженных форм поведения насильственного типа.

В целом следует отметить, что эмпирические данные показывают существование определенной связи между показателями экологической системы и различными формами отклоняющегося поведения. Так, наиболее грубые отклонения (насилие, например) локализуются преимущественно в местностях с минимальной частотой социальных связей, неразвитой сетью единиц культурно-бытового и прочего обслуживания. Если отмеченные характеристики сочетаются с быстрыми темпами социально-экономических изменений, высокой вертикальной и горизонтальной мобильностью, то в регионах с такими характеристиками более распространены формы отклонения, относящиеся к так называемой конфликтной субкультуре. Напротив, в местностях с замедленными темпами социальных изменений, особенно с преобладанием старых городов с перспективой стагнации, со смещенной демографической возрастной и половой структурами (преобладание женщин и престарелых) локализуются наиболее крайние формы такого отклоняющегося поведения, когда пострадавшим оказывается сам человек. На социальный, экономический и демографический состав отклоняющихся также значительно влияют характеристики основных экономических подсистем региона, в частности производственно-отраслевые типы областей, ибо характер разделения труда и социальных ролей между различными группами определяет, какой экономико-демографический или социальный слой испытывает максимальную адаптивную социальную нагрузку.

Ценностные ориентации в личностной системе регуляции поведения

В изучении психологических механизмов регуляции социального поведения личности целесообразно выделить два подхода — сравнительный и индивидуальный. В последнее время одним из центральных понятий, которым пользуются ученые при сравнительном подходе, стало понятие «ценностные ориентации личности». (К их числу при этом относят, например, ориентации на успех, независимость, доминирование над другими, оказание помощи другим, творчество, углубление и систематизацию знаний¹.)

В сравнительно-культурных исследованиях непосредственно не ставится задача использования выявленных ценностных ориентаций для объяснения поведения индивидов. Социально-психологические закономерности поведения и деятельности членов общностей как активных и самостоятельных личностей оказываются за рамками таких исследований.

Можно выделить две основные особенности такого подхода. Первая из них связана с предметом социологических исследований, т. е. с изучением закономерностей функционирования такого субъекта деятельности, как общество в целом. При таком подходе достаточно изучать личность как сформировавшуюся в результате воздействий общества и не ставить вопрос о структуре внутреннего мира личности и специфике компонентов этой структуры,

¹ По поводу выбора личностных переменных, включаемых в исследование, отмечалось, что он «обычно не основан на систематизированной концептуальной схеме личности. Каждый исследователь отбирает то небольшое количество переменных, в которых он особо заинтересован или для которых разработаны количественные меры» (*Inkels A., Levinson D. National Character: the Study of Modal Personality and Sociocultural Systems. — In: Handbook of Social Psychol., 1969, vol. 4, p. 447*).

участвующих в регуляции поведения. Вторая особенность (технического характера) связана с необходимостью обследования больших массивов людей, пользуясь заведомо простейшими средствами типологизации личностей. При таком подходе необходимы данные, которые позволяли бы сопоставлять людей по тем или иным показателям. Результаты измерения любых характеристик личности, например ее черт, свойств, установок, с помощью любых тестов представляют собой те или иные константы, числовые значения переменных. Несомненно, что только набором констант невозможно объяснить многообразие реакций любой системы в ответ на те или иные внешние воздействия. Внешние воздействия действуют, как известно, через внутренние условия, но, добавим, только в том случае, если эти воздействия имеют отношение к внутренним состояниям системы, если они каким-то образом их изменяют.

Если обычные количественные индексы различных элементов внутреннего мира личностей более или менее приемлемы для обобщенного описания лиц, сформировавшихся в различных условиях, то для понимания внутренней связности, последовательности поведения отдельных личностей в меняющихся сложных реальных обстоятельствах и ситуациях этого оказывается недостаточно². Возникает необходимость описать личность на языке переменных, присущих ей самой, отражающих изменения ее состояний в зависимости от изменений ситуаций ее жизнедеятельности. С нашей точки зрения, именно на этом пути можно найти способы экспериментального моделирования процессов взаимодействия внутреннего мира личности с внешней средой.

В данной статье предпринята попытка описания мотивационной основы механизма регуляции социального поведения личности. Мы предполагаем, что результаты анализа будут способствовать более содержательной интерпретации выводов сравнительных исследований и, воз-

² При измерении «черт личности» авторы этих работ так комментируют результаты: «Мы не измеряем личность, мы измеряем черты, которые, как можно надеяться, обеспечивают нам информацию о некоторых из необходимых измерений личности» (*Edwards A. L., Abbott R. D. Measurement of Personality Traits: Theory and Technique. — Ann. Rev. Psychol., 1973, vol. 24, p. 241*).

можно, даже использованию в последних специфических характеристик членов общества, что, в свою очередь, может послужить толчком для развития и более широкого распространения исследований индивидуально-личностных механизмов регуляции поведения и прежде всего процессов целеполагания.

1. Проблема связности и устойчивости поведения личности

Говоря о связности, последовательности поведения конкретных личностей, мы считаем, что их можно рассматривать как самостоятельные по отношению к среде, что они обладают способностью противостоять изменениям ситуаций, ставить перед собой и достигать неслучайные цели в меняющихся обстоятельствах жизни. Для описания этого феномена психологи иногда привлекают понятия потребностей, установок, мотивов, ценностных ориентаций и других элементов мотивационного механизма личности.

Начнем с анализа трудностей, возникающих при эмпирическом исследовании регуляции социального поведения (последующая понятийная работа над проблемой приобретает большую конкретность). Рассмотрим некоторые примеры того, как реально используются результаты измерения черт личности.

Наиболее распространенная процедура их использования в эмпирических исследованиях состоит в том, что между уровнями той или иной черты и номинально измеренным поведением обследованных лиц связи устанавливаются непосредственно. Так, в статье А. Инкельса³ приводятся данные, свидетельствующие о том, что чем большей авторитарностью обладают медсестры, тем с большей вероятностью можно ожидать от них «казенного» обращения с больными. В той же статье⁴ сообщается об исследовании, посвященном поиску причин неуспеваемости студентов. Данные показывают, что к концу первого года обучения прекращает учебу каждый пятый студент — «стереопат» (не обладающий терпимостью к противоречиям), в то время как среди «нестереопатов» этого не де-

³ Инкельс А. Личность и социальная структура. — В кн.: Американская социология. М., 1972, с. 47.

⁴ Там же, с. 49.

ляет никто. Приведенные примеры указывают на основную область применения существующих средств диагностики личности. В известной степени они помогают поместить «нужного человека в нужном месте»⁵. Заметим, что в связи с этой задачей как раз и разрабатывались средства для тестирования индивидов.

Очевидно, однако, что эта задача является внешней по отношению к проблеме внутренней связности поведения конкретных личностей. Тестирование призвано ответить, в частности, на вопрос о том, какие индивиды будут с большей вероятностью выбирать определенные средства для достижения вполне определенной социально значимой цели. Нас интересует другая задача: какие цели и средства будет выбирать конкретная личность, индивид, обладающий определенными общественно обусловленными свойствами, в самых различных ситуациях.

Но можно ли ответить на этот вопрос, располагая только обычными средствами аттестации индивидов? Вновь обратимся к данным отмеченного выше исследования. Увеличение стереопатичности ухудшало успеваемость по гуманитарным дисциплинам и не ухудшало по естественным. Этот результат можно осмыслить и по-другому: студенты, обладающие одинаково высоким баллом по стереопатии (в среднем), будут относительно плохо учиться по гуманитарным и относительно лучше — по естественным дисциплинам. При сходстве исходной и модифицированной формулировок во внешнем, статистическом, смысле вторая из них имеет более непосредственное отношение к проблеме поиска закономерностей в жизнедеятельности конкретной личности. По крайней мере на качественном уровне, опираясь на данные о совокупности лиц определенного «типа», можно с некоторой вероятностью предсказать поведение относимого к данному типу человека в различных «неодинаковых» ситуациях.

Но что означает «неодинаковость» ситуаций? В нашем примере она чисто номинальна: речь идет о различных учебных дисциплинах. А суть различий состоит в том, что, как предполагается, гуманитарные и естественные науки занимают определенные места в континууме, который содержит в себе все возможные уровни неопределенности, противоречивости учебного материала. Очевидно, что

⁵ *Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук. М., 1972, с. 468.

если бы мы имели об этих (гуманитарные и естественные учебные дисциплины) и об аналогичных им (с точки зрения неопределенности) ситуациях данные, выраженные в количественной форме, то это существенно расширило бы наши возможности предсказывать поведение личности. Тем не менее в массовых социологических и социально-психологических исследованиях подобная информация используется лишь на определенном этапе измерения черт личности. При этом сколько-нибудь строгое соотнесение между собой новых реальных обстоятельств не требуется, так как исследователь решает задачу, кто в таких случаях будет вести себя определенным образом, но не рассматривает проблему связности, последовательности поведения конкретной личности во вновь возникающих ситуациях.

Итак, первое условие решения проблемы состоит в том, чтобы данные об индивидах были дополнены результатами сравнительной оценки ситуаций.

Не приведет ли выполнение этого условия к необходимости изменить и способ представления данных о внутреннем мире личности? Для того чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим типичный «ценностный» тест личности.

Сошлемся на тест Шорра⁶. Он используется при диагностике — определении типов личностей, различающихся по тому, насколько привлекательны для них познавательные, моральные, эстетические и деловые ценности. Количественное измерение установок на эти ценности определяется суммой баллов, которую набирает опрашиваемый, высказываясь о своих предпочтениях. Например, при измерении установки на «познание» ответы «люблю» и «не люблю» (решать алгебраические задачи) оцениваются в +5 и —5 баллов, а любовь и нелюбовь к кинофильмам об ученых — в +1 и —1. Ответ на любой вопрос анкеты предназначен для диагностики только одной установки.

Из описания теста видно, что количественный показатель каждой установки вычисляется как результат усреднения всех предварительно квантифицированных экспертами ответов индивида во всевозможных ситуациях. Это обычный способ операционализации установок. Таким образом, в качестве данных в эмпирических исследованиях

⁶ Shorr G. The Development of a Test to Measure the Intensity of Values. — J. Educ. Psychol., 1953, vol. 44, p. 266—274.

выступают обобщенные описания тех или иных особенностей поведения индивида. (При этом только имплицитно предполагается, что эти особенности не случайны, что им соответствуют какие-то элементы внутренней структуры субъекта деятельности.)

Если мы хотим объяснить, а не просто описать поведение, то должны сначала выработать представление о механизме его формирования. Соответственным образом должна модифицироваться и задача операционализации: кроме способа определения того, что участвует в регуляции поведения, желательно иметь данные о внутреннем мире личности, отражающие и то, каким образом установки участвуют в этой регуляции.

Пока достигнутый уровень эмпирического исследования установок (и «черт личности») ограничивает их содержательную интерпретацию только как стереотипных факторов поведения. В самом деле, константные данные об установках не могут уловить их постепенных изменений в конкретных ситуациях. При стремлении обнаружить закономерности в жизнедеятельности конкретной личности соизмерение ситуаций становится ненужной роскошью. Положение изменится только в том случае, если признать, что и внутренние детерминанты поведения сами каким-то особым образом меняются в зависимости от обстоятельств, но не заменяются другими полностью. Понимание отношений личности как переменных составляет, на наш взгляд, еще одно необходимое условие решения проблемы эмпирического исследования связности поведения.

Операционально оно может быть реализовано при использовании в исследованиях присущих личности критериев поведения. Более точно: с изменениями ситуаций надо соотносить соответствующие внутренние детерминанты поведения, меняющие характер и интенсивность побуждения.

До сих пор мы ограничивались анализом трудностей эмпирического исследования конкретной личности, не касаясь того, как связаны между собой элементы ее внутреннего мира. Между тем именно этот третий аспект проблемы является основным для понимания личности как целостного образования. Сделано это не случайно. Принятая здесь последовательность этапов постановки проблемы основывается на убеждении, что личность как целостность может быть понята лишь на основе представлений о роли

различных элементов целостного мотивационного механизма в выборе поведения. Основная функция этих элементов состоит в том, что, будучи активизированы с различной степенью интенсивности, они как бы участвуют в оценивании познанных личностью возможностей ситуации, отображают предпочтительность того или иного поведения в данных условиях.

В социально-психологических исследованиях уже найдены средства для моделирования одновременного участия ряда внутренних детерминант поведения в формировании готовности действовать в определенном направлении. Эти средства, в частности, описаны в работах, в которых приняты попытки раскрытия структуры системы установок.

Один из вариантов анализа диспозиций личности состоит в структурировании социальных установок и выделении в них трех компонентов: когнитивного, эмоционального и поведенческого. По В. А. Ядову, эти компоненты следует рассматривать скорее как подсистемы диспозиционной системы личности в целом⁷. Предложение перейти от анализа отдельных диспозиций к исследованию целостной личности является, безусловно, справедливым, однако методы такого исследования еще не разработаны до такой степени, чтобы на его основе можно было бы получать необходимые эмпирические результаты.

Представляет интерес «инструментально-ценностный» анализ установок. У. Макгайр описывает его следующим образом: «Социальная установка на объект определяется смесью воспринимаемых возможностей этого объекта быть средством личностных целей как его взвешенная оценка с точки зрения этих целей»⁸. Под взвешенной оценкой здесь понимается алгебраическая сумма, каждое слагаемое которой получается из перемножения меры привлекательности одного из оснований оценивания (ценности, личностной цели, потребности) на величину воспринимаемой способности социальной установки быть средством реализации соответствующего побудителя поведения человека.

⁷ Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности. — В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975, с. 100—103.

⁸ McGuire W. J. The Nature of Attitudes and Attitude Change. — In: Handbook of Social Psychology, 1969, vol. 3, p. 153.

Одним из наиболее показательных примеров такого эмпирического исследования социальных установок является работа М. Розенберга⁹. В ней использовался перечень 35 различных конечных целей личностей (таких, как потребность в доминировании, достижении, знаниях и т. п.). Каждую из них субъект оценивал по ее привлекательности для себя. Кроме того, объекты установок оценивались по всем 35 основаниям оценивания. Затем вычислялись величины отношений личности к объектам как алгебраические суммы произведений полученных оценок. М. Розенбергом было установлено, что эти результаты были относительно близки к независимо полученным данным об уровнях «расположенности» к объектам.

Прямое назначение инструментально-ценностного подхода к социальным установкам заключается в предсказании целостных отношений личности к тому или иному объекту, обобщенных по всевозможным ситуациям. В этом смысле такой подход достаточно перспективен. Однако следует отметить, что все данные о респонденте исследователь получает от него самого, а схема экспериментов не позволяет получить более надежные данные.

Вместе с тем при определенном переосмыслении инструментально-ценностного подхода к структуре социальных установок он может стать одним из средств в изучении связности поведения. Основанием для этого является новое понимание связей между различными побудительными силами человека.

В массовых сравнительных исследованиях выявление связей между «чертами личности» сводится к обнаружению типичных сочетаний их интенсивности. Именно поэтому до сих пор не удается «разместить» «черты личности» внутри индивидуума¹⁰. Осуществить это можно в том случае, если любые особенности личности будут интересовать нас не сами по себе, не с точки зрения их одновременного «присутствия» или «отсутствия» во внутреннем мире человека, а как детерминанты поведения.

⁹ *Rosenberg M. J. Cognitive Structure and Attitudinal Effect. — J. Social. Psychol., 1956, vol. 53, p. 367—372.*

¹⁰ По свидетельству Р. Карлсон, проанализировавшей 226 специальных статей о личности, опубликованных в 1968 г., ни один из авторов даже и не задавал себе этого вопроса (*Carlson R. Where is the Person in Personality Research? — Psychol. Bull., 1971, vol. 75, p. 203—219*).

В известной мере этот необходимый шаг осуществлен в упомянутых нами эмпирических исследованиях. В них иерархия побудителей поведения такова, что она может быть понята как мера неодинаковости участия ее компонентов в выборе диспозиций, как степень их влияния на выбор последних. Однако в этих схемах связи между «потребностями» представлены сугубо операционально: в форме их неодинаковой привлекательности для личности. И отображается в этой схеме отнюдь не само поведение, а нечто отличное от него — социальные установки, т. е. другие детерминанты поведения. Но тем самым мы оказываемся все же ближе к пониманию детерминации поведения, чем при обычных сравнительных исследованиях особенностей индивидов.

Приведенный анализ некоторых подходов к изучению личности сопровождался обсуждением основных условий решения проблемы связности поведения конкретных личностей. Для их реализации, однако, требуется дополнительная методологическая работа. Она должна подвести нас к пониманию внутренней системы регуляции поведения как системы, действующей в конкретных ситуациях.

2. Модель мотивационного механизма регуляции поведения личности

Основной проблемой теоретического осмысления мотивации поведения является проблема детерминации психической регуляции. В данной статье мы рассматриваем другой вопрос. Мы считаем необходимым исследовать закономерности, в соответствии с которыми осуществляется любая деятельность. Другими словами, нас интересует то, как воздействует на сложившуюся у человека систему побудительных сил объективная действительность. Анализ понятий, описывающих мотивационную сферу личности, будет подчинен решению проблемы субъектно-объектной детерминации возможной деятельности человека.

Они должны быть представлены в форме, позволяющей эмпирически исследовать закономерности в жизнедеятельности конкретных личностей.

В качестве исходных побудительных сил человека чаще всего рассматриваются его потребности. В психологии под потребностью понимается испытываемое субъек-

том состоянии нужды в чем-либо конкретном¹¹. При попытке уловить закономерности в деятельности конкретного человека в самых различных обстоятельствах мы и должны объяснить его потребности, если не хотим ограничиться описаниями никак не связанных друг с другом уже сформировавшихся, осуществляющихся им различных видов деятельности.

Так же обстоит дело и с понятием «первичная установка». Оно обозначает базис определенно ориентированной приспособительно-целенаправленной деятельности личности в каждый конкретный момент. Этот психологический эффект стимульных воздействий возникает как следствие их взаимодействия с личностными «сущностными силами» человека¹². Таким образом, и потребности, и установки являются по сути дела одним и тем же конечным результатом функционирования мотивационного механизма личности. Наша задача заключается в том, чтобы раскрыть закономерности, которым подчиняются процессы «уравновешивания» личности со средой, представляющие собой формирование установки на некоторый объект (потребность в чем-то) и осуществление на ее основе деятельности.

Закономерность формирования готовности действовать в определенном направлении позволяет раскрыть и специфику социальных установок. Это понятие может быть использовано не только при сравнительных описаниях личностей, но и как понятие, обозначающее представления конкретной личности о необходимых для нее в будущем вариантах результатов действий. Социальные установки — это как бы «претенденты» на цели деятельности. Их трансформация в цели завершается возникновением состояния нужды в соответствующем предмете. С нашей точки зрения, закономерности процесса выбора социальных установок на роль целей деятельности в различных реальных обстоятельствах являются основной характеристикой мотивационного механизма личности.

Один из подходов к описанию детерминации процесса целеполагания предложен А. Н. Леонтьевым. Согласно

¹¹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946, с. 519; Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции: Конспект лекций. М., 1971, с. 1.

¹² Прангшвили А. С. Исследования по психологии установки. Тбилиси, 1967, с. 78.

его концепции, представления о желаемых результатах деятельности являются следствием существования объективных, общественных по своей природе связей между предметным содержанием мотивов¹³. С этим нельзя не согласиться. Однако возражение вызывает фактически полное выведение центра личности «из-под поверхности ее кожи»¹⁴. Человеческое «я» формируется, конечно, в объективной системе взаимосвязей людей в обществе, но личность нельзя «оторвать» от индивида. Личность сталкивается с целым веером возможных способов связи с действительностью. Поэтому — во всяком случае на данном уровне развития научных знаний о человеке — однозначный переход от анализа объективной действительности к субъективному миру личности пока не осуществим.

В чем же состоит субъективная сторона процесса целеполагания? Как мы видели, для его описания недостаточно понятий «потребности», «социальные установки» и «цели». То же самое относится и к «мотивам». Они отличаются от целей лишь тем, что в них отражены менее контролируемые личностью, желательные для нее последствия деятельности.

Кроме того, мотивы, как и цели, ситуативны, а потому эти категории нельзя использовать для единообразного описания любого поведения¹⁵.

Для адекватного описания процесса целеполагания необходимо использовать также понятие «ценностные ориентации личности». Мы им обозначим элементы мотивационной структуры личности, на основе которых ею осуществляется выбор тех или иных социальных установок в качестве целей или мотивов конкретной деятельности в связи с особенностями конкретных ситуаций. Такое понимание высших психических регуляторов поведения является уточнением их функционального определения, предложенного А. Г. Здравомысловым и В. А. Ядовым: «Основная функция ценностных ориентаций — регулиро-

¹³ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975, с. 193—199.

¹⁴ Там же, с. 229.

¹⁵ Именно из-за ситуативности последствий деятельности возникают трудности при интерпретации теории принятия решений как средства для описания внутреннего единства различных деятельностей.

вание поведения как осознанного действия в определенных социальных условиях»¹⁶.

Но функцию регулирования поведения выполняют также цели, мотивы, интересы и другие модификации мотивационной сферы личности, покоящиеся в ее сознании в форме социальных установок. С нашей точки зрения, было бы неверно и ценностные ориентации отождествлять с социальными фиксированными установками¹⁷. Любая ценностная ориентация может быть понята как определенная категория социальных установок, обязательно сопоставленных с реальными условиями деятельности. Эта категория указывает на личностно-значимую специфику деятельности. Деятельность «отбирается» в соответствии с отдельными актуализированными социальными установками в зависимости от ситуации.

Последнее замечание позволяет трактовать любую ценностную ориентацию как один из присущих личности шаблонов для оценки, для осознанного или неосознанного «измерения» допустимых в конкретных обстоятельствах образцов социального действия. Тем самым выполнено второе условие решения проблемы связности поведения: базовые регуляторы поведения представлены как характеризующие личность переменные, меняющие свою интенсивность в зависимости от ситуаций. Одновременно оказываются измеренными и ситуации. В перспективе такое измерение можно осуществлять объективными средствами. Тогда появилась бы возможность судить об объективности содержания ценностных ориентаций — о его действительном соответствии желательному для личности качеству результатов деятельностей.

Покажем, что такое понимание ценностных ориентаций позволяет объяснять и эмпирически изучать направленность деятельности личности в любой конкретный момент времени. Изменение значений отдельно рассмотренной ценностной ориентации не эквивалентно большей или меньшей интенсивности состояния нужды в чем-то кон-

¹⁶ Личность и ее ценностные ориентации. — Информ. бюлл. ССА, 1969, вып. 1, № 19.

¹⁷ Критический анализ такого отождествления, а также осмысление других подходов к ценностным ориентациям см.: Зотова О. И., Бобнева М. И. Ценностные ориентации и механизм социальной регуляции поведения. — В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

кретном. Каждая из ценностных ориентаций в конкретных условиях осуществляет лишь свой частный, односторонний вклад в его общее определение. Вклад этот зависит не только от оценки выбираемого акта деятельности с точки зрения ценностной ориентации, но и от меры влияния соответствующего состояния на детерминацию поведения. Состояние нужды в тех или иных предметах (репрезентированных в сознании в качестве целей или мотивов деятельности) предстает как результат сопоставления всех ценностных критериев выбора поведения с наличной ситуацией. До начала практической деятельности потребность как бы «многопредметна». Окончательное формирование установки к деятельности в конкретном направлении заключается в отборе той социальной установки, которая «получает» оптимальные оценки.

Рассматривая модель-определение интегрированной личности (ее идеального типа), можно предположить, что заданная в форме сравнительных значимостей иерархия ценностных ориентаций устойчиво воспроизводится человеком в достаточно продолжительные периоды жизни и в любых сферах деятельности, в любых ситуациях. Подчеркнем, что в отличие от обсуждавшегося нами ранее инструментально-ценностного подхода к социальным установкам иерархия ценностных критериев выбора (ценностных «потребностей») понимается нами не как их воспринимаемая привлекательность для личности, а как мера участия (вклада) каждой из них в определении общей предпочтительности действовать в том или ином направлении.

Представим изложенную логическую модель регуляции поведения личности математической записью¹⁸ закономерностей выбора в различных ситуациях целей (мотивов) и соответствующих действий:

$$c_1x_1(s/m) + c_2x_2(s/m) + \dots + c_nx_n(s/m) = P(s/m),$$

где: $x_i(s/m)$ — оценка результата изменения ситуации s при условии выбора личностью действия m с точки зрения возможности реализовать i -ю ценностную ориентацию ($i = 1 \div n$); c_i — сравнительная значимость i -й цен-

¹⁸ См.: Истошин И. Ю. Исследование личности как объекта трудового воспитания. — В кн.: Коммунистическое воспитание молодежи; Октябрьские чтения. М., 1975, с. 286.

ностной ориентации; $P(s/m)$ — интегральная предпочтительность выбора действия m в ситуации s .

Цель моделирования считается достигнутой, если для конкретной личности удается получить искомую иерархию ее ценностных ориентаций. В процедурном отношении получение соответствующих величин c_i можно осуществить методами распознавания образов, примененных к оценкам $x_i(s/m)$ и $P(s/m)$, получаемым в результате углубленного интервьюирования обследуемого человека. Подчеркнем, что объектами статистической обработки в нашем случае являются не совокупности индивидов, а определенное число поступков (высказываний о них) одного человека.

Кратко опишем некоторые результаты одного конкретного моделирования¹⁹. Ряд последовательных бесед-интервью с одним человеком длился примерно 6 час. Выявилась, во-первых, бóльшая или меньшая предпочтительность сформированных совместно с респондентом реальных для него вариантов деятельностей (пар «действия-цели») в четырех сферах деятельности: общение, работа в организации, семья, любимое занятие. Полученные результаты были использованы для выдвижения нескольких сменявших друг друга в процессе обследования гипотез относительно присущих данному человеку ценностных ориентаций. При окончательной проверке такими ориентациями оказались: 1) этическое совершенствование своего нравственного идеала; 2) стремление к производству материальных и интеллектуальных ценностей; 3) выполнение долга перед близкими людьми; 4) реализация в поведении своего нравственного идеала; 5) стремление к материальному благополучию и комфорту. Затем респондент дал оценку всем альтернативам деятельности с точки зрения каждой ценностной ориентации в конкретных ситуациях.

В результате математической обработки данных были получены формулы выбора деятельности для каждой ситуации. Только одна из них (полученная для ситуации «работа») не проверялась на устойчивость из-за малочис-

¹⁹ Они рассмотрены в докладе И. Ю. Истошина «Понятия, метод и некоторые результаты моделирования личностей как субъектов деятельности» (на Всесоюзной научной конференции «Комплексное изучение человека и формирование всесторонне развитой личности». М., 1975).

ленности данных. Все остальные были полностью воспроизведены на контрольном материале. В этом смысле обследованная личность оказалась устойчивой, выбор целей и соответствующих им действий был не случайным, а определенным одной и той же системой ценностных ориентаций.

Более интересным результатом эксперимента оказалось то, что две из формул, полученных для ситуаций таких внешне различных сфер деятельности, как «семья» и «хобби», оказались практически идентичными. Другими словами, на основании закономерностей в выборе видов деятельности в одной сфере совершенно точно удалось «предсказать» поведение данного человека в другой сфере. Это свидетельствует о возможности интерпретировать обследованную личность в известном отношении как целостную. Деятельность в сфере общения послужила материалом для операционального выявления идеала личности, не осознаваемого ею. С помощью одного и того же метода удалось получить и реальное, и идеальное «Я» обследованного. Заметим, что подобные результаты могут быть получены только тогда, когда в них заинтересован сам обследуемый.

В теоретическом плане представляет интерес то, что в ходе эмпирического исследования был получен факт, внешне аналогичный «парадоксу Лапьера». При опросе обследуемый предпочел одну деятельность, а в соответствующей реальной ситуации вел себя по-другому. При анализе этого случая оказалось, что противоречия между ценностными ориентациями респондента и его реальным поведением все же не было. Расхождение было вызвано всего лишь изменением ситуации: партнер по совместной деятельности совершенно неожиданно стал вести себя по-другому, что резко изменило оценки рассматривавшихся видов деятельности, в то время как взаимосвязь ценностных ориентаций в системе осталась прежней. Впрочем, через некоторое время ситуация вновь стабилизировалась и деятельность стала соответствовать первоначальному намерению данного человека. Это иллюстрирует эффективность социальных установок как способов ориентации и в неопределенных условиях.

В заключение подчеркнем наиболее важную, с нашей точки зрения, особенность предложенного подхода к описанию мотивационной сферы личности. Эмпирическое ис-

следование обычно органичивается либо выявлением формально, «бессодержжательно» понимаемых высших регуляторов поведения индивидов, либо, наоборот, измерением всевозможных конкретных отношений к социально значимым объектам. В первом случае, например, может выясняться интенсивность общечеловеческой ориентированности на независимость или, скажем, на успех, но при этом конкретное содержание, направленность деятельности отдельных людей, принадлежащих к различным обществам, классам, группам, упускается из виду. Это ведет к игнорированию конкретно-исторического подхода к анализу процессов формирования личностей. Во втором случае мы оказываемся обладателями неструктурированной информации о тех или иных особенностях внутреннего мира личности. Понимание ценностных ориентаций как упорядоченного относительно друг друга множества социальных фиксированных установок, сопоставленных с конкретными ситуациями деятельности, лишено этих недостатков.

Естественно, что развиваемый здесь индивидуальный подход к личности пока не может быть реализован в массовых исследованиях. Вместе с тем результаты довольно-таки трудоемких обследований конкретных людей могут оказаться полезными для совершенствования методики. Мы считаем возможным предложить следующий способ получения данных при сравнительных социально-психологических исследованиях. В анкету включается задание, требующее упорядочить некоторое ограниченное множество действий, направленных на конкретные цели, в четко зафиксированных ситуациях (с точки зрения, во-первых, их способности реализовать некоторый набор ценностных ориентаций и, во-вторых, по их предпочтительности в целом), затем на основе полученной информации вычленить модальные типы личности. Наиболее ярких представителей этих типов необходимо обследовать индивидуально, опрашивая их по стольким тестовым ситуациям, сколько будет достаточно для выявления иерархии ценностных ориентаций. С известной уверенностью можно считать, что полученные результаты будут отражать реальные системы взаимодействующих мотивационных структур у членов изучаемых сообществ.

Интерес к собственной личности и регуляция человеком своего поведения

В принципе любой интерес может стать в центре общения и вызвать контактное взаимодействие людей. Люди с различными целями, стоящие на совершенно противоположных позициях, могут объединяться некоторым интересом, который оказывается в центре общения. Этот интерес меняет характер их взаимодействия, делая его контактным. Первоначальный интерес может быть любым. Возможность общения по интересам и своеобразного выделения на этой основе из общей массы взаимодействий существенных отношений и связей создает предпосылки для более тесного объединения людей¹.

Интерес может быть также не только (и не столько) содержанием общения, но и поводом. Впоследствии (после «включившегося» контакта) предмет первоначального общения, в связи с которым возникли благоприятные отношения, может быть заменен другим, но тон контактного взаимодействия сохранится.

Основанное на интересе контактное взаимодействие создает благоприятный во многих отношениях фон для реализации ряда целей взаимодействия. Облегчаются ответы на вопросы, снимается напряженность (по субъективной оценке опрашиваемого вопросы перестают казаться «опасными»), возникает самостоятельная потребность «развивать» свои мысли и т. д.

Все эти «продукты» контактного взаимодействия могут быть использованы для достижения многих его це-

¹ Кухарев В. А., Филонов Л. В. О некоторых способах установления контакта с обвиняемым. — Вестник МГУ, 1970, № 3; Филонов Л. В. Стратегия контактного взаимодействия и проявление личности. — В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения/ Под ред. Е. В. Шороховой, М. И. Бобновой. М., 1976.

лей и, в частности, весьма существенны для психологической диагностики личности и изучения механизмов регуляции человеком своего поведения.

1. Специфика интереса к собственным индивидуальным особенностям

Интерес к собственной личности является одним из мотивов, определяющих согласие отдельных лиц подвергнуться психологическому обследованию, в частности диагностическому. Более того, многие испытуемые, принимавшие участие в проводимых нами многочисленных опытах² по выявлению их личностных показателей, считали такой интерес своим основным мотивом. Они заявляли, что стремились участвовать в таких опытах для того, чтобы «выяснить свой характер», «узнать о себе», «определить свои черты», «познать самого себя» и т. п. Появление такого интереса, отраженного в стандартных и по существу всегда одобряющих эксперимент высказываниях, а также повышение интенсивности такого интереса после очередного «замера» по конкретной методике можно было предвидеть.

В комплексном обследовании длительное общение экспериментатора и испытуемого порождало ситуацию, когда возникал специфический интерес, напряженность его возрастала, в дальнейшем он становился ведущим.

Обычно в самом начале исследования экспериментатор объявлял испытуемому, что в результате может быть определено только его место в общем континууме распределения изучаемого признака по группе испытуемых. Чтобы не вызывать излишнего беспокойства и эмоционального напряжения, сообщалось, что показатели по отдельным испытаниям могут быть значимы только применительно к ограниченной выборке. Пояснялось, что все лица, проходящие испытания, будут распределены в группе по рангу в зависимости от степени выраженности у них определенного свойства, а диагноз о степени

² Опыты проводились в течение длительного времени на двух выборках — в 100 и 36 человек. Испытуемые последовательно «проходили» через ряд методик и диагностических тестов. Применялись и общеизвестные «референтные» (ТАТ, ММРІ, Роршах), и специализированные («косвенные вопросы», «контакт», «ситуация», «самооценка», «анамнез» и др.) методики.

выраженности конкретных качеств будет относительным.

В связи с такими установками можно было бы ожидать, что каждый испытуемый будет интересоваться тем, насколько он, например, тревожнее, энергичнее, решительнее своих сверстников. Однако в большинстве случаев вопросы испытуемого к исследователю отражали стремление получить ответы на определенные проблемы и «загадки» поведения данного человека, получить сведения об особенностях его мотивов, поступков и способов решения им жизненных задач. Часть вопросов относилась к управлению своим поведением при реализации своих намерений и замыслов.

Вероятно, в этом случае сама ситуация открывала испытуемому возможность проявления внимания к некоторым свойствам своей личности. Вероятно также, что определенная последовательность в постановке того или иного вопроса соответствовала степени важности того, что стремился при его помощи выяснить спрашивающий. Своими вопросами испытуемый постоянно «вводил» экспериментатора в нужное ему русло беседы и склонял к важным для него рассуждениям. Вопросы, не раз повторенные, даже если на них экспериментатор не отвечал, свидетельствовали о появлении у испытуемого настоятельной потребности, возникшей при разговоре. В то же время это был избирательный поиск того, что могло бы удовлетворить эту потребность или хотя бы снять напряженность. Поиск отражал какую-то специфическую потребность в получении определенного типа информации. Именно это и пробуждало инициативу заинтересованного лица изыскивать средства, помогающие установить то, что представлялось ему важным в этот период общения, а также получить сведения, необходимые для его дальнейшей деятельности.

Для исследователя первоначально не было достаточно ясным, что именно побуждало испытуемых к поиску информации и какую именно информацию они стремились получить. Мы наблюдали специфический, своеобразный интерес, особенности которого не укладывались в рамки известных исследователю схем и концепций, с помощью которых можно было бы объяснить причины действий испытуемого. В частности, некоторые такие поисковые действия испытуемого не соответствовали представле-

ниям о необходимости сбора информации для более точного построения им «Я-образа»³. Не было возможности удовлетворительно объяснить некоторые проявления такого интереса в связи с необходимостью обеспечения должной ориентации и осуществления оценочного взаимодействия с другими людьми⁴. Многие вопросы, порожденные этим интересом, вряд ли можно связывать с настоящей потребностью в самоактуализации и самопроверке⁵. Вряд ли возможна интерпретация этого явления и как переживания нарушенного «баланса» между уже сложившимся представлением о себе и новыми сведениями, получаемыми от экспериментатора⁶.

Исследование природы этого интереса важно в методологическом плане. Многочисленные вопросы испытуемого могли быть использованы как материал для анализа и диагноза личности. По существу каждый собеседник экспериментатора всегда имел индивидуальный набор встречных вопросов. Несомненно, что этот набор в каждом случае содержал определенный и конкретный индивидуальный смысл. Фиксация его в вопросах, выделение его вонне создавало возможность раскрытия этого личностного смысла. Предметом анализа могла быть не только семантическая сторона вопросов. Значимым было и своеобразное их построение. Это тоже могло свидетельствовать о ряде существенных и значимых характеристик человека (о стиле поведения, общения, тактике воздействия и др.). Появлялась возможность организации такого поведения испытуемого, когда он мог «поставлять» большое количество «валидных» вопросов, т. е. таких, по которым можно было бы наметить контуры от-

³ См., например: *Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К.* Планы и структура поведения. М., 1966; *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969.

⁴ *Mead G. H.* The Philosophy of the Present. Chicago, 1932; *Krech D., Crutchfield R.* Theory and Problems of Social Psychology. N. Y., 1948; *Mitchell J. V.* Goal-setting Behavior as a Function of Self-acceptance, Over-and-under-achievement and Related Personality Variables. — J. Educ. Psychol., 1959, vol. 50, p. 93—104; *Klix F., Lender H.-J.* Die Strukturanalyse von Denkprozessen als Mittel der Intelligenzdiagnostik. — In: Intelligenzdiagnostik. Berlin, 1970.

⁵ *Rogers K. R.* Client-centered Therapy. The Current Practice Implications and the Theory. Boston, 1951.

⁶ См., например: *Чеснокова И. И.* Самосознание личности. — В кн.: Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974.

дельных качеств или сторон личности. Во всяком случае это давало бы возможность выяснить, что хотел узнать о себе человек, что его волновало и беспокоило в первую очередь.

В обычном обследовании с помощью методик «вопрос—ответ» (беседы, интервью, анкеты) вопросы задает только экспериментатор или интервьюер. (Примечательно, что при допросе, где также используется эта методика, обвиняемый или свидетель не имеет права на постановку вопросов. Следователь сразу же пресекает попытки их ставить: «Вопросы здесь задаю только я».) В психологическом эксперименте продуманная система последовательных вопросов часто называется «ведением исследования». Здесь диагностическую нагрузку несут ответы. Именно они выполняют и дискриминационную функцию⁷. Вопросы же порождают особую «разбавленную ситуацию»⁸, которую намеренно желает создать экспериментатор. В рассматриваемом нами случае такие «ситуации» продуцирует сам обследуемый, когда спонтанно задает серии вопросов экспериментатору. Последнему предстоит только расшифровать то, что в них содержится.

2. Условия экспериментальной ситуации, вызывающие повышение интереса к собственной личности

Процедура изучения личности, когда каждый, и экспериментатор, и испытуемый, отчетливо осознает, что в поле внимания обоих — особенности одного из них, всегда порождала известный интерес испытуемого. Специфические черты такого интереса заставили нас более четко сформулировать задачи исследования, которые на первом его этапе помогли бы объединить весь материал, пригодный для последующего их решения.

Первая из задач заключалась в выявлении условий и обстоятельств, при которых чаще всего усиливается интерес испытуемого к себе. С учетом этих условий в дальнейшем можно построить систему воздействий, достаточ-

⁷ См., например: *Поршнев Б. Ф.* Функция выбора — основа личности: Проблемы личности. М., 1969.

⁸ Использован термин, введенный Р. Б. Кэттеллом.

ных для возбуждения и постоянного поддержания интереса к общению⁹.

Вторая задача состояла в том, чтобы, используя систему таких условий, выяснить истоки интереса опрашиваемого к себе, установить, что именно (свойство, качество, потребность личности) порождает поисковую функцию, отражаясь и в потоке вопросов, и в желании получить определенные ответы.

Экспериментатору было выгодно удлинять интервалы между этапами обследования личности и предоставить испытуемому возможность «включиться» в нужное ему русло беседы. Экспериментатор занимал «объектную» позицию. Инициатором разговора становился испытуемый.

После определения общего характера вопросов мы выясняли место каждого из них в общей совокупности предпринимаемых испытуемым действий. Мы либо поддерживали определенную линию вопросов, либо долго уточняли их смысл, спрашивая, что именно подразумевает собеседник под той или иной особенностью личности, выясняли причины именно такой, а не иной их формулировки, задавали встречные вопросы. Использовали также и уклончивые ответы, а в некоторых случаях намеренно не давали ответов.

Все это позволило нам наметить канву оптимального поведения исследователя и способствовало выявлению таких условий, когда наиболее актуализированы намерения испытуемого узнать о себе что-то определенное.

В дальнейшем исследовании сопоставлялись индивидуальные проявления интереса испытуемого с показателями, полученными в результате применения уже упомянутых методик. Наиболее значимыми для анализа оказались сопоставления по методике «самооценки качеств»¹⁰, когда испытуемому предлагалось оценить «в баллах» степень выраженности у него конкретного

⁹ Кухарев В. А., Филонов Л. Б. О некоторых способах установления контакта с обвиняемым.

О принципе создания «полных условий» см.: Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1976.

¹⁰ О методике см.: Филонов Л. Б., Медведская Г. А. — В кн.: Некоторые особенности распределения личностных качеств. — В кн.: II Международный коллоквиум по социальной психологии. Тбилиси, 1970; Кузьмина З. В. Исследование самооценки личности в условиях успеха и неудачи. — В кн.: Новые исследования в психологии. М., 1974, № 1 (9), с. 21—22.

качества или свойства. Эта методика предоставляла возможность показать и отсутствие какого-либо качества. Наиболее рациональным было использование методики самооценок. Испытуемый часто давал себе оценки, характеризующие его таким, каким он желал предстать перед экспериментатором. То же самое скрыто или явно содержалось в его вопросах. Именно поэтому очень показательными были сопоставления самооценок с характеристиками вопросов.

Следует сказать, что, анализируя поведение испытуемого в ситуации общения по поводу особенностей его личности, мы исходили из того, что для любого человека тема его личности (по его глубокому убеждению) является той областью, в которой он хорошо ориентируется. Осведомившись вначале о предмете предстоящей беседы, он, по существу, всегда считал себя к ней готовым.

В последующем общении опорными точками оказывались характеристики, связанные с отношением самого индивида к отдельным качествам и проявлениям своей личности. Предполагалось, что сама тема «личность» будет выполнять «организующую функцию». Вокруг этой темы всегда будет «вращаться» разговор заинтересованного лица.

Во всяком случае этот интерес не является новым для человека и он «входит» в общение достаточно уверенно, располагая, как ему представляется, многочисленными данными о главном предмете этого разговора — его собственной личности.

Вполне вероятно, что именно в связи с этим он не только «принимает задачу» (что, как известно, требуется для вовлеченности в деятельность), но и сам в известной мере «навязывает» общение.

Наблюдения показали, что наиболее действенный способ пробуждения первичного внимания — это сообщение исследователя либо о некоторой необычности, неожиданности, редкости, степени выраженности того или иного качества испытуемого, либо о необычности сочетания качеств. На первом этапе необходимо было создать у испытуемого впечатление, что его качества кажутся специалисту особыми и ценными (а сочетания качеств действительно всегда оригинальны). Экспериментатор помогал испытуемому анализировать и отчетливо представлять свои свойства. То обстоятельство, что экспериментатор

татор не конкретизировал, а говорил «вообще», заставляло испытуемого поставить свою первую серию вопросов, специфика которых состояла в том, что ответы должны были быть доказательствами. Как показал опыт, эта первая фаза общения — фаза проверки испытуемым самого экспериментатора и оценки его осведомленности в области знаний о личности — не столько определение его компетенции, сколько прогноз возможности общения, рациональности беседы и получения информации по этой теме.

После того как экспериментатор сообщал о «своеобразии», «необычности» качеств испытуемого, последний задавал ряд на первый взгляд странных вопросов о некоторых своих качествах, например: «А как у меня решительность?», «А как, по Вашему, я веду себя в семье?», «Как я поступаю, когда мне говорят дерзости?» и др. Как показало сопоставление этих вопросов с самооценками испытуемых, последних интересовали качества, в отношении которых они были абсолютно уверены: это были основные качества испытуемых, за которые они «ручались».

В ходе эксперимента после замечаний экспериментатора об «оригинальности» и «необычности» некоторых качеств испытуемого последний обычно начинал просить об уточнении того, о чем было заявлено как об особенном. Практика показала, однако, что удовлетворить просьбу эту сразу же было нерационально. Необходимо было продлить разговор как можно дольше. В тех случаях, когда ход был тактически правильным, потребность испытуемого в получении информации удовлетворялась лишь частично — наступал другой этап развития отношений. Со стороны испытуемого следовала цепь односторонних вопросов. На этой стадии испытуемый просил исследователя дать заключение о наличии или отсутствии у него некоторых качеств. Вопросы звучали примерно так: «Как, по Вашему мнению, я веду себя в опасных ситуациях?», «Как Вы полагаете, отличается ли мое поведение в конфликтных ситуациях от поведения других?», «Как я поступаю, когда мне говорят что-либо обидное?», «Могу ли я противопоставить себя другим и в каких случаях?» и т. п. Как показывает анализ содержания таких вопросов, в них либо прямо говорится о каком-то качестве, либо об особенностях поведения

в какой-либо ситуации, где должно проявиться это качество.

Сопоставление таких вопросов (относительно того или иного качества) с рядами самооценок приводит к весьма примечательному выводу. В вопросах испытуемого всегда просматриваются те свойства, которые он оценивает в высоких баллах по методике самооценок, т. е. резко «выставляет» их, считает, что они у него представлены более ярко, чем у других. Иногда он предлагал оценить те качества, которых, по его мнению, у него не было. Так, например, испытуемый мог спрашивать: «А как у меня с дипломатичностью?», «Есть ли у меня хитрость?», «Что Вы скажете по поводу моей бережливости?» и т. д.

Общим и в первом и во втором случаях было то, что задавались вопросы по поводу качеств, в наличии или в отсутствии которых у себя испытуемый был достаточно уверен. Это подборка вопросов по качествам, ясным для испытуемого и достаточно определенно субъективно оцениваемым. Специальные опыты помогли выяснить роль таких вопросов в ходе общения. Оказалось, что все они имеют особое назначение: это «проверочные» вопросы. Кроме того, они — своеобразный способ испытания самого исследователя, претендующего на изучение личности. Проверяются его характеристики, которые могут иметь значение для дальнейшего общения. Это не столько проверка его компетентности как специалиста, сколько своеобразное испытание партнера — его способа и стиля общения. Основную роль при прохождении «экзамена» играет, по мнению испытуемых, «умение правильно судить», «правильно подходить к человеку», «понимание с полуслова». Фактически же это проверка «ожиданий» собеседника.

Испытание экспериментатора обычно длится недолго, но его результаты оказываются весьма значимыми для последующего общения: они обеспечивают контакт и развитие интереса.

Другая фаза общения наступает после того, как испытуемый убеждается в компетентности экспериментатора либо начинает видеть в нем «источник информации», из которого можно почерпнуть некоторые сведения о себе и для себя. Возвращаясь к началу разговора, испытуемый стремится продолжить тему, обсуждение, которое было прервано серией контрольных вопросов.

Продолжая развивать тему индивидуальности и оригинальности, заинтересованный собеседник впоследствии использует в качестве дополнений, свидетельствующих о его оригинальности, ряд сведений о собственной жизни, которые кажутся ему необычными. К исследователю он обращается все с тем же предложением объяснить ему, насколько эти странности выделяют его из среды других людей. На самом же деле, как показывает подробный анализ этих предложений и обращений — это его собственные «загадки», т. е. те задачи, которые он сам не может решить.

3. Содержание проявленного интереса и регуляция собственного поведения

«Загадки» собственного поведения предстают перед человеком в виде некоторых образцов. Типичны такие примеры: «Мне любопытно, почему другим людям легко дается общение и вхождение в новый коллектив, в то время как мне это вообще не удается, сколько бы усилий я ни прилагал?»; «Как объяснить такое, что все мои старания сдерживать себя (даже считаю до двадцати, в то время, как обычно рекомендуют считать только до десяти) практически не помогают?»; «Интересно, почему так происходит: когда мне нравилась девушка, то я начинал говорить какие-то несуразные слова в тот момент, когда она появлялась... Каждый раз я знал, что этим все порчу, но ничего не мог с собой поделать... Иногда я заранее готовился к разговору, но получалось еще хуже. И так каждый раз»; «Говорят, что я груб, но когда я иногда пытался говорить вежливо или, как говорят в таких случаях, „изысканно“, я встречал только замкнутость или лишь улыбку в ответ. Почему?»; «Часто замечаю, что не могу ответить человеку так, как он заслуживает, а как только он уходит, то сами собой появляются и „нужные“, и „самые точные слова“»; и т. п. Таких «загадок» и неясностей у каждого индивида оказывалось иногда очень много. Они бывают самыми разнообразными и преподносятся в самых необычных сочетаниях и оригинальных логических построениях. По их поводу делаются и собственные выводы. Общий смысл высказываний может быть передан так: «Хочу, делаю, но не получается».

Человек, таким образом, всегда отмечает наличие некоторого мотива и стремления достичь конкретного результата. Затем он фиксирует способ, которым он пытается действовать, описывая проведенные операции. Наконец, он всегда констатирует безуспешность этой операции, причем всегда отмечает, что результат не достигнут по причине, недостаточно для него ясной.

Подобные высказывания содержат несколько характерных моментов. Для анализа явления важно установить, что неосуществление желаемого не является «разовым». «Неточное поведение» повторяется и в известной мере воспроизводится «трафаретно», превращаясь в некоторый стандарт. Следует сказать, что сами по себе повторения указанных действий и притом в одном и том же «ключе» и в одних и тех же условиях являются, по существу, причиной того, что особенности такого поведения обрисовываются всегда достаточно четко и определено.

Далее. Сквозь все суждения о своих действиях всегда проступает некоторое отрицательное отношение к своему же собственному многократно повторяющемуся поведению. Это отношение формулируется как «попытка еще одного бесполезного действия», как бессмысленная привычка, «заведомо обреченный порыв» или «еще один напрасный заход» и т. п. Важно отметить, что это вызывает не только недоумение, почему человек повторно осуществляет одно и то же поведение. Все эти повторы предстают как нежелательные, несмотря на то, что прямых отрицательных последствий такие действия не имеют и могли, казалось бы, рассматриваться как «испытания и эксперименты». Представления о нелепых моментах связаны именно с «циркулирующими» попытками повторить то же в тех же ситуациях и с теми же последствиями.

Весьма характерны приемы объяснения этих явлений. Все без исключения испытуемые связывали такое неясное и нежелательное для них поведение с проявлением тех или иных качеств личности (не мотивов, желаний, стремлений, а именно качеств). По ответам на уточняющие вопросы можно было судить о том, что вся «ответственность» за нереализованность стремлений «перекладывается» на некоторые странные свойства, присущие только этому человеку как «особой персоне» (от-

сюда и начальное стремление испытуемого связать его с индивидуальностью и оригинальностью). В рассуждениях и вопросах испытуемых — это и «свойства индивида», и «черты характера», и «особенности натуры», и «характер психики», и т. п. Но всегда это определенные части целого. По общему мнению испытуемых, именно эти компоненты его личности порождают указанный тип поведения. Тот факт, что какое-то поведение, тем более повторное, не достигает результата, который от него ожидается, соотносится обычно с недостаточной действительностью «обеспечивающего» его свойства, «недостаточной продуктивностью качества», проекцией которого является, по их мнению, «нерезультативный» акт поведения. По выражению одного испытуемого (юриста, как и большинства испытуемых), «эти качества не дееспособны». Обычно подчеркивалось и особое положение такого качества в общей системе качеств.

В развернутых ответах, содержащих попытки самому объяснить эти явления, проявились и некоторые общие механизмы «логики» объяснения положения и функций этих «недействующих качеств». Одно из объяснений состоит в том, что качество является недействующим (хотя и существующим) в связи с тем, что оно еще «недостаточно созрело для нормы». Оно «мало повторялось», «не было случаев его укрепить». Один испытуемый сделал даже вывод о том, что он, вероятно, повторяет свои неадекватные действия и повторяет их одинаково и однозначно в связи с тем, что он хочет «развить» какое-то качество, пытаясь чаще обращаться к нему. В конце концов, по его мнению, «оно когда-нибудь начнет действовать». Другой тип суждения о причине недейственности качества заключается в том, что признается, что одни качества личности представлены более ярко, чем другие. Эти «выступающие» качества «заслоняют», «заглушают» другие, более слабые. Судьба того или иного качества зависит от силы представительности и удельного веса других качеств.

Стремление объяснить «неудачное» поведение теми или иными качествами личности, а также возникающая на основе этого стремления «логика» объяснения недейственности отдельных качеств не ограничивается, однако, только определенным отношением человека к последним. Такие тенденции проявляются в отношении че-

ловека к своей личности в целом, к системе своих представлений о себе самом.

Значение этих представлений схематично можно изобразить следующим образом. На общей «карте» расположения свойств и качеств своей личности человек обнаруживает «белые пятна». Их размещение формирует образ неполной и даже в чем-то «неполноценной» системы, которая воспринимается им как структура, имеющая «дефекты». Создается впечатление о ненадежности всей системы и возникает недоверие к работе всего «механизма». Вероятно, это и обуславливает появление попыток «усилить качество», «выяснить его значение», а также представлений об ограниченности функциональных возможностей системы личностных свойств в целом. Известно, что неопределенность снижает предсказуемость результатов. Отсутствие гарантий точного исполнения сужает сферу актуальных отношений и сокращает число «разрешаемых» себе операций. Неясность исходов также последовательно ведет к ограничению собственного поля деятельности.

Все это приводит к тому, что человек менее уверен в осуществимости задуманного, а это, в свою очередь, влияет на его активность, снижает эффективность предпринимаемых усилий. Более того, ощущение, что какие-то собственные действия и свойства выходят из-под его власти и контроля, чувство какой-то помехи, признание уязвимости собственного строя действий фиксируются и в отрицательных астенизирующих эмоциях.

Такое отношение к собственным качествам и личности объясняет в известной мере и некоторые упомянутые ранее реакции личности, которые можно назвать защитными. Так, монотонно повторяя пробы, человек настойчиво стремится выяснить непонятный и неясный для него механизм проявления (точнее, не проявления) некоторых качеств. Это сказывается не только в попытках развить эти качества, но и определить силу их воздействия и влияния на поведение. Вполне вероятно также, что, дублируя попытки действовать в соответствии с представлением о том или ином качестве, человек одновременно более точно очерчивает границы функций этих качеств. Вычленив эти качества, человек одновременно устанавливает пределы гарантированной работы системы. Это можно считать своеобразной изоляцией од-

ного из недействующих компонентов системы для сохранения работоспособности всей системы в целом (или уверенности в ее надежности во всех других случаях). Это тоже, очевидно, одна из форм психической защиты.

Естественно, мы упростили общую картину того, что отражается в сознании, представив ее как отношение человека к системе своих личностных свойств. Но материалы обследований показывают, что именно подобные или сходные представления и умозаключения связаны с интересом к собственной личности.

В принципе этот интерес стимулируется факторами, которые сам человек не осознает. Это не только нерешенные вопросы, но и нерешаемые. То, что некоторые свойства личности предстают как оригинальные и индивидуальные, не уменьшает тревоги человека за некоторое свое своеобразие и отклонение от обычного. Вероятно, «выступающие» и яркие качества индивида — только повод для общения, реальной же базой контакта являются «загадки» собственного поведения испытуемого, которые человек не решил и не может решить.

Не случайно для обсуждения особенностей своего характера человек выбирает не знакомого, близкого ему партнера (с которым у него, казалось бы, должно быть много общего и с которым был бы более тесный контакт), а экспериментатора, проявившего знания личности. По существу такое общение — это обращение к специалисту за квалифицированной помощью, и часто испытуемый обращается с замаскированными просьбами о разъяснении сложности некоторых механизмов его поведения.

Чаще всего в понимании функций таких «недействующих» качеств испытуемые исходили из бытующего представления о том, что одному качеству всегда противопоставлено (и, главное, «противостоит») другое. Предполагали, что в человеке уживаются противоположные качества («полярные»). Исходя из предпосылки о равном представительстве качеств, испытуемые достаточно логично объясняли недейственность любого качества, которому противопоставлено другое. Сущность их дальнейших рассуждений в беседе с экспериментатором состояла в следующем. Качества «не могут действовать» прежде всего потому, что одно качество всегда находится в сочетании с противоположным. Эти качества равносильны,

поэтому действие одного из них препятствует реализации действия другого. Таковы укоренившиеся представления о механизме проявления качеств и о невозможности проявления «слабого» («качества спорят»). По яркому выражению одного из испытуемых, все недействующие качества — «балансные», которые находятся в равновесии и поэтому не действуют. Испытуемый жаловался на то, что он не может определить, какое его качество «сильнее»: «Знаю, что у меня есть и воля и безволие, но что проявится следующий раз сильнее — воля или безволие — я не знаю...» «Не знаю, решителен я или нет. Не могу сказать, что я нерешителен, но и не могу сказать, что решителен». По этому поводу задаются экспериментатору и прямые вопросы, высказываются просьбы дать научное объяснение той или иной ситуации.

Существенно то, что сама по себе констатация такого равновесия качеств порождает у испытуемых представление о непредсказуемости результатов поведения. Так рождаются суждения: «Предпринял все возможное, но желаемого результата почему-то не получил». Так перед человеком встает проблема «управляемости» или «неуправляемости» качеств его личности.

Мы пытались выяснить, каким может быть поведение испытуемого в будущем при наличии ситуации, в которой возникают сомнения относительно форм и результатов своего поведения. Для этого мы задавали вопрос: «Что, по Вашему мнению, произойдет, если эта ситуация еще раз повторится?» В ответ, как правило, испытуемые заявляли, что они не знают, как в дальнейшем они будут себя вести. Но типичным был и такой ответ: «Наверное, все повторится снова — буду себя вести так же». Дополнительно спрашивали: «А будет ли это вредить Вашему положению? Если узнаете, что отрицательные последствия будут необратимыми, станете рисковать?» Обычно следовал ответ, что в этом случае, наверное, испытуемый рисковать не будет.

Можно допустить, что в обычных, «неопасных», состояниях испытуемые повторяют то, что уже совершали, несмотря на сомнительную успешность предпринятого. В случае опасности они могут и воздерживаться от действия и ничего не предпринять, могут и совершить действия, выходящие за рамки предвидимого. Таким образом, поведение испытуемых зависит как от степени

напряженности ситуации, так и от их представления о рациональности поведения.

Во всяком случае можно было сделать вывод, что каждый испытуемый всегда чувствовал неуверенность, неопределенность и неясность относительно форм своего поведения в будущем. Такие представления влияли на прогноз. Почти все испытуемые не могли ответить на вопрос, почему они продолжают каждый раз поступать одинаково, не получая желаемого результата и зная о предстоящих неприятностях. Один из них ответил, что он поступал так, чтобы еще раз убедиться, что «все пойдет по-прежнему». Другой говорил, что он продолжал себя вести таким же образом для укрепления определенного качества, которое рано или поздно «победит». Все это — чисто логические построения, в основе которых лежат либо бытующие представления, либо собственные выводы формально-логического типа. Подобные представления оказываются очень прочными. Они образуют тот собственный мир представлений, который является «созданием» самого человека и как собственное творчество особенно ему дорог.

Важно подчеркнуть, что, предсказывая свое поведение, человек в первую очередь ориентируется на собственные представления. Это отображается в его фиксированных представлениях о степени выраженности качеств и их иерархии и, главное, представлениях о «недействительных качествах»¹¹.

Иногда эти представления о качествах не соответствуют действительности, человек выдает свои представления о качествах за качество или за то, что выполняет функцию качества. Важно мотивационное значение таких представлений. Не входя в операциональный образ (распределения и соотношения действующих качеств),

¹¹ Мы не имеем возможности рассматривать здесь происхождение этих представлений, но один из источников — несомненно, образы, почерпнутые из литературы (Бодалев А. А. Формирование понятия о другом человеке как личности. Л., 1970; Бодалев А. А., Куницына В. Н., Панферов В. Н. О социальных эталонах и стереотипах и их роли в оценке личности. — В кн.: Человек и общество. Л., 1971, вып. 9; Резник В. И. Чувственный этап восприятия личностью собственных переживаний. — В кн.: Проблемы личности: Материалы симпозиума. М., 1969, с. 495.

они выключаются из арсенала средств, которыми располагает человек.

Другая особенность сообщений о своих качествах заключается в том, что иногда испытуемые высказываются о некоторых особенностях поведения, которые представляются им жестко связанными с качествами. Часто испытуемые демонстрировали качество, изображая его. Анализ показал, что этим путем они не только хотели представить себя как носителей этого качества, но и создавали для себя стимул «достижения». В то же время часто оказывалось, что человек заявлял, что он «сделал все», чтобы чего-то добиться, но при этом он выявлял только внешние атрибуты качества. Так, чтобы быть «твердым», один обращался к другому «тоном приказа» («приказ» не выполнялся). Другой, для того чтобы показать себя сдержанным, говорил замедленным, бесстрастным голосом. Третий действовал сразу (сразу же принимал решение) на глазах у всех (как это делают всегда «решительные люди»), но решительность не только не укреплялась, но и не проявлялась «для него самого». Характерно, что такое демонстрирование всегда осуществлялось «на людях», испытуемые всегда хотели усилить качество, обращаясь к другим лицам, используя их, через них. Возможно, здесь имеет место создание либо напряжения, вызова, призванного в необычном поступке запечатлеть грань качества, либо образа, «маски», «личины», с помощью которых человек намеренно стремится вызвать (и управлять ими) ожидания (экспектации) у других. В дальнейшем стремление создать такое ожидание играло дополнительную мотивирующую функцию¹².

На основании изложенного можно высказать ряд предположений о регуляции человеком своего поведения. Интерес к собственной личности является источником сведений о некоторых характеристиках личности.

Когда такой интерес возникает, индивид начинает обращать внимание на своеобразие некоторых специфических, по его мнению, особенностей его личности. Интерес проявляется в первую очередь в попытках найти то, что

¹² Гомелаури М. Л. К вопросу о мотивационном значении социальных ожиданий: Личность и ее ценностные ориентации. — Информ. бюлл. ССА. М., 1969, № 40.

выделяет человека из ближайшего окружения, а затем — в изыскании того, что составляет необычное, обособленное, но часто неясное самому испытуемому. Эти качества обозначаются человеком как оригинальные и присущие только ему одному. Анализ показал, что сообщения об оригинальных компонентах личности испытуемого не провоцируются начальной темой разговора о необычном и индивидуальном, избранной по инициативе экспериментатора. В конечном итоге такие сообщения вторгаются в любой разговор. Поэтому обращение экспериментатора в начале беседы к индивидуальной неповторимости, исключительности испытуемого может рассматриваться как прием, который действует в качестве стимулятора. Он вызывает, актуализирует и усиливает давно готовую проявиться тенденцию.

В характеристиках, данных испытуемыми себе, своей личности, достаточно ясно проступала тенденция выявлять у себя две «зоны» особенностей, составляющих предмет пристального внимания человека. С одной стороны, это то, что кажется ему резко «выступающим» во вне, отчетливо выделяющим его из знакомой ему среды. Это «сильная» сторона личности, представленная резко «выявляемыми» свойствами. Другая «зона» составляет, по представлению испытуемого, «слабую» сторону личности, описываемую с помощью комплекса качеств, в которых он не уверен. Эти качества, имеющие неопределенные функции, предстают перед испытуемым как «помехи» в его деятельности. Оригинальность здесь выступает как синоним неясности и некоторого отступления от общих правил.

Объяснения своего поведения испытуемые строили, используя в качестве основы собственные представления о качествах и их распределениях. Поведение они понимали как нечто обусловленное качествами и относящееся только к качествам. Отдельные особенности поведения истолковывались как результат взаимодействия и взаимовлияния качеств.

Наиболее ценным материалом для диагностики личности являются данные о том, что понимает человек как некоторый существенный для него набор качеств, создающий его индивидуальный «контур». Разделение их на два противоположных набора качеств (составляющих «сильную» и «слабую» стороны его «натуры») рассма-

тривается как то, что принимает значение наиболее резких отличительных черт и наиболее ярких показателей индивидуальности. Такие представления для каждого человека имеют личный смысл. Они составляют, вероятно, группу ориентиров, значимых для человека и для его ориентировки в собственных конструкциях, составленных из собственных понятий. Можно полагать также, что они являются для личности тем, из чего складывается первичная система возможных образцов поведения. Именно с этими ориентирами и схемами может преимущественно соотноситься индивид не только при построении им обычных планов и программ поведения, но в основном тогда, когда он предпринимает необычные, непривычные и нестандартные поступки.

Социально-психологические основы опосредованных методов руководства

Психологический анализ функциональной организации деятельности хозяйственного руководителя позволяет говорить о комплексном, социотехническом характере управления. Содержанием управленческой деятельности являются организация производственно-экономической системы и руководство социально-производственной системой. Хозяйственному руководителю одновременно приходится, с одной стороны, организовывать решение производственно-экономических задач, а с другой — руководить коллективом людей. Двухкомпонентный характер управления неоднократно отмечался в литературе¹.

Исходя из характера объектов управления, необходимо выделять производственно-экономические и социальные функции руководителя. Третьим специфическим объектом управления в деятельности руководителя является сама система управления, которая требует соответствующего проектирования, внедрения, организации ее функционирования и совершенствования. Так как руководитель является центральным звеном управления, то в содержание его деятельности включаются и организационно-управленческие функции².

Содержание управленческой деятельности не ограничивается управлением производством, этим не исчерпываются задачи управления. Важное место в деятельности современного руководителя занимает решение социальных задач: социально-политических, социально-психологических и психолого-педагогических. Производственно-экономические функции руководителя находятся в тесной

¹ Руководитель коллектива. М., 1974, с. 27; Совершенствовать руководство предприятием. М., 1972, с. 248.

² Труд руководителя/ Под ред. В. Г. Афанасьева и др. М., 1975, с. 33—34.

связи с социальными, эффективное решение первых вызывает необходимость совершенствования социального управления коллективом и личностью в коллективе.

На XXV съезде КПСС подчеркивалось: «Роль социальных факторов в развитии производства и повышении его эффективности в новой пятилетке значительно возрастет. Уровень квалификации кадров, деловая, творческая обстановка и здоровый социально-психологический климат в коллективе, забота о бытовых условиях работников, создание на предприятиях культурных учреждений и спортивных комплексов — все это делает жизнь человека интереснее и содержательнее и благоприятно сказывается на результатах производства»³. Важное место отводится социально-психологическим методам управления коллективом, которые в последнее время стали предметом специальных исследований психологии управления⁴.

В контексте данной статьи необходимо различать понятия «управление» и «руководство». Руководство ограничивается управлением людьми и коллективами, оно предполагает сознательность и активность руководимых во взаимодействии с руководителем⁵. Далек не всякое управление есть руководство.

Социально-психологические методы руководства можно разделить на две большие группы: прямые, или непосредственные, и косвенные, или опосредованные⁶.

Прямые социально-психологические методы руководства используются в процессе непосредственного общения руководителя с коллективом и отдельными работниками и, как правило, на практике не требуют организации специальных условий для их применения. К прямым методам воздействия руководителя на руководимых относятся сле-

³ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 123.

⁴ Правовые и социально-психологические аспекты управления/ Под ред. В. Г. Шорина. М., 1972; Рубахин В. Ф., Филиппов А. В. Психологические аспекты управления. М., 1973; Михеев В. Социально-психологические аспекты управления. М., 1975; Свенцицкий А. Л. Социально-психологические проблемы управления. Л., 1975.

⁵ Коллектив и личность/ Под ред. Е. В. Шороховой. М., 1975, с. 94.

⁶ Деление методов управления на «прямые» и «косвенные» ранее уже проводилось. Отметим выступление П. Е. Ельчанинова на конференции в Ленинграде в 1976 г.; см. также: Журавлев А. Л. Стиль и эффективность руководства производственным коллективом: Автореф. канд. дис. М., 1976, с. 8.

дующие: убеждение, принуждение или административное «воление», внушение и требование поведения по образцу, основанного на подражании (когда есть прямое указание: «делай, как...»).

Косвенные (опосредованные) социально-психологические методы руководства характеризуются тем, что они опосредуются специальной организацией условий деятельности и поведения личности и коллектива. Эти методы не требуют обязательного непосредственного «управленческого» общения руководителя с руководимыми. Они реализуются в более длительный промежуток времени и требуют от руководителя не только организации соответствующих условий для их использования, но, самое главное, — включения и вовлечения руководимых в преобразование.

Опосредованные методы руководства значительно меньше освещены в социально-психологической литературе, хотя в практике руководства они используются часто. К ним следует отнести такие методы, как «личный пример», «ориентирующая ситуация», «изменение или сохранение ролевых элементов», «использование символов и ритуалов», «организация стимулирования» и др. В данной статье авторы рассматривают особенности опосредованных методов, получивших распространение и оправдавших себя в практике руководства в производственном объединении «Курганприбор».

1. Личный пример в руководстве коллективом

Личный пример как опосредованный метод руководства заключается в том, что руководитель, совершая какой-то поступок в присутствии своих подчиненных, порождает тем самым определенную ситуацию, в которую старается вовлечь и подчиненных. Последние, включаясь в ситуацию, начинают вести себя согласно тем обстоятельствам, которые заранее предусмотрены руководителем. Метод личного примера, как и непосредственный метод поведения по образцу, строится с учетом механизма подражания, однако между ними существует разница. Метод поведения по образцу включает в себя прямое указание на образец поведения, и тем самым образец воспринимается руководимыми как внешне заданный. В методе личного примера прямое указание отсутствует и заменя-

ется организацией условий взаимодействия с руководителем.

Данный метод использовался в процессе формирования благоприятного социально-психологического климата при образовании объединения «Курганприбор». Одним из показателей и признаков психологического климата являются форма и характер приветствия, принятые между руководителем и подчиненными и между подчиненными.

Метод личного примера оказался эффективным способом формирования стиля руководства коллективом. Исследования стиля руководства на ряде промышленных предприятий показали, что стиль руководителя более высокого ранга выступает существенным фактором, определяющим стиль руководителей, стоящих рангами ниже⁷. В ряде случаев нивелируются индивидуальные различия на более низких уровнях руководства. Когда вышестоящий руководитель в присутствии непосредственного руководителя демонстрирует оптимальный стиль взаимодействия с рабочими — исполнителями, тем самым он организует ситуацию, в которой непосредственный руководитель должен поступать аналогично. Представим обратную ситуацию, которая еще нередко встречается в практике руководства: вышестоящий руководитель «ради профилактики» начинает разговаривать с исполнителями, повышая голос. Такая ситуация воспроизводится непосредственным руководителем, который начинает применять более жесткие формы воздействия, оказывающиеся неадекватными. Таким образом, происходит как бы «культивирование» стиля руководства. Нижестоящему руководителю психологически трудно переходить на стиль взаимодействия, противоположный тому, который демонстрировался вышестоящим руководителем. Метод личного примера как метод формирования стиля взаимодействия предъявляет повышенное требование к руководителям любого ранга, но особенно к руководителям высшего звена руководства предприятием. Практика показывает, что личный пример руководителя является более эффективным по сравнению с прямыми методами воздействия, методом обучения и воспитания молодых руководителей. Существенно, что

⁷ Журавлев А. Л., Рубахин В. Ф., Шорин В. Г. Индивидуальный стиль руководства производственным коллективом. М., 1976.

именно таким способом разработанная в объединении система адаптации молодых рабочих⁸ получает распространение в других производственных организациях.

2. Метод «ориентирующей ситуации»

Данный метод руководства опосредуется такой организацией условий деятельности и поведения, в которую (в отличие от организации по методу личного примера) может непосредственно не включаться сам руководитель. В методе «ориентирующей ситуации» наиболее ярко проявляются особенности опосредованных методов руководства: организуются условия, в которые руководимые включаются таким образом, что сами начинают действовать согласно логике спроектированных обстоятельств. Человек самостоятельно выбирает способ поведения, но его выбор направляется организацией условий.

При помощи такого метода была налажена уборка территории объединения: поочередно назначались дежурные, ответственные за соблюдение чистоты на отведенном участке, примыкающем к цеху. При такой организации работник, нарушающий требования чистоты, непременно в ближайшее время оказывался в ситуации, когда он становился ответственным за соблюдение этих требований другими. Аналогично было организовано дежурство по наблюдению за порядком в очереди в столовых и на транспорте после работы и т. д. Осознание того, что завтра каждый может отвечать за порядок, является психологическим «тормозом» для нарушения и стимулом — для поддержания порядка. Важно, что усвоенные способы поведения переносятся и в иные ситуации.

Другой пример использования метода «ориентирующей ситуации»: в объединении для разных профессий была введена отличительная форма одежды, например различный цвет халатов и головных уборов у станочниц и монтажниц. Наблюдения показали, что введение формы дисциплинировало людей, они начинали обращать особое внимание на свой внешний вид. Работники начинали улучшать и украшать форму одежды.

Каждый руководитель сталкивается с необходимостью контролировать и регулировать текучесть кадров в учреж-

⁸ Таранов Е. В. Социально-психологические проблемы адаптации молодого рабочего: Автореф. канд. дис. М., 1976.

дении. На практике эта функция фактически сводится к поддержанию всеми возможными средствами более или менее постоянного состава подчиненных. В этих целях руководители обычно используют прямые методы воздействия на увольняющихся — убеждение, внушение, а иногда даже применяют административные методы. Однако эффективность этих мер остается невысокой.

В объединении «Курганприбор» были организованы специальные условия при оформлении увольняющихся. Основное назначение этих мероприятий состоит в том, чтобы с помощью опосредованных, а не прямых методов заставить увольняющегося проанализировать и оценить совершаемый им поступок. Была введена процедура увольнения, включающая последовательный ряд собеседований с представителями партийной, профсоюзной и комсомольской организаций и административными работниками всех уровней. Практика показывает, что большой процент подающих заявления об уходе после ряда собеседований забирают их обратно. Более того, зная о такой процедуре увольнения, работники не торопятся подавать заявление.

С помощью опосредованных методов руководства была организована профилактика нарушений техники безопасности. Пропуск на территорию объединения дополняется талоном по технике безопасности. Рабочие знают, что, получив отметку о нарушении, они будут, проходя через проходную, «демонстрировать» себя как нарушители техники безопасности. Сама ситуация ориентирует работников в определенном направлении, хотя жесткая регламентация действий отсутствует.

Следует остановиться на наиболее характерных особенностях, присущих методу «ориентирующей ситуации». Во-первых, человек, включенный в ориентирующую ситуацию, хотя и действует согласно логике обстоятельств и условий, однако при этом конкретные способы действия и поведения выбираются им самостоятельно. В отличие от прямых методов руководства выбор не воспринимается как кем-то навязанный или внешне заданный, здесь отсутствует прямой запрет или прямое указание на способ поведения. Принимающий решения не может переложить ответственность за свои действия на кого-то другого, что встречается при использовании прямых методов руководства. Таким образом, опосредованные методы воздействия включают человека в ситуацию, в которой повышаются

самостоятельность в принятии решений о способах действия и личная ответственность за свои поступки. Тем самым они оказываются мощными методами, формирующими стиль поведения человека. Во-вторых, особенность метода «ориентирующей ситуации» заключается в том, что всегда сохраняется возможность для творческого проявления коллектива и личности. Руководство не жестко задает условия деятельности, а рассчитывает на сознательно и активно действующий коллектив. Метод воздействия только направляет коллектив, но не диктует ему способы действия. В-третьих, метод «ориентирующей ситуации» позволяет каждому члену коллектива стать на место другого, т. е. менять роли. Так, принцип очередности в организации уборки территории, соблюдении порядка в столовых и в прочих ситуациях заставляет представить себя на месте другого, что способствует изменению способов действия и даже некоторых свойств человека.

3. Метод изменения или сохранения ролевых элементов

Данный метод руководства основан на использовании роли и связанных с ней ожиданий как факторов, регулирующих деятельность и поведение человека, выполняющего роль. Изменение некоторых элементов роли вызывает изменение поведения личности и целых групп.

В объединении «Курганприбор» таким образом формируется престиж ряда профессий, в частности уборщиц производственных участков и непромышленной сферы (на водной станции, в Доме культуры и т. д.). Администрация сталкивалась с трудностями подбора людей на место уборщиц, так как молодежь отказывалась устраиваться на такую работу из-за низкого престижа последней. Хотя нужно сказать, что в данном случае между содержанием труда, с одной стороны, названием профессии, ее престижем — с другой, обнаруживается несоответствие. Содержание труда уборщицы принципиально меняется, так как в ее функции входит уже не столько уборка, сколько необходимость следить за чистотой на участке, за его художественным оформлением, уметь выращивать цветы, подбирать занавески и т. д. Это уже не просто должность для неквалифицированного работника, а сложная профессия с требованиями, выходящими за рамки

старых представлений о труде уборщицы. Название профессии было изменено на «мастер по производственной эстетике». Это способствовало изменению социальной значимости и престижа профессии, что привело к повышению удовлетворенности работников содержанием труда.

Формирование престижа некоторых профессий начинается в объединении задолго до того, как молодые люди становятся рабочими. Например, в летнее время из учащихся 8—9-х классов (детей работников объединения) формируются спортивно-трудовые отряды строителей, полеводов и ряда других профессий, в том числе и отряд «техников по эстетике».

При помощи метода изменения элементов роли повышаются ее социальная значимость, престиж, что формирует чувство гордости за свою профессию, собственное достоинство, самоуважение, без которых нельзя быть полностью удовлетворенным своим трудом. Даже незначительное изменение в содержании роли может активизировать новые качества, интересы, способности ее носителей. Метод изменения ролевых элементов активизирует также и необходимые качества человека, предъявляет к ним более высокие требования, тем самым выступая как формирующий метод воздействия.

Метод может применяться и для сохранения элементов роли. В объединении «Курганприбор» таким способом укреплялась роль руководителя. Ответственным моментом в жизни любого коллектива является период, когда сменяется его руководитель. После смены руководства в объединении проводилась разъяснительная работа по предупреждению любой неофициальной информации и слухов, направленных против бывшего директора предприятия. Подрыв авторитета роли руководителя нередко происходит потому, что критика, которой должен подвергнуться тот или иной руководитель, распространяется на официальную роль, а неудачи отдельных руководителей приписываются роли как таковой. В таких коллективах складываются сложные условия для начала работы нового руководителя. Укрепление должностной роли руководителя за счет увеличения его прав и обязанностей (например, право материального стимулирования и др.), повышения социального статуса и престижа его роли осуществляется на всех уровнях руководства.

4. Использование символов и ритуалов в руководстве коллективом

Опосредованный метод руководства с помощью символов и ритуалов еще не нашел должного отражения в литературе по психологии управления, хотя в практике руководства он используется часто.

В объединении, как и на ряде других предприятий, широко внедряется символическое обозначение рабочих бригад. Присвоение символа бригаде на первый взгляд кажется элементарным приемом, но именно он приводит к сложным внутриколлективным социально-психологическим явлениям. Первая сложность связана с выбором символа, который бы, с одной стороны, достаточно адекватно отражал деятельность бригады, а с другой — идеал, к которому бы стремилась бригада в динамическом своем развитии. Вторая сложность возникает после того, как бригада уже выбрала символ: поддерживать по основным направлениям деятельность коллектива на таком уровне, чтобы не было отрицательного расхождения с символом. Третья сложность возникает несколько позже, когда бригада должна выбрать другой символ.

Эффект символической регуляции особо ощутим в отстающей бригаде. Какие символы может использовать такая бригада? Обсуждение подобных вопросов заставляет отстающих подтянуться до такого уровня, на котором они смогут обозначить себя символом, оцениваемым социально положительно. Символическая регуляция при достаточно умелом руководстве выступает существенным фактором повышения и производственно-экономической, и социальной, и организационно-управленческой эффективности деятельности коллективов. Она приводит к оптимизации социально-психологических взаимоотношений, сплочению членов коллектива и их ориентации на общественно значимые цели деятельности.

В соответствии с этим методом в объединении были созданы многочисленные стенды, отражающие ежедневные успехи в производственных показателях работы каждого члена коллектива. Использование символов оказалось более эффективным методом воздействия на руководимых по сравнению с цифровым оформлением показателей на стендах. Замечено, что описанные способы символической регуляции опосредованно вызывают межличностные и

межколлективные отношения состязания и соревнования. Символы индивидуальной продуктивности значительно активизируют у человека потребность в достижении успеха, желание уйти из зоны отстающих и быть в числе передовых.

Среди методов руководства важное место отводится ритуальным формам воздействия, которые требуют специальной организации условий и опосредованно влияют на руководимых. В объединении вводились многочисленные ритуалы, большинство из которых «прижились» и продолжают эффективно воздействовать на жизнедеятельность коллектива.

В первую очередь следует выделить ритуал поздравления каждого работника объединения с днем рождения, бракосочетанием, рождением ребенка и семейными юбилеями. Представители общественных организаций и руководители поздравляют «именинника» в присутствии всего коллектива и обязательно при этом преподносят букет живых цветов из теплиц объединения. Руководителей обычно поздравляют в присутствии управленческого коллектива предприятия после рабочих совещаний, заседаний и т. п. Ритуал поздравления — знак большого внимания всего коллектива к каждому его члену. Человек осознает свою причастность к коллективу, чувствует свою нужность и полезность, свою ценность для коллектива, что придает ему уверенность и заставляет предъявлять к себе более высокие требования, совершенствоваться.

Подобным образом организован и ритуал награждения передовиков производства, победителей в социалистическом соревновании. Обычно это происходит в красных уголках цехов, залах объединения или в Доме культуры в присутствии всего коллектива. Помещение при этом красочно убирается цветами, на церемонию приглашаются жены и другие члены семей награжденных. В торжественной обстановке представители общественных организаций и администрации поздравляют передовиков с наградами, вручают их, повязывают «ленты победителей». Этот ритуал является не только признанием заслуг передовиков, он имеет сильное эмоциональное воздействие на всех присутствующих, повышает значимость награждения, а общественное признание победителей делает их примером для подражания, особенно среди молодых рабочих.

Закрепился и в непроизводственной сфере объединения (например, на водной станции, принадлежащей объединению) ритуал встречи начальника охраны, вахтера, сторожа с генеральным директором. Первые отдают рапорт о состоянии порядка за время их дежурства, о нарушениях, если таковые случались, и т. п. У генерального директора объединения существует не так много возможностей, чтобы поговорить с работниками этой категории, а такой ритуал, во-первых, позволяет компенсировать недостаток общения с руководством, а во-вторых, дисциплинирует этих работников. Ритуалом подчеркивается важность службы охраны, интерес руководства к ее работе, что повышает удовлетворенность работников своим трудом.

В нашей стране получил распространение и оправдание ритуал посвящения молодых людей в рабочие. Чувство причастности к рабочему классу, гордость называться советским рабочим должны формироваться с самого начала трудового пути молодого человека. В объединении столкнулись с необходимостью наряду с посвящением в рабочие выработать ритуалы, посвященные вхождению молодого рабочего в конкретные коллективы цеха, участка, бригады. Пока еще небольшой опыт показывает, что подобные ритуалы опосредованно предъявляют высокие требования как к коллективу, в который включается молодой рабочий, так и к самому молодому человеку. С одной стороны, ритуал заставляет коллектив задуматься над тем, какими трудовыми успехами он может встретить нового члена, какими сторонами своей жизни заинтересовать, т. е. способствует формированию традиций коллектива, осознанию работниками того, что такое «мы» как коллектив.

Ритуальные формы воздействия нередко охватывают не только работников объединения, но и их детей. Так, свои ритуалы введены в пионерлагере объединения как в момент его торжественного открытия, так и на протяжении всего периода отдыха детей. Несколько раз за сезон дети приезжают в объединение, где ближе знакомятся с работой своих родителей. В эти посещения дети участвуют в концертах художественной самодеятельности на летней эстраде. Такая встреча имеет большой смысл и для детей, и для родителей. Дети знакомятся с трудовыми коллективами своих родителей, что способствует формирова-

нию их интересов и может быть благоприятным для правильной профессиональной ориентации. Родители гордятся своими детьми, когда те хорошо выступают, и еще долго обсуждают это мероприятие друг с другом. У работников объединения значительно улучшается настроение, отмечено даже повышение производительности труда в последующие дни.

Ритуальные формы регуляции поведения выступают как эффективные методы воздействия в коллективе. Ритуал сближает людей, создает опосредованные условия для тесных контактов, оказывает существенную роль в формировании и укреплении социальной интеграции коллектива.

5. Методы организации стимулирования

Организация стимулирования, относящаяся к опосредованным методам воздействия на руководимых, служит предметом специальных исследований⁹. Следует остановиться лишь на отдельных моментах, подтверждающих не прямое, а опосредованное влияние стимулирования на деятельность и поведение.

В настоящее время получили распространение и стали известными как поощрительные, так и «наказывающие» («штрафные») системы стимулирования. На «Курганприборе» внедрена система стимулирования, в которой ведущим принципом является принцип поощрения. Выговоры как форма воздействия на уровне предприятия практически в объединении не используются, хотя сохраняются на уровне цехов. Идти в первую очередь от поощрения, а не от наказания — значит стимулировать работников с некоторым опережением, что воспринимается ими не только как признание заслуг, но и как доверие коллектива. Стимулирование должно быть организовано так, чтобы любое вознаграждение являлось заслуженным, заработанным трудом и одновременно — некоторым «авансом», который необходимо будет еще отработать. В таком случае стимулирование ориентирует работника на дальнейшее повышение трудовых показателей и самосовершенствование.

⁹ Шепель В. М. Стимулирование труда (психологический аспект). М., 1969; Щербак Ф. Н. Стимулы трудовой деятельности. Л., 1976.

Аналогичные принципы должны быть положены в основу контроля деятельности руководимых. В процессе контроля первоначально необходимо отметить положительные результаты работы, остановиться на заслугах работника и только после этого выделять недостатки и вносить предложения по коррекции деятельности. Такой контроль ориентирует человека на исправление допущенных недостатков, что осознается им как самостоятельный поступок, который возникает естественно, без преодоления дополнительных психологических барьеров, нередко возникающих при неумелом контроле.

В организации стимулирования важно учитывать перспективы роста работников. Отсутствие перспектив является одной из существенных причин текучести инженерно-технических и руководящих работников. В объединении разработана специальная система поощрения и выдвижения руководящего состава, по которой через каждые два года руководители поощряются: либо им увеличивается заработная плата, либо их повышают в должности, посылают на курсы повышения квалификации и т. п. Мощным фактором стимулирования является социальное признание руководителей (их приглашают преподавать в университете технико-экономических знаний, организованном при объединении, включают в общественную деятельность района и города и т. д.). Уверенность в том, что руководители за хороший труд систематически будут поощряться, знание возможностей продвижения по административным и социальным ступеням роста приводят к большой самоотдаче руководителей, к повышению ответственности за порученный участок работы, к их самообразованию и самовоспитанию.

В объединении также оправдали себя приемы в организации стимулирования, направленные на повышение ценности наград. Награжденный должен осознавать, что им это поощрение заслужено, а члены коллектива должны быть уверены в справедливости и нужности такого поощрения. Для придания большей социальной ценности наградам в отдельных случаях вовсе не присуждалось первое место в социалистическом соревновании по объединению. Это делалось тогда, когда нельзя было выделить такой коллектив, который бы по праву можно было назвать первым. Присуждение первого места при таких обстоятельствах является решением формальным, снижающим

эффективность стимулирования. Но одновременно награда, поощрение должны быть реальными, доступными для конкретных категорий работников, иначе будет формироваться пассивное отношение к ним. Нередко именно недоступность поощрений тормозит активное включение молодых рабочих в соревнование за достижение высоких трудовых показателей. Поэтому система стимулирования должна быть дифференцированной, чтобы охватывать разные по квалификации категории рабочих и поэтапно (последовательно) ориентировать их на достижение результатов.

Дифференцированность наряду с гласностью является одним из основных требований к организации стимулирования. В объединении это требование учитывалось в трех его аспектах. Во-первых, дифференцированность противоположна уравниловке, т. е. каждый получает вознаграждение по труду, в соответствии с эффективностью и качеством выполненной им работы. Нарушение именно этого аспекта приводит к значительному снижению стимулирующего воздействия. Когда цех или участок добивается высоких результатов, становится победителем в социалистическом соревновании, выходит приказ о премировании только особо отличившихся работников. Они определяются на местах самим коллективом участка или цеха. Практика показывает, что не всякое материальное вознаграждение имеет стимулирующее значение, оно должно составлять не ниже 15—20% от зарплаты, поэтому на объединении установлен минимальный размер премии в пределах 10—15 руб. и максимальный — 25—30 руб. Во-вторых, дифференцированный подход необходим при организации работников разных профессиональных, квалификационных категорий, а также отличающихся по возрасту, стажу работы и т. п. В-третьих, дифференцированность должна соблюдаться и в индивидуальном стимулировании. Следует учитывать потребности, интересы, ценностные ориентации работников, их индивидуально-психологические особенности. Это неоднократно отмечалось в литературе по организации стимулирования в социалистическом соревновании¹⁰. Однако вне поля внимания

¹⁰ Артемов Ю. М., Маргулис Ю. Я. Материальное и моральное поощрение победителей соревнования. М., 1975; Губанов Н. Е. Социалистическое соревнование: сущность, тенденции, стимулы. М., 1975.

исследователей нередко остается важное формирующее значение стимулирования. Нельзя удовлетворять только имеющиеся потребности и интересы работников и тем самым идти у них «на поводу», необходимо через стимулирование активно формировать новые социальные потребности и интересы, воспитывать руководимых в соответствии с задачами формирования нового человека.

Стимулирование не должно ориентироваться только на мотивационную сферу работника, а, наоборот, саму мотивационную сферу должно ориентировать в нужном направлении. Методы стимулирования в объединении были использованы для формирования эстетических интересов руководящего состава и рабочих объединения. Первоначально закупались билеты в областные театр и филармонию и самим генеральным директором бесплатно раздавались работникам и членам их семей. Дальнейшие посещения сначала подкрепляли возникший интерес, а затем формировали эстетическую потребность, о чем свидетельствовало желание многих работников попасть на те спектакли, которые пользовались популярностью. Постепенно отпала необходимость направленно воздействовать на эстетические вкусы работников, они стали самостоятельно выбирать спектакли.

Организация стимулирования выступает надежным опосредованным методом повышения производственной эффективности, социальной активности рабочих, а также является эффективным психолого-педагогическим методом воспитания.

6. Некоторые особенности использования опосредованных методов руководства

Охарактеризовав основные опосредованные методы руководства, остановимся на общих моментах, которые необходимо учитывать при их использовании.

В первую очередь руководитель должен относиться к своим подчиненным не только как к объектам руководства, а как к личностям, партнерам по взаимодействию. В структуре руководства звено взаимодействия является центральным по своей значимости звеном, в котором сочетаются руководящие воздействия субъекта на объект и обратные влияния объекта на субъект руководства. Последнее и делает руководимых активными субъектами взаимодействия. Чтобы взаимодействие протекало эффек-

тивно, руководитель должен постоянно ориентироваться на лучшие качества и достоинства руководимых. В процессе руководства он должен использовать такие методы, которые обращены к высоким положительным свойствам личности, которые активизируют способности человека, предъявляют требования к его лучшим сторонам и формируют социально значимые потребности, установки и ценностные ориентации личности. Именно такую функцию должна выполнять оценка деятельности подчиненных со стороны их руководителей.

Вторым аспектом, который необходимо учитывать при использовании опосредованных методов руководства, является интегральное сочетание официальных и неофициальных форм взаимодействия руководителя с коллективом. Опыт применения опосредованных методов руководства показывает условность разделения факторов руководства на официальные и неофициальные — здесь они представлены в неразрывном единстве.

В практику руководства объединения прочно вошло такое мероприятие, как регулярные встречи руководителей общественных организаций и администрации с коллективами цехов. Существуют строгие графики (раз в месяц) таких встреч. Эти встречи проходят в красном уголке или непосредственно в цехе в неофициальной обстановке: руководители без всякой сцены, стоя, отвечают на всевозможные вопросы, волнующие рабочих, выслушивают их предложения и т. п. После каждой встречи издается официальный приказ о выполнении необходимых требований, выдвинутых на основе разговора с рабочими. По каждому пункту приказа назначаются ответственные люди, его исполнение строго контролируется руководством объединения, а в случае невыполнения виновные наказываются. Замечено, что такие встречи повышают психологический настрой рабочих, после разговора с руководителями они незаметно для себя начинают лучше работать. Эти встречи ориентируют рабочих и руководителей на решение единых задач, стоящих перед объединением в целом. Такая форма взаимодействия, с одной стороны, носит неофициальный характер (обстановка разговора, его содержание), а с другой — включает в себя официальные элементы (встреча с официальными лицами, график встреч, приказы и т. п.). Одновременное сочетание официальных и неофициальных элементов руко-

водства необходимо применять и в процессе постоянного, каждодневного общения с руководимыми — это значительно повышает и производственную, и особенно социально-психологическую эффективность взаимодействия.

В описанных примерах наблюдается тенденция использования неофициального общения в официальных формах взаимодействия руководителя с подчиненными. Возможно и другое: введение официальных моментов в неофициальные мероприятия. Например, в выходные дни на площадке перед водной станцией устраиваются всевозможные игры, в том числе соревнование между цехами по перетягиванию канатов, а победителям вручаются призы — торты. Команда считается действительной тогда, когда она включает официальных руководителей общественных организаций и администрации цеха. Такая организация неофициальных форм взаимодействия руководителей с руководимыми сближает их, сплачивает коллектив и формирует солидарность его членов.

Третьей и наиболее важной особенностью опосредованных методов руководства является влияние коллектива на личность. Силу воздействия коллектива можно использовать наиболее эффективно. Так, в профилактику нарушений техники безопасности опосредованными методами включается не только каждый отдельный работник, но и весь коллектив. Если члены коллектива видят нарушение и при этом не останавливают нарушителя, то к ним применяются те же меры, что и по отношению к непосредственному нарушителю. Ответственность за соблюдение техники безопасности тем самым возлагается на коллектив в целом, что заставляет всех работников предъявлять соответствующие требования к каждому члену коллектива. Ситуация, когда работник отвечает не только за себя, но и несет ответственность перед всей бригадой, может принципиально менять его действия, поступки и активизировать его внимание, нацеливая его на соблюдение мер безопасности.

Влияние коллектива на личность ярко проявляется на примере игры заводских спортивных команд. Плохая игра спортсменов, например футболистов, не остается незамеченной в их коллективах, особенно среди болельщиков и поклонников игры. Это обстоятельство существенно влияет на ответственность спортсменов и их форму как во время тренировок, так и в игре. Во многом благодаря активному

воздействию коллективов повысились успехи футболистов объединения, продолжительное время занимающих призовые места по области.

Воздействие коллектива на личность является элементом самоуправления в коллективе, развитию которого способствуют опосредованные методы руководства. Система бездефектного труда, внедренная в объединении, является примером рабочего самоконтроля, а следовательно, и самоуправления. Опосредованные методы, получившие распространение, приводят к тому, что рабочие не только сами соблюдают, но и пресекают нарушение дисциплины, порядка, техники безопасности со стороны других. Включение коллектива в специальную организацию условий деятельности и поведения есть одновременное его включение в самоуправление. Рабочее самоуправление является залогом успехов объединения, достигнутых в последние годы.

В настоящей статье нами рассмотрены только опосредованные методы руководства, которые нельзя противопоставлять прямым методам воздействия. И те и другие необходимо применять в их единстве и в соответствии с конкретными ситуациями, сложившимися в коллективе. Прямые методы руководства могут быть более оптимальными в одних условиях, опосредованными — в других. В то же время необходимо привлечь внимание исследователей к тщательному изучению опосредованных методов руководства, а практиков — к их адекватному использованию.

Опыт объединения «Курганприбор» показывает, что применение опосредованных методов повышает производственно-экономическую, социальную и организационно-управленческую эффективность и качество руководства коллективом. Наиболее характерной особенностью является их формирующее, воспитательное воздействие на коллектив и личность, способствующее развитию самоуправления в коллективе.

Реклама и «психология потребителя»

Отличительной чертой современной рекламы, представляющей одну из мощнейших отраслей капиталистической экономики и исключительно важный атрибут общественной жизни буржуазного мира, является то, что из информации она превратилась в эффективное средство формирования сознания и образа жизни буржуазного общества. Реклама используется как средство мощного идеологического воздействия на сознание людей, на систему их этических, идеологических и политических ценностей. В силу этого механизм действия рекламы рассматривается не только в рамках «психологии рекламы», но и «психологии потребителя».

Несмотря на то что «психология потребителя»¹ родилась из рекламной практики, круг исследуемых ею проблем стал сегодня значительно шире. Объясняется это не только умножением и дифференциацией социальных функций самой рекламы, но и тем, что результаты исследований в этой области находят прикладное применение и в других сферах общественной жизни Запада, а именно: в пропаганде, политике, практике управления и даже в педагогике. Представители «психологии потребителя» начинают претендовать на участие в разработке ряда проблем социальной психологии, теории личности и общей психологии.

Предметом этой дисциплины американские специалисты считают «поведение потребителя», под которым понимаются все действия индивида, предпринимаемые им «для приобретения и использования экономических благ и

¹ Говоря о «психологии потребителя» как о новой психологической дисциплине, следует учитывать отличие этого термина от используемого при анализе «психологии потребительства» и т. п.

услуг, включая процессы принятия решений, которые предшествуют этим актам и определяют их»². Подчеркивая широту своего подхода, авторы приведенного определения отмечают: «Исчерпывающее понимание решений потребителя может потребовать изучения опыта человека в целом в течение всей его жизни. Поэтому, в общем смысле, поведение потребителя и поведение человека могли бы составить почти однозначные области исследования, поскольку потребление экономических благ пронизывает почти все виды деятельности, в которых участвуют человеческие существа»³.

Рождение «психологии потребителя» как самостоятельной прикладной отрасли психологической науки обусловлено расширением и усложнением социальных функций капиталистической рекламной практики. Поскольку главная из этих функций носит сегодня идеологический характер, постольку и новая прикладная отрасль психологии решает с теоретических позиций те же идеологические задачи. Они сводятся к поиску научно обоснованных средств воздействия на общественное сознание с целью его формирования в нужном направлении. В своем определении психологии потребителя Дж. Джекоби подчеркивает, что «психология потребителя — это та отрасль психологии, которая изучает динамику, лежащую в основе решений и поведения, связанных с приобретением, использованием и распоряжением продуктами, услугами, временем и идеями»⁴. Таким образом, приобретение и реализация идей также входят в предмет психологии потребителя, что и придает ей особую идеологическую заостренность.

1. Реклама как средство идеологического воздействия

Во взаимоотношениях рекламы и идеологии можно выделить два аспекта: первый — отражение в рекламе особенностей идеологического (и политического) климата

² Engel J. F., Kollat D. T., Blackwell R. D. Consumer Behavior. N. Y., 1968, p. 5.

³ Ibid.

⁴ Jacoby J. Consumer and Industrial Psychology. — In: Handbook of Industrial and Organizational Psychology. Chicago, 1976, p. 1032.

в тот или иной исторический период, и второй — формирование и укрепление с помощью рекламы новых установок социального и идеологического характера. В первом случае реклама является как бы зеркалом господствующей идеологии, во втором — становится ее активным орудием.

Оба аспекта идеологической функции рекламы тесно взаимосвязаны и не имеют четких границ. Французский ученый Г. Дюранден сообщает об исследованиях, подтверждающих вышеизложенное положение⁵.

Идеологический подтекст рекламных объявлений носит различный характер и зависит в определенной степени от социально-политической и экономической ситуации в стране и в мире⁶.

Французская реклама, нацеленная на молодежь, использовала сложную проблему взаимоотношений между поколениями, призывая молодежь бросить вызов старшему поколению. Вот, например, как звучала реклама обуви в одном из французских журналов в июне 1970 г.: «Поколение Икс — наше поколение. Теперь мы знаем, чего мы хотим. Теперь именно мы смотрим, сравниваем и оцениваем. Именно мы принимаем решения». Рекламные дельцы используют те или иные политические настроения, даже совершенно им чуждые, но популярные среди определенной части молодежи. В одном из каталогов мебели, выпущенном в 1970 г., была изображена комната молодого человека с большим портретом Че Гевары на стене.

В зависимости от того, на какие социальные слои направлена реклама, она приобретает либо «демократический» характер, либо характер классового снобизма. Смысл призывов рекламы «демократического» типа заключается в принципе: хочешь быть таким, как все, покупай наш товар. Классовый снобизм в рекламе находит выражение в призыве: покупай наш товар, если хочешь быть лучше, уважаемей других. В США социально-классовая ориентация в рекламе носит более откровенный характер. При обращении к среднему классу реклама призывает сохранять признаки социальной принадлежности, при обращении к низшим слоям общества — приоб-

⁵ *Durandin G.* La publicité en tant qu'ideologie. — Bull. psychol., 1972—1973, vol. 26, N 307.

⁶ *Pacard V.* The Hidden Persuaders. London, 1970.

рести символы среднего класса путем покупки тех или иных товаров. Чувство социального превосходства воспитывается и эксплуатируется с помощью специальных приемов и подходов. Например, наиболее характерной чертой рекламных объявлений, публикуемых в американском журнале «Плэйбой», рассчитанном на «золотую» молодежь, является изображение легкой, «красивой» жизни. У тех, кто не обладает богатством, пытаются создать иллюзию, прямо или скрыто внушая, например, что если они начнут пить тот или иной сорт виски, они тем самым как бы приобщатся к социальной элите⁷.

Воспитание чувства социальной исключительности, элитаризма путем продуманной рекламы самых обычных предметов быта отражает процесс подмены реальных ценностей искусственно создаваемыми «образами». «Теперь язык образов слышен повсюду, — пишет американский историк Д. Бурстин. — Повсюду он заменил язык идеалов. Если «правильный» образ может помочь избрать президента или продать автомашину, религию, сигареты, то почему он (образ) не может сделать саму Америку или американский образ жизни товаром, продаваемым по всей земле? Когда мы говорим о себе, наших сообществах, наших корпорациях, нашей нации, наших лидерах — мы говорим на языке образов. Это происходит в кабинете министра и на семинаре профессора, в рекламном агентстве и на уличном перекрестке»⁸.

В 1965 г. была высказана идея «продавать» американский образ жизни так же, как продается любой товар. В книге «Стратегия убеждения» А. Мейерхофф предлагает создать специальное правительственное учреждение, укомплектованное специалистами рекламы, для организации внешней и внутренней пропаганды США, в частности для «продажи» образа Америки⁹.

Бурстин считает, что «язык образов» возник в жизни США как следствие утраты идеалов и моральной опустошенности. «Образ — это псевдо-идеал»¹⁰, — пишет он. Образы не только заполняют пустоту, они выполняют определенную социальную, идеологическую и политическую роль. Торговая реклама не только продает образы, стерео-

⁷ Playboy, 1975, N 12.

⁸ Boorstin D. J. The Image. London, 1963, p. 188.

⁹ Meyerhoff A. E. The Strategy of Persuasion. N. Y., 1965, p. 17.

¹⁰ Boorstin D. J. Op. cit., p. 189.

типы. Женщинам она обещает образ красоты и привлекательности, людям из низших слоев — образ респектабельности, представителям среднего класса — образ светской элиты. Стать миллионером трудно, но побыть в «образе» миллионера, выкурив при случае дорогую сигару, доступно многим. Вместе с товарами продаются стереотипы любви, надежд, оптимизма и успеха в жизни.

В конечном счете реклама продает законченный «образ жизни», складывающийся из целой системы установок, систематически прививаемых покупателю через газеты, журналы, радио, телевидение, кинофильмы и афиши. В отдельных случаях дело доходит до прямой организации жизни потребителя. Так, одна из американских фирм, специализировавшаяся на продаже коттеджей, предлагала покупателям комплексную сделку. По этой сделке можно было купить дом вместе с мебелью, посудой, бельем и... друзьями. Дело в том, что фирма брала на себя обязательство познакомить потенциального покупателя дома с представителями местного общества, помочь ему вступить в соответствующие клубы и т. п. Подбор друзей и клубов, естественно, определялся стоимостью приобретенного дома, что должно было отражать социально-экономический статус покупателя.

О моральной коррупции, которую несет капиталистическая реклама, об игре, в частности на эротических чувствах, много написано и за рубежом, и в нашей стране. Эра так называемой сексуальной революции, охватившей буржуазный мир в последнее десятилетие, характеризуется открытой популяризацией порнографии с использованием всех видов массовой коммуникации. Эротические мотивы, наложив отпечаток на рекламу, стали обыгрываться в ней с предельной откровенностью и цинизмом.

Начиная с конца 50-х годов методы торговой рекламы стали использовать в США в политике и политической пропаганде. Прочное место они заняли в предвыборной борьбе кандидатов на государственные и политические посты — от местных органов власти до президента. Организаторами и главными исполнителями избирательных кампаний стали профессиональные «политические менеджеры» и рекламные агентства, которые на чисто коммерческой основе берутся «продать» избирателям «образ» кандидата. Выражение «продать образ» вошло в повседневный язык современной Америки. В 1969 г. вышла

книга Макгиннисса «Продажа президента 1968», в которой вскрывалась закулисная механика создания образа президента¹¹. В период выборов в конгресс в 1970 г. было провозглашено рождение «новой политики», обнажившей иллюзорность различий политических программ основных буржуазных партий — республиканской и демократической. Вероятность успеха кандидата стала измеряться объемом средств, затраченных на политическую рекламу. «Новая политика» вызвала серьезное беспокойство среди буржуазных идеологов и политологов, так как она открыто представила буржуазную демократию одной из форм капиталистического бизнеса, «образом» демократии без подлинного содержания¹².

Таким образом, капиталистическая реклама из средства торговли в настоящее время превратилась в орудие идеологического и политического воздействия на массы.

2. Разработка психологических основ рекламного воздействия

Теоретической основой рекламного дела в течение долгого времени служила буржуазная экономическая наука. Экономисты исходили из того, что потребитель хорошо знает свои потребности и соразмеряет их со своими доходами. Следовательно, главной и единственной детерминантой поведения потребителя считались его доход или заработок. Макроэкономический подход позволил учитывать результаты исследований статистической зависимости между покупательной способностью и доходами, с одной стороны, и социальными, возрастными и другими характеристиками отдельных групп населения — с другой.

Однако экономическая наука, даже подкрепленная социологией, не смогла разрешить тех реальных проблем, с которыми сталкивались капиталистические предприятия, их рекламные подразделения и агентства при реализации товаров. Усложнение функций рекламы в условиях обострения противоречий капиталистического мира настоятельно требовало привлечения специалистов-психологов для решения задач рекламной практики. Одним из

¹¹ *McGinniss J. The Selling of the President 1968. N. Y., 1969.*

¹² *The Political Image Merchants/ Ed. R. Heibert et al. Washington, 1974.*

первых профессиональных психологов, привлеченных к работе в рекламном бизнесе, был основоположник бихевиористского учения Дж. Уотсон. Основополагающим в теории рекламы стал его тезис: постоянное повторение рекламных объявлений ведет к формированию устойчивых «покупательных» привычек. Этот тезис и сегодня считается валидным, хотя теперь уже признаются его ограниченность и зависимость от многих условий.

Выдающийся психолог К. Левин также сделал вклад в разработку теории и практики рекламы. В годы второй мировой войны он участвовал в рекламной кампании с целью привить американцам вкус к мясным субпродуктам в связи с нехваткой мяса. Устойчивый интерес рекламного бизнеса к возможностям использования психологической науки возник после второй мировой войны. В развитии теории рекламы можно выделить два этапа. Для первого — конец 40-х и 50-е годы — характерна неограниченная вера в возможности психологии, во втором — 60-е годы — наступило своего рода отрезвление. Представителям бизнеса стало ясно, что одной самостоятельности, основанной на поверхностном знакомстве с психологией и привлечении отдельных специалистов, недостаточно, что для успеха необходимы глубокие всесторонние прикладные исследования, которые должны проводиться квалифицированными психологами. В результате критического переосмысления всего опыта применения психологии в рекламе был начат широкий научный поиск оптимального решения практических проблем, что привело к возникновению в конце 60-х годов самостоятельной прикладной дисциплины — «психологии потребителя».

В ранний период становления новой психологической дисциплины основное внимание уделялось исследованию мотивации потребителя с целью выявления тех мотивов, которые определяют предпочтение одних товаров другим. Методологической базой для исследований служила главным образом психоаналитическая теория. Все поступки потребителя рассматривались как результат влияния подсознательных мотивов, прежде всего сексуальных.

Поиски рекламных психологов-практиков были сосредоточены на разработке методов скрытого воздействия на подсознание покупателей. Именно тогда — в 50-х годах —

возникла идея использовать сублиминальное восприятие информации, предъявляемой на уровне ниже порога восприятий. Был изобретен, например, скоростной кинопроектор, позволявший проецировать на экран изображение в течение лишь 1/3000 сек. Изображение, которое заключалось в призывах «Ешьте кукурузные хлопья!» и «Пейте кока-кола!», накладывалось каждые 5 сек. на кадры обычных кинофильмов. Дж. Викари провел в одном из кинотеатров эксперимент в течение шести недель. Невольными участниками эксперимента стали 45 тыс. кинозрителей¹³. В сенсационном сообщении об эксперименте утверждалось, что в результате воздействий продажа кукурузных хлопьев увеличилась на 57,7%, а продажа кока-колы — на 18,1%. В дальнейшем эксперименты не подтвердили возможности восприятия информации, предъявляемой с такой скоростью.

До сих пор в США появляются популярные работы, утверждающие, что реклама активно использует скрытую символику, рассчитанную на возбуждение подсознательного уровня психики. Примеры можно найти в книге У. Б. Ки «Сублиминальное совращение», изданной в 1972 г.¹⁴ Например, если апельсин является символом молодой привлекательной женщины, то изображение мужчины, снимающего кожуру с апельсина, должно вызывать в подсознании человека картину раздевания женщины. Таким образом, данная картина подсознательно ассоциируется с рекламируемым товаром, что обуславливает его привлекательность. Однако в большинстве случаев реклама использует эротические мотивы для создания вполне осознанных ассоциаций.

В психологической литературе проблема сублиминального восприятия рассматривается в контексте так называемой подсознательной «перцептуальной защиты» против визуальных стимулов, несовместимых с теми или иными установками индивида. Чаще всего эксперименты проводятся со «словами-табу», которые предъявляются испытуемому на подпороговом уровне либо незаметно включаются в невинный текст. Вопрос о том, исключаются ли такого рода стимулы из сознательного восприятия в ре-

¹³ *Bachrach J. J. The Ethics of Tachistoscropy. — Bull. Atom. Sci., 1959, vol. 15, p. 212—215.*

¹⁴ *Key W. B. Subliminal Seduction. Englewood Cliffs, 1972.*

зультате «перцептуальной защиты», остается пока нерешенным; экспериментальные данные противоречивы.

В 60-х годах начинает складываться психологическая теория рекламы. Междисциплинарный характер теории рекламы обусловлен необходимостью включения отдельных элементов экономической теории, социологических концепций, культурной антропологии, данных политологии и лингвистики. Основными психологическими источниками теории рекламы стали общая и социальная психология, теория персонологии и промышленная психология. Рекламный бизнес оценивает науку чисто прагматически и использует любые средства для решения практических задач. Поскольку поведение человека зависит от окружающей среды, психология потребителя широко использует механистические концепции бихевиоризма, главным образом теории Халла, Миллера и Долларда. Восприятие и общая организация поведения потребителя исследуются с привлечением понятий и методов гештальт-психологии и теории поля К. Левина. При исследовании систем ценностей, установок и памяти особое значение придается когнитивной психологии. При изучении ролевого поведения, классового влияния на поведение индивида, референтных групп рекламные психологи опираются на концепции современной буржуазной социальной психологии и социологии. Психоаналитическая теория сохранила некоторое значение в исследовании личностных и семейных факторов, оказывающих влияние на поведение потребителя. Таким образом, в методологическом отношении «психология потребителя» эклектична.

Собственной теории эта прикладная отрасль фактически не создает, она заимствует принципы и методы, разработанные в других областях психологии, приспособлявая их к своим целям. Выделим основные разделы и направления исследований психологии рекламы, что позволит составить представление о сфере ее интересов и концептуальной системе. Учебные пособия и монографии по психологии потребителя освещают, как правило, определенный круг вопросов.

В первую очередь излагаются основы теории восприятия и возможности использования ее в рекламной практике. Особое внимание уделяется социальной обусловленности и селективности человеческого восприятия. Эксперименты Эймса показали, что восприятие одним индивидом

степени и знака искаженности образа другого индивида (в «комнате Эймса») зависят от характера отношений между ними. Исследования Виттрайха с искажающими очками выявили зависимость воспринимаемого искажения от социально-служебных отношений субъекта и объекта восприятия¹⁵. В 1947 г. Брунер и Гудмен провели эксперимент, показавший, что восприятие физических размеров предметов, имеющих универсальную или меновую стоимость, может зависеть от экономического и социального статуса индивида. Детям из различных социальных групп предъявлялись монеты разного достоинства, а затем предлагалось показать их физический размер с помощью светового луча. Дети должны были отрегулировать луч так, чтобы создаваемое им световое пятно соответствовало, по их оценке, размеру монеты. Как показали эксперименты, дети из наименее обеспеченных семей, как правило, завышали физические размеры монет¹⁶.

Теория мотивации поведения потребителя раскрывает общие принципы мотивационно-потребностной структуры поведения, дает классификацию потребностей и мотивов, рассматривает соотношение рациональных и эмоциональных факторов в мотивации, подчеркивает социальную обусловленность поступков человека. Теория научения излагает основные принципы бихевиористского учения и рекомендации по использованию их в практике. В каждом конкретном случае следует выбирать те из них, которые наиболее пригодны для решения стоящей задачи. Изучение влияния личностных характеристик на поведение потребителя включает исследование внушаемости, роли социальных факторов, формирования структуры и изменчивости аттитудов. Здесь широко используются теории внутренней последовательности и когнитивного диссонанса, которые увязываются с проблемами восприятия и памяти.

В проблеме влияния группы на поведение потребителя одним из основных является вопрос о социальной стратификации и ее влияния на поведение. Теория и практика рекламы открыто обслуживают интересы большого бизнеса, хотя в последнее время раздаются призывы поставить ее на службу интересам потребителя. Характерной

¹⁵ *Wittrich W. J. Visual Perception and Personality. — Sci. Amer., 1959, vol. 200, p. 56—60.*

¹⁶ *Bruner J. S., Goodman C. C. Value and Need as Organizing Factors in Perception. — J. Abn. and Soc. Psychol., 1947, vol. 42.*

чертой «психологии потребителя» является идеологическая откровенность. В отличие от буржуазной пропаганды она нередко называет вещи своими именами, поскольку в ее задачу входит реальная оценка существующих условий. «Для некоторых лиц разговор о социальных классах «в стране свободных», в которой каждому гарантированы равные права, может прозвучать «антиамерикански», — пишут Энджел и его соавторы, — «но, — продолжают они, — независимо от того, согласен исследователь или нет с существующей формой стратификации, он должен изучать социальные классы, если он хочет полностью понять природу поведения человека»¹⁷ (кавычки внутри цитаты принадлежат авторам. — *С. Р.*). В «психологии потребителя» признается очевидным, что принадлежность к определенному классу коррелирует с суммой доходов, что эта принадлежность определяет социальные привилегии, престиж и общественный статус человека, детерминирует его сознание и поведение. «Психология потребителя» учитывает, что классовая принадлежность индивида определяет его воспитание в детстве и образование в юности, выбор им религии, усвоение ценностных установок, характер его окружения и способы общения с ним, род вероятных занятий и социальной активности. Определив ряд параметров, свидетельствующих о классовой принадлежности индивида, рекламная психология переходит к разработке инструментальных методов выявления и измерения этих параметров. Широко используются «репутационный метод» Уорнера (основанный на использовании и соответствующей интерпретации интервью с представителями определенных социальных страт), стандартная социометрическая методика, а также различного рода шкалы и индексы. Некоторые из них оценивают род занятий индивида (например, шкала Эдвардса и шкала Национального центра исследования мнений), другие — социальное положение индивида по ряду показателей. Наиболее известен индекс характеристик статуса Уорнера¹⁸.

Разные авторы по-разному оценивают социальную стратификацию в США. В большинстве случаев американское общество разделяется на пять — семь социальных слоев, отличающихся комплексом определенных призна-

¹⁷ *Engel J. F. et al. Op. cit., p. 264.*

¹⁸ *Warner W. L. et al. Social Class in America. Chicago, 1949.*

ков. На основании проведенного исследования Энджел и его соавторы дают следующую характеристику классовой структуры США¹⁹.

Высший класс (3% всего общества). Светская элита, получившая богатство по наследству, а также нувориши — президенты крупных корпораций и люди свободных профессий с исключительно высокими доходами. Высший слой среднего класса (12%). Преуспевающие бизнесмены и люди свободных профессий с доходом от 15 до 30 тыс. долл. в год. Нижний слой среднего класса (30%). Представители этого слоя нередко рассматриваются как «типичные американцы». В свою очередь, он разделяется на три подкласса. Подкласс «процветающих» с доходом 9—12 тыс. долл. в год. Небогатые бизнесмены, представители свободных профессий, коммивояжеры и некоторые категории высокооплачиваемых служащих. Подкласс, составляющий «сердцевину» нижнего слоя среднего класса с доходом 7—10 тыс. долл. — лавочники, банковские служащие, администраторы магазинов, технические специалисты. Подкласс «бедных, но респектабельных» составляют учителя, священники, служащие органов социального обеспечения, представители «рабочей аристократии». Они получают низкую зарплату, но считаются «респектабельными» за счет образованности и ответственного характера выполняемой работы. Наиболее многочисленный класс американского общества — 35% — называется высшим слоем низшего класса. Основную его часть составляют рабочие невысокой квалификации. Представители этого класса озабочены тем, чтобы их не путали с жителями трущоб. Низший слой низшего класса составляет 20% населения. Это «неуважаемые» люди, жители трущоб, имеющие крайне низкие заработки и обычно неграмотные. Такова картина современного американского общества в изображении прагматически ориентированных психологов и социологов.

«Психология потребителя» глубоко и детально изучает образ жизни и образ мыслей каждого социального класса и его отдельных слоев. В расчет принимаются уровень и характер образования, особенности восприятия и мышления, ценностные установки и отношения в семье, этические и идеологические позиции, типы мотивации, по-

¹⁹ Engel J. F. et al. Op. cit.

требности и запросы, характер межличностных отношений, способы принятия решений и т. д. На основании анализа полученных данных осуществляется сегментация рынка и вырабатываются стратегия и тактика воздействия на потребителя.

Специальный раздел «психологии потребителя» посвящен изучению процессов принятия решений. В этих процессах выделяются и детально исследуются этапы возникновения и осознания индивидом задачи, поиска путей к ее решению, оценки альтернатив, «покупательного поведения» и поведения после совершения покупки. Экспериментально исследовались селективность восприятия индивидом данных о качестве продукта, информативная ценность избранных данных и их влияние на принятие решения, особенности принятия решения на основе неосознаваемых и критически неочениваемых компонентов восприятия.

Круг вопросов, изучением которых занимается «психология потребителя», свидетельствует о многообразии задач, о глубине и размахе проводимых исследований, о широком прикладном значении этой психологической дисциплины. Не случайно между психологией рекламы, психологией пропаганды и психологией управления происходит интенсивный обмен «опытом».

В настоящее время рекламная практика выполняет важную и активную идеологическую функцию, формируя образ жизни и образ мыслей людей, влияет на их жизненные ориентации и ценностные установки, воздействуя на их потребностно-мотивационную систему. «Рекламная деятельность не есть деятельность нейтральная, не имеющая места, происхождения и цели, — пишет французский ученый Ж. Биа, — эта деятельность детерминируется социально... она воспроизводит и реанимирует идеологию»²⁰.

«Психология потребителя» как научная дисциплина вооружает практику рекламы теорией и методами для решения ее задач, с явным учетом предписаний идеологии. Психологическая теория рекламы призвана также научить практиков тому, как, каким образом осуществить маскировку истинных целей, а для этого приходится называть

²⁰ *Bia J.* La publicite et sa propagande. — *La pensee*, 1974, N 178, p. 83.

вещи своими именами. Один из первых теоретиков новой научной дисциплины Е. Дихтер характеризовал рекламу как способ нейтральной «интерпретации реальной жизни»²¹. В наши дни теоретики этого направления утверждают, что их наука нужна не только тем, кто организует рыночную реализацию товаров, но и экономистам, занятым национальным планированием, администраторам и плановикам правительственных учреждений, руководителям общественных агентств и всем другим, кто «несет непосредственную ответственность за социальное благосостояние наций»²². Это достаточно точное определение социальной и идеологической функций «психологии потребителя», однако не следует забывать, что в понимании буржуазных ученых «социальное благосостояние нации» означает прежде всего сохранение экономических и социальных основ капиталистической системы.

3. Состояние и некоторые тенденции развития «психологии потребителя»

Сравнительно недавно, 10 лет назад, «психология потребителя» считалась частью или субдисциплиной промышленной психологии. Однако расширение функций рекламы и соответственно круга теоретических проблем привело к тому, что «психология потребителя» превратилась в самостоятельную прикладную психологическую дисциплину, имеющую по сравнению с промышленной психологией более широкий предмет исследования. Отношения между промышленной психологией и «психологией потребителя» приобрели иной характер. Обе дисциплины обрели собственный предмет исследования и размежевались, однако между ними возникла новая связь: концептуальная структура и методология этих дисциплин строятся на базе социальной психологии.

В 1975 г. Дж. Джекоби сформулировал основные положения, подтверждающие тесную связь социальной психологии и «психологии потребителя».

«Психология потребителя» имеет огромный эвристический потенциал, предоставляя социальной психологии возможность проверки теоретических построений на прак-

²¹ *Dichter E.* The Strategy of Desire. N. Y., 1960.

²² *Engel J. F. et al.* Op. cit., p. 9.

тике, в «полевых условиях». «Психология потребителя» создает возможности для «параллельной валидации», т. е. сопоставления аналогичных теоретических конструкций, разработанных в рамках различных психологических дисциплин. Она дает возможность психологу работать «с относительно чистыми, реальными и значащими для испытуемого переменными». Разработка этой области обогатила социальную психологию методиками измерения и оценок и вывела последнюю на наиболее «социально-релевантные» проблемы. Исследования в области «психологии потребителя» открывают возможности работы в университетах, правительственных и промышленных организациях²³.

Размежевавшись, промышленная психология и «психология потребителя» продолжают сохранять тесную связь, поскольку решают одни проблемы, правда, в разных жизненных контекстах. Общими для двух дисциплин являются проблемы коммуникации и общения, лидерства и групп, мотивации и установок, восприятия и принятия решений. Общность проблематики создает условия для обмена и взаимозаимствования опыта и концепций.

Единство практических задач, стоящих перед промышленной и организационной психологией и «психологией потребителя», приводит к тому, что результаты исследований в одной области служат толчком к проведению исследований в другой. Единый комплекс экспериментально-полевых работ позволяет осуществить серию практических мероприятий организационного и рекламного характера. Убедительным примером является опыт реорганизации городского национального банка в г. Колумбусе (штат Огайо)²⁴.

В последние годы в американской научной литературе появляются публикации, призывающие к укреплению связей между социальной психологией и «психологией потребителя». При этом подчеркивается в основном то, чем и как «психология потребителя» может обогатить социальную и даже общую психологию. Психология потребителя, пишет Богарт, должна заинтересовать общих психологов по двум причинам: а) ее предмет имеет жизненно

²³ *Jacoby J. Consumer Psychology as a Social-psychological Sphere of Action. — Amer. Psychol., 1975, vol. 30, N 10.*

²⁴ *Blackwell R., Engel J., Kollat D. Cases in Consumer Behavior, N. Y., 1969.*

важное социальное значение, и в будущем это значение будет возрастать; б) она создает огромный фонд данных, которые позволяют проверять теорию с более крупным размахом, чем это возможно в большинстве обычных психологических исследований. Богарт подчеркивал прежде всего масштабность исследований, проводимых в области рекламной теории. Это действительно важный момент, так как психологи рекламы проверяют свои гипотезы и собирают необходимые эмпирические данные не столько в лаборатории, сколько в «полевых» условиях с охватом сотен и тысяч «испытуемых». Короче говоря, их исследования не только статистически масштабны, они также максимально приближены к условиям реальной действительности, что позволяет преодолеть традиционный «грех» социально-психологических исследований, ограниченных масштабами и условиями экспериментальной лаборатории²⁵.

Следует сказать, что свое место в системе психологических наук «психология потребителя» завоевывает с трудом. Ее откровенно коммерческий характер создал ей не совсем достойную репутацию в академических кругах и, как отмечал Джекоби²⁶, многие социальные психологи не так давно даже не знали о существовании «психологии потребителя».

В наши дни положение меняется. Если пользоваться психоаналитической терминологией, то можно сказать, что американские психологи нашли защитный механизм для своей гражданской совести, который Фрейд называл «рационализацией». Суть его заключается в том, что, реализуя в действительности одну цель, человек убеждает себя в том, что он добивается совсем других результатов. Психологи рекламы, направляя свои усилия на повышение прибылей предпринимателя, говорят о необходимости поставить психологию на службу интересов потребителя. Эта тенденция все отчетливее проявляется в наши дни.

²⁵ Bogart L. Psychology on a Large Scale. — Amer. Psychol., 1973, vol. 28, N 11.

²⁶ Jacoby J. Consumer Psychology as a Social-psychological Sphere of Action.

Значение организации трудовой деятельности для формирования системы убеждений личности

На современном этапе развития советского общества первостепенное значение приобретает решение проблемы идейного формирования советского человека через организацию его трудовой деятельности. Поэтому слова Л. И. Брежнева о том, что в наши дни требуется более основательный подход к вопросам коммунистического воспитания трудящихся нашей страны¹, звучат особенно актуально.

Идея соединения обучения с общественно-производительным трудом, зародившаяся еще у социалистов-утопистов, а затем получившая развитие в трудах классиков марксизма-ленинизма и практическое подтверждение в педагогической деятельности А. С. Макаренко, притягательна тем, что ее реализация формирует такое поведение личности, которое, с одной стороны, детерминировано образованием как системой передачи организованного знания, а с другой — производительным трудом как системой организованной социальной практики. Одной из форм воспитания и социализации школьников является их участие в деятельности крупного промышленного предприятия. Другие формы трудовой деятельности детей — такие, как самообслуживание, домашний труд, сбор макулатуры и металлолома, не связаны прямо с производственными отношениями, и потому социализация здесь происходит опосредованно. Рассмотрим особенности указанных форм воспитания и социализации более подробно.

¹ *Брежнев Л. И.* О коммунистическом воспитании трудящихся. М., 1974.

1. Индивидуальная социальная практика и система убеждений личности

Социальная практика индивида имеет решающее значение для формирования мировоззрения личности. Характер этой практики целиком и полностью зависит от места индивида в системе общественного производства, чем определяется и его принадлежность к той или иной социальной группе или классу. Поэтому индивидуальная деятельность в условиях производства приобретает характер социальной практики. Вместе с тем индивидуальная практика личностна, поскольку несет на себе печать индивидуальных особенностей данного человека.

Так как индивидуальная практика носит диалектический характер, сочетает в себе черты как личностного, так и социального, основная задача коммунистического воспитания масс — формирование у каждого советского человека системы марксистско-ленинских убеждений. Воспитание не может быть эффективным, если оно осуществляется только путем получения знаний². Дело в том, что не все знания становятся убеждениями. Восприятие и превращение тех или иных знаний в убеждения обязательно определяется характером социальной практики личности. Иными словами, убеждения представляют собой синтез знаний («чужого опыта») и социальной практики («своего опыта»).

Как и индивидуальная практика личности, убеждения как составная часть мировоззрения человека объективны со стороны «чужого» опыта и субъективны со стороны «своего» опыта. Если содержанием общественного сознания могут быть только знания³ (например, философия, этические учения, политические теории и т. д.), то индивидуальное сознание, помимо знаний, включает в себя еще и убеждения.

Особенности практики личности, принадлежащей к тому или иному классу, социальной группе, определяют ее отношение к тем или иным знаниям, к тем или иным философским, политическим, этическим концепциям. В этом смысле социальная природа рабочего определяет

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 312.

³ «Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, — это знания» (Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1965, с. 633).

его особую восприимчивость к марксизму, на что неоднократно указывал В. И. Ленин⁴.

Основные различия между знаниями и убеждениями индивида могут быть определены следующим образом. Убеждения личности проявляются в действиях, поступках. В результате опроса, экзамена можно проверить только знания, на основе которых сформировалось или могло сформироваться убеждение, а не само убеждение.

Исходными моментами формирования убеждений являются социальная классовая практика индивида и получаемые им теоретические знания, причем при отсутствии последних процесс воспитания не приостанавливается, поскольку убеждения могут формироваться и на уровне обыденных знаний, но не без знаний вообще.

Знания же объективны и «индифферентны» по отношению к той или иной системе убеждений. Последняя же избирательна по отношению к знаниям.

Знания приобретаются человеком в результате образования как постижение «чужого опыта», убеждения формируются в процессе воспитания при активном использовании как «чужого», так и «своего» опыта.

Убеждение индивида, таким образом, представляет собой результат обобщения определенной суммы знаний на основе личного опыта под влиянием уже имеющихся убеждений.

2. Коллективизм и проблема непосредственного участия молодежи в индустриальном труде

В последнее время понятие «коллективизм» нередко употребляется не как антипод понятия «индивидуализм», а как нечто более частное, как одно из качеств человека и даже как «чувство». Наряду с этим индивидуализм трактуется как буржуазное мировоззрение, как способ или тип мышления.

В действительности, с тех пор как на историческую арену вышел рабочий класс, в мире наряду с индивидуализмом возник новый тип социальной психологии личности — коллективизм. Соответственно этому стали существовать два типа взаимоотношений людей — индивидуали-

⁴ См., например: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 41 (прим.).

стические и коллективистские. Поэтому чувством или свойством личности правильнее было бы называть «коллективность», а не «коллективизм». Способностью к коллективной деятельности обладают и индивидуалисты, но это не коллективизм, а коллективность; думать и поступать, как коллективисты, индивидуалисты не могут.

Формирование социальной психологии личности происходит значительно раньше, чем человек начинает получать идейно-теоретические знания. Поэтому сознание человека никогда не представляет собой «чистую доску» для идейно-теоретического воздействия. Если у человека еще не сформировалась коллективистская психология, то становление у него марксистско-ленинского мировоззрения в дальнейшем будет затруднено. Дело в том, что сама коллективистская психология личности уже является мировоззрением на уровне обыденного сознания.

Громадное значение в становлении личности, формировании мировоззрения человека имеет тип включения его индивидуальной деятельности в социальную практику. Человек как личность формируется особенно активно в возрасте 13—17 лет, т. е. в школьном возрасте. Что же может дать ему в таком возрасте необходимую социальную практику? Пока этот вопрос чаще всего подменяется вопросом о трудовой деятельности, относительно которой также существуют разные точки зрения. Одни авторы исходят из того, что трудовую практику дает сам процесс обучения. Некоторые сторонники этой точки зрения (например, Л. Ю. Гордин) «согласны» на участие школьников в производительном труде, но не во «всяком», а только в «организуемом школой, подчиненном учебно-воспитательным задачам школы»⁵. Здесь заметна попытка включить воспитание, сферу трудовой деятельности в систему образования, что противоречит одному из принципов трудовой школы, сформулированных Н. К. Крупской: «В организации школьной жизни производительный труд детей должен играть доминирующую, господствующую роль»⁶.

Несколько иная точка зрения на этот вопрос у тех, кто предлагает в качестве индивидуальной практики домаш-

⁵ Гордин Л. Ю. Некоторые проблемы марксистско-ленинской теории формирования человека. М., 1969, с. 12—13.

⁶ Крупская Н. К. Пед. соч., т. 3, с. 29.

ний труд или труд по самообслуживанию. Но такая практика заведомо не имеет необходимого социального характера. Что касается домашней работы, то в свое время А. В. Луначарский так характеризовал ее воспитательное воздействие: «Принимать ее как педагогический элемент нужно с чрезвычайной осторожностью»⁷. Авторы одной из специальных работ по «нравственной подготовке школьников к труду» предлагают готовить школьников к труду на уроках труда, во время экскурсий на предприятия, сбора макулатуры, металлолома и подобных мероприятий, т. е. по существу «около» или «до» производительного труда⁸.

Здесь стоит обратить внимание на то, что «трудовое воспитание» — очень широкое понятие. В него входит как конкретное трудовое воспитание, формирующее профессиональные навыки и умения, так и социально-психологическое воспитание, формирующее социальное сознание человека. Догадка о социальном характере трудового воспитания была еще у Руссо. «Не пригласить ли учителя столярного ремесла, — писал он, — давать нам уроки по часу в день, как приглашают учителя танцев? Нет, в таком случае мы были бы не подмастерьями, а учениками; а наше честолюбие не столько в том, чтобы научиться столярному ремеслу, сколько в том, чтобы возвысить себя до звания столяра»⁹.

Социально-психологическое воспитание формирует классовое мировоззрение и соответствующие качества личности безотносительно к профессиям. Очевидно, что такое воспитание возможно лишь в условиях производства индустриального типа.

Однако бытует точка зрения, что индивидуальная практика личности — это обучение производственной профессии¹⁰. Лучшее ее опровержение — запись В. И. Ленина, сделанная по докладу А. В. Луначарского на III сессии ВЦИК (26 сентября 1920 г.): «Соединение с производственным трудом (не = мелкобуржуазной ремесленной

⁷ Луначарский А. В. Наши текущие задачи: Сборник статей. М., 1924, с. 35.

⁸ Трудовое воспитание учащихся V—VIII классов. М., 1967.

⁹ Руссо Ж.-Ж. Эмиль или о воспитании. СПб., 1913, с. 190.

¹⁰ См., например: Тальянская Р. Вкус ремесла. — Известия, 1970, 30 дек.

школе), связь школы (2-й ст.) с фабрикой и заводом»¹¹. Не случайно В. И. Ленин, читая книгу П. П. Блонского «Трудовая школа», особое внимание уделяет словам автора: «Завод — та колыбель, в которой неизбежно вырастает коллективизм»¹².

Можно утверждать, что труд индустриального характера (как в социалистической промышленности, так и в социалистическом сельском хозяйстве) должен быть ведущей формой социальной практики для подрастающего поколения. Недостаточное использование этой формы во многом определяется теоретической неразработанностью его путей и методов.

Все чаще в литературе появляются работы сторонников воспитания подростков в настоящем, «взаправдашнем», как говорила Н. К. Крупская, производительном труде. В книге «Трудовое воспитание учащихся V—VIII классов» справедливо отмечается, что «у подростков чем они старше, тем определеннее становится тяга к настоящему труду. Удовлетворить это вполне оправданное стремление учащихся V—VIII классов можно лишь путем максимального приближения их труда к условиям труда на производстве»¹³.

К сожалению, редко освещаются в научной литературе вопросы воспитания в процессе производительного труда большого коллектива людей, совмещающих труд на производстве с образованием в школах рабочей молодежи, в вечерних институтах и техникумах.

В работе «Критика Готской программы» К. Маркс писал, что раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества¹⁴.

У В. И. Ленина имеется ряд указаний на то, что образование, оторванное от практики, от производительного труда, явно недостаточно для решения проблем коммунистического воспитания. «Естественно, — говорил Ленин, — что на первый взгляд приходят в голову мысли о том, что учиться коммунизму — это значит усвоить ту сумму знаний, которая изложена в коммунистических учебниках, брошюрах и трудах». Но такое воспитание,

¹¹ В. И. Ленин о воспитании и образовании. М., 1970, с. 519.

¹² Там же, с. 510.

¹³ Трудовое воспитание учащихся V—VIII классов, с. 174.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 31.

считал он, «сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди, научившись и начитавшись того, что изложено в коммунистических книгах и брошюрах, оказались бы неумеющими соединить все эти знания... Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма... ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой»¹⁵.

Большое внимание вопросу идейного воспитания молодежи с самого начала своего существования уделял комсомол. В резолюции, принятой II съездом РКСМ, отмечалось, что «основой социалистического воспитания должен явиться производительный труд, который вместе с общим дополнительным развитием и составит систему социалистического воспитания»¹⁶. В принятой III съездом комсомола Программе РКСМ указывалось, что пролетарская революция заменяет «буржуазную школу учебы... социалистической единой школой, проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом»¹⁷. Включению труда в процесс воспитания комсомол уделяет внимание постоянно.

Таким образом, считать труд единственной формой воспитания нельзя, но нельзя также полагать, что основой воспитания являются только знания и что молодежь может быть изолирована от общественно-производительного труда.

3. Организация трудовой деятельности и условия формирования коллективизма

Вопрос о формировании рабочего как коллективиста необычайно сложен. Можно согласиться с мнением, что «еще в полной мере не стали предметом исследования моральная сторона труда, уникальное проявление человеческой личности в трудовой деятельности»¹⁸. Но такие исследования уже ведутся. О роли труда в формировании личности говорят многие советские психологи¹⁹.

Связь обучения с производством осуществляется и практически. Так, приказом по Ижорскому заводу

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 302.

¹⁶ РКСМ в резолюциях его съездов и конференций. 1918—1928. М.; Л., 1929, с. 21.

¹⁷ Там же, с. 45.

¹⁸ Рыбаков Н. В. Человек как высшая ценность. — В кн.: Моральные ценности советского человека. М., 1974, с. 168.

¹⁹ См., например: О чертах нового рабочего. М., 1965.

им. А. А. Жданова в состав сборочного цеха зачислена Колпинская средняя школа № 478. Школьникам был поручен заказ на изготовление деталей машин по производственной программе завода²⁰. За восемь лет деловых контактов 13-й школы Братска и комбината «Братскжелезобетон» около 300 учащихся получили удостоверения о рабочей квалификации, из них 121 выпускник пошел работать на производство²¹. Уже более 12 лет старшеклассники ряда районов Москвы работают в объединении «Чайка», выпускающем детские игрушки. Примеры можно продолжить. Результаты почти всегда положительны. Но повсеместной и постоянной связи у школьников с реальным производством пока еще нет. На наш взгляд, дело заключается в том, что теоретически не разработана проблема организации такой связи.

Чтобы обеспечить эффективное соединение обучения с производительным трудом, надо знать следующее: 1) зачем это делать (если для формирования профессиональных навыков, то тогда достаточно школьных мастерских, а завод не нужен)? 2) как это делать?

Приведем два примера, свидетельствующие о том, что теория пока еще мало может помочь практике трудового воспитания. В исследовании В. М. Орла приводятся результаты 112 интервью с работниками министерства, начальниками строителъств, директорами совхозов, ректорами вузов Алма-Аты, Иркутска, Харькова, Томска.

Распределение ответов на вопрос, почему возникли студенческие строительные отряды, таково (в %) ²².

Вариант ответа	Хозяи- ственники	Окончив- шие вуз	Педагоги
«Чтобы устранить некоторые недостатки в организации строительства»	20,2	28,3	34,5
«Прежде всего для воспитания студенчества»	7,4	7,5	6,2
«В равной степени для того и другого»	62,7	54,8	40,6
«Не думал над этим»	9,7	9,4	18,7

²⁰ Правда, 1971, 29 ноября.

²¹ Известия, 1972, 26 янв.

²² Орел В. М. Студенческие стройотряды — социально-экономический эксперимент высшей школы. — Человек и общество. Л., 1969, с. 110.

Отмеченные условия организации деятельности производственного коллектива обеспечивают возникновение таких отношений в коллективе, которые формируют психологию коллективизма.

Конечно, над определением понятия коллектива надо еще много работать. Но за основной признак коллектива следует взять характер отношений между людьми в группе. Та группа, в которой господствуют отношения «покрывательства» и «выручательства»²³, формирует индивидуализм и воспитываемым коллективом называться не может. Коллективизм формируется в группе, где господствуют отношения взаимной требовательности и взаимопомощи²⁴. Именно такую группу и следует, на наш взгляд, называть коллективом.

Как явствует из таблицы, воспитывающая роль производительного труда еще недостаточно оценивается. Вызывает сожаление то, что педагоги менее других категорий опрошенных усматривают воспитательный аспект в производительном труде.

В качестве второго примера рассмотрим точку зрения К. Н. Катханова, согласно которой обучение вообще не должно быть связано с практикой. «... В основу обучения, — пишет он, — должно быть положено не изготовление определенных изделий, а вооружение будущего рабочего научно отобранными элементами профессий, которые могут быть применены к обработке любого изделия. Эти элементы (приемы или трудовые операции) должны осваиваться в органической связи с изучением научных основ технологии, без чего невозможно быстрое приспособление рабочих к изменениям процесса производства». По мнению К. Н. Катханова, это «один из этапов развития форм соединения обучения с производительным трудом в процессе подготовки квалифицированных рабочих»²⁵.

Начальник известного спортивно-трудового лагеря в колхозе под Москвой Т. Школьник в телепередаче «Для

²³ Подробно об этом см.: *Смирнов М. М.* Формирование коллективизма на основе взаимной требовательности. — В кн.: *О чертах личности нового рабочего.* М., 1963, с. 127—128.

²⁴ Там же.

²⁵ *Катханов К. Н.* Педагогические проблемы производительного труда учащихся в профессионально-технических училищах. М.: Высшая школа, 1973, с. 14.

вас, родители» 14 августа 1976 г. сказал, что ребята очень помогают колхозу: выполняя неинтересную работу (руками пропалывая капусту), они освобождают колхозных специалистов для более квалифицированной работы. Однако следует заметить, что такой труд, труд «на подхвате», давно осужден как средство воспитания. Труд должен быть достойным человека. Только такой труд может оказывать воспитывающее влияние на личность. Но его не надо придумывать или организовывать, он уже есть в сфере крупного промышленного производства. Поэтому производительный труд должен быть одним из основных элементов коммунистического воспитания.

Направленность процесса идейного воспитания в конечном счете обуславливается местом личности в системе производственных отношений, сам же процесс реализуется в производственном коллективе. Производственный коллектив — необходимое звено в организации трудовой деятельности, в силу этого он становится субъектом воспитания. Сила воспитывающего воздействия производственного коллектива находится в прямой зависимости от степени организации его трудовой деятельности.

Из трудовой организации, отмечала Н. К. Крупская, органически вырастает организация общественная²⁶. Чем выше организация трудовой деятельности, тем большее число трудящихся усваивает подлинно коллективистское сознание, тем выше социальная активность личности и, следовательно, тем плодотворнее ее деятельность по реализации задач, стоящих перед социалистическим обществом.

Рассмотрим некоторые принципы или условия, при наличии которых формируется психология коллективизма.

Первым условием является включенность личности в систему производственных отношений предприятия. Незанятость в процессе труда формирует у человека ощущение своей ненужности и никчемности. В этом отношении характерен пример, описанный «Комсомольской правдой». На недостроенном комбинате девушкам исправно платили заработную плату за сидение на диване²⁷. Длилось это не месяц и не два, а полтора года. У девушек не хватило терпенья бездельничать: они начали покидать комбинат, на котором не было порядка (действие не вполне правильное, но с учетом юношеского максимализма

²⁶ Крупская Н. К. Пед. соч., т. 10, с. 18.

²⁷ Комсомольская правда, 1970, 18 ноября.

понятное). Бездеятельность, к тому же оплачиваемая, действует на личность разлагающе. Таким, с позволения сказать, «трудом» можно из стбящего человека сделать тунеядца или пьяницу.

Отсутствие должной организации в деятельности предприятия наносит большой ущерб делу воспитания. В социалистическом обществе нужен труд каждого человека, и мнение о ненужности или малозначительности труда может у того или иного работника возникнуть только из-за бесхозяйственности руководителей предприятия. «Труд, — отмечала Н. К. Крупская, — имеет громадное организующее значение, но только при условии, что это труд кому-то нужный, труд производительный»²⁸.

Необходимо также, чтобы производство было высокоэффективным, соответствующим уровню развития науки и техники. Это — второе условие формирования коллективистской психологии. Мы не сможем сегодня воспитать коллективиста на основе технически плохо вооруженного, недостаточно целеустремленного, малопроизводительного труда.

Чем выше научно-технический уровень производства, тем более необходима высокая организация трудовой деятельности. Высокий уровень кооперации и соподчиненности, необходимый в условиях современного крупного производства, выступает третьим условием формирования психологии коллективизма.

Классики марксизма не случайно связывали становление пролетарского самосознания с крупным производством. Крупное производство немыслимо без дисциплинированности работников, без слаженных, коллективных действий всех участников производства.

Крупное производство необходимо разбивается на участки, линии, цехи, бригады и т. д. Производство, организованное так, чтобы обеспечивать высокую производительность труда, вместе с тем надежно предотвращает появление в коллективе недобросовестных работников. Это две стороны одного процесса, ибо высшая производительность труда невозможна при наличии в коллективе паразитирующих элементов. Организация процесса производства имеет поэтому не только административно-хозяйственное, но и в высшей степени воспитательное значение.

²⁸ Крупская Н. К. Пед. соч., т. 11, с. 632.

Содержание

<i>Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева</i> Проблемы изучения психологических механизмов регуляции различных видов социального поведения	3
<i>С. И. Королев</i> Психологическая ориентация в этнопсихологии. Механизмы субъективации	20
<i>М. И. Бобнева</i> Особенности нормативной регуляции поведения человека в организации	44
<i>Д. Т. Кэмпбелл</i> Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность: эволюционный аспект	76
<i>Ю. А. Шрейдер</i> Ритуальное поведение и формы косвенного целеполагания	103
<i>Е. А. Родионова</i> Формирование представлений о личности и социальных механизмах регуляции поведения: культурно-исторический аспект	128
<i>Т. А. Флоренская</i> Проблема психологии катарсиса как преобразования личности	151
<i>А. Л. Гройсман</i> Проблемы ролевой психотерапии	175
<i>К. Ф. Леонтович</i> Стадии морального развития личности, стиль поведения и художественный вкус .	204
<i>О. И. Зотова, И. К. Кряжева</i> Некоторые аспекты социально-психологической адаптации личности	219
<i>Т. И. Кулапина</i> Социально-экологические переменные в системе регуляции неадаптивного поведения	233

<i>И. Ю. Истошин</i>	
Ценностные ориентации в личностной системе регуляции поведения	252
<i>Л. Б. Филонов</i>	
Интерес к собственной личности и регуляция человеком своего поведения	268
<i>А. Л. Журавлев, Е. В. Таранов</i>	
Социально-психологические основы опосредованных методов руководства .	287
<i>С. К. Роцин</i>	
Реклама и «психология потребителя»	305
<i>В. В. Калинов</i>	
Значение организации трудовой деятельности для формирования системы убеждений личности . . .	321

Contents

<i>E. V. Shorohova, M. I. Bobneva</i> The research problems of psychological mechanisms involved in regulation of different types of social behavior	3
<i>S. I. Korolev</i> Psychological trends in ethnopsychology. Mechanisms of the subjectivation	20
<i>M. I. Bobneva</i> Specifics of the normative regulation of human behavior in the organization	44
<i>D. T. Campbell</i> Social dispositions of the individual and their group functionality. Evolutionary aspects	76
<i>U. A. Schreider</i> Ritual behavior and the forms of indirect goal-setting	103
<i>E. A. Rodionova</i> Formation of the concepts of personality and the social mechanisms of the behavior regulation. Cultural-historical aspects	128
<i>T. A. Florenskaya</i> The problems of the catharsis psychology as a form of personality transformation	151
<i>A. L. Groysman</i> Problems of role psychotherapy	175
<i>K. F. Leontovich</i> The stages of the personality moral development, the style of behavior and aesthetical taste	204
<i>O. I. Zotova, I. K. Krjazheva</i> Some aspects of the social-psychological adaptation of personality	219

<i>T. I. Kulapina</i>	
Social-ecological variables in the system of the non-adaptive behavior regulation	233
<i>I. U. Istoschin</i>	
Value orientations in the personality system of behavior regulation	252
<i>L. B. Filonov</i>	
Personality self-interest and regulation of personality behavior	268
<i>A. L. Zhuravlev, E. V. Taranov</i>	
Social-psychological aspects of indirect methods of the management	287
<i>S. K. Roshchin</i>	
Advertising and the consumer psychology	305
<i>V. V. Kalinov</i>	
Work organization and its significance for the formation of personality conviction-attitude system . .	321

Психологические механизмы регуляции социального поведения

Утверждено к печати
Институтом психологии АН СССР

Редактор *Н. М. Дмитриева*
Художник *И. Е. Сайко*
Художественной редактор *И. Ю. Нестерова*
Технические редакторы
Л. Н. Золотухина, Т. Н. Хилькевич
Корректоры
Е. Н. Белоусова, К. П. Лосева

ИБ № 5487

Сдано в набор 30.01.79
Подписано к печати 30.03.79
Т-01366. Формат 84 × 108¹/₃₂
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 17,6. Уч.-изд. л. 18,4
Тираж 8350 экз. Тип. зак. 80
Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 лин., 12